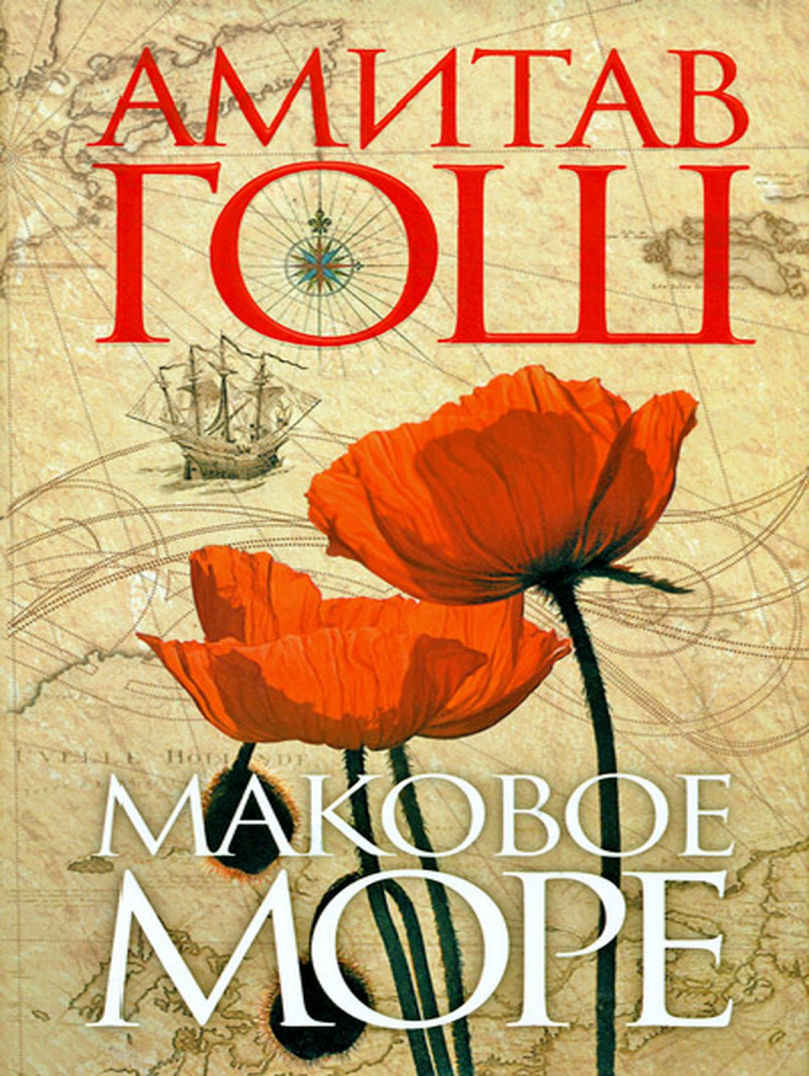
АМИТАВ ГОШ



МАКОВОЕ МОРЕ

Маковое Море
Амитав Гош

Аннотация
Амитав Гош. Маковое Море
Часть первая. Суша
1
2
3
4
5
6
7
Часть вторая. Река
8
9
10
11
12
13
14
15
Часть третья. Море
16
17

18
19
20
21
22

Аннотация

Вошедший в Букеровский шорт-лист роман «Маковое море» — это виртуозно выстроенное эпико-романтическое полотно, действие которого разворачивается в период «опиумных войн» между британо-французской коалицией и императорским Китаем. Его величество случай сводит на борту рабовладельческой шхуны обанкротившегося и обесчещенного индийского раджу, американского моряка, молодую француженку и ее сводного брата из Бенгалии, деревенского силача, избежавшую обряда сожжения вдову отставного сипая и даже китайских пиратов.

Впервые на русском.

Амитав Гош
Маковое Море

Посвящается Наяне

Часть первая
Суша

1

Видение парусника возникло в самый обычный день, но Дити тотчас угадала в нем судьбоносный знак, ибо этакой махины не видала даже во сне — да и откуда, коли живешь в северном Бихаре, что в четырех сотнях миль от морского побережья? Ее поселок притулился в глубинке, и до океана, темной пропасти под названием Калапани, Черная Вода, в которой исчезает святой Ганг, было далеко, как до преисподней.

В тот год маки удивительно долго не сбрасывали лепестки, хотя зима уже заканчивалась: от самого Бенареса речные берега были укутаны толстыми покрывалами из белых цветов, отчего казалось, будто Ганг преодолевает долгие мили меж двух ледников. Точно снега Гималаев спустились на равнины, чтобы дождаться прихода Холи[1] с его весенним разноцветьем.

Поселок приютился на окраине Гхазипура, что милях в пятидесяти к востоку от Бенареса. Как и

---

[1] Примечания: 1

Холи — древний индийский праздник, который отмечается в мартовское полнолуние и знаменует приход весны, изгнание зла и возрождение жизни. Согласно легенде, в этот день сгинула злая ведьма Холика.

все, Дити беспокоилась из-за припозднившихся маков; в тот день она встала рано и привычно захлопотала по хозяйству: приготовила мужу Хукам Сингху выстиранные дхоти и камизу,[2] собрала узелок с обедом — лепешки роти и соленья. Потом на секунду заглянула в молельню; позже она искупается и переоденется, и уж тогда совершит надлежащую пуджу с цветами и подношениями, а пока, все еще в ночном сари, на пороге лишь преклонила колени, молитвенно сложив руки.

Вскоре колесный скрип возвестил о прибытии запряженной волами повозки, которая доставляла Хукам Сингха на гхазипурскую фабрику. Три мили не бог весть какая даль, однако и они непосильны для раненой ноги бывшего сипая британского полка. Впрочем, не шибко страшное увечье костылей не требовало, и до повозки Хукам Сингх добирался самостоятельно. Дити шла следом, а затем вручала мужу обеденный узелок и флягу с водой.

Возчик, здоровяк Калуа, даже не пытался помочь седоку и лишь отворачивал лицо: Хукам Сингх из высшей касты раджпутов, ему негоже

---

[2] Примечания: 2

Дхоти — набедренная повязка, камиза — верхняя длинная блуза.

лицезреть физиономию представителя касты кожемяк, дабы не испоганить себе весь грядущий день. Умостившись на задке, сипай-ветеран сидел лицом к дороге, а узелок держал на коленях, чтобы не дай бог не коснуться кучерского барахла. Так они и ехали на скрипучей повозке до самого Гхазипура — вполне дружески беседовали, но друг на друга не смотрели.

При возчике Дити тоже осмотрительно прятала лицо и сбросила накидку, лишь вернувшись в дом, чтобы разбудить шестилетнюю дочку Кабутри. Свернувшись калачиком на циновке, девочка крепко спала, лицо ее то обиженно хмурилось, то освещалось улыбкой, и Дити удержала свою руку. В личике дочери она видела свои черты — те же пухлые губы, вздернутый нос и закругленный подбородок, с той лишь разницей, что все это свежее и четкое, тогда как ее собственный облик потускнел и расплылся. После семи лет замужества Дити и сама-то была еще ребенок, но в ее густых черных волосах уже проглядывали сединки. Подпаленное солнцем, лицо ее потемнело, кожа шелушилась, в уголках рта и глаз появились морщины. Однако в ее заурядной, измученной заботами наружности имелось нечто, выделявшее ее среди прочих, — светло-серые

глаза; черта, необычная в здешних краях. Цвет, вернее, бесцветность ее глаз придавала ей вид слепой и одновременно всевидящей. Сей феномен пугал детвору, укрепляя предубежденное суеверие до такой степени, что порой Дити дразнили каргой и ведьмой, но стоило ей бросить взгляд, как ребятня прыскала врассыпную. Самой Дити слегка льстила собственная способность к устрашению, но все же она была рада, что дочка не унаследовала именно эту черту и восхищалась ее глазами, черными, как и блестящие волосы. Глядя на спящую девочку, Дити улыбнулась и решила ее не будить; через три-четыре года Кабутри отдадут замуж, она еще успеет наработаться в мужнем доме, так что пусть понежится последние годочки.

Наскоро сжевав лепешку, Дити вышла к утоптанной меже, отделявшей их глинобитное жилище от маковых полей. Она облегченно вздохнула, в лучах восходящего солнца увидев, что кое-где маки наконец-то осыпались. На соседнем поле деверь Чандан Сингх уже орудовал нукхой с восемью зубцами — надрезал голые коробочки; если за ночь пойдет сок, следующим утром в поле выйдет вся семья. Нужно точно угадать срок, ибо растение отдает бесценную влагу очень недолго

— протянешь день-другой, и от коробочек проку будет не больше, чем от сорняковых бутонов.

Чандан Сингх, тоже заметивший невестку, был из тех, кто не даст человеку пройти спокойно. Обладая выводком в пять душ, сей губошлеп не упускал случая укорить Дити малочисленностью ее потомства.

— Ка бхайл? — заорал он, слизывая с кончика лезвия каплю свежего сока. — Что такое? Опять одна работаешь? Сколько можно? Нужен сын, помощник! Ты же не яловка, в конце-то концов…

Дити уже привыкла не обращать внимания на подколки деверя; отвернувшись, она пошла к своему полю. Набирая горсти нежных лепестков, устилавших междурядья, она ссыпала их в закрепленную на поясе широкую плетеную корзинку. Пару недель назад она бы осторожно пробиралась бочком, дабы не потревожить цветы, но сейчас шла резво, не заботясь о том, что развевающееся сари сбивает с созревших коробочек гроздья лепестков. Потом Дити вернулась к дому и опорожнила наполненную корзинку рядом с жаровней, на которой стряпала почти все блюда. Здесь пятачок утоптанной земли затеняли два громадных дерева манго с проклюнувшимися ростками, которые по весне превратятся в буто-

ны. В благословенной тени присев на корточки, Дити подбросила охапку хвороста на уголья, еще чуть тлевшие со вчерашнего вечера.

В дверях показалась заспанная мордашка Кабутри.

— Что так поздно? — прикрикнула мать, утратив снисходительность. — Где тебя носит? Кам-о-кадж на хой? Неужо дел нет?

Велев дочери смести лепестки в кучу, Дити пошуровала в жаровне и поставила на огонь тяжелую сковородку. Потом высыпала в накалившуюся посудину горсть лепестков и придавила их тряпичным гнетом. Через пару минут спекшиеся лепестки выглядели совсем как лепешка рота. Кстати, их так и называли, хотя предназначение этих маковых роти было совсем иным, нежели пшеничных тезок: их продавали на гхазипурскую опийную фабрику, где они служили прокладками в глиняных горшках — упаковках опия.

Тем временем Кабутри, замесив чуток теста, сваляла пару настоящих роти. Дити быстренько их испекла и загасила огонь; пока лепешки отложили, чтобы позже съесть со вчерашним заветревшимся алу-пост — картошкой в пасте из макового семени. Сейчас мысли вновь обратились к молельне — приближался час полуденной

пуджи, пора было искупаться. Умастив оливковым маслом свои и дочкины волосы, Дити накинула другое сари, взяла девочку за руку и через поле повела к реке.

Посадки мака заканчивались у песчаной отмели, плавно сбегавшей к Гангу; нагретый солнцем песок обжигал босые ноги. Внезапно бремя материнского декорума соскользнуло с покатых плеч Дити, и она пустилась вдогонку за дочкой, ускакавшей вперед. У береговой кромки они выкрикнули заклинание Гангу:

— Джай Ганга майя ки! — и, набрав в грудь воздух, плюхнулись в воду.

Вынырнув, обе расхохотались; в это время года вода сначала кажется жутко холодной, а потом освежающе прохладной. Настоящий летний зной был впереди, но Ганг уже начал мелеть. Повернувшись лицом в сторону Бенареса, Дити приподняла дочку, и та вылила из пригоршни воду — дань святому городу. Вместе с водой из детских ладошек выпорхнул листок. Мать и дочь смотрели, как река уносит его к гхазипурским причалам.

Манго и хлебные деревья перекрывали здание опийной фабрики, однако над кронами просматривались полоскавшийся на ветру британский

флаг и шпиль фабричной церкви для надсмотрщиков. У причала виднелась одномачтовая барка под английским флагом Ост-Индской компании. Она пришла из отдаленного филиала с грузом опия, который сейчас разгружала длинная цепочка кули.

— Мама, куда плывет этот кораблик? — задрав голову, спросила Кабутри.

Именно ее вопрос вызвал видение: внезапно перед глазами Дити возник образ громадного корабля с двумя высокими мачтами, где надулись огромные ослепительно-белые паруса. Нос парусника венчала резная фигура с длинным, как у аиста или цапли, клювом. На баке стоял какой-то человек, он был плохо различим, но Дити твердо знала, что прежде никогда его не видела.

Она понимала, что образ корабля не реален, в отличие от барки, пришвартованной у причала. Дити никогда не видела моря, ни разу не покидала здешних мест, не знала других языков, кроме родного бходжпури,[3] но ни секунды не сомневалась, что парусник где-то существует и направляется к ней. Она испугалась, ибо никогда

[3] Примечания: 3

Бходжпури — индоиранский язык, распространенный в индийских штатах Бихар, Джаркханд; из-за близкого родства к хинди некоторые лингвисты рассматривают бходжпури как его диалект.

не видела ничего, даже отдаленно напоминающего это видение, и понятия не имела, что оно предвещает.

Кабутри почувствовала, что происходит нечто странное, и, помешкав, спросила:

— Мама, куда ты смотришь? Что ты увидела?

От дурного предчувствия лицо Дити превратилось в маску страха, голос ее дрогнул:

— Доченька… я видела джахадж… корабль…

— Ты про вон тот говоришь?

— Нет, милая. Такого я никогда не видала. Он похож на огромную птицу с длинным клювом, его паруса точно крылья…

Глянув на реку, Кабутри попросила:

— Нарисуешь мне?

Дити кивнула, и они побрели к берегу. Быстро одевшись, мать с дочерью наполнили кувшин речной водой для молельни. Дома Дити зажгла лампу и лишь тогда повела дочь в темную комнату с закоптелыми стенами, где крепко пахло маслом и ладаном. На маленьком алтаре расположились изваяния Шивы и Бхагван Ганеш, обрамленные гравюры Ма Дурги и Шри Кришны. Комната была не только святилищем, но и усыпальницей, в которой хранилось множество семейных реликвий: деревянные сандалии

покойного отца, мамины бусы из рудракши,[4] смутные отпечатки дедушкиных ступней, сделанные на погребальном костре. Вокруг алтаря висели рисунки, собственноручно выполненные Дити углем на тонких маковых лепестках: например, портреты двух братьев и сестры, умерших в младенчестве. Немногочисленные живые родственники тоже были представлены, но лишь схематичными набросками на листьях манго — Дити считала дурной приметой излишне реалистически изображать тех, кто еще не покинул этот свет. Оттого портрет любимого старшего брата Кесри Сингха являл собой два штриха, означавших ружье сипая и закрученные кверху усы.

Дити взяла зеленый лист манго и, макнув палец в баночку с ярко-красным синдуром,[5] мазками изобразила два похожих на крылья треугольника, взметнувшихся над вытянутым изогнутым силуэтом, который заканчивался кривым клювом. Рисунок напоминал летящую птицу, но

---

[4] Примечания: 4

Рудракша — вид вечнозеленых широколиственных деревьев семейства элеокарповых. Произрастает на Индо-Гангской равнине и в предгорьях Гималаев. Используется в народной медицине.

[5] Примечания: 5

Синдур — свинцовый сурик, порошкообразная краска, которую в брачной церемонии жених наносит на пробор невесты. Красная полоска в проборе и точка на лбу означают статус замужней женщины.

Кабутри тотчас распознала в нем двухмачтовый корабль с поднятыми парусами. Ее изумило, что мать представила судно как живое существо.

— Здесь хочешь повесить? — спросила она.

— Да.

— Зачем? — Девочка не понимала, с какой стати поселять корабль в их семейном святилище.

— Не знаю. — Дити саму озадачила четкость наития. — Просто чувствую — он должен быть здесь… и не только корабль, но и многие его обитатели… им тоже место на стене нашей молельни.

— А кто они такие?

— Не ведаю, — сказала Дити. — Но узнаю, когда их увижу.

*

Резная птичья голова под бушпритом «Ибиса» была весьма необычна и убедила бы маловеров, что именно этот корабль узрела Дити, стоя по пояс в водах Ганга. Даже бывалые мореходы признавали: рисунок невероятно точно передает суть предмета, особенно если учесть, что создан он человеком, который в глаза не видел двухмачтовой шхуны и вообще какого-либо глубоководного судна.

Со временем сонмы тех, кто считал «Ибис» своим предтечей, пришли к мнению: видение было даровано Дити самой рекой — дескать, в тот миг, когда парусник соприкоснулся со святыми водами, его образ, точно электрический ток, перенесся вверх по реке. Стало быть, произошло это во вторую неделю марта 1838 года, поскольку именно тогда «Ибис» бросил якорь возле острова Ганга-Сагар, где священная река впадает в Бенгальский залив. Корабль ожидал лоцмана для прохода в Калькутту, и Захарий Рейд впервые увидел Индию, представшую чащей мангровых деревьев и заиленным берегом, который выглядел необитаемым, пока не исторг маленькую флотилию шлюпок и каноэ, желавших всучить вновь прибывшим мореплавателям фрукты, рыбу и овощи.

Невысокий крепыш, Захарий Рейд обладал кожей цвета старой слоновой кости и черной копной блестящих курчавых волос, которые, ниспадая на лоб, лезли в глаза, такие же темные, но с рыжеватыми крапинами. Когда он был маленьким, люди говорили, что пару таких сверкушек можно запросто сбыть герцогине вместо алмазов (позже горящий взор весьма поспособствует тому, что Захарию найдется местечко в святилище

Дити). Из-за смешливости и беспечной легкости иногда его принимали за юнца, но Захарий не мешкая исправлял ошибку: сын мэрилендской освобожденной рабыни, он весьма гордился тем, что знает свой точный возраст и дату рождения. Мне двадцать, ни больше ни меньше, говорил он заблуждавшимся.

Каждый раз перед сном Захарий воздавал хвалу пяти благоприятным событиям, случившимся за день, — обычай был привит матерью как противовес его подчас излишне острому языку. После отплытия из Америки в ежедневном перечне восхвалений чаще всего фигурировал «Ибис». И дело не в том, что корабль выглядел лощеным ухарем; совсем наоборот, старомодная шхуна — короткие шканцы, задранный полубак, центральная рубка, служившая камбузом, а также кубриком боцманов и стюардов, — ничуть не походила на стройные клиперы, какими славились верфи Балтимора. Благодаря несуразной палубе и широким бимсам ее частенько принимали за барк, переделанный в шхуну; Захарий не знал, так ли это, но сам считал корабль не чем иным, как парусной шхуной. На его взгляд, «Ибис», такелаж которого в яхтовой манере шел вдоль корпуса, был невероятно изящен. Неудивительно, что с

поднятыми парусами, главным и носовым, корабль напоминал летящую белокрылую птицу; по сравнению с ним все другие суда с их нагроможденьем прямоугольной парусины выглядели увальнями.

Однако Захарий знал, что «Ибис» строился как «обезьянник» для перевозки рабов. Оттого-то парусник и сменил хозяина: после отмены работорговли побережье Западной Африки патрулировали британские и американские фрегаты, а «Ибис» был недостаточно резв, чтобы уверенно от них оторваться. Шхуна разделила судьбу многих невольничьих судов: новый владелец удумал приспособить ее к иной торговле — экспорту опия. Теперь корабль принадлежал судоходной компании и торговому дому «Братья Бернэм» — фирме, имевшей большие интересы в Индии и Китае.

Не тратя времени, представители нового владельца затребовали парусник в Калькутту, где располагалась основная резиденция главы компании Бенджамина Брайтуэлла Бернэма; по прибытии шхуну ждала переделка, для чего и был нанят Захарий. Он восемь лет оттрубил на балтиморских верфях Гарднера и вполне годился для надзора за оснасткой старого невольничьего

корабля, но в морском деле разбирался не больше любого сухопутного плотника и в океан вышел впервые. Однако парень горел желанием постичь моряцкое ремесло, когда ступил на борт, имея лишь холщовую котомку со сменой белья и дудочкой — давнишним подарком отца. «Ибис» обеспечил его скорой, но безжалостной школой, ибо с самого начала вояжа вахтенный журнал стал перечнем напастей. Мистеру Бернэму так не терпелось заполучить свою новую шхуну, что она вышла из Балтимора с неукомплектованной командой, имея на борту девятнадцать человек, среди которых девять, включая Захария, значились как «черный». Несмотря на неполный штат, провиант был скуден и дурен, что вело к стычкам между стюардами и матросами, начальниками и подчиненными. Потом грянули штормы, и шхуна дала течь; именно Захарий обнаружил, что трюм, где раньше перевозился человеческий груз, изрешечен смотровыми и воздушными дырками, которые проделали поколения африканских невольников. Чтобы окупить расходы путешествия, «Ибис» вез груз хлопка, но теперь насквозь промокшие тюки отправили за борт.

После берегов Патагонии скверная погода заставила изменить курс, согласно которому

«Ибис» должен был войти в Тихий океан и далее обогнуть мыс Ява. Теперь паруса развернули к мысу Доброй Надежды, но погода вновь не благоприятствовала, и на две недели шхуна угодила в полный штиль. Полуголодную команду, питавшуюся червивыми сухарями и тухлым мясом, сразила дизентерия; еще до того как задул ветер, трое умерли, а двух черных за отказ от кормежки заковали в кандалы. Из-за нехватки людей Захарию пришлось отложить плотницкий инструмент и стать заправским марсовым, чтобы, карабкаясь по вантам, убирать топсель.

Потом второй помощник, жуткая сволочь, которого ненавидели все чернокожие матросы, свалился за борт и утонул; все понимали — это не случайность, однако напряжение в команде достигло такого предела, что капитан, бостонский ирландец-острослов, дело замял. На распродаже вещей покойного Захарий был единственным матросом, сделавшим предложение о покупке, после которого вступил во владение секстантом и рундуком с одеждой.

Поскольку Захарий не принадлежал ни квар-

тердеку, ни баку,[6] то вскоре стал связующим звеном между этими частями корабля и принял на себя обязанности второго помощника. Он уже не был салагой, как в начале пути, однако своей новой должности не соответствовал, и его слабые усилия не смогли улучшить моральный климат. Когда шхуна зашла в Кейптаун, ночью команда растворилась, пустив слух о плавучем аде с нищенским жалованьем. Репутация «Ибиса» так пострадала, что ни один американец или европеец, даже последний забулдыга и пьяница, не поддался на уговоры о службе, и только ласкары согласились ступить на палубу шхуны.

Вот так Захарий познакомился с этими моряками. Он полагал ласкаров нацией или племенем вроде чероки и сиу, но оказалось, что все они из разных мест, и роднит их лишь Индийский океан; среди них были китайцы, восточные африканцы, арабы, малайцы, индусы и бенгальцы, тамилы и араканцы. Они приходили группами по десять — пятнадцать человек, от имени которых говорил вожак. Разбить эти группы было невозможно — бери всех либо никого; стоили они дешево, но

[6] Примечания: 6

Квартердек — кормовая часть верхней палубы, где в надстройке помещались каюты капитана и офицеров; матросские кубрики располагались на баке, носовой части корабля.

имели собственное представление о том, сколько и какими силами трудиться, — выходило, что на работу, с которой справился бы один нормальный матрос, надо брать трех-четырех ласкаров. Капитан обозвал их невиданной сворой черномазых лодырей, а Захарий счел до крайности нелепыми. Взять хотя бы одежду: их ноги никогда не знали обуви, а наряд многих состоял лишь из батистовой тряпки, обмотанной вокруг чресл. Некоторые щеголяли в подштанниках, затянутых шнурком, другие облачались в саронги, которые, точно нижние юбки, полоскались на костлявых ногах, отчего временами палуба напоминала гостиную борделя. Как может взобраться на мачту босой человек, запеленатый в тряпку, словно новорожденный младенец? Не важно, что ласкары были ловки, как обычные матросы; когда они, точно обезьяны, карабкались по вантам, Захарий смущенно отводил глаза, дабы не увидеть того, что скрывалось под их развевающимися на ветру саронгами.

После долгих колебаний шкипер решил нанять ласкарскую бригаду под водительством некоего боцмана Али. Устрашающей внешности этого персонажа позавидовал бы сам Чингисхан: скуластое вытянутое лицо, беспокойно шныряющие

темные глазки. Две жиденькие прядки вислых усов обрамляли рот, который находился в беспрестанном движении; казалось, губы, вымазанные чем-то ярко-красным, бесконечно смакуют угощение из взрезанных жил кобылы — ну прям тебе кровожадный степной варвар. Известие, что жвачка во рту боцмана растительного происхождения, не особо убедило: однажды Захарий видел, как тот через леер харкнул кроваво-красной слюной, и вода за бортом тотчас вскипела от акульих плавников. Что же это за безобидная жвачка, если акулы перепутали ее с кровью?

Перспектива путешествия в Индию с такой командой настолько не вдохновляла, что первый помощник тоже исчез; торопясь покинуть корабль, он бросил целый мешок одежды. Узнав о его бегстве, шкипер пробурчал:

— Слинял? Ну и молодец. Я бы тоже сделал ноги, если б получил жалованье.

Следующим портом захода был остров Маврикий, где предстояло обменять груз: зерно на партию черного дерева и ценной древесины. Поскольку до отплытия никакого офицера найти не удалось, шкипер назначил Захария первым помощником. Вот так вышло, что благодаря дезертирам и покойникам неопытный новичок

сделал головокружительную карьеру, за одно плаванье скакнув из плотников в заместители капитана. Теперь он обитал в собственной каюте и сожалел лишь о том, что во время переезда с бака потерялась его любимая дудочка.

Сначала шкипер приказал Захарию питаться отдельно: «за своим столом я не потерплю никакого разноцветья, даже легкой желтизны». Но потом ему наскучило одиночество, и он настоял, чтобы помощник обедал в его в капитанской каюте, где их обслуживал целый выводок юнг — резвая компания ласкарских шкетов.

В плавании Захарию пришлось пройти еще одну школу, уже не столько морскую, сколько общения с новой командой. На смену незатейливым карточным играм пришла пачиси,[7] залихватские матросские песни уступили место новым, резким и неблагозвучным мелодиям, и даже запах на Корабле, пропитавшемся специями, стал иным. Поскольку Захарий отвечал за корабельные припасы, ему пришлось познакомиться с иным провиантом, ничуть не похожим на привычные сухари и солонину; «пищу» он стал называть «рисамом» и выговаривал слова

[7] Примечания: 7

Пачиси — старинная индийская игра, появившаяся в V веке. Ее вариант известен под названием «лудо».

вроде «дал», «масала», «ачар».[8] Теперь он говорил «малум» вместо «помощник», «серанг» вместо «боцман», «тиндал» вместо «старшина» и «сиканни» вместо «рулевой». Он выучил новый корабельный лексикон, который вроде бы походил на английский, но не вполне: «такелаж» звучал как «тикиляш», «стоп!» — «хоп!», а утренний клич вахтенного «полный ажур» превратился в «абажур». Нынче палуба называлась «тутук», мачта — «дол», приказ — «хукум»; левый и правый борт Захарий именовал соответственно «джамна» и «дава», а нос и корму — «агил» и «пичил».

Неизменным осталось только разделение команды на две вахты, каждую из которых возглавлял тиндал. Большая часть корабельных хлопот ложилась на их плечи, и первые два дня серанга Али было почти не видно. Когда же на рассвете третьего дня Захарий вышел на палубу, его приветствовал веселый оклик:

— Привета, Зикри-малум! Живот болеть? Думать, чего там намешать?

Поначалу опешив, Захарий вдруг понял, что общаться с боцманом очень легко, словно эта

---

[8] Примечания: 8

Дал — бобы, масала — специя, смесь чеснока, имбиря и лука, ачар — маринад (хинди).

странная речь развязала его собственный язык.

— Откуда ты родом, серанг Али?

— Моя из Рохингия, Аракан.

— Где ты выучился так говорить?

— Опий корабль, Китай. Янки господин все время так говорить. Как начальник Зикри-малум.

— Я не начальник, — поправил Захарий. — Зачислен корабельным плотником.

— Ничего, — отечески ободрил боцман. — Скоро-скоро Зикри-малум будет настоящий господин. Скажи, женка есть?

— Нет! — рассмеялся Захарий. — А ты женат?

— Мой женка помер, — был ответ. — Ушел в рай небеса. Ничего, серанг Али ловить новый женка…

Через неделю боцман вновь обратился к Захарию:

— Зикри-малум! Капитан-мапитан жопа — пук-пук-пук! Шибко больной! Надо доктор. Кушать не может. Все время ка-ка, пи-пи. Каюта сильно вонять.

Захарий постучал к капитану, но получил ответ, что все в порядке: мол, легкий понос, не дизентерия, поскольку в дерьме крови и выделений нет.

— Сам вылечусь, — сказал шкипер. — Не впер-

вой брюхо прихватило.

Но вскоре он так ослаб, что уже не мог выходить из каюты, и тогда вахтенный журнал и навигационные карты перешли к Захарию. С журналом было просто, поскольку до двенадцати лет Захарий учился в школе и мог медленно, зато каллиграфически выводить буквы. Другое дело — навигация; азов арифметики, постигнутых на верфях, для дружбы с числами не хватало. Однако с самого отплытия Захарий усердно наблюдал, как шкипер и первый помощник делают полуденные измерения, и порой даже задавал вопросы; ответ зависел от настроения командиров: либо что-нибудь буркнут, либо кулаком в ухо. Теперь, пользуясь часами капитана и секстантом, унаследованным от утопшего помощника, он пытался определить местоположение корабля. Все кончилось паникой, ибо его расчеты показали, что шхуна на сотни миль отклонилась от курса. Когда Захарий отдал хукум сменить курс, он вдруг понял, что фактически кораблем управляли совсем другие руки.

— Зикри-малум думать ласкар-маскар не уметь плыть? — обиделся серанг Али. — Ласкар-маскар давно много паруса ходить, погоди-гляди.

— Мы на триста миль в стороне от курса на

Порт-Луи! — кипятился Захарий, но получил резкую отповедь:

— Зачем Зикри-малум шибко кричать, зачем шум и много хукум? Зикри-малум только учись. Он корабль не знать. Не видеть серанг Али хорошо уметь. Три дня, и корабль Пор-Луи, погоди-гляди.

Ровно через три дня, как и было обещано, по правому борту открылись переплетения маврикийских холмов, а затем Порт-Луи, угнездившийся в бухте.

— Ничего себе! — завистливо ахнул Захарий. — Пропади я пропадом! Нам точно сюда?

— Что я говорить? Серанг Али лучше всех корабль водить.

Позже Захарий узнал, что боцман все время вел корабль по собственному курсу, используя метод, в котором сочетались навигационный расчет («туп ка шумар») и частое обращение к звездам.

Разболевшийся капитан не мог покинуть «Ибис», и на Захария свалились дела судовладельца, среди которых была доставка письма хозяину плантации, расположенной милях в шести от города. Захарий уже готовился сойти на берег, но его перехватил боцман Али.

— Зикри-малум так ходить Пор-Луи и попасть большой беда, — озабоченно сказал он, огляды-

вая Захария с ног до головы.

— Почему? Кажись, все в порядке.

— Погоди-гляди. — Али на шаг отступил и вновь окинул Захария критическим взглядом. — Что ты носить?

Захарий был в повседневной одежде: холщовые порты и линялая форменка из грубого оснабрюкского полотна. За недели в море лицо его обросло щетиной, курчавые волосы засалились, пропитавшись смолой и солью. Ничего непристойного, да и дел-то — отнести письмо.

— Ну и что? — пожал плечами Захарий.

— Такой наряд Зикри-малум ходить Пор-Луи и назад не приходить, — сказал Али. — Шибко много злой бандит. Охотник ловить раб. Малум заманить, делать раб, больно бить, пороть. Плохо.

Захарий призадумался и, вернувшись в каюту, внимательнее рассмотрел имущество, доставшееся ему после гибели и бегства двух помощников капитана. Один из них был щеголем, и обилие одежды в его рундуке даже напугало: что с чем надевать? И по какому случаю? Одно дело смотреть, как кто-то в таких нарядах сходит на берег, и совсем другое — напялить их самому.

И снова на помощь пришел боцман Али. Ока-

залось, среди ласкаров много тех, кто может похвастать иным мастерством, кроме матросского: например, ламповщик, некогда служивший «гардеробщиком» судовладельца, или стюард, в былые времена подрабатывавший шитьем и починкой одежды, а также подручный матрос, освоивший тупейное искусство и теперь исполнявший обязанности корабельного цирюльника. Под руководством боцмана команда перетряхнула Захарьевы мешки и рундуки: выбрала одежду, примерила, подвернула, ушила и укоротила. Пока стюард-портной и его юнги трудились над швами и отворотами, подручный-брадобрей отвел Захария к шпигату, где с помощью двух юнг подверг небывало тщательной помывке. Захарий все терпел, пока цирюльник не достал флакон с темной пахучей жидкостью, которую вознамерился вылить на его голову.

— Эй! Что это за дрянь?

— Шампунь. — Цирюльник принялся втирать жидкость в волосы. — Славно моет…

Захарий, не слышавший о подобном средстве, нехотя покорился, но потом ничуть не раскаялся — никогда еще его волосы не были такими чистыми и душистыми.

Через пару часов он с трудом узнал себя в зер-

кале: белая льняная сорочка, летний двубортный сюртук, белый галстук, завязанный изящным узлом. Волосы, подстриженные, расчесанные и стянутые на затылке голубой лентой, прятались под блестящей черной шляпой. Казалось, ничто не упущено, но боцман Али все еще был не доволен:

— Динь-дон есть?

— Что?

— Часы. — Рука боцмана нырнула в воображаемый жилетный карман.

Мысль, что у него могут быть часы, Захария рассмешила.

— Нету, — сказал он.

— Ничего. Зикри-малум чуть-чуть ждать.

Вытурив ласкаров из каюты, боцман и сам пропал на добрых десять минут. Вернувшись, он что-то прятал в складках саронга. Потом затворил дверь и, развязав пояс, протянул Захарию сверкающий серебряный брегет.

— Мать честная! — Разинув рот, Захарий смотрел на часы, улегшиеся в его ладонь, точно сияющая устрица: с обеих сторон их покрывала затейливая филигранная резьба, цепочка была свита из трех серебряных нитей. Он откинул крышку и, уставившись на стрелки, прислушался

к тиканью. — Ну и красота!

На внутренней стороне крышки виднелись мелко выгравированные буквы.

— Адам Т. Дэнби, — прочел Захарий. — Кто это? Ты его знал?

Замявшись, боцман покачал головой:

— Нет, купить часы Кейптаун ломбард. Теперь Зикри-малум хозяин.

— Я не могу их принять, серанг Али.

— Ничего. — Физиономия боцмана осветилась улыбкой, что бывало нечасто. — Порядок.

— Спасибо, — сказал растроганный Захарий. — Никто мне такого не дарил. — Глянув на себя в зеркало — часы, шляпа, — он расхохотался. — Ну и ну! Как пить дать, за мэра примут!

— Теперь Зикри-малум настоящий саиб,[9] — кивнул боцман. — Все как надо. Если фермер-мермер хотеть ловить, ори-вопи.

— Вопить? Ты о чем?

— Шибко-шибко вопи: фермер-мермер, я твоя мама драл-передрал! Я настоящий саиб, моя нельзя ловить! Пистоль клади карман. Если твоя ловить, пали прямо его морда.

Встревоженный Захарий с пистолетом в кар-

---

[9] Примечания: 9

Саиб (сагиб, сахиб) — средневековое индийское обращение к феодалу в значении «господин»; позднее так стали называть европейцев.

мане сошел на берег, но с первых же шагов почувствовал, что к нему относятся с непривычным почтением. В конюшне, где он нанял лошадь, хозяин-француз кланялся, величал «милордом» и не знал чем угодить. Захарий ехал верхом, а следом бежал грум и подсказывал дорогу.

Городишко состоял из двух-трех кварталов, которые вскоре сменились неразберихой лачуг, бараков и хибар; дальше дорога вилась через густые рощицы и высокие непроходимые заросли сахарного тростника. Окружавшие их холмы и утесы имели причудливый вид: казалось, на равнины уселись колоссальные твари, застывшие в попытке вырваться из хватки земли. Временами на тростниковых полях встречались люди: надсмотрщики приветствовали всадника поклоном, учтиво касаясь хлыстами шляп, а работники опускали косы и молча провожали его невыразительными взглядами, заставляя вспомнить о пистолете в кармане. Дом плантатора открылся еще издали, когда Захарий проезжал по аллее деревьев, сбросивших светло-желтую кору. Он ожидал увидеть особняк наподобие тех, что встречал в Делавэре и Мэриленде, однако здешний дом не имел величественных колонн и островерхих окон — перед ним было одноэтажное каркасное

строение, окаймленное широкой верандой, где в нижней сорочке и рейтузах с подтяжками сидел хозяин мсье д'Эпиней. Захарий счел его одеяние вполне обычным, но плантатор всполошился и на скверном английском рассыпался в извинениях за свой неприбранный вид — мол, в этот час не ожидал визита джентльмена. Оставив гостя на попечение чернокожей служанки, мсье д'Эпиней ушел в дом и вновь появился полчаса спустя, одетый как на парад, после чего угостил обедом из множества блюд, сопровождавшихся превосходными винами.

После застолья новоиспеченный саиб огорченно взглянул на часы и объявил, что ему пора уходить. Провожая гостя, мсье д'Эпиней вручил ему письмо, которое в Калькутте надлежало передать мистеру Бенджамину Бернэму.

— Тростник гниет на корню, мистер Рейд, — сказал плантатор. — Известите мистера Бернэма, что я нуждаюсь в работниках. Теперь, когда на Маврикии нет рабов, приходится брать кули, иначе мне крышка. Будьте любезны, замолвите за меня словечко, а?

Пожимая гостю руку, мсье д'Эпиней предостерег:

— Осторожнее, мистер Рейд, держите ушки на

макушке. Окрестности кишат головорезами и беглыми рабами. Одинокий джентльмен должен быть начеку. Пусть оружие всегда будет под рукой.

Когда Захарий рысцой отъехал от плантаторского дома, в его ушах еще пело слово «джентльмен», а лицо расплылось в ухмылке; новый ярлык давал неоспоримо большие преимущества, что еще отчетливее выявилось в портовом квартале города. С наступлением сумерек улочки вокруг Ласкар-Базара наполнились женщинами, на которых сюртук и шляпа Захария произвели гальваническое воздействие. Отныне одежда добавлялась в хвалебный перечень. Благодаря магии наряда Захарий Рейд, которым частенько пренебрегали балтиморские шлюхи, буквально стряхивал с себя гроздья женщин: их пальцы пробирались в его шевелюру, их бедра терлись о его ноги, их руки шаловливо играли с пуговицами на ширинке его суконных брюк. После десяти месяцев на корабле он бы с дорогой душой отправился к одной из них, невиданной красавице с цветами в волосах и ярко накрашенным ртом, называвшей себя Мадагаскарской Розой, и уткнулся носом меж ее благоухающих жасмином грудей, облобызал ее отдающие ванилью губы, но

вдруг на его пути возник серанг Али, чье лицо собралось в мину кинжально-острого неодобрения. Увидев его, Мадагаскарская Роза увяла и исчезла.

— Зикри-малум мозги совсем-мовсем нет? — подбоченившись, спросил боцман. — Башка буль-буль вода? Зачем цветочница хочешь? Кто настоящий саиб?

Захарий был не расположен к нотациям:

— Пошел ты к бесу, серанг Али! Матроса от бардака не удержишь!

— Зачем платить, чтобы девка драть? Ось-миног видеть? Шибко счастливый рыба.

— При чем тут осьминог? — оторопел Захарий.

— Не видеть? Осьминог восемь рук иметь. Шибко счастливый. Все время улыбаться. Почему Зикри-малум так не поступать? Он десять пальцев иметь.

После этой тирады Захарий всплеснул руками и покорно дал увести себя прочь. Всю дорогу боцман Али беспрестанно обмахивал его пальто, поправлял ему галстук и приглаживал волосы. Захарий бранился и шлепал серанга по рукам, но тот не отставал, словно обрел на него права, после того как помог превратиться в образчик аристократа, снабженного всем необходимым для достижения успеха в свете. Вероятно, именно

поэтому боцман столь решительно воспрепятствовал связи с базарными девками, ибо устройство амурных дел тоже возьмет на себя. Так решил Захарий.

Недужному шкиперу не терпелось поднять якорь и как можно скорее добраться до Калькутты. Узнав об этом, боцман Али заартачился:

— Кахтатан-мапитан шибко хворать. Если доктор не звать, он умирать. Скоро-скоро небеса ходить.

Захарий хотел привести врача, но шкипер не позволил:

— Вот еще! Чтобы всякий задрипанный лекарь щупал меня за корму? Я здоров. Просто легкий понос. Оклемаюсь, едва поднимем паруса.

На другой день ветерок окреп, и шхуна вышла в море. Шкипер выбрался на квартердек и объявил, что он в полном ажуре, но боцман Али был иного мнения:

— Капитан холера ловить. Погоди-гляди, язык совсем черный. Зикри-малум лучше держись подальше.

Позже он вручил Захарию вонючий отвар корней и трав:

— Малум пить и не болеть. Холера-молера шибко плохо.

Вняв его совету, Захарий изменил обычному матросскому меню, состоявшему из тушенки, галет и лепешек, и переключился на ласкарскую диету из карибата и кеджери — острого риса, чечевицы и солений, куда временами добавляли кусочки рыбы, свежей или вяленой. Сначала от жгучих блюд перехватывало дух, но затем, оценив прочищающее воздействие специй, Захарий полюбил их непривычный вкус.

Как и предсказывал боцман Али, через двенадцать дней капитан умер. На сей раз торгов не было — вещи покойного выбросили за борт, а каюту отдраили и оставили открытой, чтоб просквозило соленым ветром.

Когда тело скинули в океан, Захарий прочел из Библии. Его торжественная читка удостоилась похвалы боцмана Али:

— Зикри-малум лучше всех молить. Почему церковный песня не петь?

— Не умею, — ответил Захарий. — Голоса нет.

— Ничего, есть кто уметь. — Боцман поманил долговязого худющего юнгу Раджу. — Он служить миссионер. Поп учить петь салом.

— Псалом? — удивился Захарий. — Какой?

Словно в ответ, парень затянул: «Зачем мя-

тутся народы…»[10] Дабы смысл не ускользнул от слушателя, боцман заботливо снабдил пение переводом, прошептав Захарию в ухо:

— Мол, зачем народ-мародшибко баламутит? Другой дел нету?

— Пожалуй, точнее не скажешь, — вздохнул Захарий.

*

Когда через одиннадцать месяцев после отплытия из Балтимора «Ибис» бросил якорь в устье Хугли, из первоначального экипажа сохранились только двое: Захарий и рыжий корабельный кот Крабик.

До Калькутты оставалось два-три дня ходу, и Захарий был бы только рад тотчас тронуться в путь. Однако несколько суток команда нетерпеливо ждала лоцмана. В одном лишь саронге Захарий почивал в своей каюте, когда боцман Али доложил о прибытии береговой шлюпки:

— Мистер Горлопан приехать.

— Это еще кто?

— Лоцман. Шибко орет. Послушать.

Наклонив голову, Захарий уловил гулкий рокот

---

[10] Примечания: 10

Псалом 2: «Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное?»

на сходнях:

— Лопни мои глаза, если когда-либо я встречал сброд подобных дурбеней! Расколошматить бы вам бестолковые бошки, дуплецы паршивые! Так и будете топтаться да тряпье перебирать, пока я не изжарюсь на солнце?

Натянув рубаху и штаны, Захарий вышел из каюты и узрел взбешенного толстяка англичанина, колотившего по палубе ротанговой тростью. Наряд лоцмана был нелепо старомоден: высокий стоячий воротничок, закругленные полы сюртука, пестрый поясной шарф. Лиловые губы и брыластые щеки, украшенные бакенбардами котлетой, создавали впечатление, что эту багровую физиономию слепили на прилавке мясника. За спиной толстяка виднелась кучка ласкаров-носильщиков с разнообразными баулами, портпледами и прочим багажом.

— Что, мозги совсем профукали, паршивцы? — От крика на лбу лоцмана вздулись вены, однако матросы не двигались с места. — Где помощник? Ему доложили о моем прибытии? Чего рты пораззявили! Шевелись, пока не отведали моей палки! Уж тогда и Аллах вам не поможет!

— Прошу прощенья, сэр, — вышел вперед Захарий. — Весьма сожалею, что пришлось ждать.

Лоцман неодобрительно сощурился на его босые ноги и потрепанную одежду:

— Глаза б мои не смотрели! Вы позволили себе опуститься, приятель. Сие негоже для единственного саиба на борту, если он не хочет насмешек своих же черномазых.

— Извините, сэр… немного замотался… Захарий Рейд, второй помощник.

— Джеймс Дафти, — буркнул толстяк, неохотно пожимая протянутую руку. — Числился в речниках Бенгальского залива, ныне лоцман и представитель компании «Братья Бернэм». Берра-саиб, в смысле Бен Бернэм, просил меня позаботиться о шхуне. — Дафти небрежно кивнул на ласкара за штурвалом. — Мой рулевой, свое дело знает — с закрытыми глазами проведет по Буреннутеру. Ну, пусть его правит, а нам бы не помешал глоток бормотухи. Как вы?

— Бормотухи? — Захарий поскреб подбородок. — Извините, мистер Дафти, а что это?

— Кларет, мой мальчик, — беспечно ответил лоцман. — Неужто не держите? Ладно, сойдет и грог.

2

Прошло два дня. Дити с дочкой обедали, когда перед их домушкой остановилась повозка Чандан Сингха.

— Эй, мать Кабутри! — крикнул деверь. — На фабрике Хукам Сингх грохнулся без чувств. Надо забрать его домой.

С этим он дернул вожжи и укатил, торопясь к своей трапезе и послеобеденной дреме; не предложить помощь было вполне в его духе.

По шее Дити побежали мурашки; не из-за того, что новость ошарашила — последние дни мужу нездоровилось, и потому известие о его обмороке не стало такой уж неожиданностью. Однако возникло уверенное предчувствие, что это событие как-то связано с призраком корабля — словно ветер, пригнавший видение, теперь обдул спину.

— Что делать, мам? — спросила Кабутри. — Как же мы его заберем?

— Найдем Калуа с повозкой. Ну же, идем.

В этот час возчик наверняка был в своей деревушке Чамарс, до которой ходу всего ничего. Загвоздка в том, что он, вероятно, захочет плату, но лишнего зерна и фруктов не имелось, а денег

и подавно. Прикинув варианты, Дити поняла, что нет иного выхода, как залезть в деревянный резной ларец, в котором муж хранил запас опия; шкатулка была заперта, но она знала, где спрятан ключ. Слава богу, в ларце нашлись куски твердого опия и порядочный шмат мягкого, завернутый в маковые лепестки. Дити решила взять твердый опий и, отрезав ломтик размером с ноготь большого пальца, обернула его маковым роти, изготовленным утром. Сверточек она спрятала за пояс сари и по меже, разделявшей маковые поля, зашагала в сторону Гхазипура; Кабутри скакала впереди.

Цветы плавали в знойном мареве от полуденного солнца, одолевшего зенит. Дити прикрыла лицо накидкой, дешевая материя которой уже так истончилась, что просвечивала насквозь, размывая очертания предметов и одаривая пухлые коробочки маков красноватым венчиком. Шагая средь полей, Дити отметила, что соседские посевы сильно обогнали ее собственные: на коробочках уже сделаны надсечки, запекшиеся вязким соком. Его сладкий опьяняющий аромат привлекал тучи насекомых, воздух полнился гуденьем пчел и ос, стрекотом кузнечиков; многие завязнут в липкой массе, и наутро, когда сок по-

темнеет, их тельца станут желанной добавкой к весу урожая. Казалось, маки умиротворяют даже бабочек, которые порхали в странно переменчивом ритме, словно забыли, как летать. Одна села на ладонь Кабутри и не взлетала, пока ее не подбросили в воздух.

— Ишь как замечталась, — сказала Дити. — Значит, добрый будет урожай. Может, сумеем крышу подлатать.

Она обернулась к своей далекой хижине, казавшейся плотиком на маковой реке. Крыше срочно требовался ремонт, но сейчас, в маковую эпоху, материал для кровли было найти нелегко; в старину, когда поля засевали озимой пшеницей, а по весне собирали урожай, солома шла на ремонт прохудившихся домов. Нынче всех заставляли сажать маки, солому приходилось покупать в дальних селениях, и она обходилась так дорого, что с ремонтом тянули сколько можно.

Раньше все было иначе: маки считались роскошью, ими засаживали крохотные пятачки меж полей, где выращивали пшеницу, красную чечевицу и овощи. Часть макового семени мать Дити отправляла на выжимку, остальное же хранила как посадочный материал и приправу к мясу и овощам.

Сок очищали от примесей и сушили на солнце, пока он не превращался в твердый опий; в те времена никто не помышлял о мягком паточном опии, который готовили на английской фабрике и кораблями отправляли за море.

В былые дни крестьяне держали у себя немного самодельного опия на случай хвори, страдной поры и свадеб, все остальное продавали местной знати и купцам из Патны. Пары-тройки маковых клочков хватало и для домашнего пользования, и на продажу; никто не помышлял сажать больше, ибо вырастить мак — адова работа: пятнадцать раз вскопай землю и всякий комок вручную раскроши, возведи оградки и насыпи, унавозь и беспрестанно поливай, а потом не упусти срок, чтобы по отдельности надрезать, выдоить и выскрести каждую коробочку. Этакие муки переносимы, если маков у тебя грядка-другая, и только безумец захочет умножить тяготы, когда есть культуры полезнее — пшеница, чечевица, овощи. Но эти добрые озимые посадки неуклонно сокращались, ибо аппетит опийной фабрики никак не насыщался. С наступлением холодов английские саибы не позволяли сеять ничего другого, кроме маков: агенты ходили по домам, всучивали аванс и заставляли подписать контракт. Отказаться

было нельзя, иначе деньги украдкой оставят в доме или подбросят в окно. Белого судью не убедить, что денег ты не брал, а отпечаток твоего пальца фальшивый; мировой, который получает комиссионные, ни в жизнь тебя не оправдает. В результате твой доход составит не больше трех с половиной рупий — только-только чтоб рассчитаться за аванс.

Дити сорвала и понюхала коробочку с подсыхающим соком: запах мокрой соломы смутно напомнил ядреный аромат новой крыши после ливня. Если урожай не подкачает, вся нынешняя выручка пойдет на ремонт кровли, иначе дожди окончательно ее погубят.

— Ты знаешь, что нашей крыше уже семь лет? — спросила она дочку.

Девочка вскинула темные ласковые глаза:

— Семь? Но ведь столько и ты замужем.

— Да, столько же… — кивнула Дити и легонько пожала дочкину руку.

Тогда новую крышу оплатил отец — это было частью приданого, которое он с трудом осилил, но на расходы не скупился, поскольку выдавал замуж последнюю дочь. Дити ждала несчастливая судьба, ибо родилась она под знаком Сатурна (Шани) — планеты, которая мощно влияет на

своих подопечных, привнося в их жизнь разлад и несчастье. Имея перед собой столь беспросветное будущее, особых надежд она не питала: если когда и выйдет замуж, то, наверное, за человека много старше себя, скорее всего за престарелого вдовца, которому понадобилась новая жена — нянчиться с его выводком. Так что Хукам Сингх выглядел вполне приличной партией; не последнюю роль в этом браке сыграло и то, что его предложил Кесри Сингх, родной брат Дити. Они с Хукамом служили в одном батальоне и участвовали в паре заморских кампаний; брат говорил, что увечье предполагаемого мужа несущественно. В его пользу были и родственные связи, самую важную из которых представлял дядя — в армии он дослужился до чина субедара,[11] а после отставки подыскал себе прибыльную должность в калькуттском торговом доме и способствовал устройству родичей на теплые места; кстати, именно он обеспечил будущего жениха завидной работой на опийной фабрике.

Когда сватовство перешло в следующую фазу, стало ясно, что дядюшка — движущая сила этого супружества. Он не только возглавлял делега-

[11] Примечания: 11

Субедар — чин в индийской армии, соответствовавший чину капитана.

цию, прибывшую утрясти детали, но от имени жениха вел все переговоры; когда настал черед Дити появиться в комнате и снять накидку, она показала лицо больше дядюшке, чем жениху.

Бесспорно, субедар Бхиро Сингх, которому перевалило далеко за пятьдесят, был мужчина видный: роскошные седые усы, закрученные к мочкам, и румяное лицо, слегка подпорченное шрамом на левой щеке. Безупречно белую чалму и дхоти он носил с небрежной самоуверенностью, отчего казался на голову выше других. О его крепости и энергии свидетельствовали бычья шея и солидное брюхо, которое выглядело не излишком, как у других мужчин, но кладезем жизненной силы.

Рядом с ним жених и его близкие казались милыми скромниками, что в немалой степени повлияло на согласие невесты. Пока шли переговоры, через щелку в стене Дити внимательно изучала гостей: будущая свекровь ни страха, ни интереса не вызвала. Младший брат не понравился сразу, но этот сопляк мог стать, в худшем случае, источником легкого раздражения. А вот Хукам Сингх приятно впечатлил военной выправкой, которую хромота лишь подчеркивала. Еще больше в женихе привлекали спокойная

манера и неспешная речь, представлявшие его не баламутом, но безобидным трудягой, что для супруга весьма немаловажно.

Брачный обряд и долгую поездку вверх по реке в новый дом Дити перенесла безбоязненно. В подвенечном сари, закрывавшем лицо, она сидела на носу лодки и чувствовала приятное возбуждение, слушая песню женщин:

Сакхия-хо, сайя море писе масала
Сакхия-хо, бара митха лаге масала

Ой, подружки, как томит любовь!
Ой, подружки, до чего же сладко!

Пение продолжалось, когда в паланкине ее несли от реки к мужнему дому; фата помешала ей разглядеть обстановку, однако на пути к увитому гирляндами брачному ложу она учуяла запах новой кровли. Песенные намеки уже лились через край, и Дити напряженно ждала новобрачного, который сейчас войдет и повалит ее навзничь. В первый раз помучай его хорошенько, наставляла сестра, иначе он тебе продыху не даст. Дерись, царапайся и не давай лапать титьки.

Аг мор лагал ба
Аре сагаро баданья…

Тас-мас чоли карай
Барбала джобанава

Я вся горю,
Я вся пылаю…
Набухла грудь,
Торчат соски…

Когда дверь отворилась и на пороге возник Хукам Сингх, готовая к отпору Дити съежилась на кровати. Как ни странно, муж не сдернул с нее фату, но тихо и невнятно произнес:

— Эй, чего ты свернулась, будто змея? Посмотри-ка, что у меня.

Опасливо выглянув из-под складок сари, Дити увидела резной ларец. Муж поставил шкатулку на кровать и откинул крышку, выпустив сильный лекарственный запах, жирный, ядреный, густой. Дити знала, что так пахнет опий, хотя прежде не встречала его в столь мощно сконцентрированном облике.

— Гляди! — Муж показал внутренности ларца, размежеванного на отделения. — Знаешь, что это?

— Опий.

— Правильно, только разных видов. Вот… —

Мужнин палец коснулся ломтика обычного акбари, черного и твердого, а затем переместился к шарику мадака — клейкой смеси опия с табаком. — Видишь, это дешевка, что курят в трубках. — Потом муж обеими руками вынул ломтик, упакованный в маковые лепестки, и положил на ладонь Дити, чтобы она ощутила его мягкость. — А вот что мы делаем на фабрике — чанду. Его здесь не найдешь, саибы отправляют его за море, в Китай. Чанду не жуют, как акбари, и не курят, как мадак.

— Что же с ним делают?

— Хочешь посмотреть?

Дити кивнула; Хукам Сингх снял с полки очень длинную бамбуковую трубку, прокуренную и почерневшую. На конце ее был мундштук, а посредине приспособлен глиняный шарик с крохотной дырочкой наверху. Явно благоговея перед трубкой, Хукам Сингх поведал, что прибыла она издалека — из южной Бирмы. Таких трубок не сыскать ни в Гхазипуре, ни в Бенаресе и даже во всей Бенгалии; их привозят из-за Черной Воды, они очень дорогие, не для баловства.

Длинной иголкой он ткнул в мягкий черный чанду и поднес кончик к пламени свечи. Когда опий зашипел и вспузырился, Хукам Сингх поло-

жил его на отверстие шарика и через мундштук глубоко вдохнул. Потом закрыл глаза и медленно выпустил из ноздрей белый дым. После того как облачко растаяло, он любовно огладил бамбуковую трубку и наконец заговорил:

— Ты должна знать — это моя первая жена. Когда меня ранили, она спасла мне жизнь. Если б не она, нынче меня бы здесь не было, я бы давно в муках умер.

Лишь после этих слов Дити поняла, какое будущее ей уготовано; вспомнилось, как в детстве они с подружками насмехались над деревенскими курильщиками опия, которые словно пребывали во сне, вперив в небо тупой помертвевший взгляд. Перебирая варианты замужества, она даже подумать не могла, что выйдет за опийного пристрастника. Да и как такое в голову придет? Ведь брат заверил, что увечье жениха несущественно.

— Кесри знал? — тихо спросила Дити.

— О трубке? Да нет, откуда ему знать, — усмехнулся Хукам Сингх. — Я стал курить, лишь очутившись в госпитальном бараке. По ночам боль не давала раненым спать, и тогда местные санитары-араканцы принесли трубки и научили, что с ними делать.

Что толку сокрушаться, если теперь они обвенчаны? Казалось, тень Сатурна скользнула по лицу Дити, напоминая о ее судьбе. Тихонько, чтобы не потревожить супруга в его забытьи, она сунула руку под фату и отерла глаза. Но звякнувшие браслеты его пробудили; он снова поднес иглу к свече. Потом улыбнулся и приподнял бровь, будто спрашивая, не хочет ли Дити попробовать. Она кивнула; если уж дым мог унять боль в размозженных костях, то смятенную душу успокоит и подавно. Дити хотела взять трубку, но муж отстранился:

— Нет, ты не умеешь.

Затянувшись, он прижался ртом к ее губам и выдохнул дым. Голова ее поплыла — то ли от дыма, то ли от прикосновения его губ. Напряжение спало, и тело ее обмякло, наполняясь восхитительной слабостью. Покачиваясь на волнах блаженства, Дити откинулась на подушку, а губы мужа вновь сомкнулись на ее губах, наполняя ее дымом, от которого она соскользнула в иной мир, более яркий, добрый и совершенный.

Наутро Дити открыла глаза и почувствовала тупую боль внизу живота; между ног немного саднило. Подвенечное сари было задрано, на бедрах запеклась кровь. Одетый муж лежал рядом,

прижав ларец к груди. Дити его растолкала:

— Что было ночью? Все как надо?

Хукам Сингх кивнул и сонно улыбнулся:

— Да, все хорошо. Мои родные получат доказательство твоей невинности. С божьей помощью твое лоно скоро обретет плод.

В это очень хотелось верить, но вялая расслабленность мужа вызывала сомнение в том, что ночью он был способен на любовные подвиги. Дити старалась вспомнить, что произошло, однако ночные события начисто стерлись.

Вскоре появилась свекровь; сморщившись в улыбке, она сбрызнула брачное ложе святой водой и ласково проворковала:

— Все прошло как по маслу, доченька. Ах, какое славное начало новой жизни!

Вторя благословениям, дядюшка Бхиро Сингх сунул золотую монету:

— Вскоре твое чрево наполнится, ты народишь сыновей…

Вопреки этим заверениям, Дити не могла избавиться от мысли, что в брачную ночь произошло что-то неладное. Но что?

В дальнейшем подозрение окрепло, ибо Хукам Сингх, каждый вечер впадавший в опийную оцепенелость, не проявлял к ней никакого интереса.

Дити прибегла к разным уловкам, дабы вырвать его из чар трубки, но все напрасно: бесполезно скрывать опий от рабочего фабрики, где его производят, и прятать трубку — он тотчас раздобудет новую. Временная разлука с опием ничуть не пробуждала в нем любовного желания, наоборот, делала его злым и замкнутым. В конце концов Дити пришла к заключению, что Хукам Сингх не мог быть ее супругом в полном смысле слова: либо увечье лишило его мужской силы, либо опий отбил всякую охоту к плотским утехам. Но вскоре живот ее стал расти, и к прежним сомнениям добавилось новое: если не муж, то кто же ее обрюхатил? Что произошло той ночью? В ответ на расспросы Хукам Сингх разглагольствовал о надлежащем закреплении брачных уз, но взгляд его говорил, что он, одурманенный опием, сам ничего не помнит, и все его впечатления навеяны кем-то другим. А вдруг ее собственное беспамятство тоже было подстроено тем, кто знал о бессилии мужа, но ради спасения семейной чести решил его скрыть?

Свекровь ни перед чем не остановится, когда речь идет о сыновьях; всего-то и надо: уговорить Хукам Сингха поделиться с новобрачной опием, все остальное сделает сообщник. Возникала

картина: вот старуха задирает ей сари, а потом придерживает ее ноги, пока над ней кто-то трудится. Дити не позволяла себе поддаться первому подозрению насчет личности сообщника; установление отцовства слишком серьезное дело, чтобы решать его с бухты-барахты.

Наседать на свекровь бессмысленно, она лишь наворотит гору утешительной лжи. Но каждый день давал новые улики ее соучастия, и особенно убеждал тот довольный хозяйский взгляд, каким она окидывала растущий живот, словно ребенок принадлежал ей, а тело невестки было его хранилищем.

Так вышло, что именно старуха подтолкнула ее к действию на основе имевшихся подозрений. Однажды, поглаживая ее живот, свекровь сказала:

— Вот этого родим, а там и другие пойдут, мал мала меньше.

Вскользь брошенная реплика открыла, что мамаша ничуть не сомневается в повторении брачной ночи: Дити одурманят и растелешат, а потом неведомый подельник вновь ее ссильничает.

Что же делать? Ночью лил дождь, и весь дом пропитался запахом мокрой соломы. Травяной аромат прояснял мысли; думай, приказала

себе Дити, нечего стенать о влиянии планет! Вспомнился безучастный сонный взгляд мужа… Почему же у матери глаза совсем другие? Отчего его взгляд пуст, а ее — пронырлив и хитер? Ответ нашелся внезапно: ну конечно, различие скрыто в ларце.

По подбородку Хукам Сингха сбегала струйка слюны; он крепко спал, уронив руку на ларец. Дити осторожно вытянула шкатулку и разогнула пальцы, сжимавшие ключ. Из-под крышки выплыл густой затхлый аромат. Отвернувшись, с плитки твердого акбари Дити отщипнула несколько стружек и спрятала их в складках сари. Потом заперла коробку и вернула ключ на место; рука спящего жадно ухватила своего ночного компаньона.

Утром Дити добавила чуточку опия в подслащенное молоко. Старуха залпом опорожнила кружку и до полудня нежилась в тени манго. Ее довольство пригасило всякие опасения, и с тех пор Дити подмешивала опий во все, что подавала свекрови: соленья, оладьи, запеканки и чечевицу. Очень скоро старуха как-то притихла и успокоилась, голос ее утратил резкость, взгляд помягчел; беременность Дити ее уже не интересовала, целый день она проводила в постели. Все

родственники, приходившие в гости, отмечали ее умиротворенность, а сама она неустанно превозносила свою любимую невестку.

Дити все больше и больше проникалась почтением к мощи опия: как же слаб человек, если его можно усмирить крохой этого вещества! Теперь ясно, почему гхазипурская фабрика находится под неусыпной охраной сипаев; если малая толика зелья позволила обрести такую власть над жизнью, нравом и душой старухи, то, имея брусок этой дури, можно захватывать царства и управлять народами. А ведь наверняка есть и другие снадобья!

Дити стала присматриваться к бродячим повитухам и знахаркам, заглядывавшим в их деревню, научилась распознавать коноплю и дурман-траву, которые на пробу скармливала свекрови, подмечая результат.

Именно отвар дурман-травы расколол старуху, отправив ее в невозвратное забытье. В последние дни сознание ее помутилось, и она часто назы-

вала невестку Драупади;[12] на вопрос почему мамаша пробормотала:

— Свет не видел никого добродетельней жены пяти братьев. Она счастливица, ибо понесла от каждого…

Старухин бред убедил Дити в том, что отцом ее ребенка был Чандан Сингх, похотливый деверь-губошлеп.

*

Два дня «Ибис» пробирался по заиленной Хугли и наконец подошел к Калькутте. Борясь с внезапными порывами ветра, шхуна бросила якорь, чтобы дождаться рассветного прилива, который доставит ее к месту назначения. В город послали нарочного, дабы уведомить мистера Бенджамина Бернэма о предстоящей швартовке.

«Ибис» был не единственным судном, приютившимся на входе в бухту; неподалеку стал на

[12] Примечания: 12

Драупади — героиня древнеиндийского эпоса «Махабхарата», дочь царя племени панчалов и общая жена братьев Пандавов. На руку Драупади, первой красавицы мира, претендует множество женихов, и ее отец устраивает сваямвару (состязание) лучников, где побеждает один из Пандавов — Арджуна. Братья возвращаются домой и сообщают своей матери Кунти, что пришли с большой добычей. «Наслаждайтесь ею совместно», — отвечает Кунти, не зная, о чем речь, и Драупади становится общей женой пяти братьев.

якорь величавый корабль-дом, принадлежавший большому поместью Расхали, что в двенадцати часах езды от Калькутты. За прибытием шхуны наблюдал заминдар[13] имения раджа Нил Раттан Халдер, находившийся на борту своего плавучего дворца вместе с восьмилетним сыном и внушительным штатом прислуги. Его сопровождала также любовница — некогда знаменитая танцовщица, известная миру под сценическим псевдонимом Элокеши; после посещения родового имения раджа возвращался в Калькутту.

Халдеры из Расхали принадлежали к одному из старейших и наиболее знатных бенгальских землевладельческих родов; их корабль, невиданно роскошное речное судно, являл собой неповоротливый полубаркас, переоснащенный в бригантину — этакий англизированный вариант непритязательной бенгальской лохани. Внушительных размеров корпус двухмачтового корабля был выкрашен серым и голубым, под стать ливреям обслуги, а на парусе и носу красовалась фамильная эмблема — стилизованная голова тигра. На главной палубе располагались шесть больших кают с венецианскими окнами

[13] Примечания: 13

Заминдар — наследственный крупный землевладелец-феодал в средневековой и колониальной Индии.

за жалюзи и большой зал, сверкающий зеркальными панелями и хрустальными вставками; он использовался только для официальных приемов и был достаточно велик, чтобы устраивать танцы и прочие увеселения. К столу подавались роскошные блюда, но готовка на судне была запрещена. Пусть не брамины, ортодоксальные индусы Халдеры ревностно блюли табу и обычаи высшей касты, а потому предавали анафеме грязь, связанную со стряпней. Обычно корабль буксировал легкую парусную лодку, служившую не только камбузом, но и плавучей казармой для небольшой армии охранников и всяческих лакеев, обихаживавших заминдара.

Верхняя палуба представляла собой огражденную перилами галерею, откуда запускали воздушных змеев. Наряду с такими увлечениями, как, скажем, музыка или разведение роз, сие занятие было весьма популярно в семействе Халдеров, но они привнесли в него столько всяких тонкостей, что невинная забава превратилась в своего рода искусство. Если обычные люди стремились к тому, чтобы их змеи повыше воспарили и «переплюнули» соперников, то Халдеров интересовали стиль полета и его соответствие ветру, для обозначения которого поколения

праздных землевладельцев выработали собственную терминологию: крепкий устойчивый ветер именовался «нил», то есть «синий», резкий норд-ост — «пурпурный», а слабое дуновение — «желтый».

Ветер, принесший «Ибис», был совсем иного цвета; Халдеры называли его «суклат» — оттенок алого, который сулит нечаянную благосклонность судьбы. Их род славился крепкой верой в предзнаменования, и в этом, как и во многом другом, Нил Раттан Халдер был ярым приверженцем семейных традиций; уже больше года его преследовали неудачи, и внезапное появление «Ибиса», а также изменчивый цвет ветра служили верной приметой добрых перемен.

Нынешний заминдар был назван в честь благороднейшего из ветров — крепкого синего бриза (годы спустя, когда раджа займет свое место в святилище Дити, его образ будет передан мазками этого цвета). Нил унаследовал свой титул недавно — после смерти отца, случившейся два года назад. Ему было под тридцать, он миновал пору юности, но сохранил хрупкий облик чахлого, болезненного ребенка. Его тонкое вытянутое лицо имело бледность, какую обретает тот, кого вечно прикрывают от палящего солнца, а длинные

конечности своей худобой напоминали побеги тенелюбивых растений. Светлая кожа подчеркивала яркость красных губ в подкове тонких усов.

Как все в его роду, с рождения Нил был обручен с дочерью видного землевладельца; супружество, которое он отпраздновал в двенадцать лет, увенчалось лишь одним живым ребенком — вероятным продолжателем семейного древа Радж Раттаном, нынче отметившим свое восьмилетие. Наследник более чем кто-либо в их роду увлекался воздушными змеями; именно по его настоянию Нил поднялся на верхнюю палубу в тот день, когда «Ибис» бросил якорь в калькуттской бухте.

Внимание заминдара привлек флаг владельца, развевавшийся на грот-мачте; этот клетчатый вымпел он знал так же хорошо, как собственный стяг, ибо его семейное состояние уже давно зависело от фирмы, основанной Бенджамином Бернэмом. Нил тотчас понял, что «Ибис» — ее новое приобретение. С террас калькуттской резиденции раджи открывался прекрасный вид на реку, и он знал почти все судна, заходившие в город. Флотилия Бернэма в основном состояла из суденышек местного производства; с недавних пор на реке появились гладкие клиперы

американской постройки, но флаги на их мачтах извещали о принадлежности конкуренту — фирме «Джардин и Матесон».[14] Однако «Ибис» суденышком не выглядел; даже неприбранный, он являл собой великолепное произведение корабелов, которое задешево не купишь. Заминдара снедало любопытство, ибо шхуна могла быть предвестником удачи в его делах.

Не выпуская веревки змея, Нил призвал своего камердинера — долговязого уроженца Бенареса по имени Паримал.

— Возьми шлюпку и сплавай на тот корабль, — приказал он. — Расспроси серангов, кто владелец и сколько на борту офицеров.

— Слушаюсь. — Паримал сложил ладони у груди и поклонился.

Затем он исчез внизу, а вскоре от плавучего дворца отвалила узкая лодка, толчками заскользившая к шхуне. Не прошло и получаса, как слуга доложил, что корабль принадлежит калькуттскому саибу Бернэму.

— Сколько офицеров? — спросил раджа.

---

[14] Примечания: 14

«Джардин и Матесон» — известная торговая фирма, в 1832 г. основанная британцами Уильямом Джардином и Джеймсом Матесоном. Специализировалась на вывозе из Китая чая и шелка и ввозе индийского опия. После попыток китайского императора запретить опийную торговлю фирма инициировала «опиумные войны» 1840 г.

— Тех, кто носит шляпы, всего двое.

— Кто они?

— Один — мистер Рейд из Второй Англии, — отвечал Паримал. — Другой — лоцман Дафти-саиб. Наверное, господин его помнит — прежде он частенько бывал в вашем доме. Сейчас шлет свое почтение.

Нил кивнул, хотя лоцмана совсем не помнил. Передав лакею веревку змея, он махнул камердинеру, чтобы тот следовал за ним. В своей каюте раджа заточил перо и на листе бумаги написал несколько строк, которые затем присыпал песком. Когда чернила высохли, он отдал письмо Парималу.

— Вот, доставь на корабль и передай лично Дафти-саибу. Скажи, он и мистер Рейд доставят радже удовольствие, если отобедают на его судне. Возвращайся скорее и сообщи ответ.

— Слушаюсь.

Паримал вновь отвесил поклон и попятился в коридор. Сложив пальцы домиком, в глубокой задумчивости Нил сидел за столом; таким его и застала Элокеши, когда впорхнула в каюту, звеня ножными браслетами и благоухая цветочным маслом. Она прыснула и ладошками закрыла радже глаза:

— Всегда ты один! Нехороший! Бяка! Вечно нет времени для твоей Элокеши!

Нил отвел ее руки и улыбнулся. Калькуттские ценители изящного не считали Элокеши прелестницей: слишком круглое лицо, излишне прямой нос и чрезмерно пухлые губы нарушали общепринятый стандарт красоты. Предметом ее гордости были густые и длинные черные волосы, которые она распускала по плечам, вплетая лишь пару-тройку золотых кисточек. Однако раджу больше привлекала ее душа, нежели внешность; искрометный нрав Элокеши контрастировал с его серьезностью: она была гораздо старше и весьма искушена в светской жизни, но оставалась такой же смешливой игруньей, как в те времена, когда потрясающе легконогой танцовщицей порхала в тукрах и тихаях.[15]

Элокеши вспрыгнула на большую кровать под балдахином, установленную в центре каюты; на скрытом шарфами лице виднелись только надутые губки.

— Десять дней на этом корыте! — простонала Элокеши. — Одна-одинешенька, скукота, а ты даже не взглянешь на меня!

---

[15] Примечания: 15

Тукры и тихаи — индийские танцевальные композиции.

— Почему одна? А подружки? — Нил рассмеялся и кивнул в коридор, где, дожидаясь хозяйку, на корточках сидели три девушки.

— Да ну… Это же мои танцовщицы, — прикрыв ладошкой рот, хихикнула Элокеши.

Дитя города, привыкшее к его столпотворению, она потребовала, чтобы в необычной поездке в деревню ее сопровождала свита: эти три девушки были ее служанками, ученицами и незаменимыми помощницами в оттачивании мастерства. Сейчас, по мановению руки хозяйки, они прикрыли дверь и удалились. Однако далеко не ушли и кучкой сели на палубе, дабы охранять свою госпожу от чьего-либо непрошеного вторжения; время от времени они украдкой заглядывали в каюту сквозь щели жалюзи на тиковой двери.

Оставшись с раджой наедине, Элокеши набросила ему на голову свой длинный шарф и потянула на кровать.

— Ну иди сюда, — капризно приговаривала она, — ты уж там засиделся.

Раджа подошел, и она повалила его на гору подушек.

— Теперь скажи, — несчастным голосом продолжила Элокеши, — зачем ты потащил меня в такую даль? Ведь так и не объяснил.

Позабавленный ее наигранным простодушием, Нил улыбнулся:

— Ты со мной уже семь лет, но так и не видела Расхали. Вполне естественно, что мне захотелось показать тебе свое поместье.

— Только показать? — Она воинственно тряхнула головой, прибегнув к арсеналу жестов из танца оскорбленной любовницы. — И все?

— А что еще? — Раджа потеребил ее локон. — Разве этого мало? Тебе не понравились окрестности?

— Конечно понравились, место совершенно роскошное. — Взгляд Элокеши затуманился, словно она припомнила украшенный колоннами дом на речном берегу, огороды и сады. — Столько людей, и так много земли! — прошептала она. — Вот я и подумала о том, как мало для тебя значу.

Нил взял ее за подбородок:

— В чем дело? Ну-ка, ну-ка… Что у тебя на уме?

— Даже не знаю, как сказать… — Пальчики Элокеши принялись расстегивать костяные запонки, наискось бежавшие по груди его курты.[16] — Представляешь, что сказали мои девушки, увидев твое громадное поместье? Госпожа, попросите

---

[16] Примечания: 16

Курта — в Индии длинная широкая рубаха.

у раджи немного земли — вам же надо где-то поселить родственников… Да и о собственной старости нужно подумать.

— От твоих девушек одни неприятности, — раздраженно фыркнул раджа. — Лучше бы ты их прогнала.

— Они обо мне заботятся, только и всего, — промурлыкала Элокеши, заплетая косички из поросли на его груди. — Что дурного, если раджа даст землю своей содержанке? Твой отец всегда так поступал. Говорят, его женщинам стоило попросить, и они тотчас получали украшения, шали и службу для родичей…

— Ну да, — криво усмехнулся Нил. — И родичам платили жалованье, даже если их ловили на воровстве.

Пальчики пробежали по его губам.

— Видишь ли, он знал цену любви.

— Ясно, в отличие от меня.

Потомок рода Халдеров и впрямь жил весьма скромно: обходился единственной каретой с парой лошадей и умещался в одном непритязательном крыле семейного особняка. Не такой сладострастник, как отец, он не имел других любовниц, кроме Элокеши, однако на нее свою любовь расточал без остатка, а его отношения

с женой не выходили за общепринятые рамки исполнения супружеского долга.

— Неужели ты не понимаешь, Элокеши? — грустно сказал Нил. — На жизнь, какую вел отец, денег требуется больше, чем может дать имение.

Любовница вдруг обеспокоилась, в глазах ее вспыхнул интерес:

— То есть? Всем известно, что твой отец был одним из богатейших людей города.

Раджа напрягся:

— Лотос растет и в мелком пруду.

Элокеши отдернула руку и выпрямилась.

— Что ты имеешь в виду? Объясни.

Нил понял, что и так уже сказал слишком много; он улыбнулся и скользнул рукой под блузу любовницы.

— Ничего, пустяки.

Иногда ужасно хотелось рассказать ей о проблемах, доставшихся от отца, но раджа слишком хорошо ее знал: если Элокеши проведает, насколько велики его затруднения, она предпримет кое-какие меры. И дело не в ее алчности, нет, просто она, несмотря на все свое жеманство, чувствует ответственность за тех, кто от нее зависит. В этом они похожи. Нил пожалел, что проговорился об отце и преждевременно дал повод для

тревоги.

— Не бери в голову, Элокеши. Какая тебе разница?

— Нет, скажи. — Она вновь повалила раджу на подушки. Калькуттская гадалка уведомила ее о финансовых неприятностях заминдара. Тогда она не придала этому значения, но сейчас почувствовала: что-то и впрямь неладно; возможно, надо пересмотреть свои варианты. — Говори. Последнее время ты ужасно задумчивый. Что случилось?

— Тебе не о чем беспокоиться. — Раджа не лгал: при любом обороте дел он позаботится, чтобы она была обеспечена. — Тебе, твоим девушкам и твоему дому ничто не грозит…

Его перебил голос камердинера, яростно препиравшегося с девицами: Паримал требовал, чтобы его впустили, но преданные служанки грудью встали на его пути.

Нил поспешно укрыл Элокеши и крикнул:

— Пусть войдет!

Камердинер шагнул в каюту, старательно отводя взгляд от холма на кровати.

— Господин, саибы охотно придут. Они будут здесь сразу после заката.

— Превосходно. Устрой все как при отце, я хочу

угостить их на славу.

Паримал испугался, ибо раньше хозяин таких приказов не отдавал.

— Но как устроить, господин? В столь короткий срок… Из чего?

— У нас есть шампанское и красное вино. Ты сам все знаешь.

Дождавшись, когда дверь закроется, Элокеши сбросила покрывало:

— Что такое? Кто придет? Что надо устроить?

Нил рассмеялся и притянул ее к себе:

— Ты задаешь слишком много вопросов. Бапре-бап! Пока довольно!

*

От неожиданного приглашения на обед мистер Дафти стал болтлив и пустился в воспоминания. Опершись на перила, они с Захарием стояли на палубе.

— Ох, мой мальчик! — вздохнул лоцман. — Уж я бы порассказал вам о старом радже, которого называл Шельма Роджер! — Он засмеялся и пристукнул тростью. — Видели б вы того черномазого барина! Вот уж классный абориген — знать ничего не хотел, кроме пьянки, девиц и гулянок! Никто не мог перещеголять его засто-

лья. Сверкают зеркала, пылают свечи и лампы, орды носильщиков и лакеев, разливанное море французской бормотухи и ледяной шипучки! А закусон! У Роджера была лучшая в городе кухня. Тут вам не сунут пишпаш или коббилимаш. Жаркое и плов были весьма хороши, но мы, стреляные воробьи, ждали, когда подадут рыбу латес с карри и чички со шпинатом.[17] Уж поверьте, снедь была первоклассной, но ужин — это лишь затравка, настоящий шурум-бурум начинался потом, в раздевалке танцовщиц. Там вас ждал еще один чакмак! Для господ и дам расставляют стулья. Туземцы умащиваются на ковриках и платках. Бабу[18] пыхтят кальянами, саибы раскуривают сигары. Кружат танцовщицы, музыканты бьют в барабаны. О, старый развратник знал толк в веселье! Бывало, хитрый шайтан заметит, что вам приглянулась какая-нибудь бабешка, и подсылает слугу. Малый кланяется и приплясывает вокруг вас, будто ничего такого. Все вокруг думают, что вы обожрались сластей и вам срочно надо в какаториум. Но вас провожают не в гальюн, а

[17] Примечания: 17

Пишпаш — рисовый суп, коббилимаш — блюдо из вяленой рыбы, чички — овощное рагу.

[18] Примечания: 18

Бабу — здесь: индусы.

в укромную комнатушку, чтобы вы потешили своего озорника. Никому и в голову не придет, что сейчас вы втыкаете индюка девице между баками и вкушаете черную ягодку. — Дафти ностальгически вздохнул. — Ох, славно баламутили на этих посиделках! Нынче уж нигде вам так не пощекочут шалуна.

Захарий кивал, будто все понял.

— Стало быть, вы хорошо знакомы с тем, кто приглашает нас отобедать?

— Не с ним, а с его отцом. Сынок схож с папашей не больше, чем нектандра с красным деревом. — Лоцман неодобрительно хрюкнул. — Чего я терпеть ненавижу, так это ученых туземцев. Старик знал свое место, его нипочем не увидишь с книжкой. А молокосос напускает на себя — ну прям тебе важная шишка. Вообще-то их род не шибко знатный, дворянство им пожаловали как бакшиш за верность Короне. — Теперь мистер Дафти презрительно фыркнул. — Нынче всякий бабу, разжившийся парой акров, корчит из себя невесть что. А этот молодой паршивец еще цедит через губу, будто персидский падишах. Услышите, как он чешет по-английски — ну точно макака, что вслух читает «Таймс». — Толстяк ухмыльнулся и крутанул трость. — Ну вот еще

развлечение, кроме жратвы: ученая обезьяна.

Помолчав, лоцман хитро подмигнул:

— Ходят слухи, что скоро молодцу кердык. Говорят, казна его шибко оскудела.

Захарий больше не мог притворяться, что все понимает.

— Ке… кердык? — сморщился он. — Ну вот опять слово, которого я не знаю.

Ответом на честное признание стала суровая отповедь: дескать, хватит уже выставлять себя безмозглым гуддой.

— Гудда — это осел, если вас интересует, — пояснил лоцман. — Здесь Индия, и саибу негоже выглядеть набитым дураком. Если не врубиться что к чему, вам каюк, и ждать недолго. Это не Балтимор, тут джунгли, где в траве затаились кобры, а на деревьях макаки. Коли не угодно, чтобы вас надули как последнего олуха, ошарашьте аборигенов парой словечек на зуббен.

Поскольку выволочка была сделана строгим, но снисходительным тоном наставника, Захарий отважился уточнить значение слова «зуббен».

— Местный жаргон, голуба, — терпеливо вздохнул лоцман. — Освоить его легко, но пользоваться надо с умом. Просто слегка пересыпайте им свою речь, перемежайте с бранью. Упаси вас

бог слишком чисто говорить на урду или хинди — примут за туземца. И не мямлите, а то решат, что вы чичи.

Захарий беспомощно помотал головой:

— Что такое чичи, мистер Дафти?

— Чурка… чучмек… — Лоцман укоризненно приподнял бровь. — Ну, цветной, понимаете? Такое здесь не катит, дорогуша, с дегтем ни один саиб за стол не сядет. Тут с этим строго. Надо оберегать наших биби, в смысле дамочек. Одно дело, когда сам изредка макнешь стило в чернильницу. Однако гиену нельзя пускать в курятник. Чуть что, и черномазого засекут кнутом.

Захарий уловил неприятно кольнувший намек. За два дня он успел полюбить толстяка лоцмана, под личиной крикуна и грубияна угадав добрую и благородную душу. Казалось, мистер Дафти обиняком его предупреждает.

Захарий побарабанил пальцами по перилам и отвернулся:

— Пожалуй, мне стоит переодеться.

— Да уж, надо предстать во всей красе, — кивнул лоцман. — Слава богу, я догадался прихватить чистые подштанники.

Вскоре боцман Али, которого вызвали из рубки, появился в каюте и разложил на койке одежду.

Захария уже не прельщала возможность щеголять в чужих роскошных нарядах, и он испуганно воззрился на голубой китель из великолепной саржи, черные нансуковые панталоны, полотняную сорочку и белый шелковый галстук.

— Ну уж будет, — устало сказал. — Надоело выкобениваться.

Боцман вдруг стал неуступчив.

— Носить, — тихо, но твердо сказал он, встряхивая брюки. — Зикри-малум теперь важный саиб. Надо правильный одежда.

Захария удивила серьезность его тона.

— Вот еще! Тебе-то на кой черт это сдалось?

— Малум надо быть настоящий саиб. Ласкары хотеть он теперь быть капитан-мапитан.

— Чего?!

Захария вдруг осенило, почему боцману так важно его преобразить: ему надлежит стать командиром, «свободным мореплавателем», в которые ласкарам путь заказан. Боцман и команда считали его почти своим, но в то же время он мог принять немыслимый для них облик, и потому его успех станет их успехом.

Придавленный грузом ответственности, Захарий рухнул на койку и закрыл руками лицо.

— Ты не понимаешь, о чем просишь, — вы-

дохнул он. — Полгода назад я был всего лишь корабельным плотником. Подфартило — стал вторым помощником. Но про капитана забудь — это не по мне. Ни теперь, ни потом.

— Суметь. — Боцман подал рубашку. — Теперь суметь. Зикри-малум очень хорош. Суметь быть благородный господин.

— С чего ты решил, что я справлюсь?

— Зикри-малум знать благородный разговор. Моя слышать, ты говорить мистер Дафти, как настоящий саиб.

— Что? — вскинулся Захарий.

Он был встревожен тем, что боцман подметил его способность к разным манерам. Да, если нужно, он умел болтать, что твой ученый законник, — не зря же мать заставляла его сидеть за столом, когда хозяин, от которого она родила, развлекал гостей. Однако матушка не жалела оплеух, заметив в нем спесь или чванство. Она бы перевернулась в гробу, если б узнала, что сынок разыгрывает из себя черт знает кого.

— Ты сам хотеть, ты стать настоящий господин.

— Нет! — Захарий долго терпел, но сейчас взбунтовался. — Хватит! Не хочу слушать этот вздор!

Он вытолкал боцмана из каюты, шмякнулся на койку и закрыл глаза. Впервые за долгое время мысли его унеслись к последнему дню на балтиморских верфях. Он вновь увидел залитое кровью темнокожее лицо, выпученные глаза и проломленный гандшпугом череп. Будто наяву, четверо белых плотников окружили Фреди Дугласа и вопили: «Кончай его! Уделай нигера! Вышиби ему мозги!», а Захарий и другие цветные (в отличие от Дугласа не рабы) одеревенели от страха. Он слышал голос Фреди, который не укорял их за трусость, но призывал бежать без оглядки: «Все из-за места… белые не станут работать с черным… не важно, свободный он или раб… они избавляются от нас, чтоб не отнимали их хлеб…» Вот тогда-то Захарий решил оставить верфи и завербоваться на корабль.

Он встал с койки и открыл дверь, за которой увидел ожидавшего боцмана.

— Ладно, входи, — уныло сказал Захарий. — Только давай мухой, пока я не передумал.

Едва он оделся, как услышал гулкие крики с берега и ответные вопли с корабля. Через пару минут в дверь постучал мистер Дафти:

— Вы не поверите, но к нам пожаловал не кто иной, как сам мистер Бернэм! Берра-саиб! Так не

терпится увидеть шхуну, что прискакал верхом. Я выслал гичку, сейчас он будет здесь.

Лоцман смолк и, прищурившись, внимательно изучил наряд Захария. Потом стукнул тростью и вынес приговор:

— Высший класс, мой юный друг! Этакому одеянию позавидует и кизилбаш.

— Рад, что выдержал испытание, сэр, — мрачно ответил Захарий.

За его спиной боцман Али прошелестел:

— Что я говорить? Теперь Зикри-малум раджа-саиб.

3

Чамарс представлял собой хутор, где обитали одни кожемяки. Дити и Кабутри было негоже туда входить, но, к счастью, Калуа жил на отшибе, неподалеку от гхазипурского тракта. С дороги Дити частенько видела его колымагу и хижину, больше похожую на хлев. Сейчас она подошла чуть ближе и крикнула:

— Эй, Калуа! Чего делаешь?

Не получив ответа на три-четыре оклика, Дити запустила камушком в темноту бездверной халупы. Послышался звяк, возвестивший, что голыш угодил в кувшин или другую глиняную посудину.

— Калуа! — вновь позвала Дити.

В лачуге что-то зашевелилось, темнота дверного проема стала гуще, и из нее возник согнувшийся в три погибели возчик. Словно в подтверждение того, что он обитает в хлеву, следом высунулись морды двух белых бычков, возивших его тележку.

Непомерно высокий детина, на любой ярмарке Калуа возвышался над толпой, и даже ловкачи на ходулях уступали ему в росте. Однако свое

прозвище (Калуа — черный) он получил из-за оттенка кожи, напоминавшей старое засаленное точило. Говорили, малый вырос в гиганта, потому что в детстве был страшным мясоедом, и родители-кожемяки удовлетворяли его ненасытный аппетит падалью — остатками со скелетов дохлых коров и быков. Еще болтали, что телом он вымахал за счет ума и остался доверчивым простодушным увальнем, какого облапошит даже ребенок. После смерти родителей братьям и другим родичам не составило труда лишить простофилю законной крохи наследства; он не роптал, даже когда его выжили из отчего дома и поселили в хлеву.

Удача явилась нежданно-негаданно в виде трех отпрысков зажиточного помещичьего рода — заядлых игроков, чьим любимым занятием было делать ставки в схватках борцов и силовых состязаниях. Прослышав об удальце гиганте, они отправили за ним повозку и приняли в своем доме на окраине города.

— О какой награде ты мечтаешь? — спросили помещики.

Калуа долго скреб голову, а потом ткнул пальцем в тележку:

— Малик, я бы хотел иметь такую повозку, что-

бы зарабатывать на жизнь.

Троица кивнула — мол, он получит желаемое, если выиграет схватку и пару раз продемонстрирует свою силу.

Калуа победил во всех матчах, легко одолев местных борцов и силачей. Юные господа получили хороший навар, а великан — свою тележку. Ничего удивительного, что после этого робкий миролюбивый детина хотел закончить спортивную карьеру, ибо не имел других амбиций, кроме извозчичьих. Однако не тут-то было: слава о его молодецкой удали достигла августейших ушей его высочества магараджи Бенареса, и тот пожелал, чтобы гхазипурский силач сразился с его придворным чемпионом.

Поначалу Калуа отнекивался, но помещики его улещивали, а потом пригрозили, что отберут повозку и быков; тогда великан отправился в Бенарес, где на широкой площади перед дворцом Рамгарх потерпел свое первое поражение — уже на старте схватки его отправили в нокаут. Что ж, результат закономерен, сказал довольный магараджа, ведь борьба — состязание не только силы, но и ума, а в последнем Гхазипур вряд ли когда одолеет Бенарес. Родной город был унижен, Калуа вернулся с позором.

Однако вскоре пошли слухи, что причина его поражения в ином: мол, в развратном Бенаресе у помещиков родилась мысль случить гиганта с женщиной. Они позвали друзей и заключили пари: отыщется ли дамочка, которая впустит в себя этого двуногого зверя? Юные шалопаи наняли известную танцовщицу Хирабай и вместе с избранной публикой спрятались за ширмой. Неизвестно, чего ожидала красотка, но, увидев Калуа в одной лишь тряпице вкруг чресл, она якобы возопила: «Этому жеребцу под стать кобыла, а не женщина!»

Потому-то оскорбленный Калуа и проиграл схватку, говорили во всех уголках Гхазипура.

Так вышло, что Дити стала единственным человеком, который мог бы поручиться за верность этой истории. Как-то вечером, накормив мужа, она вдруг обнаружила, что в доме нет воды; оставлять посуду немытой было нельзя — накликаешь призраков, оборотней и упырей. Ничего, дело пустяковое: ночь светлая, лунная, до Ганга рукой подать. Пристроив кувшин на бедре, через маковое поле Дити пошла к серебрившейся реке. Она уже почти вышла на песчаный берег, когда услышала перестук копыт, а потом в лунном свете увидела четырех всадников, рысивших со

стороны Гхазипура.

Встреча с конником не сулила одинокой женщине ничего, кроме неприятностей, а уж с четырьмя кавалеристами, скачущими бок о бок, и подавно. Не теряя времени, Дити нырнула в маки, доходившие ей до пояса. Всадники приблизились, и она поняла, что ошиблась: верховых было трое, четвертый передвигался на своих двоих. Дити сочла его конюхом, но вот кавалькада подъехала совсем близко, и она разглядела, что пешего тащат на аркане, точно лошадь. Исполин, которого Дити приняла за всадника, был не кто иной, как Калуа. Теперь она распознала и наездников, которых в Гхазипуре все знали в лицо, — троица помещиков-игроков. Один крикнул: «Давай здесь, место хорошее, вокруг ни души!»; по голосу было ясно, что он пьян. Едва не поравнявшись с Дити, всадники спешились; двух коней они связали вместе и отогнали пастись на маковом поле. Третью лошадь, огромную вороную кобылу, подвели к заарканенному Калуа. Великан всхлипнул, повалился на колени и стал хватать помещиков за ноги:

— Май-бап, хамке маф карелу… Простите, господа… я не виноват…

Ответом были пинки и брань:

— Ты ведь нарочно проиграл! Скажешь, нет, сволочь?..

— Знаешь, сколько мы потеряли?..

— Что там Хирабай говорила?..

Дернув за веревку, помещики заставили Калуа встать и подтолкнули его к кобыле, махавшей хвостом. Рукоятью хлыста с великана сдернули набедренную повязку. Один помещик держал кобылу под уздцы, а двое других принялись стегать Калуа по обнаженной спине, пока он не прижался пахом к лошадиному крупу. Гигант испустил вопль, не отличимый от лошадиного ржанья.

Помещики развеселились:

— Видал? И регочет, будто жеребец…

— Скрути ему яйца…

Внезапно кобыла вскинула хвост и испражнилась, изгваздав бедра и живот Калуа. Троица зашлась от смеха. Один помещик ткнул великана хлыстом в задницу:

— Давай, Калуа! И ты облегчись!

Видение надругательства над ней в брачную ночь до сих пор преследовало Дити, и теперь, сидя в маковом схроне, она закусила ладонь, чтобы не вскрикнуть. Значит, такое бывает и с мужчинами? Даже такого силача можно унизить и подвергнуть непереносимой муке?

Дити отвернулась и вдруг увидела двух коней, которые подошли к ней почти вплотную — еще шаг, и они коснутся ее боками. Понадобилась секунда, чтобы отыскать маковую коробочку без лепестков, но с венчиком острых колючек. Подкравшись к жеребцу, Дити зашипела и ткнула его колючей головкой в холку. Конь отпрянул, точно от змеиного укуса, и бросился прочь, увлекая за собой привязанного собрата. Паника мгновенно передалась вороной кобыле, та рванулась и лягнула великана в грудь. Помещики на миг оцепенели, а потом кинулись за лошадьми, оставив на берегу голого, измазанного навозом Калуа.

Дити понадобилась вся ее отвага, чтобы подойти к бесчувственному телу. Удостоверившись, что злодеи не вернутся, она выбралась из своего укрытия и присела на корточки перед распростертым великаном. Он лежал в тени, и было не понятно — дышит или нет. Дити хотела коснуться его груди, но отдернула руку: трогать голого мужчину само по себе тяжкий грех, а если он еще и беспомощен — кара будет немыслимой. Дити воровато огляделась и, бросив вызов незримому свету, опустила палец на грудь великана. Стук сердца уверил ее в том, что Калуа жив, и она скоренько убрала руку, готовая задать стрекача, если

дрогнут его веки. Однако глаза его были закрыты, и сам он так недвижим, что Дити отважилась его рассмотреть. Теперь было видно, что, невзирая на колоссальные размеры, он всего-навсего парень, у которого над верхней губой пробивается пушок; сейчас это был не молчаливый чернокожий гигант, дважды в день появлявшийся возле ее дома, а поверженный юноша. Прицокнув языком, Дити наломала речного камыша, которым, как мочалкой, обтерла навоз с неподвижного тела. Потом аккуратно расправила белевшую на земле повязку, чтобы его прикрыть.

До сих пор ей как-то удавалось не замечать наготы великана, но сейчас взгляд ее задержался внизу его живота. Никогда еще она не видела эту мужскую часть так близко; ее снедали страх и любопытство, и опять возникло видение брачной ночи. Будто по собственной прихоти, рука ее скользнула вниз и накрыла штуковину, поразившую нежностью плоти, которая вдруг шевельнулась и чуть набухла. Возникло чувство, что сзади собралась вся деревня и родня наблюдает, как бесстыдница лапает самую неприкасаемую часть этого человека. Дити отпрянула и вновь укрылась в маках.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Калуа

с трудом встал и ошалело огляделся. Обмотавшись повязкой, он уковылял прочь, и вид его был настолько одурелый, что Дити почти уверилась — здоровяк не ведал о ее присутствии.

С тех пор минуло два года, однако память о событиях той ночи ничуть не потускнела, но обрела преступную яркость. Дити лежала рядом с одурманенным мужем, а мысли ее, вопреки усилиям направить их на что-нибудь иное, своевольно устремлялись к той сцене и четко высвечивали пикантные детали. Смятение было бы еще сильнее, если б вдруг оказалось, что память Калуа смакует те же картины, однако вид его утверждал, что он ничего не помнит. Червячок сомнения все же оставался, и при встречах с великаном Дити старательно избегала его взгляда и всегда закрывала лицо.

И вот теперь, сдерживая волнение, из-под складок истончившегося сари она опасливо наблюдала, как будет воспринят ее приход. Если в глазах Калуа мелькнет хоть искра воспоминания о ее роли в тех ночных событиях, не останется ничего другого, как развернуться и уйти. Возникнет неодолимое препятствие — ведь она не только была свидетелем измывательств (хотя одного этого позора довольно, чтобы сломить человека),

но проявила бесстыдное любопытство, если не сказать иначе.

Слава богу, в унылом взгляде великана ничто не промелькнуло. Облаченный в выцветшую безрукавку и грязную повязку, из складок которой бычки тянули застрявшие соломины и травинки, он переминался на своих ногах толщиной с добрый столб.

— Что случилось? — спросил Калуа.

В его хриплом бесцветном голосе не слышалось никаких намеков, и Дити решила, что воспоминания о той ночи, если и были, уже давно покинули сей неповоротливый скудный ум.

— На фабрике мужу стало плохо, — сказала она. — Надо привезти его домой.

Великан немного подумал и кивнул:

— Ладно. Привезу.

Приободрившись, Дити вынула заготовленный сверточек:

— Заплатить могу только этим, другого не жди.

— Что это? — уставился Калуа.

— Опий, — буркнула Дити. — Об эту пору что еще в доме найдется?

Возчик неуклюже шагнул вперед; Дити положила сверточек на землю и, прижимая к себе

дочку, тотчас отступила. Немыслимо средь бела дня общаться с представителем иной касты, даже если речь идет о передаче неодушевленной вещицы. Калуа поднял и понюхал сверток. «Может, и он опийный пристрастник?» — мелькнула мысль, которую Дити сразу прогнала. Какое ей дело? Он чужой, не муж. И все же она почему-то обрадовалась, когда возчик разломил кусок надвое и скормил бычкам, охотно сжевавшим угощение. Потом он запряг их в повозку, а Дити с дочкой, свесив ноги, уселись на задке. Вот так, разделенные бамбуковой тележкой, они двинулись в Гхазипур, не давая болтливым языкам повода для сплетни и упрека.

*

В тот же полдень в пятистах милях к востоку от Гхазипура Азад Наскар, более известный по прозвищу Джоду, готовился к путешествию, которое в результате приведет его на борт «Ибиса» и в святилище Дити. Утром он похоронил мать, истратив последние гроши на муллу, чтобы тот помолился над свежим холмиком. Деревенька Наскарпара расположилась в пятнадцати милях от Калькутты, умостившись на безликом пятачке по краю болотистого мангрового леса Сундарбанс.

Горстка хижин окружала гробницу суфийского факира, который пару поколений назад обратил жителей в ислам. Если б не могила, деревня давно бы растворилась в болоте, поскольку ее жители не привыкли долго сидеть на одном месте и зарабатывали на жизнь трудом лодочников, паромщиков и рыбаков. Люди скромные, они не помышляли о службе на океанском корабле, но из тех немногих, кто мечтал о матросском жалованье, более всех к нему стремился Джоду. Он бы давно ушел из деревни, если б не хворая мать, которую было нельзя оставить без пригляда. Пока она болела, Джоду за ней ухаживал, переполняясь то раздражением, то нежностью, и сделал все возможное, чтобы скрасить ее последние дни. Теперь оставалось выполнить ее последний наказ, после чего он сможет отыскать боцманов, вербующих ласкаров на морские корабли.

Сын лодочника, Джоду полагал, что уже стал взрослым, поскольку на его подбородке вдруг стала пробиваться густая щетина, требовавшая еженедельных визитов к цирюльнику. Однако бурные физиологические перемены начались недавно, и он к ним еще не привык; казалось, его тело подобно дымящемуся кратеру, который только что возник из океана, но еще не готов

извергнуться. Как память о несчастном случае в детстве, его левую бровь пересекал шрам, столь широкий, что издали казалось, будто у него три брови. Это уродство (если слово подходит) было его отличительной чертой, которая через много лет отразится в наброске, занявшем свое место в святилище Дити: три нежных угловатых штриха в овале.

Старая лодка, доставшаяся в наследство от отца, являла собой неуклюжее творение: выдолбленные стволы, связанные пеньковыми канатами. Сразу после похорон Джоду забросил в нее свои небогатые пожитки и был готов к отбытию в Калькутту. Подгоняемая течением, вскоре лодка оказалась у входа в канал, который вел к городским причалам; за право воспользоваться этой узкой артерией, недавно прокопанной предприимчивым английским инженером и известной под именем «канал Толли», Джоду отдал смотрителю последние монетки. Как всегда, здесь было полно судов, и часа два он продирался сквозь город, минуя храм Кали и мрачные стены тюрьмы Алипор. На шири Хугли было не менее людно, и Джоду вдруг очутился в скопище разнообразных судов: битком набитых сампанов и шустрых каноэ, громадин бригантин и крохотных баулия,

юрких яликов и неповоротливых шаланд, яхт с ухарскими треугольными парусами и многопалубных катамаранов. В этаком столпотворении были неизбежны случайные столкновения, после которых боцманы и штурвальные матерились, один взбешенный вахтенный плеснул помоями, а похабник рулевой сделал непристойный жест. Подражая морским командирам, в ответ Джоду орал: «Куда прешь? Осади!», чем весьма удивлял ласкаров.

После годичной изоляции в деревне душа его пела от звука портовых голосов, изрыгающих хулу, угрозы и страшные пожелания, а руки тосковали по канатам, когда он видел матросов, карабкающихся по вантам. Взгляд его скользил по берегу от пакгаузов Киддерпора до извилистых проулков Ватгунга, где на крылечках сидели женщины и, готовясь к вечеру, наводили красоту. Что-то скажут они теперь, если прежде смеялись и гнали юнца прочь?

За верфями Кида лодок стало меньше, и Джоду без труда причалил к набережной. Прямо напротив раскинулся Королевский ботанический сад, персонал которого часто пользовался этой пристанью. Никакого сомнения, что рано или поздно здесь появится кто-нибудь из знакомых; и верно

— часу не прошло, как подчалила лодка с молодым англичанином, помощником управляющего. Джоду хорошо знал рулевого в набедренной повязке и, когда саиб ступил на причал, подгреб к знакомцу. Матрос тотчас его узнал:

— Джоду Наскар? Ты, что ли?

— Он самый. Здравствуй, дяденька.

— Где тебя носило? Что матушка? Уж больше года, как ты сгинул. Народ гадал, куда ты подевался…

— Мы вернулись в деревню. Когда наш господин умер, мать не захотела остаться.

— Да, я слышал. Говорят, она хворает?

— Вчера померла, — тихо ответил Джоду.

Рулевой закрыл глаза и прошептал:

— Упокой Господь ее душу.

— Во имя Аллаха… — поддержал молитву Джоду. — Я здесь по воле матери: перед смертью она просила разыскать дочь нашего саиба, мисс Полетт Ламбер.

— Ну да, она же любила девочку как родную дочь, ни одна служанка так с чадом не нянчится.

— Ты знаешь, где сейчас мисс Полетт? Я больше года ее не видел.

Рулевой кивнул:

— Она живет неподалеку — вон там, вниз по

реке. После смерти отца ее приютила богатая английская семья. Ступай в Гарден-Рич и спроси дом Бернэм-саиба. Там в саду беседка с зеленой крышей, тотчас узнаешь.

Джоду обрадовался, что так легко все выяснил. Поблагодарив рулевого, он выдернул из ила весло и сделал мощный гребок. Отъезжая, он слышал голос знакомца, который возбужденно кому-то говорил:

— Видишь ту лодку? Прямо в ней родилась мисс Полетт Ламбер, дочь французского саиба…

В разном изложении Джоду так часто слышал эту историю, что как будто все видел собственными глазами. Видно, так на роду написано, говорила мать, поминая странный поворот судьбы: не отправься она рожать в свою деревню, Полетт никогда не появилась бы в их жизни.

Все произошло сразу после рождения Джоду. На лодке отец приехал забрать жену и ребенка. Они были уже на Хугли, когда поднялся шквалистый ветер. Смеркалось, и отец решил, что лучше не переправляться через реку, а пристать к берегу и дождаться утра. Удобнее места для стоянки, чем каменная набережная Ботанического сада, было не найти. Семейство поужинало и устроилось переждать ночь.

Только они задремали, как их разбудили громкие голоса. Отец зажег фонарь, высветивший лицо белого саиба, который сунулся под лодочный навес и что-то бессвязно лопотал. Было ясно, что он чем-то ужасно встревожен; вмешавшийся слуга все разъяснил: дело крайне срочное — у беременной жены господина начались схватки, нужен белый доктор, однако на этой стороне реки его не нашли, требуется переправить роженицу на другой берег.

Отец отказался — дескать, лодка маленькая, ночь безлунная, а река разбуянилась. Будет лучше, если господин раздобудет баркас или многовесельную шлюпку с гребцами — наверняка в Ботаническом саду что-нибудь найдется.

Так-то оно так, был ответ, сад располагает собственной маленькой флотилией, однако нынче, как назло, нет ни одной лодки — управляющий распорядился доставить своих друзей на ежегодный бал Калькуттской биржи. Их лодка — единственное судно на причале; если они откажут, погибнут две жизни — матери и дитя.

Мать Джоду, которая сама только что перенесла родовые муки, прониклась страданием беременной женщины и добавила свой голос к мольбам господина, уговаривая мужа взяться за дело.

Но отец все мотал головой и сдался лишь после того, как в его руке оказалась серебряная монета, собственная стоимость которой превышала цену лодки. Сей неотразимый довод способствовал заключению сделки, и француженку с приплодом перенесли на борт.

Хватило и взгляда, чтобы понять, как мучается несчастная женщина; лодка тотчас отвалила от набережной. Несмотря на ветер и тьму, ориентироваться было легко по огням Калькуттской биржи, нынче особенно щедро иллюминированной по случаю бала. Однако ветер крепчал, река бурлила, и лодку так швыряло, что плод не удержался. В качке женщине становилось все хуже, а потом вдруг у нее отошли воды, и начались преждевременные роды.

Отец тотчас повернул назад, но берег уже остался далеко. Саиб изо всех сил пытался успокоить жену, однако толку от него было мало, и роды приняла мать Джоду: перекусила пуповину и обтерла смазку с тельца новорожденной. Оставив собственного ребенка на днище лодки голеньким, она завернула девочку в одеяльце и подала умирающей женщине. Лицо дочери было последним, что узрела француженка; она истекла кровью и умерла, прежде чем лодка достигла

Ботанического сада.

Обезумевший от горя саиб не мог совладать с плачущим младенцем; девочка утихла, лишь когда мать Джоду дала ей грудь. После этого господин сделал новое предложение: не сможет ли семья лодочника задержаться у него, пока он не найдет няньку или кормилицу?

Разве можно было отказать? По правде, матушка уже не смогла бы расстаться с девочкой, ибо прикипела к ней душой с того мгновенья, как поднесла ее к груди. Отныне у нее стало двое детей — сынок и доченька, которую она ласково называла Путли, «Куколка». Полетт, выросшая в смешении языков, звала ее Тантима — «тетя-мама».

Вот так мать Джоду оказалась в услужении Пьеру Ламберу, который совсем недавно прибыл в Калькутту на должность помощника управляющего Ботаническим садом. Предполагалось, что мать останется в доме, пока ей не подыщут замену, но как-то никого не нашлось. Само собой вышло, что матушка стала кормилицей Полетт и баюкала на руках двух младенцев. Возражения со стороны отца увяли, как только француз купил ему новую, превосходную баулию; вскоре папаша отбыл в Наскарпара, оставив в городе жену и сы-

на, но прихватив с собой новенькую лодку. С тех пор он показывался очень редко — как правило, в начале месяца, когда матушка получала жалованье. На ее деньги он снова женился и наплодил кучу детей. С братьями-сестрами Джоду встречался два раза в год, когда неохотно приезжал на праздники Рамадан-байрам и Курбан-байрам. Деревня была ему чужой, а домом стало бунгало в усадьбе Ламбера, где он правил как наперсник и шутейный супруг маленькой хозяйки.

Что до Полетт, то сначала она заговорила на бенгали, а первым после кашек блюдом стал рис с чечевицей, состряпанный тетей-мамой. Фартуку она предпочитала сари и терпеть не могла обуви, желая бегать по саду босоногой, как Джоду, с которым в раннем детстве была неразлучна и без которого отказывалась есть и спать. Из всех детей прислуги только ему был открыт доступ в хозяйский дом. С малых лет Джоду понял, что все это благодаря особым отношениям мамы с хозяином, которые заставляли их допоздна засиживаться вдвоем. Однако дети не обращали на это внимания и принимали как один из многочисленных фактов необычного домашнего уклада, ибо не только Джоду с матерью, но в еще большей степени Полетт с отцом выпали из своего круга. Белые

почти никогда не заглядывали в бунгало матери с сыном, а Ламберы сторонились круговерти английского общества в Калькутте. На другой берег француз ездил только «по делям», а все остальное время посвящал своим растениям и книгам.

Более приземленный, чем его подружка, Джоду заметил отчужденность хозяина и его дочки от других белых саибов и вначале объяснял это тем, что они родом из страны, которая часто воевала с Англией. Однако потом, когда их общие с Путли секреты стали существеннее, он узнал, что не только это разделяло Ламберов и англичан. Выяснилось, что Пьер Ламбер оставил родину, ибо в юности участвовал в бунте против короля, а респектабельное английское общество сторонилось его, потому что он публично отрицал существование Бога и святость супружеских уз. Джоду не придавал этому ни малейшего значения и только радовался, что подобные обстоятельства ограждают их дом от других белых саибов.

Дети подрастали, но не это и не разница в происхождении, а нечто совсем неуловимое подточило их дружбу. В какой-то момент Полетт пристрастилась к чтению, и ни на что другое у нее не оставалось времени. Джоду, наоборот, утратил интерес к буквам, едва научился их

распознавать; его тянуло к воде. В десять лет он уже так лихо управлялся со старой отцовской лодкой, колыбелью новорожденной Полетт, что не только служил Ламберам перевозчиком, но сопровождал их в экспедициях за образчиками растений.

Пусть необычный, но уклад их дома выглядел таким удобным и прочным, что все они оказались не готовыми к невзгодам, последовавшим за внезапной смертью Пьера Ламбера. Лихорадка уморила его, прежде чем он успел привести в порядок дела; вскоре после его кончины выяснилось, что его исследования, требовавшие денег, накопили существенные долги, а загадочные поездки «по делям» означали тайные визиты к городским ростовщикам. Вот тогда-то Джоду с матерью заплатили за свою особую близость к помощнику управляющего. Неприязнь и зависть других слуг тотчас перекипели в злое обвинение: парочка обворовала умирающего хозяина. Бешеная враждебность заставила мать с сыном бежать из дома. Не имея выбора, они вернулись в Наскарпара, где их нехотя приютила новая семья отца. Однако после долгих лет комфортной жизни мать уже не могла приспособиться к деревенским лишениям. Здоровье ее неуклонно

ухудшалось, она так и не оправилась.

В деревне Джоду провел четырнадцать месяцев, и за все это время ни разу не видел Полетт, не получил от нее весточки. На смертном одре мать часто вспоминала свою подопечную и умоляла сына хотя бы разок повидаться с Путли, чтобы та узнала, как сильно тосковала по ней старая нянька на закате своей жизни. Джоду давно уже смирился с тем, что он и его былая подружка разойдутся каждый по своим мирам; если б не просьба матери, он бы не стал искать Полетт. Однако теперь, когда Путли была так близко, его охватило волнение: захочет ли она увидеться или вышлет слугу с отказом? Вот если б встретиться наедине, ведь так много накопилось, о чем поговорить. Впереди замаячила зеленая крыша беседки, и Джоду шибче заработал веслом.

4

Вопреки безрадостной цели поездки на душе было удивительно легко; Дити словно чувствовала, что в последний раз едет этой дорогой, и хотела сполна взять от путешествия.

Медленно пробившись сквозь сумятицу проулков и базаров в центре города, повозка свернула к реке, где толчея стала меньше, а окрестности привлекательнее. Редко наезжавшие в город, мать с дочерью зачарованно смотрели на стены Чехел-Сотуна — копии дворца сорока колонн в Исфахане, возведенной аристократом персидских кровей. Немного погодя миновали еще большее чудо с желобчатыми колоннами и высоким куполом в греческом духе — мавзолей лорда Корнуоллиса, снискавшего известность под Йорктауном и тридцать три года назад почившего в Гхазипуре; с громыхающей повозки Дити показала дочери статую английского губернатора. Вдруг тележка съехала на тряскую обочину; Калуа прищелкнул языком, подгоняя быков. Дити с Кабутри обернулись посмотреть, что там впереди, и улыбки сползли с их лиц.

Дорогу занимала толпа человек в сто, а может,

больше; под конвоем вооруженных палками охранников она устало плелась к реке. На головах и плечах людей покачивались узлы с пожитками, на сгибах локтей болтались медные котелки. Дорожная пыль на дхоти и блузах говорила о том, что путники идут уже давно. У зевак их вид вызывал жалость и страх; одни сочувственно цокали языком, но другие, ребятня и старухи, швыряли в толпу камнями, будто стремясь отогнать нездоровый дух. Несмотря на изможденность, путники вели себя на удивление непокорно, если не сказать дерзко — кое-кто отвечал зевакам теми же булыжниками, и такая бравада тревожила публику не менее их затрапезной наружности.

— Кто это, мам? — прошептала Кабутри.

— Не знаю. Может, узники?

— Нет, — вмешался Калуа, показав на видневшихся в толпе женщин и детей.

Они еще гадали, кто эти люди, когда один конвоир остановил повозку; начальник конвоя дуффадар Рамсаран-джи ушиб ногу, сказал он, надо подвезти его к причалу. Дити с Кабутри тотчас подвинулись, освобождая место для высокого толстопузого человека в безупречно белой одежде и кожаных башмаках. Тяжелая трость и огромная чалма добавляли ему импозантности.

Возчик и пассажиры сильно оробели, но Рамсаран-джи нарушил молчание, обратившись к Калуа:

— Кахваа се авела? Откуда вы?

— Паросе ка гао се ават бани. Из окрестной деревни, господин.

Узнав родной бходжпури, Дити с Кабутри придвинулись ближе, дабы не пропустить ни слова. Калуа наконец отважился на вопрос:

— Кто эти люди, малик?

— Гирмиты, — ответил дуффадар, и Дити негромко охнула.

Слух о гирмитах уже давно ходил в окрестностях Гхазипура; она никогда не видела этих людей, но слышать о них слышала. Им дали это имя по названию бумаги, куда их записывали в обмен на деньги.[19] Семьи гирмитов получали серебро, а сами они навеки исчезали, словно канув в преисподнюю.

— Куда их ведут? — Калуа перешел на шепот, будто говорил о живых мертвецах.

— Корабль отвезет их в Патну, а затем в Калькутту, — ответил начальник. — Оттуда их переправят в место под названием Маврикий.

---

[19] Примечания: 19

Гирмит — искаженное английское слово «эгримент» (agreement), контракт, договор.

Дити уже не могла терпеть и, прикрывшись накидкой, вмешалась в разговор:

— А где этот Маврикий? Рядом с Дели?

— Нет, — снисходительно улыбнулся Рамсаранджи. — Это морской остров вроде Ланки, только еще дальше.

Имя Ланки пробудило воспоминание о Раване[20] с легионами демонов. Дити вздрогнула. Как же эти люди не грянутся оземь, ведая, что их ждет? Дити представила себя на их месте: каково знать, что ты навеки изгой, никогда уже не войдешь в отчий дом, не обнимешь мать, не разделишь трапезу с братьями и сестрами, не почувствуешь очищающего прикосновения Ганга? Каково знать, что до конца дней будешь влачить жизнь на диком, зачумленном бесами острове? Дити поежилась.

---

[20] Примечания: 20

Равана — повелитель ракшасов, мифический десятиглавый владыка острова Ланка, персонаж эпоса «Рамаяна», антагонист главного героя — Рамы. Согласно легенде, Равана десять тысяч лет предавался суровой аскезе, и в награду Брахма наделил его даром неуязвимости от богов и демонов. Равана узурпировал власть над всеми тремя мирами (небеса, земля и преисподняя). На Ланке он основал царство ракшасов и сверг с небес богов, заставив их прислуживать в его доме — Агни готовил еду, Варуна приносил воду, Ваю подметал пол. Чтобы избавиться от его тирании, бог Вишну родился на земле в облике смертного Рамы и долго пытался одолеть Равану в битве под Ланкой — отсекал ему головы, но те вновь отрастали. Тогда Рама поразил Равану в сердце «Стрелой Брахмы».

— Как они туда доберутся? — спросила она.

— В Калькутте их ждет огромный корабль, какого ты в жизни не видела, там уместятся сотни людей…

Хай рам! Боже ты мой! Так вот оно что! Дити зажала рукой рот, вспомнив видение корабля над водами Ганга. Но зачем призрак возник перед ней, если она никак не связана с этими людьми? Что бы это значило?

Кабутри мгновенно догадалась, о чем думает мать:

— Ты же видела корабль, похожий на птицу, да? Странно, что он явился тебе.

— Молчи! — вскрикнула Дити.

Охваченная страхом, она крепко прижала к себе дочь.

*

Вскоре после того, как мистер Дафти возвестил о прибытии Бенджамина Бернэма, на палубе послышались грузные шаги. Желтоватые бриджи и темный жакет судовладельца были покрыты пылью, а сапоги заляпаны грязью, но поездка верхом явно его взбодрила, ибо на разгоряченном лице не отмечалось ни малейших следов усталости.

Мужчина внушительного роста и объема, Бен-

джамин Бернэм носил густую курчавую бороду, прикрывавшую его грудь наподобие сияющей кольчуги. Он вплотную приблизился к пятидесятилетнему рубежу, однако походка его не утратила юношеской упругости, а в зорких глазах сверкала искра, какая бывает у тех, кто никогда не озирается по сторонам, но смотрит только вперед. Его продубленное лицо потемнело — результат многолетних усердных трудов на солнце. Ухватившись за лацканы жакета, он насмешливо оглядел команду и отозвал в сторонку мистера Дафти. Они коротко переговорили, после чего мистер Бернэм шагнул к Захарию и протянул ему руку:

— Мистер Рейд?

— Так точно, сэр. — Захарий ответил на рукопожатие.

— Дафти говорит, для новичка вы весьма смышлены.

— Надеюсь, он прав, сэр, — ушел от ответа Захарий.

Судовладелец улыбнулся, показав крупные сверкающие зубы:

— Как насчет того, чтобы устроить мне экскурсию по моему новому судну?

Бенджамин Бернэм излучал особого рода власт-

ность, предполагавшую в нем выходца из богатой привилегированной семьи, но впечатление это было обманчиво. Купеческий сын, он гордился тем, что всего в жизни добился сам. За два дня любезность мистера Дафти весьма обогатила Захария сведениями о «Берра-саибе»: скажем, несмотря на всю его фамильярность с Азией, Бенджамин Бернэм не был «здешним уроженцем» — «в смысле, он не из тех саибов, кто испустил свой первый крик на Востоке». Сын ливерпульского торговца древесиной, он и десяти лет не прожил «дома» — «что означает старушку Европу, а не дикую глушь, откуда вы родом, мой мальчик».

В детстве, рассказывал лоцман, парень был «чистый шайтан» — драчун, баламут и просто раззепай, которому светило всю жизнь скитаться по каторгам да тюрьмам, и, чтобы спасти дитятко от уготованной ему судьбы, родители сплавили его в «морские свинки» («так в старину индусы называли юнг»), которых каждый гонобил как вздумается.

Но даже строгости Ост-Индской компании не удалось усмирить паренька. «Как-то рулевой заманил его в каптерку, чтоб впялить пистон. Однако юный Бен, даром что шкет, не мандражнул,

но схватил кофель-нагель и так отходил педрилу, что тот отдал концы».

Во благо самого Бена его списали с корабля в ближайшем порту, которым оказался Порт-Блэр — британская исправительная колония на Андаманских островах. Служба у тюремного капеллана стала для парня школой наказания и милосердия, в которой он обрел веру и получил образование. «У проповедников рука тяжелая, мой мальчик, они вложат в вас слово божье, даже если для этого придется вышибить вам все зубы». Полностью исправившись, Бен отбыл в Атлантику, где какое-то время служил на «обезьяннике», курсируя между Америкой, Африкой и Англией. В девятнадцать лет он оказался на корабле, на борту которого в Китай плыл известный протестантский миссионер. Случайное знакомство с преподобным переросло в крепкую долгую дружбу.

«Вот так оно там устроено, — рассказывал лоцман. — Друзья познаются в Кантоне. Китайцы держат бесовских чужеземцев в факториях за городскими стенами. Ни один чужак не смеет покинуть отведенную полоску земли и пройти через городские ворота. Некуда прогуляться или съездить. Даже чтоб сплавать на лодчонке, надо

получить официальное разрешение. Никаких женщин; только сиди и слушай, как менялы подсчитывают монеты. Одиноко, словно мяснику в постный день. Некоторые не выдерживали, их отправляли домой. Кто-то ходил на Свинюшник, чтобы снять баядерку или надраться сивухи. Но не таков Бен Бернэм: когда не торговал опием, он шел к миссионерам. И чаще всего в американскую факторию — набожные янки были ему больше по вкусу, нежели коллеги из компании».

Преподобный замолвил словечко, и Бенджамин устроился клерком в торговую фирму «Магниак и компания», предшественницу «Джардин и Матесон»; отныне Бернэм, как всякий иностранец, торгующий в Китае, делил свое время между двумя полюсами в дельте Жемчужной реки — Кантоном и Макао, отстоящими друг от друга на восемьдесят миль. В Кантоне купцы торговали зимой, а все прочие месяцы жили в Макао, где компания располагала широкой сетью пакгаузов и фабрик.

«Бен Бернэм торчал в порту на разгрузке опия, но он не из тех, кто удовольствуется месячным жалованьем в чужой ведомости; парень мечтал стать полноправным набобом, у которого персональное место на калькуттском опийном

аукционе». Как многим чужеземным купцам, ему помогли церковные связи, поскольку миссионеры имели тесный контакт с торговцами опием. В 1817 году Ост-Индская компания выдала Бернэму документ свободного предпринимателя, и ему тотчас улыбнулась удача в виде группы новообращенных китайцев, которых надлежало сопроводить в колледж баптистской миссии в Серампоре. «А кто лучше Бернэма справится с задачей? Глядь-поглядь, а он уже ищет место под контору в Калькутте и, что интересно, находит. Шельма Роджер дает ему ключи от дома на Стрэнде!»

Бернэм перебрался в Калькутту с тем, чтобы участвовать в опийных аукционах Ост-Индской компании, однако первый финансовый успех ему принесла иная торговля, в которой он поднаторел еще в юности. «Как говаривали в старые добрые времена, из Калькутты вывозят только дурь и душегубов — опий и кули, если угодно».

Первой удачей Бернэма стал контракт на перевозку каторжников. В то время Калькутта была главным перевалочным пунктом, из которого индийских узников отправляли в островные тюрьмы — Пенанг, Бенкулен, Порт-Блэр и Маврикий. Мутные воды Хугли уносили в Индийский

океан тысячи воров, убийц, грабителей, мятежников, охотников за головами и всяческой шпаны. Их рассеивали по острогам, куда британцы упекали своих недругов.

Набрать команду было непросто, поскольку мало кто желал поступить на судно, перевозящее головорезов. «Бернэм взялся за дело с того, что вызвал приятеля по "обезьяним рейсам" Чарльза Чиллингуорта — капитана, слывшего лучшим надсмотрщиком, ибо еще ни одному рабу или каторжнику не удалось сбежать из-под его опеки». В струе перевозок, хлеставшей из Калькутты, Бен с помощью друга намыл себе состояние и вошел в китайскую торговлю на том уровне, о котором даже не помышлял: вскоре он обзавелся собственной приличной флотилией. К тридцати годам он вместе с двумя братьями создал фирму, ставшую ведущим торговым домом с представительствами в таких городах, как Бомбей, Сингапур, Аден, Кантон, Макао, Лондон и Бостон.

«Вот вам чудеса колоний. Юнга, лазавший в клюзы, превращается в высокородного саиба, как дважды рожденный.[21] В Калькутте перед

[21] Примечания: 21

Дважды рожденный — представитель одной из трех высших индийских каст, в которых мальчики проходят обряд, символизирующий духовное рождение.

ним открыта любая дверь. Обеды у губернатора. Завтраки в форте Уильям. Ни одна роскошная дамочка не посмеет отказать ему в визите. Он отдает предпочтение Низкой церкви, но, будьте уверены, епископ всегда ему рад. Наконец, в жены он берет благороднейшую мисс Кэтрин Брэдшоу, генеральскую дочь».

*

Натура Бена Бернэма, сделавшая его набобом, полностью проявилась в осмотре шхуны, которую он облазал от форштевня до кормы и от кильсона до утлегаря, подмечая все, достойное похвалы или упрека.

— Какова милашка на ходу, мистер Рейд?

— Великолепна, сэр. Плавна, как лебедь, и шустра, как акула, — ответил Захарий.

Мистер Бернэм улыбкой оценил его восторг:

— Добро.

После осмотра шхуны судовладелец выслушал доклад о полном тягот походе из Балтимора, перебивая его въедливыми вопросами, и пролистал вахтенный журнал. Закончив перекрестный допрос, он объявил, что вполне доволен, и хлопнул Захария по спине:

— Молодца! Учитывая все обстоятельства, вы

отлично справились.

Однако хозяина беспокоили команда ласкаров и ее вожак:

— С чего вы решили, что этот прохляла заслуживает доверия?

— Прохляла, сэр? — нахмурился Захарий.

— Так здесь называют араканцев, — пояснил Бернэм. — От одного этого слова местные туземцы приходят в ужас. Говорят, нет хуже пиратов, чем банда прохлял.

— Серанг Али — пират? — Захарий улыбнулся, вспомнив свое первое впечатление о боцмане, теперь казавшееся нелепым. — Да, сэр, этот человек немного смахивает на дикаря, но он такой же пират, как я. Если б Али намеревался угнать «Ибис», он бы это сделал задолго до того, как мы бросили якорь. Я бы не смог ему помешать.

Бернэм вперился в Захария:

— Стало быть, вы за него ручаетесь?

— Да, сэр.

— Что ж, ладно. Однако на вашем месте я бы за ним приглядывал.

Мистер Бернэм отложил журнал и занялся корреспонденцией, накопившейся за время плавания. После того как Захарий передал прощальные слова мсье д'Эпинея о гниющем тростнике и от-

чаянной нехватке кули, письмо маврикийско-го плантатора вызвало его особый интерес.

— Как вы насчет того, чтобы вскоре опять сгонять на Маврикий? — почесывая бороду, спросил мистер Бернэм.

— Опять, сэр?

Захарий рассчитывал, что на переоснастку «Ибиса» уйдет пара месяцев, которые он проведет на берегу, и внезапная перемена планов застала его врасплох.

Видя его замешательство, судовладелец пояснил:

— В первом рейсе опия не будет. Китайцы баламутят, и пока они не поймут всю выгоду свободной торговли, я не пошлю груз в Кантон. До тех пор судно будет занято привычным для себя делом.

— То есть опять станет невольничьим кораблем? — перепугался Захарий. — Разве английские законы не запрещают работорговлю?

— Запрещают, — кивнул мистер Бернэм. — Еще как запрещают, Рейд. Печально, но еще много тех, кто ни перед чем не остановится, дабы помешать движению человечества к свободе.

— К свободе, сэр? — Захарий подумал, что ослышался.

Мистер Бернэм тотчас развеял его сомнения:

— Да, именно к свободе. А что еще означает господство белого человека над низшими расами? На мой взгляд, с тех пор как Господь вывел из Египта сынов израилевых, следующим величайшим шагом к свободе стала работорговля. Ведь так называемый раб в Каролине свободнее африканских собратьев, стонущих под игом черного тирана, правда?

Захарий подергал себя за мочку.

— Что ж, сэр, если рабство — это свобода, то я рад, что мне не довелось ее вкусить. Кнуты и оковы не по мне.

— Бросьте, Рейд! — хмыкнул мистер Бернэм. — Поход к сияющему на холме городу не бывает без муки. Ведь израильтяне тоже страдали в пустыне, а?

Не желая ввязываться в спор с новым хозяином, Захарий промямлил:

— Да, пожалуй…

Однако мистер Бернэм этим не удовольствовался и одарил собеседника насмешливой улыбкой.

— Я думал, вы и впрямь смышлены, Рейд. Однако ведете себя как паршивый реформатор.

— Вот как? Я не хотел…

— Надеюсь. По счастью, сия зараза еще не кос-

нулась ваших краев. Я всегда говорил: Америка — последний бастион свободы, там рабству пока ничто не угрожает. Где бы еще я нашел судно, так идеально приспособленное для своего груза?

— Вы имеете в виду рабов, сэр?

— Да нет, — поморщился мистер Бернэм. — Не рабов — кули. Слыхали пословицу «Если Господь затворяет одну дверь, он распахивает другую»? Когда для африканцев путь к свободе закрылся, Бог отворил его для племени, которое наиболее в том нуждалось, — для азиатов.

Захарий пожевал губами: ни к чему выведывать хозяйские планы, лучше сосредоточиться на деловых вопросах.

— Думаю, вы захотите подновить трюм?

— Верно. То, что предназначалось для рабов, вполне сгодится для кули и осужденных. Надо устроить пару отхожих мест, чтобы черные не обгадились выше головы. Проверяющие останутся довольны.

— Есть, сэр.

Бернэм запустил пальцы в бороду.

— Полагаю, мистер Чиллингуорт одобрит корабль.

— Новый капитан, сэр?

— Вы о нем слышали? — Мистер Бернэм опе-

чалился. — Это его последний рейс, и я хочу доставить ему радость. Старые хвори дают себя знать, капитан не в лучшей форме. Первым помощником будет мистер Кроул — превосходный моряк, но слегка несдержан. Вторым помощником хотелось бы взять разумного парня. Что скажете, Рейд? Готовы послужить?

Предложение так отвечало надеждам Захария, что сердце его екнуло.

— Вы сказали, вторым помощником, сэр?

— Ну да, — кивнул Бернэм и, словно утрясая вопрос, добавил: — Рейс пустячный — после муссонов поднять паруса и через шесть недель вернуться. На борту будет мой субедар с кучей надсмотрщиков и караульных. Человек он опытный, знает, как приструнить душегубов, чтобы не пикнули. Если все пройдет гладко, как раз поспеете к нашей китайской пирушке.

— Простите, сэр?

Мистер Бернэм обнял Захария за плечи.

— Говорю по секрету, так что не проболтайтесь. Поговаривают, Лондон снаряжает экспедицию, чтобы взяться за Поднебесную. «Ибис» должен участвовать… вместе с вами. Что скажете? Справитесь?

— Можете на меня рассчитывать, сэр, — пыл-

ко ответил Захарий. — В серьезном деле я не подведу.

— Молодчина! — Мистер потрепал Захария по спине. — А что «Ибис»? В стычке пригодится? Сколько у него пушек?

— Шесть девятифунтовых. Можно установить одну тяжелую на вертлюге.

— Превосходно! Вы мне нравитесь, Рейд. Помните: для смышленого парня я всегда найду дело. Если хорошо себя проявите, скоро сами будете капитаном.

*

Нил лежал навзничь, разглядывая рябь солнечных зайчиков на отполированном потолке каюты; свет, рассеянный жалюзи, создавал впечатление подводного царства, куда раджу погрузили вместе с Элокеши. Иллюзию усиливало ее полуобнаженное тело, на котором солнечные пятна переливались и дрожали, будто речные струи.

Он любил эти перерывы в любовных утехах, когда подруга задремывала у него под боком. Даже во сне она казалась замершей в танце, словно ее пластический талант не ведал границ и равно проявлял себя в движении и покое, на сцене и в

постели. Как исполнительница, она славилась тем, что за ее ритмом не могли угнаться самые искусные барабанщики, и в постели ее импровизации также изумляли, доставляя несказанное наслаждение. Бесподобная гибкость позволяла ей вытворять невиданные фортели: он ляжет сверху и приникнет к ее устам, она же так обовьет его ногами, что его голова окажется между ее ступней; или такое отчебучит: прогнется дугой, и раджа балансирует на упругом изгибе ее живота. Искусная танцовщица, она сама руководила соитием, отчего раджа лишь смутно чувствовал ритмические фигуры, управлявшие сменой темпа, и миг его извержения был абсолютно непредсказуем, но в то же время безоговорочно предрешен все ускоряющимся взлетом к вершине, где с последним тактом он застывал в неподвижности.

Еще больше раджа любил минуты после любовной баталии, когда в расхристанном сари изнемогшая Элокеши замирала, словно только что исполнила головокружительный тихаи. Неудержимый зов плоти никогда не оставлял времени, чтобы толком раздеться, а потому шесть ярдов его дхоти и девять ярдов ее сари переплетались замысловатее путаницы их конечностей, и, только излившись, он мог насладиться колдов-

скими чарами ее медленно возникающей наготы. Как многие танцовщицы, Элокеши обладала приятным голосом; она мурлыкала изящную тумри, а Нил медленно распутывал ее одежды, постепенно открывая взгляду и губам крепкие лодыжки, на которых позвякивали серебряные браслеты, крутые бедра с литыми мышцами, пушистый холм лобка, нежный изгиб живота и полные груди. Избавившись от последнего лоскутка одежды, они пускались во вторую атаку, медленную и нескончаемо долгую.

Нынче раджа только начал извлекать Элокеши из кокона ее одеяний, как ему помешали: в коридоре второй раз за день некстати возникла перепалка — девичий заслон не пускал Парамала, желавшего сообщить новость.

— Пусть войдет! — досадливо рявкнул Нил.

Накидкой он укрыл Элокеши, но не озаботился спрятать свою наготу. Камердинер служил у него с тех пор, как он начал ходить: в детстве мыл его и одевал, готовил его, двенадцатилетнего, к первой брачной ночи, наставляя, что следует делать, а потому знал раджу как облупленного.

— Прошу прощенья, господин, — сказал Парамал, войдя в каюту. — Я подумал, вы должны знать о прибытии Берра-саиба, мистера Бернэма.

Сейчас он на шхуне. Офицеры приглашены к обеду, а как быть с ним?

Известие застало врасплох, но после секундного размышления Нил кивнул:

— Ты прав, его тоже надо пригласить. Подай чогу.

Паримал снял с крючка халат и помог радже в него облачиться.

— Подожди за дверью, — приказал Нил. — Я напишу другое письмо, которое ты доставишь на корабль.

Камердинер вышел; Элокеши откинула покрывало.

— Что случилось? — спросила она, сонно моргая.

— Ничего. Надо сочинить записку. Ты лежи, я быстро.

Обмакнув перо в чернильницу, раджа начеркал несколько слов, но затем передумал и взял другой лист. Рука его подрагивала, когда он выводил строчку об удовольствии принять мистера Бенджамина Бернэма на борту плавучего дворца. Помешкав, Нил глубоко вздохнул и написал: «Ваш приезд стал счастливым совпадением и непременно порадовал бы моего покойного отца, который, как вы знаете, очень верил в приметы

и знамения...»

*

Лет двадцать пять назад, когда фирма «Братья Бернэм» еще пребывала в зародыше, ее основатель пришел к старому радже, чтобы договориться о найме под контору его владения. Нужен офис, но капитала маловато, поведал мистер Бернэм, а потому желательна отсрочка платежа. Пока он излагал свое дело, под его стулом тихонько устроилась белая мышка, которую торговец не заметил, но помещик прекрасно видел. Поскольку мышь числилась в символах Ганеш-такур — покровителя удачи, устраняющего препятствия, — заминдар воспринял визит англичанина как знак божественной воли и не только согласился на год отсрочить платеж, но оговорил условие, которое наделяло его правом инвестировать в неоперившуюся фирму. Тонкий знаток людей, раджа угадал в визитере человека будущего. Чем конкретно хочет заняться англичанин, раджа не уточнял — все-таки заминдар, а не рыночный меняла, что по-турецки расселся за своей конторкой.

За последние полтора века именно такие судьбоносные решения сколотили состояние Хал-

деров. В эпоху династии Мугхалов они ластились к ее представителям; потом наступило время Ост-Индской компании, и они осторожно приветили новичков; когда британцы ополчились на мусульманских правителей Бенгалии, они давали деньги одной стороне и сипаев другой, выжидая, чья возьмет. После победы британцев Халдеры кинулись изучать английский столь же рьяно, как прежде овладевали урду и фарси. Когда было выгодно, они охотно принимали английский стиль, но бдительно следили за тем, чтобы он не слишком глубоко проник в их собственную жизнь. Духовные установки белых купцов, их стремление выгодно урвать шанс Халдеры воспринимали с аристократическим презрением, особенно когда речь шла о Бенджамине Бернэме, выходце из торгашей. Инвестиции и прибыль от дела англичанина не подрывали их статус, но выяснять происхождение доходов им было негоже. Старый раджа знал мистера Бернэма как судовладельца и большего знать не желал. Ежегодно он передавал англичанину деньги на увеличение грузооборота, а затем получал от него гораздо большие суммы. Эти выплаты заминдар насмешливо именовал данью от «Фагфур Маха-чин» — императора Великого Китая.

Радже необычайно повезло, что англичанин принял его деньги, поскольку британцы владели монополией на опий, производство и расфасовка которого происходили под надзором Ост-Индской компании, а к торговле и прибыли имели доступ еще лишь группки индусов-парсов, местных уроженцев. Когда народ прознал, что расхальские Халдеры вошли в партнерство с английским купцом, объявилась уйма друзей, родственников и кредиторов, умолявших, чтобы их взяли в долю. Уговоры и лесть склонили старого заминдара к тому, чтобы добавить деньги просителей к ежегодным выплатам мистеру Бернэму, за что он получал десятипроцентный бакшиш — сумму необременительную, учитывая размер прибыли. Инвесторы знать не знали об опасностях и риске, грозивших тем, кто обеспечивал их капиталом. Шел год за годом, английские и американские торговцы все ловчее обходили китайские законы, а раджа со товарищи славно окупали свои вложения.

Однако шальные капиталы могут не только обогатить, но и прикончить, как в случае Халдеров, для которых денежный поток стал скорее проклятием, нежели благодатью. Их род был опытен в манипулировании правителями и

судами, крестьянами и приживалами; он обладал несметными землями и собственностью, но редко имел дело с наличными и, брезгуя заниматься презренным металлом, передоверял их легиону посредников, приказчиков и бедных родственников. Когда сундуки старого раджи стали лопаться от денег, он попытался обратить серебро в недвижимость, как он ее понимал: земли, дома, слоны, лошади, кареты и, разумеется, плавучий дворец, роскошнее всех других судов. Однако новая собственность породила безумное число нахлебников, которых надо было кормить и содержать; большинство новых земель оказались неудобьями, а новые дома скоро стали еще одной прорвой, ибо владелец не удосужился сдать их внаем. Проведав о новом источнике богатства, любовницы раджи (коих он имел ровно по числу дней в неделе, дабы каждую ночь проводить в другой постели) совершенно остервенели, наперебой выклянчивая украшения, дома и места для родственников. Старый заминдар, души не чаявший в своих наложницах, почти всегда уступал их прихотям, и в результате все серебро, которое ему заработал мистер Бернэм, прямиком уплыло к кредиторам. Не имея собственных денег для выплат англичанину, старикан все больше

увязал в кабале комиссионных от тех, кто сделал его своим посредником, и был вынужден расширять круг инвесторов, подписывая бесчисленные векселя, на базаре прозванные «давалками».

Согласно родовому обычаю, наследник титула не участвовал в семейных финансовых операциях, и оттого послушный Нил, увлекавшийся науками, не задавал вопросов об управлении хозяйством. Лишь в последние дни своей жизни старый заминдар поведал ему, что финансовое благополучие их семьи зависит от сделок с мистером Бенджамином Бернэмом: чем больше вложишь, тем лучше, ибо затем получишь вдвое. Чтобы хорошенько наварить, он известил англичанина, что нынче собирается вложить в его дело одну тысячу серебряных рупий. Понимая, что такую сумму сразу не собрать, мистер Бернэм любезно предложил погасить часть взноса своими капиталами; подразумевалось, что Халдеры вернут эти деньги, если вдруг доходы от летней продажи опия не покроют долг. Но беспокоиться не о чем, сказал раджа: за двадцать лет еще не было случая, чтобы вклад не окупился большим прибытком. Деньги Бернэма — не долг, а любезность.

Через пару дней раджа скончался, и все как-

то изменилось. В том 1837 году фирма «Братья Бернэм» впервые не сумела обеспечить клиентов прибылью. Раньше по окончании торгового сезона, когда корабли возвращались из Китая, мистер Бернэм лично наносил визит в калькуттскую резиденцию Халдеров. Стало обычаем, что англичанин привозит милые подарки (кокосы, шафран), а также счета и серебряные слитки. Однако в год семейного воцарения Нила не было ни визита, ни подношений, а только письмо с уведомлением, что китайская торговля сильно пострадала из-за внезапного обрушения цен на американской бирже; не говоря об убытках, фирма «Братья Бернэм» испытывала серьезные затруднения в переводе денег из Англии в Индию. В конце письма содержалась вежливая просьба погасить долг.

К тому времени Нил уже подписал рыночным торговцам кучу «давалок»: отцовы клерки подготовили бумаги и показали, где ставить подпись. Извещение мистера Бернэма пришло в тот момент, когда особняк Халдера осаждала армия кредиторов помельче: зажиточных купцов, которых без зазрения совести можно было поволынить, а также многочисленных родственников и всякой мелкой сошки, которым отказать

было нельзя, поскольку эти жалкие доверчивые приживалы отдали заминдару последние крохи. Пытаясь вернуть им деньги, Нил обнаружил, что наличности для покрытия расходов имения осталось на неделю-другую. Ситуация вынудила его поступиться гордостью и отправить мистеру Бернэму письмо, в котором он просил не только об отсрочке долга, но и ссуде, дабы удержаться на плаву до следующего торгового сезона.

Ответ потряс своей категоричностью. «Неужели в таком тоне мистер Бернэм разговаривал с отцом?» — думал Нил. Вряд ли, ибо старый раджа всегда ладил с англичанами, хотя плохо знал их язык и совершенно не интересовался их литературой. Будто в восполнение собственных пробелов, он нанял сыну учителя-англичанина. Мистер Бисли имел много общего с учеником, в котором пробудил интерес к литературе и философии. Однако выучка молодого Халдера ничуть не сблизила его с калькуттским английским обществом, но возымела совершенно противоположный эффект. Чувствительность мистера Бисли была не типична среди английских колонистов, которые к утонченному вкусу относились с подозрением и даже насмешкой, особенно если замечали его в туземном господине. Короче

говоря, ни характером, ни образованностью Нил не подходил компании таких людей, как мистер Бернэм, у которых он вызывал неприязнь, граничащую с презрением.

Все это раджа хорошо знал, однако письмо судовладельца его поразило. В нем говорилось, что фирма не в состоянии отсрочить долг, поскольку терпит громадные убытки из-за нынешней неопределенности в торговле с Китаем. Задолженность, уже значительно превысившую стоимость имения Халдера, следует немедленно погасить и в счет частичного списания долга передать фирме все землевладения.

Оттягивая время, Нил решил наведаться в поместье, чтобы сын хоть краем глаза увидел свое пребывавшее под угрозой наследство. Рани Малати тоже хотела поехать, но под предлогом ее хрупкого здоровья раджа оставил супругу дома и взял Элокеши, надеясь, что та поможет ему отвлечься. И верно, танцовщица сумела на время избавить его от тревожных мыслей, но сейчас, перед личной встречей с Бернэмом, беспокойство вновь затопило раджу.

Запечатанное письмо он отдал Парималу.

— Поскорее доставь на шхуну и удостоверься, что Бернэм-саиб его получил, — приказал раджа.

Элокеши села в кровати, прикрывшись накидкой.

— Иди сюда, — позвала она. — Время еще есть.

— Ашчхи. Иду…

Однако ноги повели его не к постели, а в коридор. Придерживая на груди развевающуюся красную чогу, Нил прошел к трапу и поднялся на верхнюю палубу, где сын все еще запускал змеев.

— Ну где ты ходишь, папа? — крикнул мальчик. — Я тебя жду-жду…

Нил подхватил и прижал сына к груди. Непривычный к проявлению ласки, мальчик вырывался:

— Пусти! Чего ты?

Вглядевшись в папино лицо, он восторженно крикнул слугам:

— Гляньте! Вы только посмотрите! Расхальский раджа плачет!

5

Было уже далеко за полдень, когда впереди замаячила цель поездки — опийная фабрика, ласково прозванная ее старожилами Рукодельницей. Эта громадина занимала территорию в сорок пять акров, где разместились бесчисленные дворы, водяные баки и крытые жестью строения. Как все средневековые крепости, смотревшие на Ганг, фабрика имела свободный доступ к реке, но стояла на возвышенности, что охраняло ее от весенних половодий. В отличие от опустелых, заросших сорняками фортов, таких как Чунар и Буксар, Рукодельница ничуть не напоминала живописные руины: в башнях засели наряды часовых, вдоль парапетов расположились вооруженные караульные.

Бразды правления фабрикой находились в руках старшего чиновника Ост-Индской компании, который надзирал за персоналом из сотен индийских рабочих; английский контингент состоял из надсмотрщиков, счетоводов, кладовщиков, фармацевтов и помощников двух рангов. Управляющий жил на территории фабрики — в просторном бунгало, окруженном цветистым

садом, в котором произрастали всевозможные сорта декоративных маков. Рядом стояла церковь, колокольным звоном отмечавшая исход дня. По воскресеньям пушечный выстрел призывал верующих на службу. Жалованье орудийному расчету собиралось по подписке среди паствы, пропитанной англиканским благочестием и не скупившейся на подобные расходы.

Однако в бесспорно огромной и бдительно охраняемой Рукодельнице посторонний наблюдатель никогда не признал бы один из наиболее драгоценных каменьев английской короны. Наоборот, она показалась бы ему окутанной летаргическими испарениями. Вот, например, обезьяны, которых разглядывали Дити с Кабутри, проезжая мимо фабричных стен: в отличие от сородичей эти макаки не верещали, не дрались, не пытались что-либо стянуть у прохожих. С деревьев они слезали только за тем, чтобы полакать из открытых фабричных стоков, и, утолив жажду, вновь возвращались на ветки, откуда тупо созерцали воды Ганга.

Повозка медленно катила мимо шестнадцати огромных пакгаузов, где хранился готовый опий. Не зря запоры тут были крепки, а караульные востроглазы — говорили, что содержимое этих

складов стоит миллионы фунтов стерлингов, на которые запросто купишь добрую часть Лондона.

С приближением к главному фабричному корпусу Дити с Кабутри расчихались, а вскоре захлюпали и Калуа с быками: повозка подъехала к сараям, куда крестьяне сваливали «маковый мусор» — листья, стебли и корни, затем используемые для упаковки. Груды отходов источали мелкую пыль, висевшую в воздухе, точно завеса из нюхательного табака. Редко кто мог пройти сквозь это марево без того, чтобы вусмерть не расчихаться, но, что удивительно, кули, уминавшие мусор, и юные английские надсмотрщики были невосприимчивы к едкой пыли.

Отфыркиваясь, быки протащили повозку мимо огромных, усеянных медными заклепками центральных ворот и направились к неприметному входу неподалеку от реки. Здесь берег был чище, в отличие от причалов, усыпанных осколками глиняных горшков, в которых крестьяне привозили сырец. Ходило поверье, что черепки — отличная подкормка для рыбы, и потому на берегах возле Рукодельницы всегда толпились рыбаки.

Оставив дочь в повозке, Дити направилась к весовому сараю. По весне окрестные жители

привозили сюда маковые лепешки-прокладки, которые приемщики сортировали на «чанди» и «ганта» — тонкие и грубые. Дити тоже привезла бы свои лепешки, да только мало наготовила. Обычно у весовой наблюдалась толчея, однако нынче урожай припозднился, и народу было сравнительно мало.

Дити обрадовалась, когда в кучке охранников разглядела старшого — дородного седоусого старикана, дальнего родственника мужа. Услышав имя Хукам Сингха, сирдар тотчас понял, зачем она приехала.

— Муженек-то плох, — сказал он, проводя ее в весовую. — Забирай его поскорее.

Через плечо старика Дити заглянула в сарай и чуть не отпрянула, ибо ее вдруг охватило нехорошее предчувствие. Строение было таким длинным, что противоположный выход казался пятнышком света; вдоль стен выстроились огромные весы, рядом с которыми рабочие выглядели гномами. Подле весов сидели англичане в цилиндрах, наблюдавшие за работой весовщиков и счетоводов. Здесь деловито роились учетчики в чалмах, нагруженные ворохом бумаг, писари в дхоти, листавшие толстенные гроссбухи, и по пояс голые грузчики, тащившие невероятно вы-

сокие кипы маковых прокладок.

— Куда идти-то? — испуганно спросила Дити. — Как бы не заплутать.

— Ступай прямо, — был ответ. — Пройдешь весовую и мешалку. Там на выходе встретишь нашего родственника, он скажет, где найти твоего мужа.

Накидкой Дити прикрыла лицо и зашагала вдоль огромных скирд маковых прокладок, не обращая внимания на взгляды работников, — хотя здесь она единственная женщина, им недосуг приставать с расспросами. Казалось, прошла вечность, прежде чем она достигла противоположного выхода, где на секунду остановилась, ослепнув от яркого света.

Перед ней была дверь, которая вела в другое крытое железом строение, только еще больше весовой — таких громадин Дити в жизни не видела. Прошептав молитву, она вошла внутрь, но тотчас замерла и привалилась к стене, ибо открывшееся пространство было настолько огромным, что закружилась голова. Из щелей узких окон, тянувшихся от пола до крыши, падали полосы света, по всей длине зала стояли громадные квадратные колонны, а потолок парил так высоко, что воздух казался прохладным до зяб-

кости. Тошнотворно густой запах сырца плавал над утоптанным земляным полом, точно дым костра в холодный день. Здесь тоже стояли весы, на которых взвешивали опий. Пол перед ними был уставлен глиняными горшками — точно такими, в какие Дити расфасовывала свой урожай. Эти сосуды — старые знакомцы; в каждый помещался один маунд сырца, столь вязкого, что лип к ладони, если опрокинуть горшок. Кто бы знал, сколько времени и сил уходит, чтобы заполнить посудину! Значит, вот куда попадают отпрыски маковых полей. Дити невольно залюбовалась сноровкой работников. Взвесив горшок, они пришлепывали к нему бумажный ярлык и передавали белому саибу, который тыкал в него пальцем и обнюхивал содержимое, прежде чем ляпнуть печать, отправлявшую продукт в обработку или брак. Неподалеку охранники с палками отгоняли крестьян, чей опий проходил проверку; хозяева горшков то ярились, то угодничали, ожидая приговора: хватит ли их трудов для выполнения контракта? Если нет, следующий год придется начинать с еще большим бременем долга. Вот охранник отдал крестьянину бумажку, и тот зашелся протестующим криком; повсюду возникали перебранки и ссоры: крестьяне орали

на учетчиков, хозяева поносили арендаторов.

Заметив, что привлекает внимание, Дити заспешила по бесконечной пещере и не останавливалась, пока вновь не вышла на воздух. Очень хотелось секунду передохнуть, но краем глаза она заметила охранника, который направился к ней. Путь был открыт лишь в сарай по правую руку. Не мешкая, Дити подхватила сари и нырнула в дверь.

Это строение тоже ошеломило, но уже не размерами — сарай походил на туннель, еле-еле освещенный дырками в стенах. Точно в душной кухне, здесь шибало жарким зловонием, но пахло не маслом и специями, а жидким опием и застарелым потом; амбре было столь крепким, что Дити зажала нос, борясь с рвотными позывами. Едва она оклемалась, как глазам ее предстало жуткое зрелище: точно племя порабощенных демонов, во тьме кружили безногие тела. От видения вкупе с одуряющей вонью голова ее поплыла, но Дити медленно пошла вперед, испугавшись, что иначе грохнется в обморок. Когда глаза немного привыкли к темноте, разъяснился секрет кружащих тел: по пояс в опийной слякоти, в баках топтались голые люди. Вперив в пустоту остекленевший взор, они двигались медленно, точно муравьи,

угодившие в мед. Обессилев, садились на край бака, но продолжали размешивать ногами вязкую жижу. Тогда они еще больше походили на вурдалаков: в темноте их глаза полыхали красным огнем, а тела казались полностью обнаженными — набедренные повязки, если и были, так пропитались зельем, что стали неразличимы. Белые надсмотрщики без сюртуков и шляп, в одних лишь рубашках с закатанными рукавами, выглядели не менее устрашающе: вооруженные железными ковшами, стеклянными черпаками и граблями на длинных черенках, она расхаживали между баками. Когда один из них подошел к Дити и что-то сказал, она едва не завизжала; слов его она не разобрала, но, потрясенная тем, что с ней заговорило этакое чудище, опрометью бросилась к выходу.

Только на улице она вдохнула полной грудью, стремясь избавиться от запаха взбаламученного сырца. Вдруг кто-то спросил:

— Тебе нехорошо, сестра?

Оказалось, это ее родственник, и Дити еле сдержалась, чтобы не рухнуть к его ногам. К счастью, он без объяснений понял, как подействовал на нее туннель. Родственник провел ее через двор и зачерпнул из колодца ведро воды, чтобы она

попила и умылась.

— После мешалки всем хочется воды, — сказал он. — Передохни маленько.

Дити благодарно кивнула и присела на корточки в тени манго.

— Вон там вымачивают прокладки, прежде чем отправить их в сборочную, — пояснял родственник. — А вон, чуть на отшибе, цех, где снадобье обретает всевозможные виды — от темного сиропа до чудного белого порошка, что так ценят саибы.

Дити слушала вполуха, пока не вернулись силы для ее неотложного дела.

— Ладно, идем.

Они пересекли двор и вошли в еще одно огромное строение, ничуть не меньше весовой, но с той лишь разницей, что здесь не было шума и ругани, а висела могильная тишина, словно в какой-нибудь гималайской пещере — темном, промозглом святилище. По обеим стенам от пола до потолка высились ряды широких полок, уставленных десятками тысяч одинаковых кругляшей размером с очищенный кокос, только черных и блестящих.

— Здесь сушат опий, поступивший из сборочной, — зашептал провожатый.

Оглядевшись, Дити заметила, что к полкам крепились подмости и лесенки, по которым лихо, точно ярмарочные акробаты, карабкались стайки мальчишек, проверявших опийные кругляши. Время от времени надсмотрщик-англичанин выкрикивал команду, и тогда мальчишки по цепочке перебрасывали их друг другу, благополучно доставляя вниз. Как у них получалось одной рукой держаться за лестницу, а другой без промаха метать кругляши, да еще на верхотуре, с какой не дай бог упасть — убьешься насмерть? Их меткость удивляла до тех пор, пока один мальчишка не выронил кругляш, который, грохнувшись на пол, разлетелся тягучими осколками. На виновника тотчас обрушились палки надсмотрщиков, и эхо его пронзительных воплей разнеслось по промозглому зданию. Подстегнутая криками, Дити прибавила шагу и нагнала родственника на пороге следующего цеха. Тот благоговейно прошептал, точно паломник у входа в святая святых:

— Сборочная. Сюда не всякого допускают, но твой муж один из избранных.

Тут и впрямь было как в храме: на полу длинного, хорошо проветренного помещения двумя рядами по-турецки сидели мужчины в дхоти, точно

брамины на празднике, — каждый на плетеной подушке, в окружении медных чашек и других причиндалов. Из рассказов мужа Дити знала, что в цехе трудится не меньше двухсот пятидесяти рабочих да еще пятьсот мальчишек-подносчиков, однако здесь стояла сосредоточенная тишина, которую нарушали только шорох босых ног посыльных и периодические выкрики мастеров, извещавшие о готовности очередного кругляша. Руки сборщиков двигались с головокружительной быстротой, когда маковыми прокладками, смоченными в растворе жидкого опия, они выстилали полусферическую форму. Хукам Сингх говорил, что начальники в далеком Лондоне все точно отмерили: каждый кругляш должен содержать ровно один фунт и семь с половиной унций опия и быть обернут прокладками, тонкими и грубыми, которые весят пять унций и смочены в пяти, ни больше ни меньше, унциях раствора. Отточенная система и отмеренные ингредиенты, поступавшие через эстафету подносчиков, не допускали ошибки. Рабочий выстилал форму так, что половина прокладки оставалась на краю, затем опускал в нее опий, закрывал второй половиной прокладки и присыпал маковым мусором. Готовая упаковка перекочевывала в глиняный

шар-футляр, принесенный подносчиком. Затем самый выгодный продукт Британской империи благополучно совершал морское путешествие в далекий Китай, где удар секача разбивал это маленькое ядро.

Каждый час через руки сборщиков проходили дюжины черных футляров, что своевременно отмечалось на грифельной доске. Хукам Сингх, не самый сноровистый работник, однажды похвастал, что за день собрал сотню кругляшей. Однако нынче он не работал, место его пустовало. Он лежал на полу, глаза его были закрыты, в уголках рта пузырилась пена, точно у припадочного.

Цеховые сирдары набросились на Дити:

— Что так долго?.. Будто не знаешь, что муж балуется опием?.. Зачем послала его на работу?.. Хочешь, чтобы он помер?

Несмотря на все переживания, Дити не собиралась терпеть подобные выходки. Из-под накидки она огрызнулась:

— Кто вы такие, чтобы так со мной разговаривать? На что б вы жили, если бы не опийные пристрастники?

Ругань привлекла внимание английского начальника, который отогнал сирдаров. Глянув на распростертого Хукам Сингха, он тихо спросил:

— Тумбара мард хай? Он твой муж?

Его хинди казался напыщенным, но голос был добрым. Дити кивнула и понурилась; к глазам ее подступили слезы, когда саиб стал отчитывать сирдаров:

— Хукам Сингх служил в нашей армии. Он добровольцем отправился в Бирму и был ранен, когда прикрывал ротного командира. Вы что, считаете себя лучше его? Заткнитесь и марш на работу, иначе отведаете моего кнута!

Струхнувшие сирдары отступили в сторону, давая дорогу четырем рабочим, которые подняли с пола недвижимого Хукам Сингха.

— Передай ему, он может вернуться, когда пожелает, — сказал англичанин.

Дити сложила руки у груди и поклонилась, но в глубине души понимала, что работа мужа на Рукодельнице закончилась.

В повозке она устроила его голову на своих коленях и взяла дочку за руку, но уже не смотрела на дворец сорока колонн и мемориал покойного губернатора. На что теперь жить, если не будет месячного жалованья? От этой мысли померкло в глазах; день еще не кончился, но казалось, что все вокруг окутала тьма, и Дити машинально затянула вечернюю молитву:

Саджх бхайле
Саджха гхар гхар гхуме
Ке мора саджх
манайо джи.

Шепчут сумерки
у дверей:
пора заметить
наш приход.

*

К югу от портовых районов Калькутты, на берегу, плавно сбегающем к шири Хугли, раскинулся зеленый пригород Гарден-Рич, где белые зажиточные купцы воздвигли свои усадьбы. Казалось, соседствующие владения Баллардов, Фергусонов, Макензи, Маккей, Смоултов и Суинхоу желают приглядеть за кораблями с именами и товарами хозяев. Особняки, украшавшие эти усадьбы, передавали разнообразие вкусов своих владельцев: одни подражали роскошным английским и французским чертогам, другие напоминали классические римские и греческие храмы. Просторные угодья позволяли окружать дома парками, которые, пожалуй, еще больше разнились в дизайне, ибо садовники не менее

хозяев старались перещеголять друг друга в причудливости своих плантаций: вот вам деревья с фигурной стрижкой, а здесь аллея, ухоженная на французский манер. Меж газонов искусно располагались водоемы: прямые и длинные, точно арыки, или же в стиле английских прудов; некоторые сады могли похвастать даже террасами с ручьями, фонтанами и беседками под изящными черепичными крышами. Однако достоинства владения оценивались не экстравагантностью насаждений, но обзором, какой открывался из особняка, ибо самый роскошный сад не мог повлиять на финансовое благополучие, напрямую зависевшее от интенсивности каботажа. По общему признанию, в отношении обзора усадьба Бенджамина Брайтуэлла Бернэма не знала себе равных, хоть и была относительно молода. Вообще-то беспородность имения можно было счесть преимуществом, поскольку мистер Бернэм имел право назвать его по собственному усмотрению: например, Вефиль.[22] Как основатель владений, он был не лимитирован в создании ландшаф-

[22] Примечания: 22

Вефиль — дом Божий (Бытие, XXVIII, 19). Спасаясь от гнева брата Исава, Иаков остановился на ночлег близ палестинского города Луз, где имел видение лестницы, восходящей до небес, вследствие чего назвал этот город Вефилем — «домом Божьим».

та, отвечающего его требованиям, а потому без всяких колебаний приказал срубить кусты и деревья, которые застили реку, в том числе древние манго и густую бамбуковую рощицу, вымахавшую в высоту на пятьдесят футов. Теперь обзор реки не имел никаких помех, если не считать прикорнувшую к берегу беседку с видом на усадебные причалы. Этот изящный бельведер отличался зеленой черепичной крышей в стиле китайских пагод.

Узнав беседку, о которой говорил рулевой, Джоду воткнул весло в илистое дно, чтобы лодку не снесло течением. Сейчас он понял, что проблема встречи с Путли не в том, чтобы найти ее дом. Особняки являли собой небольшие крепости, охраняемые слугами, которые всякого незваного гостя сочтут соискателем на свое место. Сад с зеленой беседкой выглядел самым большим и самым неприступным, на его лужайках развернулась армия садовников: одни пропалывали цветники, другие вскапывали новые клумбы, третьи скашивали траву. В заношенной повязке и линялом полотенце вместо чалмы, Джоду не имел шансов миновать их защитные порядки; в мгновенье ока его схватят и передадут стражникам, чтобы те отдубасили воришку.

Его неподвижная лодка уже привлекла внимание работника, на причале шпаклевавшего каик. Бросив кисть из пальмовых листьев в ведро со смолой, он хмуро воззрился на Джоду.

— Эй ты! — крикнул шпаклевщик. — Чего надо?

Джоду одарил его обезоруживающей улыбкой.

— Здравствуйте, господин лодочник, — сказал он, польстив работнику тем, что на пару разрядов повысил его в ремесленной табели о рангах. — Я прям залюбовался домом. Наверное, самый большой в округе?

— А как же, оно уж конечно, — кивнул работник.

— Видать, и семья большая, — закинул удочку Джоду.

Шпаклевщик презрительно скривился:

— Вот еще, в этаком доме табором не живут. Не, только Берра-саиб, Берра-биби и Берра-малыш.

— Да ну? И больше никого?

— Ну, еще барышня, только она им не родня, — дернул плечом работник. — Так, приютили по доброте сердечной.

Хотелось узнать больше, но Джоду понимал, что дальше расспрашивать неблагоразумно — если проведают, что девушкой интересовался

какой-то лодочник, у нее могут быть неприятности. Но как же передать ей весточку? Джоду раздумывал над проблемой, когда вдруг в тени беседки заметил саженец чалты,[23] которую знал по ароматным белым цветам и кисловатым плодам, вкусом напоминавшим неспелые яблоки.

Подражая своим сельским родичам с их нескончаемым запасом вопросов, Джоду невинно поинтересовался:

— А что, чалту недавно посадили?

Шпаклевщик хмуро покосился в сад.

— Ту, что ли? — Он скривился и пожал плечами, словно открещиваясь от ублюдка. — Ну да, девицына забава. Вечно сюда шастает, только садовникам мешает.

Джоду попрощался и развернул лодку. Он сразу догадался, что деревце посадила Путли — она обожала эту кислятину. В Ботаническом саду чалта росла под окном ее спальни, и Путли собирала плоды, чтобы замариновать или сделать приправу чатни. Все шалели, когда она ела их даже сырыми. Зная дотошность Путли, Джоду был уверен, что на рассвете садовница придет поливать своего выкормыша, и тогда можно

---

[23] Примечания: 23

Чалта — название на хинди диллении индийской (слонового яблока).

будет ее перехватить, пока не встали слуги.

Он греб против течения, высматривая укромное, но близкое к жилью местечко, куда не сунутся леопарды и шакалы. Углядев подходящий закуток, Джоду поддернул повязку и спрыгнул в воду, чтобы привязать лодку к корням гигантского фикуса, росшего на заиленном берегу. Потом снова залез в лодку, ополоснул ноги и жадно уплел горшочек заветрившегося риса.

Покончив со скудным ужином, Джоду расстелил циновку под маленьким соломенным навесом, устроенным на корме. Темнело; солнце валилось за дальний берег Хугли, на котором еще читались контуры Ботанического сада. Джоду чертовски устал, но не желал спать, пока на подсвеченной небесами воде кипела жизнь.

Начался прилив; река кишела судами, спешившими к своим причалам или на фарватерную стоянку. Покачиваясь в лодке, Джоду представлял, что свет перевернулся вверх тормашками и небо стало рекой с берегами из облаков; если смежить веки, то мачты и рангоуты представали вспышками молнии, пронизывающей лавину парусов, которые исполняли роль грома и трепетали на ветру, вздымаясь и опадая.

Щелканье парусины, пронзительное пение

ветра в снастях, стон дерева, глухие удары волн о нос корабля — всякий раз эти звуки изумляли, превращая каждое судно в самоходную бурю, а самого Джоду в орла, кружащего в ее охвостье, дабы поживиться останками разрушений.

Глядя на реку, он насчитал с дюжину флагов разных царств и стран: Генуя, Королевство Обеих Сицилии, Франция, Пруссия, Голландия, Америка, Венеция. Распознавать флаги его научила Путли, когда рассказывала о кораблях, проплывавших мимо Ботанического сада. Она никогда не покидала Бенгалию, но много знала о всяких странах. Ее истории сыграли немалую роль в желании Джоду увидеть розы Басры и порт Кантона, где правил Великий Китайский Император.

С трехмачтового парусника донеслась английская команда помощника «Свистать всех наверх!», которую тотчас подхватил хукум серанга:

— Саб адми апни джагах!

— Поднять топсель!

— Бхар бара гави!

Парусина звучно затрепетала на ветру, и помощник выкрикнул:

— Отводи!

— Гос даман джа! — эхом откликнулся серанг,

и нос корабля медленно повернулся.

— Шкоты тянуть! — последовала команда, и громада марселя с треском надулась, даже не дав отгреметь повтору серанга:

— Баджао тиркат гави!

От мастеров, что на причалах шили ветрила, Джоду узнал названия парусов на английском и ласкарском, исключительно морском пестром языке, лексикон которого был разнообразен, как суда на реке — архаичные португальские калалузы всех мастей и керальские паттамары, арабские доу и бенгальские ялики, малайские проа и тамильские катамараны, индийские шаланды и английские шнявы, но смысл его пробивался сквозь мешанину звуков так же легко, как течение Хугли сквозь столпотворение кораблей.

Наслушавшись команд, эхом разносившихся над палубами океанских судов, Джоду вполне мог сам себе повелеть: «Вахту к правому борту! Джамна пориупар ао!», великолепно ухватывая общий смысл приказа, но теряясь в его деталях. Вот бы по-всамделишному скомандовать на паруснике, измотанном штормом… Он верил, что такой день настанет.

Внезапно над рекой вознесся иной клич — Хайя ила ассалла… Он эстафетой полетел от корабля

к кораблю, призывая мусульман к вечернему азану. Преодолевая сытую сонливость, Джоду подготовился к молитве: накрыл голову сложенной тряпицей, развернул лодку на запад и опустился на колени для первого рака. Не сильно набожный, он чувствовал, что этого требует давешнее погребение матушки. Покойнице было бы приятно, что ее помянули; Джоду пробормотал последние слова молитвы и теперь мог с чистой совестью отдаться усталости, накопившейся за последнее время.

*

На плавучем дворце, стоявшем в десяти милях ниже по течению, приготовления к обеду из-за неожиданных препятствий затянулись. Во-первых, роскошная зеркальная гостиная, которую не открывали со времен старого раджи, несколько обветшала. С канделябров кое-где отвалились подсвечники, которые пришлось крепить подручными средствами вроде проволочек, деревяшек и даже ошметков кокосовой скорлупы. В целом вышло неплохо, но щербатые канделябры выглядели так, словно их задуло ветром.

Бархатная штора делила гостиную на две половины, одну из которых украшал великолепный

палисандровый стол. Выяснилось, что в отсутствие ухода полировка стола потускнела, а под ним самим обосновалось семейство скорпионов.

Пришлось вызывать вооруженную палками охрану, дабы изгнать новоселов, а затем отлавливать и лишать жизни утку, чтобы ее жиром отполировать столешницу.

Позади стола имелась скрытая ширмой ниша, откуда любовницы старого раджи, занавесившись накидками, подглядывали за гостями. Однако изящная резная ширма сгнила, выплатив свою дань запустению. По настоянию Элокеши ее спешно заменили утыканной дырочками шторой, поскольку танцовщица чувствовала себя вправе оценить визитеров и даже вдохновилась на более полное участие в вечере, решив, что после трапезы девицы развлекут гостей своим искусством. Осмотр сценической площадки выявил, что покоробившийся пол грозит босоногим танцовщицам богатым урожаем заноз. Позвали плотника, чтобы выровнял половицы.

Едва решили эту проблему, как возникла другая. В гостиной имелся комплект серебряных приборов с костяными ручками, а также английский столовый сервиз, стоивший немалых денег. Его использовали только для нечистых чужезем-

цев, которые ели говядину, и хранили в запертой горке, дабы не заразить остальную утварь. Но сейчас Паримал ужаснулся, когда, открыв сервант, увидел, что почти все тарелки и серебряные приборы исчезли. Того, что осталось, хватало для сервировки стола на четыре персоны, но факт воровства породил неприятные подозрения, вылившиеся в мордобитие на буксируемой кухне. После того как двум охранникам расквасили носы, потребовалось вмешательство хозяина; мир был восстановлен, но приготовления к обеду так затянулись, что раджа не успел хорошенько перекусить. Это был жестокий удар: теперь предстояло поститься среди пирующих, ибо кастовый реестр сотрапезников категорически исключал из своего числа нечистых мясоедов; даже Элокеши ужинала в одиночестве, когда раджа оставался у нее на ночь. Неукоснительное правило требовало вежливо сидеть за столом, не прикасаясь к горам снеди, и потому во избежание соблазна Халдеры всегда подкреплялись до прихода гостей. Нил тоже собрался закусить, но из-за кухонной суматохи был вынужден удовольствоваться лишь горстью печеного риса, смоченного в молоке.

Солнце уже садилось, и над рекой плыл напев

вечернего азана, когда раджу известили, что все его нежнейшие хлопчатые дхоти и муслиновые курты, приберегаемые для торжественных случаев, отданы в стирку. Пришлось облачиться в шершавые холщовые дхоти и полотняную курту. В своем багаже Элокеши раскопала шитые золотом туфли, которые были ему впору, и укутала его плечи шалью тончайшего голландского полотна с золотисто-алой парчовой каймой. Когда от «Ибиса» отвалила шлюпка, танцовщица спешно отправилась к компаньонкам, дабы провести последнюю репетицию.

Нил, церемонно поднявшийся навстречу гостям, отметил костюм для верховой езды мистера Бернэма и то, что двое других визитеров явно постарались принарядиться: двубортные сюртуки, из галстука мистера Дафти выглядывала рубиновая булавка, жилет мистера Рейда украшала изящная часовая цепочка. Их пышные наряды впечатляли, и раджа, смущенно запахнувшись шалью, сложил перед собой руки:

— Господа, я счастлив, что вы почтили меня своим визитом.

Англичане в ответ поклонились, а Захарий испугал раджу тем, что шагнул вперед, намереваясь пожать ему руку. Слава богу, мистер Дафти успел

перехватить американца.

— Держите руки при себе, черт бы вас побрал, — шепнул лоцман. — Коснетесь его, и он побежит мыться; тогда обеда будем ждать до полуночи.

Прежде никто из гостей не бывал на плавучем дворце, и потому все охотно согласились его осмотреть. На верхней палубе Радж Раттан все еще запускал змеев.

— Стало быть, это и есть расхальский цесаревич? — крякнул мистер Дафти, познакомившись с мальчиком.

— Да, маленький раджа, — кивнул Нил. — Мой единственный отпрыск и наследник. Как сказали бы ваши поэты, нежный плод моих чресл.

— Ага, зеленый побег. — Лоцман подмигнул Захарию. — Позвольте узнать, ваши чресла — ствол или ветка?

Раджа одарил его ледяным взглядом:

— Нет, сэр, дерево целиком.

Мистер Бернэм проявил себя опытным спортсменом: его змей парил и нырял, поблескивая унизанной стекляшками веревкой. Когда Нил отдал дань его ловкости, судовладелец усмехнулся:

— Я прошел обучение в Кантоне, а там лучшая школа по запуску змеев.

В гостиной их ждала бутылка шампанского,

поставленная в ведерко с мутной речной водой.

— Шипучка! Вот это дело! — обрадовался мистер Дафти. Налив себе бокал, он адресовал радже широкую ухмылку: — Мой папаша говаривал: «Держи бутылку за горлышко, а дамочку за талию. Смотри не перепутай!» Бьюсь об заклад, вашему батюшке это понравилось бы. Ведь он был большой озорник, а?

В ответ Нил сдержанно улыбнулся. Отвратительные манеры лоцмана дали повод еще раз возблагодарить предков за милосердие: спиртное не входило в перечень того, что нельзя делить с нечистыми чужеземцами; если б не вино, общаться с ними было бы невозможно. Раджа пропустил бы еще стаканчик шампанского, но заметил Паримала, подавшего знак о готовности обеда. Подхватив складки дхоти, раджа встал.

— Господа, полагаю, наша трапеза готова.

Слуги отдернули бархатную штору, явив огромный полированный стол, в английской манере сервированный ножами, вилками, тарелками и бокалами для вина, сиявшими в свете двух громадных канделябров. В центре стола красовался объемистый букет поникших кувшинок, напрочь скрывший вазу. Еды на столе не было — согласно бенгальской традиции блюда подава-

лись поочередно.

Нил устроил так, чтобы мистер Бернэм сидел напротив него, а Захарий и мистер Дафти соответственно слева и справа. Согласно этикету, за каждым стулом расположился лакей в ливрее расхальского поместья. Нил заметил, что униформа — рубаха, чалма и перепоясанный чапкан до колен — сидит на них плохо, и лишь тогда вспомнил: никакие это не лакеи, а молодые лодочники, в спешке нанятые Парималом и еще не освоившие новую роль, что было видно по тому, как они беспокойно переминались и стреляли глазами.

У стола возникла долгая пауза — гости ждали, когда им подвинут стулья. Переглянувшись с камердинером, Нил понял, что лодочников не уведомили об их действиях в этой части церемонии, и теперь они тоже ждут, когда господа усядутся. Парней явно озадачило, что едоки намерены вкушать яства в отдалении от стола, но откуда им было знать, что между столами и стульями предполагалось более близкое соседство?

Тем временем один лодочник проявил инициативу, участливо хлопнув мистера Дафти по плечу — дескать, вот он стул-то, свободно, садись, только маленько сдай назад. Лоцман побагровел, и раджа срочно вмешался, на бенгальском прика-

зав лодочнику подвинуть стул. На самого юного парнишку, стоявшего позади Захария, резкая команда так подействовала, что он пихнул свой стул, будто лодку, застрявшую на мелководье. Подкошенный сиденьем, Захарий от неожиданности поперхнулся, однако был доставлен к столу целым и невредимым.

Нил рассыпался в извинениях, но Захарий ничуть не оскорбился — эпизод его скорее повеселил. За недолгое знакомство он произвел на раджу приятное впечатление своей врожденной элегантностью и сдержанным поведением.

Нилу всегда хотелось знать о корнях и родословной чужаков; с бенгальцами просто — одно имя уже извещало о вероисповедании, касте и месте рождения, а вот с чужеземцами поди разберись, кто есть кто. В мистере Рейде можно было предположить выходца из древнего аристократического рода — раджа где-то читал, что европейская знать не брезговала отправлять своих чад в Америку. Эта мысль родила вопрос:

— Скажите, мистер Рейд, ваш город поименован в честь некоего лорда Балтимора?

— Может быть… точно не знаю… — промямлил Захарий.

— Вероятно, лорд Балтимор ваш предок? — не

отставал Нил.

В ответ немногословный гость вздрогнул и смущенно помотал головой, что только укрепило мнение раджи о его благородном происхождении.

— Намерены вернуться в Балтимор? — Раджа чуть не добавил «милорд», но вовремя осекся.

— Нет, сэр. Вначале «Ибис» отправится на Маврикий, а затем, если обернемся в срок, пойдем в Китай.

— Понятно.

Ответ напомнил радже об истинной цели обеда — выяснить, нет ли перемен в положении дел главного кредитора.

— Стало быть, ситуация в Китае изменилась к лучшему? — обратился он к мистеру Бернэму.

— Нет, раджа Нил Раттан, — покачал головой судовладелец. — Отнюдь. Сказать по правде, положение настолько ухудшилось, что уже всерьез поговаривают о войне. Вот в чем причина возможного похода «Ибиса» в Китай.

— Вот как? — опешил раджа. — Но я ничего не слышал о войне с Китаем.

— Немудрено, — усмехнулся мистер Бернэм. — Да и зачем вам себя обременять? Наверное, и без того хватает забот с чертогами, гаремом и плаву-

чими дворцами.

Уловив насмешку, Нил вскипел, но от резкого выпада его удержало вовремя появившееся первое блюдо — дымящийся суп. Серебряную супницу слямзили, и потому его подали в серебряной чаше для пунша, имевшей форму морской раковины.

Мистер Дафти понюхал воздух и довольно улыбнулся:

— Кажется, пахнет уткой?

Раджа понятия не имел, что подадут к столу, ибо до последней минуты повара рыскали в поисках провианта. Путешествие подходило к концу, и запасы съестного на корабле истощились, а потому весть о роскошном обеде повергла кулинаров в панику; армия слуг отправилась на поиски продовольствия, но раджа не знал, чем увенчался ее поход. Паримал шепотом сообщил, что блюдо приготовлено из плоти существа, чей жир пошел на полировку стола, и Нил, опустив последнюю деталь, поведал гостям: перед ними действительно утиный бульон.

— Великолепно! — Мистер Дафти залпом осушил бокал. — И винцо превосходное!

Кулинарный изыск помог сдержаться, но раджа не забыл пренебрежительного отзыва о

своих занятиях. Он полагал, что судовладелец намеренно сгущает краски, дабы уверить его в больших убытках фирмы. Нил постарался говорить спокойно:

— Конечно, вас, мистер Бернэм, удивит мое стремление быть в курсе событий, но я ничего не слышал об упомянутой вами войне.

— Значит, на мою долю выпало сообщить вам, сэр, что с недавних пор власти Кантона усиленно противодействуют потоку опия в их страну. Все, кто занят этим бизнесом, единодушны во мнении: мандаринам воли давать нельзя. Прекращение торговли станет крахом не только моей фирмы, но и вашим, и вообще всей Индии.

— Крахом? — спокойно переспросил раджа. — Наверняка мы сможем предложить Китаю что-нибудь полезнее опия.

— Хорошо бы, да никак, — ответил Бернэм. — Проще говоря, китайцы ничего не хотят — втемяшили себе, будто им ни к чему наши продукты и товары. А вот мы, дескать, не обойдемся без их чая и шелка. Мол, если б не опий, отток серебра из британских колоний стал бы неудержим.

— Беда в том, что китаезы надеются вернуть старые добрые времена, когда еще не отведали опия, — встрял мистер Дафти. — Но черта лысого

— обратной дороги нет.

— Обратной дороги? — удивился Нил. — Но ведь уже в древности Китай жаждал опия, разве нет?

— В какой еще древности! — фыркнул лоцман. — Когда я мальчишкой очутился в Кантоне, опий втекал к ним хилой струйкой. Китаезы, они ж твердолобые! Уж поверьте, стоило немалых трудов приманить их к зелью. Нет, сэр, надо отдать должное упорству английских и американских купцов — если б не они, опий так и остался бы уделом знати. Все произошло на нашей памяти, за что мы должны благодарить таких людей, как мистер Бернэм. — Он поднял бокал. — Ваше здоровье, сэр!

Нил хотел присоединиться к здравице, но туг подали второе блюдо: целиком запеченных цыплят.

— Будь я проклят, если еще утром они не пищали! — возликовал мистер Дафти и захрустел птичьей головкой, мечтательно закатив глаза.

Нил угрюмо пялился в свою тарелку; он вдруг так проголодался, что если б не слуги, тотчас набросился бы на еду. Однако он заставил себя отвести взгляд от цыпленка и чуть запоздало поднял бокал:

— За вас, сэр, и ваш успех в Китае!

— Да уж, это было непросто, — улыбнулся мистер Бернэм. — Особенно вначале, когда мандарины были отнюдь не сговорчивы.

— Вот как? — Не сведущий в коммерции, Нил считал, что поставки опия официально одобрены китайскими властями; это казалось вполне естественным, поскольку в Бенгалии опийная торговля была не только санкционирована, но являлась британской монополией под эгидой Ост-Индской компании. — Я удивлен. Стало быть, китайское правительство осуждает торговлю опием?

— К сожалению, да. Какое-то время опий поставляли нелегально. Однако власти не рыпались и охотно закрывали глаза, ибо все мандарины и другие шишки получали десятипроцентный откат. Теперь они артачатся лишь потому, что хотят урвать больше.

— Все просто: косоглазые должны отведать палок, — разъяснил мистер Дафти, обсасывая крылышко.

— Пожалуй, я соглашусь, Дафти, — кивнул мистер Бернэм. — Своевременная порка всегда на пользу.

— Значит, вы уверены, что ваше правительство

начнет войну? — спросил раджа.

— Увы, но, скорее всего, так. Британия долго терпела, однако всему есть предел. Как они поступили с лордом Амхерстом?[24] На корабле, набитом подарками, он ждал у входа в Пекин, но император, извольте видеть, не удосужился его принять.

— Ох, не вспоминайте, сэр, это невыносимо! — вскинулся мистер Дафти. — Чего удумали — чтобы его светлость принародно пал ниц! Еще прикажут нам отрастить косички!

— С лордом Нейпиром[25] обошлись не лучше, — напомнил мистер Бернэм. — Мандарины уделили ему внимания не больше, чем этому куренку.

Упоминание птицы вновь привлекло мистера Дафти к еде.

— Кстати, цыпленок весьма недурен, — пробурчал он.

Взгляд Нила метнулся к его нетронутой тарел-

---

[24] Примечания: 24

Уильям Питт Амхерст (1773–1857) — британский аристократ, в 1823–1828 гг. генерал-губернатор Бенгалии.

[25] Примечания: 25

Уильям Джон Нейпир (1786–1834) — английский морской офицер, в 1833 г. был назначен главным торговым инспектором в Кантоне. В 1834 г. наместник императора отказался вести с ним переговоры о расширении английской торговли.

ке — цыпленок объеденье, даже пробовать не надо. Однако статус хозяина требовал цветисто прибедниться.

— Вы чрезмерно великодушны, мистер Дафти, — сказал раджа. — Это всего лишь паршивый кусочек мяса, не достойный таких гостей.

— Паршивый? — Захарий встревожился и опустил вилку, лишь сейчас заметив, что хозяин ничего не ест. — Вы даже не притронулись, сэр… Что, в этом климате не рекомендуется…

— Нет… то есть да, вам вполне рекомендуется…

Нил смолк, придумывая учтивое объяснение, почему цыпленок негож для расхальского раджи, но очень даже подходит нечистому чужеземцу. Отчаявшись, в немой мольбе он посмотрел на англичан, которые прекрасно знали застольные правила Халдеров, но те отвели глаза. Наконец мистер Дафти булькнул, точно закипающий чайник, и пропыхтел:

— Да ешьте вы, не отравитесь. Он просто пошутил.

Вопрос был исчерпан с появлением рыбного блюда: обжаренное в сухарях филе латеса окружали овощи в кляре. Мистер Дафти внимательно изучил угощение:

— Залупонь, если не ошибаюсь, и оладушки! Да уж, сэр, ваши поварята расстарались!

Нил уже заготовил вежливый протест, но тут увидел нечто, отчего едва не рухнул со стула. Букет поникших кувшинок в центре стола был помещен не в вазу, как ему показалось, а в старый ночной горшок. Видимо, нынешнее поколение обслуги забыло об историческом предназначении сего сосуда, однако Нил прекрасно помнил, что его приобрели специально для нужд престарелого судьи, чей кишечник пребывал в тягостной осаде глистов.

Задушив возглас отвращения, раджа отвел взгляд от мерзкого предмета и стал лихорадочно соображать, чем занять внимание гостей. В голосе его еще слышалась гадливость, когда, найдя тему, он воскликнул:

— Однако же, мистер Бернэм! Вы полагаете, Британская империя затеет войну, чтобы приучить Китай к опию?

Ответ последовал мгновенно.

— Вижу, вы неверно меня поняли, раджа Нил Раттан, — сказал судовладелец, пристукнув бокалом о стол. — Война, если начнется, будет не ради опия, а ради принципа и свободы — свободы торговли и свободы китайского народа. Право

свободной торговли, дарованное человеку Господом, к опию применимо в не меньшей степени, чем к любому другому товару. А может, и в большей, ибо без него миллионы коренных жителей лишатся весомых преимуществ британского влияния.

— Как это? — влез Захарий.

— По той простой причине, Рейд, — терпеливо разъяснил мистер Бернэм, — что британское владычество в Индии зиждется на опии — все это знают, и не надо притворяться, будто дело обстоит иначе. Полагаю, вам известно, что в некоторые годы наша прибыль от опия была почти равной государственному доходу Соединенных Штатов, откуда вы родом. Неужели вы думаете, что без такого финансового источника наше правление было бы возможно в обнищалой стране? И если задуматься о выгодах, какие приносит Индии английское господство, то следует сделать вывод, что опий для нее — величайшее благо. А стало быть, наш долг перед Богом даровать такие же выгоды другим народам, верно?

Нил вполуха слушал судовладельца, размышляя над тем, что история с горшком могла обернуться куда хуже. Что бы он делал, если б, скажем, горшок использовали вместо супницы

и подали к столу до краев полным горячим бульоном? Представив ситуацию, раджа понял, что есть все основания благодарить небеса за избавление от публичной гибели; он так сильно чувствовал божественное вмешательство, что не удержался от благочестивого упрека:

— А вы не боитесь втягивать Господа в торговлю опием?

— Ничуть, — ответил мистер Бернэм, оглаживая бороду. — Один мой соотечественник изложил суть очень просто: «Иисус Христос — это свободная торговля, а свободная торговля — это Иисус Христос». Думаю, точнее не скажешь. Коли Господь желает, чтобы опий стал орудием, открывшим Китаю его заветы, быть по сему. Лично я не вижу причины, по которой англичанин должен потакать маньчжурскому тирану, лишающему китайский народ чудотворного средства.

— Вы про опий?

— Именно, — отрезал мистер Бернэм. — Позвольте узнать, сэр: вам угодно вернуться в те времена, когда людям рвали зубы и отпиливали конечности без облегчения боли?

— Что вы! Разумеется, нет, — поежился Нил.

— Я так и думал. Тогда зарубите себе на носу, что современная медицина, в частности хи-

ргия, невозможна без таких препаратов, как морфий, кодеин и наркотин, — и это лишь часть благотворных снадобий, получаемых из опия. Наши детки не уснут без укропной водички. А как нашим дамам и самой возлюбленной королеве обойтись без опийной настойки? Да что там, наш век индустриального прогресса стал возможен благодаря опию, а без него улицы Лондона заполонили бы харкающие толпы, измученные бессонницей и недержанием. В таком случае уместен вопрос: кто дал право маньчжурскому деспоту лишать своих беспомощных подданных этих благ прогресса? Полагаете, Господь возрадуется нашему соучастию в ограблении тьмы людей, у которых: отнимают чудесный дар?

— Но вы не станете спорить, что в Китае полно тех, кто страдает пагубным пристрастием к опию? — возразил Нил. — Вряд ли эта беда мила нашему Создателю.

Бернэма будто стегнули крапивой.

— То, о чем вы говорите, сэр, всего лишь издержки подлой человеческой натуры. Случись вам пройти по лондонским злачным местам, вы бы увидели, что в пивных имперской столицы пагубного пристрастия не меньше, чем в китайских притонах. И что теперь — закрыть

все таверны? Изгнать вино и виски из наших гостиных? Лишить солдат и матросов ежедневной порции грога? Если принять эти меры, пагубное пристрастие исчезнет? И члены парламента будут в ответе за каждый случай смерти от пьянства? Ответ — нет. Никогда. Ибо противоядие от дурных пристрастий не в запретах императоров и парламентов, а в совести каждого человека, который должен убояться Господа и осознать свою ответственность перед Ним. Вот единственный важный урок, который мы, христианская нация, можем преподать Китаю, и я уверен, что народ этой несчастной страны с восторгом принял бы наше послание, если б владычество жестокого деспота не затыкало ему уши. В вырождении китайцев повинна одна лишь тирания. Купцы вроде меня — всего-навсего слуги свободной торговли, непреложной, как Божьи заповеди. — Мистер Бернэм сунул в рот хрустящий овощной лепесток. — Могу еще добавить, что расхальскому радже не стоило бы морализировать насчет опия.

— Почему? — Нил напрягся, предчувствуя унижение. — Потрудитесь объяснить, мистер Бернэм.

Судовладелец приподнял бровь:

— Извольте. По той причине, что опием оплачено все, чем вы владеете: ваши дома, этот корабль, эта еда. Неужто вы думаете, что смогли бы существовать на доход от имения и оброк с полуголодных крестьян? Нет, сэр, все это вам дал опий.

— Но ради этого я не стал бы затевать войну, сэр. — В резкости тон раджи не уступал тону судовладельца. — Империя, полагаю, тоже. Не думайте, что я не знаю о роли парламента в вашей стране.

— Да ну? — усмехнулся мистер Бернэм. — Парламент узнает о войне, когда она закончится. Поверьте, сэр, если б он ведал подобными делами, не было бы империи.

— Вот уж точно! — поднял бокал Дафти. — Лучше не скажешь!

Его прервало появление очередного блюда, для которого пришлось мобилизовать почти всю команду: один за другим матросы вносили медные чаши с рисом, бараниной, креветками, разнообразными соленьями и острыми приправами.

— А, наконец-то карибат! — воскликнул лоцман. — Самое время!

Когда чаши открыли, он беспокойно оглядел стол, а затем ликующе ткнул пальцем в сторону

миски со шпинатом и ломтиками рыбы:

— Вот они знаменитые чички со шпинатом!

Аромат снеди не возымел эффекта на раджу; глубоко уязвленный словами Бернэма, он и думать забыл о еде, а также о ночных горшках и глистах.

— Прошу вас, сэр, не считать меня невежественным туземцем, с кем следует говорить как с ребенком, — обратился он к торговцу. — Смею заверить, у вашей юной королевы нет более верного подданного, который прекрасно осведомлен о правах, какими пользуется британский народ. Хочу добавить, что я хорошо знаком с работами мистера Юма, мистера Локка и мистера Гоббса.[26]

— Не надо рассказывать мне о мистере Юме и мистере Локке. — Тон судовладельца свидетельствовал о желании осадить хвастуна. — Да будет вам известно, что я знаком с ними еще с той поры, когда они служили в Бенгальской комиссии по доходам. Я читал все, что они написали, даже их доклад по санитарии. Что до мистера Гоббса, на

---

[26] Примечания: 26

Дэвид Юм (1711–1776) — шотландский философ, представитель эмпиризма и агностицизма. Джон Локк (1632–1704) — английский мыслитель, которого называли первым философом эпохи Просвещения. Томас Гоббс (1588–1679) — английский философ-материалист.

днях мы с ним обедали в моем клубе.

— Славный парень, этот Гоббс, — вмешался мистер Дафти. — Если не ошибаюсь, нынче он отхватил себе местечко в муниципальном совете. Как-то раз мы с ним охотились на кабанов. Загонщики подняли старую матку с выводком. Они как попрут на нас! С перепугу лошади как шарахнутся! Старина Гоббс вылетел из седла и грохнулся прямо на кабанчика. Насмерть. В смысле, кабанчик. Гоббсу хоть бы хны. Вот уж чертовщина! Превосходное вышло жаркое. То есть из кабанчика.

Мистер Дафти еще не закончил своего повествования, когда за ширмой перед нишей что-то тихонько звякнуло — будто ножной браслет. Видимо, Элокеши со свитой пришла взглянуть на гостей. Затем послышались шепот и шарканье ног, когда девицы сменялись у глазка, а потом Нил различил взбудораженный голос Элокеши: «Ой, смотрите-ка!»

— Ш-ш! — через плечо бросил раджа, но его предостережение не было услышано.

— Видите вон того, жирного? — на бенгальском громко шептала Элокеши. — Лет двадцать назад он ко мне приходил. Мне только пятнадцать сравнялось. Ой, чего вытворял!.. Рассказать, так

вы со смеху помрете…

За столом повисла тишина; опытные англичане разглядывали потолок, но Захарий удивленно озирался. Окончательно смешавшийся Нил не представлял, как сгладить ситуацию. Поди растолкуй новичку, что за ним наблюдают четыре танцовщицы.

— Камеристки… Болтают… — пробормотал раджа, невольно вслушиваясь в тихий шепот.

— Представляете, велел сесть ему на лицо… хи-хи… и стал лизать… прямо там… языком работал, будто шежеки чатачати смаковал…

— Ах вы засранки, в рот вам дышло! — Мистер Дафти вскочил, опрокинув стул. — Шлюхи поносные! Думаете, не разберу ваше чириканье? Да я понял каждое слово в этой тарабарщине! Значит, я пиздолиз? Да я уж лучше отдрочу, нежели сунусь в твою лохань! Кто лизал, я лизал? А вот сейчас моя палка тебе полижет…

Вскинув трость, лоцман шагнул к нише, но мистер Бернэм проворно кинулся ему наперерез, а затем подоспела помощь Захария. Вдвоем они вывели мистера Дафти на палубу и передали его ласкарам.

— Шибко много вино пить, — деловито сказал боцман Али, ухватывая лоцмана за щиколот-

ки. — Надо скоро-скоро спать.

Дафти буянил. Пока его запихивали в шлюпку, над рекой разносилась брань:

— Не замай шалуна!.. Прочь, салаги!.. Я вам зубы вышибу… яйца оторву… по стенке размажу… шакалы, макаки паршивые… Где мои чички со шпинатом?

— Много вино пить, мешать-намешать, — бурчал Али. — Теперь голова ударить.

Захарий тоже пытался утихомирить лоцмана, а мистер Бернэм вернулся в гостиную, где сидел закручинившийся раджа. Разве подобное могло бы случиться на обеде, устроенном отцом? Конечно нет.

— Весьма сожалею, — сказал мистер Бернэм. — Наш славный мистер Дафти слегка не подрассчитал свои силы.

— Извиняться нужно мне, — вздохнул Нил. — Надеюсь, вы не уйдете? Девушки подготовили представление…

— Вот как? Передайте им наши извинения. Боюсь, я не расположен к веселью.

— Очень жаль. Вам нездоровится? Может, угощение не понравилось?

— Обед прекрасный, — степенно ответил мистер Бернэм. — Что до увеселений… Моя вера

налагает определенную ответственность. Я стараюсь не бывать на зрелищах, оскорбительных для чести прекрасного пола.

— Понимаю, — уважительно склонился раджа.

Судовладелец достал из жилетного кармана ситару и обстучал ее о ноготь большого пальца.

— Если не возражаете, я бы хотел переговорить с вами наедине.

Повода для отказа не было.

— Конечно, мистер Бернэм. Пройдемте на верхнюю палубу, там никто нам не помешает.

*

Мистер Бернэм закурил сигару и выпустил в ночной воздух облачко дыма.

— Я счастлив возможности поговорить с вами. Просто нечаянная радость.

— Благодарю вас.

Оборонительный инстинкт раджи был начеку.

— Позвольте напомнить о моем недавнем письме. Вы нашли время обдумать мое предложение?

— К сожалению, сейчас я не могу вернуть вам долг, мистер Бернэм, — прямо сказал раджа. — Прошу понять, что ваше предложение для меня неприемлемо.

— Отчего же?

Нил вспомнил свою последнюю встречу с арендаторами и управляющими, которые умоляли его не продавать поместье, не лишать их земли, ухоженной поколениями земледельцев. Он вспомнил священника семейной церкви, на коленях просившего не отдавать храм, в котором молились предки Халдеров.

— Поместье Расхали принадлежит моему роду уже двести лет, — сказал Нил. — Им владели девять поколений Халдеров. Разве можно отдать его за долги?

— Времена меняются, и тех, кто за ними не поспевает, жизнь сметает.

— Но у меня есть обязательства перед людьми. Поймите, на этой земле стоят наши семейные храмы. Я не вправе разбазарить то, что принадлежит моему сыну и его еще не родившимся детям. Я не могу отдать вам имение.

Мистер Бернэм выпустил клуб дыма.

— Позвольте быть с вами откровенным. Дело в том, что у вас нет выбора. Деньги от продажи имения все равно не покроют ваш долг моей фирме. К сожалению, я не могу больше ждать.

— Забудьте о своем предложении, мистер Бернэм. Я продам все — дома, этот корабль, но не расстанусь с землями Расхали. Скорее я объявлю

себя банкротом, чем отдам вам поместье.

— Понимаю, — дружелюбно сказал судовладелец. — Это ваше последнее слово?

— Да, — кивнул Нил.

— Ладно. — Мистер Бернэм разглядывал тлеющий кончик сигары. — Но запомните: в том, что произойдет, будет только ваша вина.

6

Свечной огонек в окне Полетт проткнул предрассветную тьму, окружавшую Вефиль; в доме девушка вставала раньше всех, и день ее начинался с того, что она прятала сари, носить которое осмеливалась лишь в укрытии своей спальни, защищавшей от назойливых взглядов прислуги. Челядь не уступала хозяевам в строгости мнения, как надлежит выглядеть европейцам, в особенности дамам. Лакеи презрительно фыркали, если одежда ее не хрустела от свежести, и глохли, если она обращалась к ним на бенгали, а не убогом хиндустани[27] — языке приказов. Соскочив с кровати, Полетт торопливо убрала сари в сундучок — единственное место, где его не найдут слуги, чередой заявлявшиеся в спальню: горничные, уборщицы, золотари.

Расположенное под крышей, жилье Полетт состояло из просторной спальни с гардеробной, но главное, имело ватерклозет. Миссис Бернэм при-

[27] Примечания: 27

Хиндустани — общее название группы идиомов, достаточно близких к официальным хинди и урду; эти идиомы распространены в Индии, Пакистане и некоторых других странах.

ложила все силы, чтобы ее резиденция первой в городе распрощалась с удобствами во дворе. «Так утомительно каждый раз бегать на улицу, чтобы отправить письмецо», — говорила она.

Как и прочие апартаменты, уборная Полетт могла похвастать множеством новейших английских устройств: удобным стульчаком с деревянным сиденьем, расписным фарфоровым умывальником и жестяным тазиком для мытья ног. Однако Полетт считала, что здесь не хватает главного — ванны. Она привыкла к частым купаньям, и ей было тяжко без того, чтобы хоть раз в день не почувствовать освежающую прохладу воды. Однако ежедневные омовения дозволялись только Берра-саибу, когда он, пропыленный и разгоряченный, возвращался после дня в конторе. Говорили, хозяин придумал хитроумную штуку: он плескался под струями, вытекавшими из дырочек в днище ведра, куда слуга беспрестанно подливал воду. Полетт была бы рада иметь у себя такое устройство, но стоило ей о том заикнуться, как миссис Бернэм возмущенно фыркнула и в своей обычной окольной манере дала понять, что холодные обливания необходимы мужчинам, однако не пристойны и даже противопоказаны нежному и менее возбудимому полу. Купанье

в ванне, уже вполне определенно сказала она, чисто мужская забава, которая должна иметь разумные промежутки в два-три дня.

В Вефиле имелись две купальни с огромными чугунными корытами, выписанными прямиком из Шеффилда. Однако банщиц следовало уведомить о предполагаемом купании хотя бы за день, и Полетт сознавала, что если подобные приказания отдавать чаще двух раз в неделю, слух о том быстро достигнет ушей миссис Бернэм. Да и что за удовольствие отмокать в собственной грязи под надзором трех банщиц («трушек», как называла их хозяйка), которые намыливают тебе спину, скребут ляжки и все, что считают нужным, приговаривая «трем-трем», будто их тычки и щипки доставляют огромную радость? Полетт отталкивала их лапы, когда они тянулись к ее самым сокровенным местам, отчего на лицах банщиц обозначались недоумение и обида, словно им препятствовали в надлежащем исполнении обязанностей. Получалось не купанье, а мука, ибо Полетт не знала, да и не хотела выяснять их намерений.

Безысходность подтолкнула ее к изобретению собственного способа мытья: в уборной Полетт вставала в тазик и осторожно поливала себя из

кружки, зачерпывая воду из ведра. Прежде она всегда купалась в сари, и поначалу собственная нагота ее смущала, но через неделю-другую стала привычной. Приходилось долго подтирать забрызганный пол, чтобы скрыть следы купанья, ибо миссис Бернэм хоть изъяснялась туманными намеками, но умела вытрясти сплетни из слуг, которых весьма интересовала жизнь обитателей дома. Несмотря на предосторожность, были основания полагать, что слух о тайных купаньях уже просочился в хозяйские пределы: давеча миссис Бернэм отпустила несколько саркастических замечаний о беспрестанных омовениях язычников, что макают головы в Ганг и бормочут заклинания.

Памятуя сию критику, Полетт с особой тщательностью вытерла пол уборной. Однако этим страдания не заканчивались: еще предстояло втолкнуть себя в теснину панталон до колен, а затем изогнуться дугой, отыскивая завязки лифа, сорочки и нижней юбки, после чего ввинтиться в одно из многих платьев, пожалованных благодетельницей.

Хоть строгого кроя, наряды от миссис Бернэм были пошиты из тканей, несравнимо лучше привычного для Полетт чинсурского ситца или

тончайших муслина и атласа, каким отдавали предпочтение многие дамы; нет, хозяйка Вефиля соглашалась только на прелестный кашемир, лучший китайский шелк, хрустящее ирландское полотно и мягкий суратский нансук. Недостатком чудесных одеяний было то, что, скроенные и сшитые на одного, они плохо подходили другому, особенно такой нескладехе, как Полетт.

К семнадцати годам она так вытянулась, что была почти на голову выше окружающих — и мужчин, и женщин. Руки ее болтались, точно ветки на ветру (годы спустя она посетует, что на рисунке в святилище Дити они выглядят листьями кокосовой пальмы). Сперва Полетт стеснялась своего необычного роста, но затем неуклюжесть одарила ее свободой, избавив от бремени забот о своей наружности. Однако в Вефиле безразличие к собственной внешности переросло в дикое стеснение: она карябала прыщики на лице, превращая их в очень заметные на бледной коже нарывы, при ходьбе сильно клонилась вперед, будто преодолевая порывы ветра, а когда стояла, то горбилась, прятала руки за спину и раскачивалась на носках, словно готовясь произнести речь. Прежние хвостики из длинных темных волос она сменила на строгий узел — этакий корсет

для головы.

По прибытии в Вефиль Полетт увидела на своей кровати поджидавшие ее четыре платья, а также всякие сорочки, блузки и нижние юбки. Все подогнано под ее фигуру, заверила миссис Бернэм, можно одеться к обеду. Полетт поверила ей на слово и торопливо натянула обновки, не обращая внимания на кудахтанье горничной. Спеша обрадовать благодетельницу, она скатилась по лестнице и влетела в столовую.

— Вы только гляньте, миссис Бернэм! Все прям по мне!

Ответом был шелест, похожий на вздох многотысячной толпы. Полетт заметила, что для семейного обеда в столовой чересчур людно. Не зная местного уклада, она рассчитывала увидеть лишь хозяев и их восьмилетнюю дочь Аннабель, но не уйму слуг: за каждым стулом расположился лакей в чалме, возле соусника дежурил подливщик и возле супницы — черпчий, а выводок поварят неотступно следовал за старшими подавальщиками. Мало того, в коридоре среди опахальщиков с головными веерами, которые приводились в движение посредством привязанной к ноге веревки, толклись разнообразные кухонные работники, привлеченные слухом о

новой жилице: спецы по соусам и шашлыкам, жаркому и отрубам. Вдобавок домашняя челядь исхитрилась протащить тех, кому вход в покои был строго-настрого заказан: садовников, конюхов и кучеров, привратников и даже водоносов. В ожидании господского отклика лакеи затаили дыхание: на подносе дребезжал соусник, черпак упал в супницу, веревки опахал провисли — все следили за взглядами хозяина и хозяйки, которые проследовали от распахнувшегося лифа до короткого подола, выставившего напоказ голые лодыжки Полетт. Тишину нарушил радостный смех маленькой Аннабель:

— Мам, она забыла застегнуться! Смотри, у нее ноги голые! Видишь? Она глупышка?

Кличка прилипла, и отныне миссис Бернэм с дочерью называли Полетт Глупышкой.

На другой день полдюжины закройщиц и швей хлопотали над хозяйскими нарядами, подгоняя их по фигуре новенькой барышни. Вопреки стараниям, их труды не имели должного успеха, ибо девица так была скроена, что подол, даже полностью выпущенный, не достигал нужной длины, а в талии и рукавах платья были чересчур широки. В результате все изящной выделки наряды на Полетт висели мешком или же парусили; непри-

вычная и неладная одежда доставляла ей массу неудобств, вынуждая то и дело оправлять складки и почесываться, отчего возникал вопрос миссис Бернэм, не завелись ли у нее муравейчики.

После провального дебюта Полетт изо всех сил старалась вести себя надлежаще, однако осечки случались. Давеча зашел разговор о кораблях, и она гордо использовала недавно выученное английское слово «страхуй». Но вместо одобрения получила хмурый взгляд миссис Бернэм, которая отвела ее подальше от дочери и разъяснила: в обществе не следует употреблять термин, имеющий слишком сильный привкус того, что «набухает и встает».

— Запомни, Глупышка: нынче, коль есть нужда, говорят «страфуй». — Потом миссис Бернэм вдруг хихикнула и шлепнула ее веером по руке. — А что касаемо той штуки, дорогуша, то ни одна дама мимо губ ее не пронесет.

*

Полетт встала пораньше еще и для того, чтобы успеть поработать над незаконченной рукописью отца о травах «Лекарственные вещества». Рассвет — единственное время, которое принадлежало только ей; в этот час она не чувствовала

за собой вины, даже если делала нечто такое, что не понравилось бы ее благодетелям. Но редки были дни, когда Полетт действительно занималась рукописью, — чаще всего взгляд ее уплывал к Ботаническому саду на другом берегу реки, и она попадала под чары грустных воспоминаний. Жестокость или доброта руководила четой Бернэм, поселившей ее в комнате, из окон которой открывался столь хороший вид на реку и противоположный берег? Кто знает, но стоило слегка наклонить голову, как в поле зрения появлялось бунгало, покинутое чуть больше года назад и теперь казавшееся издевательским напоминанием обо всем, что было утрачено со смертью отца. Следом накатывала волна вины, ибо тоска по прежней жизни представлялась неблагодарностью и даже предательством по отношению к благодетелям. Каждый раз, когда мысли уносили ее за реку, Полетт добросовестно напоминала себе о том, как ей повезло: Бернэмы дали кров, одежду и карманные деньги, а главное, направили к тому, в чем она была прискорбно несведуща, — благочестию, покаянию и Священному Писанию. Вызвать в себе благодарность было легко — стоило лишь подумать об иной судьбе, в которой ее ждала не эта просторная комната, а бараки

недавно учрежденной богадельни для нищих и несовершеннолетних европейцев. Полетт уже покорилась своей доле, когда ее призвал угрюмый судья мистер Кендалбуш. Приказав возблагодарить сердобольные небеса, он известил Полетт, что к ней проявил внимание не кто иной, как мистер Бенджамин Брайтуэлл Бернэм, известный коммерсант и филантроп, приютивший в своем доме немало нуждающихся белых девушек. Вот и сейчас он обратился в суд, предложив кров для сироты Полетт Ламбер.

Судья показал письмо, которое предваряла строка: «Более же всего имейте усердную любовь друг к другу, потому что любовь покрывает множество грехов». К своему стыду, Полетт не узнала источник фразы, и судья сообщил ей, что это стих восьмой главы четвертой Первого соборного послания святого апостола Петра. Далее мистер Кендалбуш задал несколько простых вопросов по Библии, и ответы Полетт, вернее ее потрясающее невежество, подвигли судью на язвительный приговор:

— Ваше безбожие, мисс Ламбер, позорит господствующую расу. Даже туземцы лучше знают Писание. Вам остался один шаг до завываний и воплей язычников. Суд считает, что опека ми-

стера Бернэма даст вам несравнимо больше, чем заботы вашего отца. Вы обязаны показать, что достойны такого счастья.

За одиннадцать месяцев в Вефиле библейские познания Полетт стремительно выросли, поскольку за этим присматривал лично мистер Бернэм. Хозяева дали понять, что от подопечной, как и ее предшественниц, требуются лишь регулярное посещение церкви, благонравное поведение и открытость к религиозным наставлениям. Предположение о статусе бедной родственницы не оправдалось, и Полетт была удивлена тем, что никто не ждал от нее компенсации в виде услуг. Вскоре выяснилось, почему супруги вежливо отклонили ее помощь в воспитании Аннабель: далеко не совершенный английский и образование, которое миссис Бернэм считала абсолютно негожим для девицы.

Полетт училась, помогая в работе отцу. Спектр его наставлений был широк, ибо он помечал свои растения ярлыками на бенгали и санскрите, а еще использовал систему, недавно изобретенную Линнеем.[28] Полетт изрядно понабралась латыни от родителя, а также индийских языков

[28] Примечания: 28

Карл Линней (1707–1778) — шведский врач и натуралист, создатель единой системы растительного и животного мира.

от грамотных конторщиков, помогавших отцу в сборе растений. Французский она выучила по собственной воле, до дыр зачитывая отцовы книги. Вот так через усердие и наблюдательность уже в юные годы Полетт стала отличным ботаником и преданным читателем Вольтера, Руссо и особенно мсье Бернардена де Сен-Пьера,[29] который некогда был учителем и наставником отца. Обо всем этом она помалкивала, зная, что Бернэмы, чья неприязнь к папизму почти равнялась отвращению к индусам и мусульманам («язычникам и магометанам»), не захотят, чтобы их дочь натаскивали в ботанике, философии и латыни.

За неимением лучшего Полетт, чьей натуре претило безделье, добровольно взялась приглядывать за садом. Но и это оказалось не легко, ибо старший садовник ясно дал понять, что не намерен выслушивать указания сопливой девчонки. Несмотря на его возражения, она посадила возле беседки чалту, а потом с большим трудом уломала его на пару латаний в клумбе центральной аллеи; эти пальмы, которые очень любил отец, были еще одной ниточкой к прошлому.

---

[29] Примечания: 29

Жак-Анри Бернарден де Сен-Пьер (1737–1814) — французский писатель, ученик и друг Жан-Жака Руссо, путешественник, объездивший полмира; в России хотел основать колонию на Аральском море.

В немалой степени тоска объяснялась тем, что Полетт не могла придумать, как стать по-настоящему полезной своим благодетелям. Вот и сейчас вздымалась волна отчаяния, но ее спугнули цокот копыт и скрип колес на гравийной аллее перед парадным входом. На небе румяные прожилки рассвета уже пробили ночную тьму, но все равно для гостей было рановато. Полетт выскочила в коридор и через окно увидела подъехавшую к крыльцу обшарпанную карету, этакую конструкцию из останков извозчичьего экипажа. Подобные колымаги были привычны в бенгальских кварталах, но никогда не появлялись возле Вефиля, да еще у парадного входа. Выбравшись из кареты, человек в дхоти и курте смачно харкнул на клумбу с лилиями «кобра». Волосы на его огромной голове были заплетены в косу, по которой Полетт его и узнала — Нобокришна Панда, приказчик мистера Бернэма, отвечавший за транспортировку рабочей силы. Обычно он появлялся в доме с кипой бумаг для мистера Бернэма, но никогда еще не приезжал в такую рань, дерзнув оставить свой рыдван у парадного входа.

Полетт сообразила, что впустить его некому: в этот час привратники укладывались спать, а до-

машняя челядь еще не восстала из своих гамаков. Желая быть полезной, Полетт стремглав спустилась по лестнице и, повозившись с латунными щеколдами, открыла входную дверь.

Далеко не юноша, приказчик обладал неохватным торсом, печально обвисшими щеками и темными бесформенными ушами, топорщившимися на огромной голове, словно лишайник на мшистом валуне. Хоть не лысый, он выбривал лоб, оставляя на затылке длинные пряди, которые заплетал в поповскую косицу. Приказчик явно не ожидал увидеть девушку, однако улыбнулся и пригнул голову в манере, выражавшей одновременно приветствие и покорность; растерянность клерка, сообразила Полетт, объяснялась неопределенностью ее положения в доме: кто она — еще один домочадец или равный ему служащий? Дабы снять неловкость, Полетт сложила руки у груди и уже хотела произнести бенгальское приветствие «Номошкар Нобокришно-бабу», но вовремя вспомнила, что приказчик предпочитает, чтобы к нему обращались по-английски и называли Ноб Киссин Пандер.

— Милости прошу, Ноб Киссин-бабу,[30] — ска-

[30] Примечания: 30
Бабу — здесь: уважительная приставка к имени.

зала Полетт, пропуская его в дом.

Она отдернула протянутую было руку, когда заметила на лбу приказчика три полоски, нанесенные сандаловой краской, — ярый приверженец Шри Кришны, а также Искатель, давший обет безбрачия, скорее всего, косо посмотрел бы на прикосновение женщины.

— Как поживаете, мисс Ламбер? — Приказчик кивнул, держась поодаль, чтобы обезопасить себя от возможной скверны. — Надеюсь, стул не жидкий?

— Нет, Ноб Киссин-бабу, чувствую себя хорошо. Как вы?

— Мчался во весь опор. Хозяин приказал доставить сообщение — срочно требуется шлюпка.

— Я передам лодочникам, — кивнула Полетт.

В коридоре появился слуга; Полетт отправила его на причал, а клерка провела в комнатку, где обычно визитеры и просители дожидались приема у мистера Бернэма.

— Не угодно ли обождать, пока готовят лодку?

Полетт уже хотела выйти, но заметила в госте тревожные перемены: он осклабился в улыбке и потряс головой, отчего косица его замоталась, точно собачий хвост.

— Ох, мисс Ламбер, каждый раз я мечтаю о

встрече с вами, чтобы обсудить одно дельце, — выпалил приказчик. — Но вы ни минуты не бываете одна, как же мне приступить?

— Разве о том нельзя говорить при всех? — испугалась девушка.

— Это уж вам решать, мисс Ламбер, — вздохнул Ноб Киссин; косичка его так потешно дернулась, что Полетт едва не прыснула.

Не только ей приказчик показался смешным; когда через годы и расстояния его образ отыщет дорогу к святилищу Дити, он обретет карикатурный вид огромной лопоухой картофелины. Однако Ноб Киссин Пандер был полон сюрпризов, в чем Полетт тотчас убедилась. Из кармана черной курты он достал маленький тряпичный сверток.

— Еще минутка, и вы кое-что увидите, мисс.

Положив сверточек на ладонь, приказчик кончиками пальцев изящно его распаковывал, не касаясь самой вещицы на тряпичной подстилке. По окончании процедуры он медленно вытянул руку, словно напоминая, что близко подходить нельзя:

— Умоляю не трогать.

Несмотря на расстояние, Полетт мгновенно узнала лицо, улыбавшееся из рамки золото-

го медальона. На эмалевой миниатюре была изображена темноволосая сероглазая женщина — ее мать, которой она лишилась в миг своего рождения и от кого не осталось иных памяток и портретов.

— Как же так? — оторопела Полетт. После внезапной смерти отца она безрезультатно обшарила весь дом и решила, что в суматохе медальон украли. — Откуда он взялся? Где вы его нашли?

— Получил от Ламбер-саиба, — ответил приказчик. — За неделю до его ухода в небесную обитель. Он был весьма плох — руки ужасно тряслись, язык весь обложен. Наверное, господин страдал сильным запором, однако сумел добраться до моей конторы в Киддерпоре. Вообразите!

От четкого воспоминания о том дне на глаза Полетт навернулись слезы: отец велел позвать Джоду, а на вопрос «Зачем?» ответил: мол, в городе есть дела, надо переправиться через реку. Полетт не отставала — что за дела такие, почему бы не съездить ей самой, но отец отмолчался и лишь снова попросил вызвать Джоду. Она следила за лодкой, которая медленно пересекла реку и почти добралась до того берега, почему-то направляясь не к центру города, а к киддерпорским докам. Какие там могут быть дела? Самой

не догадаться, отец молчит, и Джоду, когда вернулся, ничего не мог объяснить. Сказал, что отец приказал ждать в лодке, а сам исчез на базаре.

— Он уже не впервой ко мне обратился, — поведал приказчик. — Вообще-то ходили многие, кто нуждался в деньгах. Отдавали на продажу украшения и всякие побрякушки. Ламбер-саиб почтил меня своим присутствием раза два-три, однако он не то что прочие — не вор, не игрок, не пьяница. Беда в том, что он был слишком добросердечен, все время кому-то оказывал милости, помогал деньгами. Конечно, многие злыдни этим пользовались…

Верно, большинство тех, кто получал от него помощь, жили в беспросветной нужде — бездомные и убогие, грузчики, искалеченные неподъемной поклажей, перевозчики, оставшиеся без лодок. Полетт никогда не корила отца и даже сейчас, оказавшись под опекой сердечных, но чужих людей, не могла упрекнуть его в безграничной душевности, которую больше всего в нем любила. Хотя, спору нет, судьба ее сложилась бы иначе, если б отец, как все другие, озаботился собственным благополучием.

— Ламбер-саиб обращался ко мне на бангла, а я всегда отвечал ему на добропорядочном

английском, — сказал приказчик и, словно опровергая себя, перешел на бенгали. Странно, что со сменой языка его обрюзгшее лицо утратило озабоченность. — Шунун, знаете, я догадывался, что ваш отец отдаст деньги нищему или калеке. О-хо-хо, Ламбер-саиб, говорил я, уж сколько я повидал христиан, которые пытаются выкупить себе местечко в раю, но такого усердного еще не встречал. Он смеялся, точно ребенок, такой был смешливый! Но в тот раз ему было не до смеха; едва поздоровавшись, он спросил: «Сколько вы мне за это дадите, Ноб Киссин-бабу?» Я видел, как бережно он обращается с вещицей, и тотчас смекнул, что она ему невероятно дорога, но в том-то и беда нынешнего века: наши ценности другим безразличны. Не желая его огорчать, я спросил: «На что вы собираете деньги? Сколько вам нужно?» «Немного, — отвечает, — только чтоб хватило на проезд до Франции». «Отбываете?» — удивился я. «Нет, — говорит, — деньги для Полетт. На случай, если со мной что случится. Хочу знать, что она сможет вернуться домой. Без меня ей нет места в этом городе».

Приказчик сжал медальон в кулаке и глянул на часы.

— Как хорошо он знал наш язык, мисс Ламбер.

Говорит — заслушаешься…

Казалось, сквозь напевную речь приказчика слышится голос отца, говорившего по-французски: «…моя дочь — дитя природы. Ведь я сам обучал ее в девственном покое Ботанического сада. Не зная иных учений, она поклоняется лишь одному богу — Природе; лес — ее Библия, земля — ее Откровение. Ей ведомы только Любовь, Равенство и Свобода. Я взрастил ее в наслаждении естественной вольности. Если она останется в колонии, а тем паче в этом городе, где скрыты европейский позор и алчность, ее ждет гибель: белые растерзают ее, точно стервятники и лисы, дерущиеся из-за падали. Непорочную девицу швырнут к менялам, выдающим себя за святых…»

«Молчи!» — Полетт зажала уши, чтобы не слышать отцовский голос. Как он был не прав! Как ошибался, стремясь воплотить в ней свои мечты и не понимая, что она самый обычный человек! Полетт досадовала на отца, но взор ее затуманился воспоминаниями о детстве, в котором бунгало Тантимы и Джоду было островком невинности в море порока. Она тряхнула головой, отгоняя наваждение.

— И что вы ему ответили насчет денег за ме-

дальон?

Ноб Киссин усмехнулся и подергал себя за косицу.

— Тщательно прикинув, я понял, что проезд во Францию даже третьим классом обойдется дороже. Для этого потребовалось бы две-три такие вещицы. Денег за один медальон хватило бы только до Марич-дип.

— Где это?

Полетт нахмурилась, ибо никогда не слышала о месте под названием «Перечный остров».

— По-английски это остров Маврикий.

— Ах, Маврикий! Там родилась моя мама.

— Он так и сказал, — чуть улыбнулся приказчик. — Пусть, говорит, дочь отправится на Маврикий, для нее это как бы родина. Там она совладает с радостями и мукой жизни.

— И что потом? Вы дали ему деньги?

— Сказал, что через пару дней раздобуду нужную сумму. Но как ему было прийти? Недели не прошло, и он скончался. — Приказчик вздохнул. — Я сразу увидел, что он плох. Красные глаза и язык в белом налете говорили о заторе в кишечнике. Я рекомендовал ему воздержаться от мяса, дабы вегетарианской пищей облегчить стул. Видимо, он пренебрег моим советом, что привело к

безвременной кончине. Намучился я, пока забрал назад вещицу. Ростовщик уже сдал ее в ломбард, и все такое. Но вот теперь она снова у меня.

Вдруг Полетт осенило: он же мог ничего не рассказывать, а прикарманить деньги — она бы знать не знала.

— Я искренне вам признательна, Ноб Киссин-бабу. Не знаю, как вас благодарить. — Полетт машинально протянула руку, от которой ее собеседник отпрянул, как от шипящей змеи.

Приказчик надменно вскинул голову и вновь перешел на бенгали:

— О чем вы, мисс Ламбер? Неужто думаете, я мог утаить чужую вещь? Возможно, вы считаете меня торгашом — а кто не торгует в наш жестокий век? — но известно ли вам, что одиннадцать поколений моих предков были священниками в прославленном храме Набадвипа? Одного моего прадеда причастил к любви Кришны сам Шри Чайтанья.[31] Лишь я не сумел последовать предначертанной судьбе, и в том моя беда… Даже ныне я повсюду ищу бога Кришну, но он, увы, не откликается…

Ноб Киссин собрался опустить медальон в

[31] Примечания: 31

Чайтанья Махапрабху (1486–1538) — монах-аскет, религиозный реформатор Бенгалии.

раскрытую ладонь Полетт, но, помешкав, отвел руку.

— А как же проценты? Мои средства скудны, к тому же я имею высокую цель — коплю на постройку храма.

— Не волнуйтесь, деньги вы получите, — сказала Полетт. В глазах приказчика мелькнул огонек сомнения, словно он уже раскаивался в своем великодушии. — Пожалуйста, отдайте медальон — это единственный портрет моей матери.

Послышались шаги слуги, возвращавшегося от причала. Полетт занервничала — крайне важно, чтобы никто в доме не знал о ее уговоре с приказчиком. И дело не в обмане благодетеля, просто ни к чему давать пишу для очередных обвинений отца в безбожии и легкомыслии.

— Прошу вас, Ноб Киссин, умоляю… — по-английски прошептала Полетт.

Приказчик дернул себя за косицу, точно напоминая себе о своих добрых свойствах, и разжал кулак, выпустив медальон в подставленные ладони Полетт. Едва он отступил, как вошедший слуга доложил, что шлюпка готова.

— Идемте, Ноб Киссин-бабу, — с наигранной живостью сказала Полетт. — Я провожу вас на причал. Вот сюда, пожалуйста.

В коридоре приказчик вдруг остановился и указал на прямоугольную рамку окна, в которой возник корабль с клетчатым флагом фирмы «Бернэм» на грот-мачте.

— «Ибис»! — воскликнул он. — Ну слава богу! Хозяин прям извелся ожидаючи, всю плешь мне проел — где мой корабль? Вот уж теперь порадуется!

Полетт распахнула дверь и через сад побежала к реке. С палубы шхуны мистер Бернэм победоносно размахивал шляпой, гребцы в шлюпке, отвалившей от причала, салютовали ему в ответ.

Взгляд девушки зацепился за ялик, который, видимо, отвязался от причала и теперь плыл по воле волн. Течением его вынесло на середину реки, еще немного, и он столкнется с приближавшейся шхуной.

Полетт вгляделась, и у нее перехватило дыхание — даже издали ялик показался очень знакомым. Конечно, на реке сотни подобных лодок, но одна была ей родной — в ней она появилась на свет и там умерла ее мать, в ней ребенком она играла и вместе с отцом отправлялась в мангровые рощи собирать образчики трав. Сейчас она узнала соломенный навес, изогнутый нос и пузатую корму — это лодка Джоду, и ее вот-вот

протаранит водорез «Ибиса».

В отчаянной попытке предотвратить столкновение Полетт замахала руками и во всю мочь завопила:

— Берегись! Гляди! Гляди! Атансьон!

*

После тревожной бессонницы у постели матери Джоду спал настолько крепко, что не почувствовал, как отвязавшуюся лодку вынесло на середину реки, где пролегал путь океанских кораблей, с приливом входивших в Калькутту. Разбудило его щелканье паруса фок-мачты, но зрелище нависшего над ним корабля было столь неожиданно, что он даже не пошевелился, уставившись на резной клюв, который нацелился ухватить добычу.

Утлое суденышко с неподвижным человеком можно было принять за подношение реке от набожного паломника, однако жертва успела разглядеть, что на нее готов обрушиться не заурядный корабль с квадратными парусами, а необычная двухмачтовая шхуна. Под утренним ветром раздувался и опадал лишь фор-брамсель, хлопки которого разбудили спящего. На реях мачты птицами унасестилось с полдюжины лас-

каров, а на палубе размахивали руками боцман с помощниками, старавшиеся привлечь внимание человека в лодке. Казалось, они беззвучно разевают рты, ибо их крики тонули в шорохе волны под носом корабля, разрезавшего воду.

Шхуна была так близко, что Джоду видел зеленоватый отлив медной обшивки водореза и ракушки, облепившие мокрое, покрытое слизью дерево. Если удар придется в борт, смекнул он, лодка рассыплется, точно вязанка хвороста под топором, а его самого засосет под корабль. Длинное весло, служившее рулем, было под рукой, но времени для полноценного маневра уже не осталось; Джоду успел лишь чуть отвернуть, и шхуна ударила лодку не носом, а бортом. Ялик накренился, в тот же миг бурун из-под носа корабля накрыл его, точно приливная волна, и под грузом воды пеньковые стяжки лопнули. Джоду сумел ухватиться за бамбуковый ствол, который поплавком вытянул его на поверхность. Вынырнув среди обломков, он оказался возле кормы и тотчас почувствовал, как его мощно утягивает в кильватерный след.

— Эй! Держи! — раздался чей-то крик на английском.

На палубе шхуны кудрявый человек раскручи-

вал линь с грузилом. В ту секунду, когда лодочные останки засосало под киль, Джоду исхитрился поймать змеей вылетевший трос.

Коловращение воды лишь помогло обмотаться веревкой, так что он самостоятельно вскарабкался по борту шхуны и, перевалившись через леер, рухнул на палубу.

Кашляя и отплевываясь, Джоду лежал на выскобленных досках, когда чей-то голос снова обратился к нему по-английски, и он увидел яркие глаза человека, бросившего ему линь. Присев на корточки, кудрявый что-то говорил; за его спиной маячили два саиба: один высокий и бородатый, другой толстопузый и в бакенбардах — он раздраженно пристукивал тростью. Джоду замер под их сверлящими взглядами и вдруг осознал, что он голый, если не считать тонкой хлопчатой повязки на бедрах. Подтянув колени к груди, он съежился и постарался не впускать в себя ничьи голоса, однако вскоре услышал, что кличут какого-то боцмана Али, и ощутил на своем загривке чью-то руку, заставившую его поднять голову и взглянуть на мрачную потрепанную физиономию с жидкими усиками.

— Тера нам киа? Как тебя зовут? — спросил серанг.

Джоду назвался и тотчас добавил, испугавшись, что имя звучит слишком по-детски:

— Это прозвище, а вообще-то я Азад Наскар.

— Зикри-малум даст тебе одежду, — на ломаном хиндустани сказал боцман. — Иди вниз и жди. Нечего путаться под ногами во время швартовки.

Под взглядами ласкаров Джоду поплелся за боцманом к люку в трюм.

— Полезай и сиди там, пока не кликнут, — сказал Али.

Еще на трапе Джоду учуял зловоние, и, по мере того как он спускался в темноту, сей отвратительный и тревожный, знакомый и неопределимый запах становился все крепче. Палубный люк был единственным источником света в неглубоком, пустом трюме, который занимал всю ширину судна, но казался тесным из-за низкого потолка и жердей, деливших его на отсеки вроде загонов для скота. Когда глаза привыкли к сумраку, Джоду опасливо шагнул в один такой загон и сразу ушиб ногу о тяжелую железную цепь. Присев на корточки, он нащупал еще несколько цепей, притороченных к шпангоуту; все они оканчивались железными манжетами с глазком для запора. Какой же груз крепили эти тяжеленные

цепи? Скорее всего, они предназначались для какой-то живности, однако вонь, пропитавшую трюм, оставили не коровы, лошади или козы; пахло человеческим потом, мочой, дерьмом и блевотиной, причем запах так глубоко въелся в древесину, что казался неистребимым. Вглядевшись, Джоду понял, что цепи действительно предназначались для человеческих запястий и лодыжек. Он пошарил по полу и нащупал в нем гладкие впадины, какие могли оставить лишь человеческие тела за очень долгое время. Их близость друг к другу подсказывала, что пассажиров набивали, как сельдь в бочку. Что же это за судно, которое оборудовано для перевозки людей как скотины? И почему боцман отправил его сюда, где никто его не увидит? Вдруг вспомнились истории о дьявольских кораблях, которые нежданно-негаданно приставали к берегу и захватывали целые деревни, чтобы живьем съесть пленников. Точно сонм призраков, в голове роились дурные предчувствия; цепенея от страха, Джоду забился в угол.

Кошмар развеяли чьи-то шаги; Джоду уставился на трап, ожидая появления боцмана или кудрявого, что бросил линь. Однако в проеме возникла женская фигура в темном длинном

платье и капоре, скрывавшем лицо. Мысль, что неизвестная госпожа увидит его почти голым, заставила метнуться в другой загон. Желая стать невидимкой, Джоду распластался по борту, но зацепил ногой цепь, гулко звякнувшую в пещере трюма. Он замер, услышав, что шаги направились в его сторону. А потом вдруг его окликнули по имени. Тихое эхо еще билось о стенки трюма, когда женщина, обогнув брус, подошла ближе.

— Джоду…

Она сняла капор, и Джоду увидел знакомое лицо.

— Это я, Путли. — Полетт улыбалась, глядя на его вытаращенные глаза и разинутый рот. — Ну скажи что-нибудь…

*

В своей каюте Захарий перетряхивал мешок с одеждой, подбирая что-нибудь для Джоду, и тут вдруг из кучи исподнего, рубашек и штанов выпала дудочка, которую он уже не чаял найти. Захарий чрезвычайно обрадовался нежданной находке и счел ее знаком добрых перемен. Забыв, для чего пришел в каюту, он стал наигрывать свою любимую матросскую припевку «Ну-ка разом навались».

Мелодия и необычный инструмент остановили руку Ноб Киссин-бабу, который уже собрался постучать в дверь каюты. Вслушавшись, он весь покрылся мурашками.

Со дня безвременной кончины его духовной наставницы душа Ноб Киссина ожидала исполнения пророчества: мать Тарамони, как называли ее ученики, посулила ему скорое пробуждение, велев неусыпно следить за знаками, которые могут появиться в самых неожиданных местах и самом невероятном виде. Ноб Киссин поклялся, что разум и чувства его будут всегда начеку, дабы не проморгать знамений, но сейчас не верил своим ушам. Неужто и впрямь он слышит свирель — инструмент бога Кришны? Немыслимо, но спору нет: незнакомая мелодия являла собой гурджари — наиболее предпочтительный para[32] для песнопений Темного Бога. Ноб Киссин так долго и страстно ждал знака, что теперь, когда мелодия смолкла, а ручка двери шевельнулась, он пал на колени и зажмурился, трепеща перед неминуемым откровением.

---

[32] Примечания: 32

Para (санскр. «цвет, настроение») — музыкальные лады в индийской классической музыке, серия из пяти или более нот, на которых строится мелодия. Их применение зависит от времени года и суток. Кроме мужского термина «para» используется женский — «рагини».

Захарий едва не споткнулся о коленопреклоненного человека, когда с рубахой и штанами под мышкой вышел из каюты.

— Эй! Какого черта вам здесь надо? — изумился он, разглядывая дородного мужика в дхоти, который раскорячился в коридоре, прикрыв руками глаза.

Пальцы приказчика медленно растопырились, точно листья растения недотроги, и он узрел возникшую перед ним фигуру. Вначале его пронзило острое разочарование: да, наставница говорила, что уведомить о пробуждении может самый невероятный посланник, но трудно поверить, будто Кришна, чье имя означает «темный» и чья смуглость прославлена в несметных песнях, стихах и прозвищах, выбрал столь бледноликого нарочного, в ком нет даже намека на хмурого Ганшиама, Бога Грозовой Тучи. Несмотря на огорчение, Ноб Киссин отметил в эмиссаре миловидность, подходящую для Соблазнителя Пастушек, и пронзительные черные глаза, которые вполне сходили за ночных птиц, что пьют из лунного омута девичьих губ, жаждущих любви. Желтоватая рубашка служила если не знаком, то подсказкой, ибо того же цвета были одежды Бога Радости, когда он резвился с изнывающими

от желания девами Бриндавана. Разводы пота на ней были как на сорочке Беспечного Кришны, изнемогшего от безудержных прелюбодеяний. Так может, этот кремовый посланник именно то, о чем предупреждала мать Тарамони: Облик, который Божественный Проказник окутал обманчивой пеленой, дабы проверить крепость веры своего подданного? Но если так, значит, должен быть еще какой-то знак…

Рачьи глаза приказчика еще больше выпучились, когда бледная рука приблизилась к нему, чтобы помочь подняться. Неужто сию длань благословил сам Воришка Масла? Ноб Киссин схватил протянутую руку и оглядел ее со всех сторон, но черноту нашел лишь под ногтями.

Тщательный осмотр его конечности и вращающиеся глаза исследователя встревожили Захария.

— Ладно, хорош! — сказал он. — Чего уставился-то?

Проглотив разочарование, приказчик выпустил руку. Ничего, если это — Облик, знак непременно отыщется, надо лишь сообразить, где искать. И тут его осенило: что, если Бедокур решил схитрить и придал посланнику характерную черту Шивы Ниилканты, Бога Синее Горло?

Догадка показалась столь очевидной, что приказчик вскочил на ноги и вцепился в воротник Захарьевой рубашки.

Захарий не ожидал наскока, но успел отбить трясущиеся лапы.

— В чем дело? — рявкнул он. — Свихнулся, что ли?

Приказчик опомнился и убрал руки:

— Пустяки, сэр, просто захотел взглянуть, не синий ли вы.

— Чего-чего? — Захарий вскинул кулаки — Ты еще и лаешься?

Приказчик испуганно отпрянул, поразившись быстроте, с какой Облик принял позу Воителя.

— Прошу вас, не серчайте… Я счетовод Бернэм-саиба… Меня зовут Ноб Киссин Пандер…

— И что вам здесь нужно?

— Берра-саиб велел забрать у вашей милости бумаги: вахтенный журнал, судовые ведомости — все, что нужно для страховки.

— Подождите здесь, — буркнул Захарий, скрываясь в каюте. Бумаги были уже собраны, и через минуту он вернулся. — Вот, извольте.

— Благодарю вас, сэр.

Захарию не понравился взгляд профессионального душителя, каким приказчик вновь ощупал

его горло.

— Ступайте себе, Пандер, — бросил он. — У меня еще дела.

*

В сумраке трюма Джоду и Полетт крепко обнялись, совсем как в детстве, но с той лишь разницей, что теперь их разделяла преграда жесткого трескучего платья.

Джоду колупнул ногтем ободок капора.

— Ты изменилась, — сказал он, почти уверенный, что Полетт уже забыла бенгали.

Но она ответила на том же языке:

— Думаешь? Ты сам стал другим. Где ты был так долго?

— В деревне. Мама сильно хворала.

— Ой! — вскинулась Полетт, — Как она сейчас?

Джоду уткнулся в ее плечо; чувствуя, как вздрагивает голая спина друга, Полетт встревожилась и крепче прижала его к себе, стараясь согреть в объятьях. От его мокрой набедренной повязки платье ее промокло.

— Что произошло? Тантима поправилась? Ну говори же…

— Умерла… позавчера… — сквозь стиснутые зубы проговорил Джоду.

— Умерла! — Теперь Полетт ткнулась в него. — Поверить не могу… — шептала она, отирая слезы о его шею.

— До самого конца поминала тебя, — шмыгнул носом Джоду. — Ты всегда была…

Его перебило покашливание.

Полетт ощутила, как напрягся Джоду, и лишь потом услыхала посторонний звук. Резко обернувшись, она оказалась лицом к лицу с востроглазым кудрявым юношей в линялой желтой рубашке.

Захарий тоже растерялся, но первым пришел в себя.

— Здравствуйте, мисс, — сказал он, протягивая руку. — Захарий Рейд, второй помощник.

— Полетт Ламбер, — выговорила Полетт, ответив на рукопожатие, и смущенно добавила: — С берега я видела аварию и вот пришла узнать, как дела у пострадавшего. Я очень беспокоюсь за него…

— Я так и понял, — сухо сказал Захарий.

Полетт захлестнул сумбур мыслей: что подумает про нее этот человек и как отнесется мистер Бернэм к тому, что его воспитанницу застали в объятьях лодочника-туземца? В голове роились отговорки: ей стало дурно от зловония трюма… в темноте она споткнулась… Проще всего выду-

мать внезапное нападение, но она никогда не подставит Джоду…

Однако Захарий не вскипел благородным негодованием, но спокойно передал несостоявшемуся утопленнику рубашку и холщовые штаны. Когда Джоду отошел в сторонку, он нарушил неловкое молчание:

— Как я понимаю, вы знакомы с этим горе-мореяком?

Теперь Полетт уже не могла прибегнуть к вранью:

— Конечно, вы поражены тем, что увидели меня в объятьях туземца. Уверяю вас, здесь нет ничего постыдного. Я вам все объясню…

— Совсем не обязательно.

— Нет, я должна объясниться хотя бы для того, чтобы вы поняли, насколько я благодарна за его спасение. Понимаете, Джоду — сын женщины, которая меня воспитала. Мы вместе росли, он мне как брат. Я по-сестрински его обняла, потому что он понес тяжелую утрату. На всем свете он мой единственный родственник… Разумеется, все это вам кажется странным…

— Вовсе нет, мисс Ламбер, — покачал головой Захарий. — Я прекрасно понимаю, как это может всколыхнуть душу.

Голос его дрогнул, словно история задела в нем какие-то струны. Полетт коснулась его руки и виновато попросила:

— Пожалуйста, не рассказывайте никому. Некоторые косо посмотрят на шуры-муры барышни и лодочника.

— Я умею хранить секреты, мисс Ламбер. Будьте уверены, я не проболтаюсь.

Заслышав шаги, Полетт обернулась и увидела Джоду в синей матросской рубахе и холщовых штанах. Без привычной повязки и чалмы стало заметно, как сильно он изменился — похудел, вытянулся и окреп; возмужавшее лицо казалось чужим, что очень беспокоило, ибо невозможно представить человека ближе и знакомее. В былое время Полетт тотчас принялась бы дразнить его с той беспощадной язвительностью, какую они приберегали друг для друга, если кто-нибудь слишком далеко выходил за пределы их личной вселенной. Вот уж схлестнулись бы в подначках и насмешках, закончив тумаками и царапаньем! Но при Захарий можно было лишь улыбнуться и кивнуть.

Джоду хватило одного взгляда, чтобы заметить напряженность Полетт и догадаться: между ней и кудрявым что-то произошло. Теперь, когда

он всего лишился, его ничто не сдерживало от того, чтобы воспользоваться этой зародившейся дружбой.

— Скажи ему, пусть возьмет меня матросом, — на бенгали произнес Джоду. — Скажи, мне некуда идти и негде жить, потому что они утопили мою лодку…

— Что он говорит? — вмешался Захарий.

— Он хочет получить место на вашем корабле, — перевела Полетт. — Лодка погибла, ему некуда идти…

Она теребила ленты капора и была так очаровательна в своем смущении, что Захарий, который не мог оторвать от нее изголодавшихся глаз, сделал бы для нее что угодно. Он понял, что эта девушка и есть тот дар, обещанный вновь обретенной дудочкой, и если б она приказала пасть к ее ногам или выпрыгнуть за борт, он бы промешкал лишь для того, чтобы сказать: «Извольте».

— Считайте, это уже сделано, мисс, можете на меня положиться, — зардевшись, выпалил новоиспеченный помощник. — Я переговорю с боцманом, мы найдем ему место в команде.

Легок на помине, по трапу спустился боцман Али. Захарий тотчас отвел его в сторонку:

— Парень лишился работы. Коль уж мы уто-

пили его лодку и самого искупали, надо взять его юнгой.

Он глянул на Полетт, которая ответила ему признательной улыбкой. Переглядки вкупе с хитрыми ухмылками не укрылись от внимания боцмана.

— Малум голова ушибить? — подозрительно сощурился он. — Зачем хотеть пацан? Лодочник-модочник корабль не знать. Лучше гони быстро-быстро.

— Хватит болтать, — жестко оборвал его Захарий. — Делай что сказано.

Бросив на Полетт возмущенный взгляд, боцман нехотя согласился:

— Понял. Делать как надо.

— Благодарю, — кивнул Захарий.

Он горделиво вскинул подбородок, когда девушка шепнула ему на ухо:

— Вы невероятно добры, мистер Рейд. Наверное, мне следует точнее объяснить ту сцену…

От улыбки Захария ее качнуло.

— Не надо ничего объяснять, — мягко сказал он.

— Может, тогда просто поговорим… как друзья.

— Я был бы…

Его перебил разнесшийся по трюму голос ми-

стера Дафти:

— Значит, эту рыбешку нынче выудили? — Лоцман таращился на облачение Джоду. — Нет, вы только гляньте, подлец уже запихнул женилку в штаны! Полчаса назад был голый хмырeныш, и нате вам — форменный матрос!

*

— А, вы уже познакомились! — сказал мистер Бернэм, когда Захарий с Полетт выбрались из трюма на солнцепек палубы.

— Да, сэр. — Захарий старался не смотреть на спутницу, которая капором прикрывала пятно на платье, оставленное мокрой повязкой Джоду.

— Превосходно. Однако нам пора. — Мистер Бернэм направился к сходням. — Дафти, Полетт, садитесь в шлюпку. Ноб Киссин, вы тоже.

Услышав это имя, Захарий глянул через плечо и увидел, что приказчик загнал боцмана Али в угол и о чем-то выспрашивает: его взгляды украдкой не оставляли сомнений в предмете разговора. Однако раздражение от этой сцены не затмило удовольствия вновь пожать руку Полетт.

— Надеюсь, мы скоро увидимся, мисс Ламбер, — тихо сказал Захарий, выпуская ее пальцы.

— Я тоже, мистер Рейд, — потупилась барыш-

ня. — Буду очень рада.

Сохраняя в памяти черты девушки, ее голос и лиственный запах волос, Захарий оставался на палубе, пока шлюпка не скрылась из виду. Лишь потом он вспомнил о приказчике и обратился к боцману Али:

— Чего хотел от тебя… этот, как его… Пандер?

Боцман презрительно сплюнул за леер:

— Дурак-мурак. Спрашивать всякий глупость.

— Например?

— Зикри-малум любить молоко? Любить масло? Он воровать масло?

— Чего?

Может, это инспектор? Вынюхивает, не слямзил ли кто провиант… Иначе на кой ему знать про масло?

— На черта ему это?

Боцман постучал себя по голове:

— Шибко наглый.

— А ты что сказал?

— Говорю, как Зикри-малум молоко пить? Где на море корова взять?

— Больше ничего не спрашивал?

Али покачал головой:

— Еще спросить — малум цвет менять?

— Как это? — Захарий сжал кулаки. — Что за

чушь?

— Он говорить, Зикри-малум иногда синий, нет?

— А ты что?

— Я отвечать, как малум синий быть? Он саиб. Розовый быть, красный быть, синий нет.

— Что это за вопросы? Чего ему надо?

— Пустяки. Шибко глупый.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой Захарий. — Может, не такой уж он и дурак.

*

Дити не зря опасалась, что на фабрику муж больше не вернется. После припадка Хукам Сингх так ослаб, что не смог отстоять свою трубку и шкатулку, когда она их забрала. Однако после этого ему стало хуже: он не ел, не спал, но так часто ходил под себя, что лежак его вынесли на улицу. В полузабытьи он что-то несвязно бормотал, испепеляя жену злобными взглядами; Дити не сомневалась — если б достало сил, он бы ее убил.

Через неделю наступил Холи, но праздник не принес в ее дом ни разноцветья, ни веселья — она боялась отлучиться от мужа, лепечущего в бреду.

У Чандан Сингха пили бханг[33] и славили приход весны. Дити послала к ним дочку, пусть хоть она порадуется, но Кабутри тоже было не до веселья — часу не прошло, как она вернулась.

Чтобы не падать духом и облегчить страдания мужа, Дити пыталась найти лечение. Сначала был призван оджху, изгоняющий злых духов, но его визит действия не возымел, и тогда она обратилась к хакиму, знатоку юнани — медицины, и ваиду, практиковавшему аюрведу. Несчетно умяв лепешек, лекари долго сидели у постели больного — щупали его исхудавшие запястья и ахали над его мертвенной бледностью, а затем прописали дорогие лекарства из золоченой фольги и костной стружки, для покупки которых Дити продала свои ножные браслеты и носовые кольца. Когда снадобья не помогли, ведуны по секрету сообщили, что Хукам Сингх не жилец на белом свете, а потому лучше дать ему зелья, по которому истосковалась его плоть. Дити твердо решила не возвращать мужу трубку, однако смягчилась до того, что ежедневно давала ему пожевать немного акбари. Малые дозы опия не прибавили больному сил, но облегчили его страданья, и Ди-

[33] Примечания: 33
Бханг — напиток из листьев и стебля конопли.

ти радовалась, видя, как он соскальзывает в иной мир, где нет боли, а жизнь ярче, праздник нескончаем и каждый день наступает весна. Если это способ оттянуть вдовство, она им не побрезгует.

Меж тем урожай требовал внимания: каждую коробочку вовремя надсеки, дай соку вытечь, а запекшуюся гущу соскреби и уложи в горшок, чтобы отвезти на фабрику. Долгая муторная работа, с которой женщине и ребенку не справиться. Не желая просить деверя о помощи, Дити наняла полдюжины работников, согласившихся на оплату натурой. Поскольку приходилось отлучаться с поля, чтобы обиходить мужа, работники оставались без пригляда, и потому неудивительно, что ее доля урожая оказалась на треть меньше ожидаемой. Расплатившись с батраками, Дити сообразила, что неразумно передоверять кому-то доставку горшков, и послала за Калуа с тележкой.

К тому времени она уже рассталась с мыслью о новой крыше и была бы рада, если б выручки хватило на запас провизии и удалось сэкономить толику на другие расходы. Коли повезет, на фабрике заплатят пару серебряных рупий, и если на базаре цены не бешеные, может быть, удастся сберечь два-три медных гроша, а то и целых пол-

пайсы на новое сари для дочки.

Однако на Рукодельнице ее ждал неприятный сюрприз: после того как горшки с опием взвесили, пересчитали и проверили, ей показали конторскую запись касательно их надела. Выяснилось, что в начале года Хукам Сингх взял большой аванс, и теперь скудной выручки едва хватило, чтобы покрыть долг. Дити тупо смотрела на затертые монетки, которые ей вручили.

— Как, шесть дамов за весь урожай? — взвыла она. — Да на это ребенка не прокормишь, не то что семью!

Брыластый учетчик-бенгалец шевельнул тяжелым подбородком и ответил не на родном бходжпури, а дробном городском хинди.

— Делай как все! — гавкнул он. — Ступай к ростовщикам. Продай сыновей. Пусть едут на Маврикий. Выкрутишься.

— У меня нет сыновей, — заплакала Дити.

— Ну так землю продай! — озлился учетчик. — Вечно скулите, что жрать нечего, но покажи мне голодного крестьянина! Все бы вам плакаться, все бы сопли пускать!

По дороге домой Дити заглянула на базар — раз уж наняла повозку, глупо возвращаться без всякой провизии. Денег хватило на мешочек самого

дешевого дробленого риса, капельку горчичного масла и горстку соли. От лавочника, совмещавшего торговлю с ростовщичеством, не укрылось безденежье покупательницы.

— Что случилось, сестра? — с напускным участием спросил он. — Может, тебе сгодилась бы парочка блестящих рупий, чтоб продержаться до летнего урожая?

Дити отказалась, но потом вспомнила о Кабутри: неужто последние годы в родном доме девочка должна голодать? В обмен на полугодовой запас пшеницы, масла и сахара она оставила в конторской книге отпечаток большого пальца и, лишь уходя, догадалась выяснить сумму долга и проценты. Услышав ответ, Дити обмерла: расценки были такие, что каждые полгода долг удваивался, а значит, через пару лет землю просто конфискуют. Лучше уж есть сорняки, чем брать такой заем. Дити хотела вернуть продукты, но было поздно. У меня твой отпечаток, злорадно ухмыльнулся выжига, ничего не попишешь!

Всю дорогу Дити терзалась своей оплошностью и даже забыла рассчитаться с Калуа. Когда опамятовалась, возчик уже уехал. Почему же он не напомнил? Неужто она дошла до ручки и вызывает жалость даже у того, кто жрет падаль и

квартирует с быками?

Разумеется, слух о ее невзгодах просочился к Чандан Сингху, который с мешком снеди возник у ее дверей. Ради Кабутри приняв подношение, она уже не могла с прежней решимостью дать ему от ворот поворот. А деверь, ссылаясь на хворь брата, повадился ходить каждый день. Хотя прежде состояние Хукам Сингха его ничуть не волновало, теперь он настаивал на своем праве посидеть у постели больного. Однако, едва переступив порог, он пожирал глазами невестку и будто невзначай прижимался к ней, а то внаглую ублажал себя, сунув руку в складки дхоти. Дити присаживалась на корточки, чтобы покормить мужа, а деверь подвигался так близко, что его локоть или колено чиркали по ее груди. Родственник вел себя все нахрапистей, и Дити спрятала в сари нож, опасаясь изнасилования прямо на мужней постели.

Деверь пошел-таки на приступ, но не впрямую, а через увещеванье. Не обращая внимания на отупелого брата, он зажал Дити в углу комнаты.

— Слушай, красавица, — сказал Чандан Сингх, — ты же прекрасно знаешь, как появилась на свет твоя дочь. Чего ты из себя строишь? Если б не я, ты бы и сейчас была яловой.

— Замолчи! — вскрикнула Дити. — И слушать

не хочу!

— Но это ж правда. Он-то и тогда не мог. — Чандан Сингх презрительно кивнул на брата. — Все сделал я. Потому и говорю: не лучше ли теперь добровольно отведать то, чем тебя угостили без твоего ведома? В конце концов, мы братья, одна плоть и кровь. Чего тут стыдного? Зачем тратить свою молодость и красоту на того, кто не может ими насладиться? Да и времени в обрез — муженек вот-вот помрет, но если зачнешь, пока он жив, сын будет законным наследником. Земля отойдет ему, и никто не посмеет это оспорить. А иначе, как ты знаешь, со смертью брата дом и хозяйство перейдут ко мне. Джекар кхет, текар дхан — чья земля, тому и рис. Стану здесь хозяином, как обойдешься без моей милости? — Ладонью он отер слюнявый рот. — Вот что я тебе скажу, мамаша: лучше сейчас по доброй воле, чем опосля по принужденыо. Сообрази, я даю тебе надежду. Приласкай меня, и горя знать не будешь.

Уголком сознания Дити понимала резонность предложения, однако ее ненависть к деверю уже достигла той степени, когда тело не пошло бы на сделку, даже если б рассудок уступил. Повинуясь порыву, она саданула наглеца локтем в костлявую грудь и закусила край накидки, оставив

открытыми одни лишь глаза.

— Какой мразью надо быть, чтобы выговорить такое у постели умирающего брата! Запомни: лучше я сгорю с мужем на погребальном костре, чем отдамся тебе.

Чандан Сингх отступил, его толстогубый рот скривился в ухмылке:

— Слова ничего не стоят. Думаешь, легко такой никчемной бабе умереть как сати?[34] Забыла, что в день свадьбы твое тело утратило чистоту?

— Значит, тем более стоит его сжечь. Все лучше, чем жить с тобой.

— Ах, какие громкие слова! Удерживать не стану, не думай. Зачем? Сати прославит наш род. Выстроим храм в твою честь и разбогатеем на пожертвованиях. Но все это бабий треп: как дойдет до дела, смоешься к своим родичам.

— Поглядим, — ответила Дити и вытолкала деверя вон.

---

[34] Примечания: 34

Обычай самосожжения вдовы на погребальном костре мужа происходит от высших индийских каст. В его основе лежит индуистская легенда о богине Сати, которая в индуистском пантеоне считается одной из инкарнаций супруги Шивы — Парвати. Согласно легенде, Сати бросилась в священный огонь, не стерпев оскорблений ее супруга другими богами. В 1829 г. британские колонизаторы осудили обряд сати как «нечестивый и негуманный». Их позицию разделяли христианские миссионеры и индийские просветители. Однако обычай оказался живуч — даже в современной Индии бывают самосожжения.

Возникнув, мысль о костре не давала покоя: лучше принять славную смерть, чем зависеть от Чандан Сингха или вернуться в свою деревню, чтобы остаток дней быть постыдным бременем на шее брата и его семьи. Чем больше Дити об этом думала, тем крепче убеждалась, что так будет лучше для всех, даже для Кабутри. Жизнь девочки слаще не станет, если мать превратится в содержанку такого ничтожества, как Чандан Сингх. Именно потому, что Кабутри его семя, он никогда не признает ее ровней другим своим детям, а жена его выместит на ней всю злобу. Если девочка останется здесь, ей уготована доля служанки своих кузенов или работницы; лучше отправить ее к брату, пусть растет с его детьми, еще один рот в тягость не будет. Дити всегда ладила с невесткой и знала, что та не обидит ее девочку. При таком раскладе жить дальше было бы чистой воды эгоизмом, она бы стала помехой дочкиному счастью.

Состояние Хукам Сингха неуклонно ухудшалось, и тут вдруг Дити прослышала, что дальние родственники едут в ее деревню; они охотно согласились доставить Кабутри к дяде — сипаю Хавилдару Кесри Сингху. До отправления лодки оставалось всего ничего, и в спешке сборов Дити

сумела удержаться от слез, укладывая в узелок нехитрые пожитки дочери. Из украшений уцелели только два ножных браслета, которые она защелкнула на дочкиных лодыжках и наказала по приезде отдать тетушке, чтоб сберегла на будущее.

Кабутри была вне себя от радости, предвкушая поездку в дом, где полно детей.

— Сколько я там пробуду? — спросила она.

— Пока отец не поправится. Я приеду за тобой.

Лодка отчалила, и будто оборвалась ниточка, связующая с жизнью. Отныне Дити уже не колебалась и со свойственной ей тщательностью стала готовиться к смерти. Сожжение ее почти не тревожило — пара ломтиков опия, и боли не почувствуешь.

7

Даже не заглядывая в корабельные бумаги, Ноб Киссин-бабу знал, что найдет в них подтверждение тому, в чем уже уверилось его сердце. Выезжая из Вефиля, он ни секунды в том не сомневался и мечтал о храме в честь матери Тарамони, который встанет на речном берегу, взметнув в небеса шафрановый шпиль. На широкой мощеной паперти соберутся бесчисленные приверженцы матушки, чтобы прославить ее в песнях и танцах.

Именно в такой церкви прошло его детство, когда семья жила в Набадвипе, что милях в шестидесяти от Калькутты. Семейная церковь была средоточием набожности и учения, посвященного памяти Чайтаньи Махапрабху — святого, мистика и почитателя Шри Кришны. Одиннадцать поколений назад ее основал предок, один из первых учеников святого, и с тех пор в ней служили его потомки. Ноб Киссин должен был перенять от дяди настоятельство, к чему его тщательно готовили, обучая санскриту и логике, а также совершению таинств и обрядов.

Ему исполнилось четырнадцать, когда дядюш-

ка захворал. Старик призвал племянника и дал ему последнее поручение: дни мои сочтены, сказал он, и я хочу, чтобы моя юная жена Тарамони вдовствовала в монастыре святого города Бриндавана. Ноб Киссину надлежало сопроводить тетушку в трудном и опасном путешествии, а уж затем приступить к обязанностям священника.

— Будет исполнено, боле не тратьте слов, — ответил мальчик, коснувшись дядиных стоп.

Вскоре старик умер, и Ноб Киссин вместе с овдовевшей тетушкой и небольшой свитой слуг отправился в Бриндаван. Он давно миновал возраст жениха, но оставался брахмачари — девственником, давшим обет безбрачия, каковым и надлежало быть ученику, который познает строгости древней школы. Так вышло, что вдова была лишь немногим его старше, ибо покойный дядя женился на ней всего шесть лет назад, предприняв последнюю попытку родить наследника. За все эти годы Ноб Киссин почти не встречался с тетушкой, поскольку то и дело отлучался из дома, обитая с гуру в их скитах, приютах и монастырях. Однако в неспешной поездке в Бриндаван волей-неволей они пребывали в обществе друг друга. Ноб Киссин всегда знал, что тетушка невероятно хороша собой, но теперь был ошеломлен ее по-

трясающей духовностью и невиданной крепости верой — о Лотосооком Боге она говорила так, словно лично испытала его благодать.

Ноб Киссин умел отвлекаться от чувственных материй; в подготовке брахмачари очень большое внимание уделялось сбережению семени, а потому женскому образу почти никогда не удавалось проникнуть сквозь защитные порядки его разума. Но теперь в череде тряских экипажей и качких лодок его оборона рухнула. Тарамони ни разу не допустила нецеломудренного прикосновения, но рядом с ней его охватывала трясучая или сковывало оцепенение, заставляя взмокать от стыда. Поначалу он только конфузился, не в силах объяснить происходящее, но затем понял: его страсть к тетушке — всего лишь мирской образчик того чувства, какое она питала к божественному возлюбленному своих видений, и лишь под ее опекой можно скинуть путы плотских желаний.

— Я никогда вас не покину, — сказал Ноб Киссин. — Не могу оставить вас в Бриндаване. Лучше мне умереть.

— Ты самодовольный глупыш, — рассмеялась Тарамони. — Кришна — мой единственный мужчина, другого возлюбленного никогда не будет.

— Пусть так. Вы станете моим Кришной, а я вашей Радхой.[35]

— Ты согласен жить со мной, не познав меня и других женщин? — недоверчиво спросила тетушка.

— Да. Ведь так вы существуете с Кришной. Так жил Ма-хапрабху.

— А дети?

— Радха не имела детей. Все вайшнавские святые были бездетны.

— Но твой долг перед семьей и церковью… Как быть с ним?

— Мне все равно. Вы мой храм, а я ваш священник, почитатель и верующий.

В Гайе тетушка согласилась, и они, сбежав от слуг, направились в Калькутту.

Средства на жизнь в незнакомом городе у них были: остаток дорожных денег и серебро, предназначавшееся в дар бриндаванскому монастырю, сложились в приличную сумму, позволившую снять домик в недорогом предместье. Они жили в статусе вдовствующей дамы с племянником, но никто не злословил, ибо святость Тарамони была столь очевидна, что вскоре в доме возник кружок

---

[35] Примечания: 35

Радха — вечная возлюбленная бога Кришны.

ее приверженцев и последователей. Называть ее матерью, стать ее учеником и получать духовные наставления было пределом мечтаний Ноб Киссина, но тетушка этого не позволила.

— Ты другой, — сказала она. — У тебя иная миссия. Ступай в мир и зарабатывай деньги — не для нас, а на храм, который мы с тобой возведем.

По ее приказу Ноб Киссин отправился в город, где скоро оценили его сноровку и ум. Для человека с его образованием служба у ростовщика не представила особой сложности, и, освоив ее, он решил, что для карьерного роста лучше получить место в одной из многочисленных британских фирм. С этой целью он стал посещать уроки английского языка, которые давал толмач, служивший в крупном торговом агентстве «Гилландерс и компания». Очень быстро Ноб Киссин стал лучшим учеником и лихо сметывал английские фразы, изумляя преподавателя и одноклассников.

Кто-то замолвил словечко, и нашлась должность, кто-то порекомендовал, и отыскалось местечко — вот так Ноб Киссин прошагал от регистратора Гилландерса до клерка Суинхоу, а далее от секретаря «Братьев Фергюсон» до счетовода «Смоулта и Сыновей», откуда проторил

дорожку к «Братьям Бернэм», где поднялся на уровень приказчика, отвечающего за перевозку рабочей силы.

Хозяева ценили его не только за смекалку и беглый английский, но еще за стремление угодить и полную невосприимчивость к оскорблениям. В отличие от других он никогда не обижался, если его называли дубиной стоеросовой или сравнивали его физиономию с задницей макаки. Когда в него летели башмак или пресс-папье, он лишь увертывался, демонстрируя удивительное проворство для столь грузного юноши. Брань он сносил с невозмутимой и даже сочувственной улыбкой, и только пинок под зад выводил его из равновесия, что не удивительно, ибо после этого приходилось мыться и менять одежду. Дважды он увольнялся лишь потому, что хозяева любили награждать персонал тумаками. Вот отчего свою нынешнюю службу Ноб Киссин считал весьма удачной: мистер Бернэм был крут и требователен, но никогда не рукосуйствовал и очень редко бранился. Правда, он частенько подтрунивал, именуя своего приказчика «Кис-кис Бабуин», однако не на людях, а Ноб Киссин-бабу ничего не имел против бабуина, поскольку это животное являло собой воплощение Бога Обезьян.

Блюдя интересы хозяина, приказчик не забывал и себя. По долгу службы он часто выступал в роли посредника и куратора, а потому со временем обзавелся множеством хороших знакомых, которые полагались на его совет в денежных и личных делах. Постепенно из советчика он превратился в успешного ростовщика, к услугам которого прибегала знать, нуждавшаяся в неболтливом и надежном финансовом источнике. Кое-кто просил его о помощи в делах еще более интимного свойства; воздержанный во всем, кроме еды, Ноб Киссин воспринимал плотские аппетиты ходатаев с бесстрастным любопытством астролога, наблюдающего за движением звезд. К дамам, обращавшимся к нему за содействием, он был неизменно любезен, а те вполне ему доверяли, зная, что его преданность Тарамони не позволит ему взыскивать их благосклонность.

Несмотря на всю успешность, душа приказчика полнилась печалью, поскольку из-за сумасшедшей занятости он был лишен божественной любви, которой надеялся достичь с Тарамони. Возвращаясь со службы в их большой и комфортабельный дом, он находил ее в окружении учеников и поклонников. Эти надоеды засиживались допоздна, а утром, когда он уходил в

контору, тетушка еще спала.

— Я тружусь как лошадь и заработал уйму денег, — говорил Ноб Киссин. — Когда ты освободишь меня от мирской жизни? Скоро ли мы возведем наш храм?

— Очень скоро, — был ответ. — Но не сейчас. Ты сам поймешь, что время пришло.

Ноб Киссин безоговорочно верил: она исполнит свое обещание, когда сочтет нужным. Но однажды Тарамони свалилась в жестокой лихорадке. Впервые за двадцать лет Ноб Киссин не пошел на службу; он выгнал всех учеников и прихлебателей и сам стал ухаживать за больной. Поняв, что его преданность бессильна перед хворью, он взмолился:

— Забери меня с собой, не оставляй одного на этом свете. Ты единственная ценность в моей жизни, все остальное пустота и бездна зряшного времени. Что мне без тебя на этой земле?

— Ты не будешь один, — обещала Тарамони. — Твое дело на этом свете еще не закончено. Тебе надо подготовиться, ибо тело твое станет сосудом для моего возвращения. Настанет день, когда в тебе проявится мой дух, и мы, объединенные любовью Кришны, создадим идеальный союз — ты станешь мною.

От этих слов в душе Ноб Киссина взметнулась безумная надежда.

— Когда придет этот день? — вскричал он. — Как я о том узнаю?

— Будут знаки. Смотри внимательно, ибо они могут быть загадочны и неожиданны. Но когда знаки появятся, не мешкай — следуй их указаниям, даже если они повелят пересечь океан.

— Ты клянешься? — Ноб Киссин пал на колени. — Обещай, что ждать недолго!

— Обещаю. Наступит день, когда я вольюсь в тебя, но до тех пор запасись терпением.

Как давно это было! С кончины Тарамони прошло девять лет и триста пятьдесят дней, а он все еще вел обычную жизнь приказчика и работал, работал до одурения, хотя уже изнемог от этой службы и этого мира. Приближалась десятая годовщина, и Ноб Киссин, опасаясь за свой рассудок, принял решение: если и теперь знак не появится, он отринет мирскую суету и уйдет в Бриндаван, чтобы остаток дней дожить монахом. Но после этой клятвы ему дали понять, что миг близок, и знаки вот-вот появятся. Теперь он так в этом уверился, что был абсолютно спокоен, когда выбрался из кареты и с корабельными бумагами в руках неспешно вошел в свой тихий и пустой

дом. Разложив бумаги на кровати, он отыскал список первоначальной команды шхуны. Когда напротив имени Захария он увидел пометку «черный», то испустил не крик, но ликующий вздох, ибо в каракулях узнал почерк Темного Бога. Теперь он был абсолютно уверен: это знак, хотя доставивший его не ведает о своей миссии. Но разве конверт знает о содержании письма? Лист понимает, что на нем написано? Нет, знаки поместили в облик, сотворенный для путешествия, что свидетельствует об изменчивости мира и присутствия в нем божественной ипостаси Шри Кришны.

Ноб Киссин спрятал список в шкаф. Завтра он прикажет запаять его в оболочку, чтобы носить как амулет. Если мистер Бернэм спросит, где ведомость, он ответит, мол, потерялась, в долгих путешествиях такое случается.

Взгляд его упал на альхаллу — длинное просторное платье, любимое одеяние Тарамони. Повинуясь порыву, Ноб Киссин натянул его поверх своей одежды и глянул в зеркало. Удивительно впору! Он развязал ленту косицы и тряхнул головой, чтобы пряди рассыпались по плечам. Отныне никаких завязок, никакой стрижки — пусть отрастут до пояса, как черные

локоны Тарамони. Вдруг его отражение высветилось, будто наполненное иной сущностью, а в голове зазвучали слова наставницы, некогда произнесенные в этой комнате: следуй знакам, даже если они повелят пересечь океан. В тот же миг все стало понятно, все события получили объяснение: «Ибис» доставит его туда, где вознесется храм.

*

Отряд вооруженных полицейских прибыл в калькуттский особняк Расхали, когда Нил и Радж Раттан на крыше запускали змеев. Был ранний час жаркого апрельского вечера, воды Хугли мерцали в лучах заходящего солнца. Близлежащие причалы кишели купальщиками, смывавшими дневную пыль, мшистые крыши и террасы усеяли те, кто надумал подышать закатным ветерком. Над городом плыли трубные звуки раковин, возвещавшие, что пора зажигать фонари, и призывы муэдзинов к вечерней молитве.

Все внимание Нила было отдано змею, воспарившему на волнах зеленого ветра месяца фалгуна,[36] и потому он прослушал взволнован-

[36] Примечания: 36
Фалгун — последний месяц лунного календаря.

ный доклад Паримала.

— Господин, он требует, чтобы вы спустились, — повторил камердинер.

— Кто?

— Англичанин, полицмейстер с охраной.

Известие не впечатлило: полицейские частенько заглядывали по делам, связанным с поместьем.

— Что случилось? — спросил Нил, не отвлекаясь от змея. — Кого-то из соседей обокрали? Если им нужна помощь, пусть переговорят с управляющим.

— Нет, господин, он требует вас.

— Тогда пусть приходит утром, — озлился раджа. — Сейчас не время для визитов в приличный дом.

— Он не желает ничего слушать…

Удерживая туго натянутую веревку, Нил бросил взгляд на слугу и обомлел: тот стоял на коленях, глаза его были полны слез.

— Йех та бат хай? Чего ты всполошился? — спросил раджа. — Что случилось?

— Господин, они требуют вас, — давясь рыданиями, повторил камердинер. — Ждут в приемной. Хотели подняться сюда, но я упросил их обождать внизу.

— Что? — На мгновенье раджа лишился дара речи: здесь была женская половина дома, посторонний не мог и помыслить, чтобы сюда войти. — Они с ума сошли, что ли? Да как им в голову взбрело?

— Господин, поспешите, — взмолился Паримал. — Они ждут.

— Ладно.

Нил был скорее заинтригован, нежели встревожен такой срочностью; уходя с крыши, он потрепал сына по голове.

— Куда ты? — огорчился мальчик. — Сам же сказал, что будем запускать, пока солнце не сядет.

— Конечно будем. Я вернусь через десять минут.

Радж кивнул и вновь занялся своим змеем, а Нил пошел к лестнице.

Пересекая внутренний двор, он отметил странную тишину в женской половине дома, поскольку в этот час все престарелые тетушки, вдовые кузины и прочие родственницы с приживалками обычно достигали пика своих хлопот. Их было не меньше сотни, и к вечеру все они шастали по комнатам, зажигая лампы и курильницы, поливали деревца тулей, звонили в церковный колокол,

дудели в раковины и готовились к ужину. Однако нынче все окна были темны, а вдовствующие родственницы в белых одеяниях толпились на верандах, окруженных балюстрадами.

Миновав притихший двор, Нил прошел к крылу усадьбы, в котором размещалась сотня охранников. И здесь представшая глазам картина удивила своей необычностью: всю армию караульных, привратников и телохранителей вооруженные полицейские согнали в кучу. Лишенные палок, дубинок и сабель, бойцы неловко переминались, однако, увидев хозяина, заорали: «Славься Расхали!» Нил поднял руку, призывая служивых к тишине, но крики стали громче и переросли в рев, выкатившийся на соседние улицы. Раджа увидел, что террасы и балконы близлежащих домов полны зеваками. Ускорив шаг, он прошел к лестнице, что вела в приемную на втором этаже.

Контора представляла собой большую неуютную комнату с нагромождением столов, стульев и шкафов. Навстречу радже поднялся английский офицер в красной форме; фуражку с высокой тульей он держал под мышкой. Нил тотчас его узнал: бывший пехотный майор Холл теперь возглавлял городскую полицию и часто заглядывал в усадьбу по делам или в гости.

Раджа приветственно сложил руки и попытался выдавить улыбку:

— Чем могу служить, майор Холл? Соблаговолите известить…

Лицо майора осталось хмурым; официальным тоном он произнес:

— Сожалею, что нынче меня привела к вам неприятная обязанность, раджа Нил Раттан.

— Вот как? — Мимоходом Нил отметил, что полицмейстер при сабле, хотя раньше никогда не заходил с оружием. — И в чем ваша миссия?

— Вынужден объявить, что имею ордер на ваш арест.

— Что? — Нелепость слова затмила его смысл. — Вы хотите меня арестовать?

— Да.

— Позвольте спросить за что?

— За подлог, сэр.

— Подлог? — изумленно выпучился Нил. — Право, шутка весьма неудачная. Что же я подделал?

Майор достал из кармана и положил на мраморную столешницу какую-то бумагу.

Даже издали раджа узнал одну из многочисленных «да-валок», подписанных им в прошлом году.

— Это не подделка, майор, — улыбнулся он. —

Ручаюсь, бумага подлинная.

Палец майора указал на строчку, где витиеватым росчерком стояло имя Бенджамина Бернэма:

— Вы не отрицаете, что имя вписано вами?

— Отнюдь, — спокойно сказал раджа. — Но этому есть простое объяснение: общеизвестно, что существует договоренность между фирмой мистера Бернэма и нашим семейством…

Действительно, в векселях значилось имя мистера Бернэма, поскольку приказчики заверили, что это давнишняя практика старого раджи — дескать, они с партнером условились: незачем таскаться через весь город за передаточной надписью на каждой бумажке, быстрее и эффективнее оформлять документы прямо в особняке Халдеров. Отец, плохо писавший по-английски, передоверял задачу конторщику, а дотошный в каллиграфии Нил отказался от услуг секретаря с дурным почерком и сам индоссировал векселя. Бенджамин Бернэм это прекрасно знал.

— Сожалею, но вы напрасно утруждались, — сказал раджа. — Мистер Бернэм тотчас растолкует сие недоразумение.

Полицмейстер смущенно кашлянул в кулак:

— Боюсь, мне все же придется выполнить свой

долг, сэр.

— Но зачем, если мистер Бернэм все разъяснит?

Помешкав, майор сказал:

— Именно он сообщил нам о преступлении.

— Что? — Нил вздрогнул. — Какое преступление?..

— Подделка подписи, сэр. Речь о больших деньгах.

— Вписать имя человека не означает подделать его подпись.

— Все зависит от умысла, сэр, но это решит суд. Не сомневайтесь, вам предоставят возможность объясниться.

— А до тех пор?..

— Позвольте препроводить вас в Лалбазар.

— В тюрьму? Как заурядного вора?

— Нет-нет. Учитывая ваше положение в здешнем обществе, мы позаботимся о ваших удобствах и даже позволим домашнюю пищу.

Сознание медленно справлялось с немыслимым фактом: расхальского раджу арестуют и заточат в острог. Разумеется, его оправдают, но репутация семьи безвозвратно погибнет, а всех родичей, нахлебников, сына и даже Элокеши покроет несмываемый позор, после того как на

глазах толпы его уведут под конвоем.

— Разве обязательно делать это сейчас и прилюдно?

— К сожалению. У вас лишь несколько минут, чтобы взять одежду и личные вещи.

— Хорошо.

Нил шагнул к дверям, но майор резко добавил:

— Ваша охрана взбудоражена. Имейте в виду, что в случае беспорядков ответственность ляжет на вас и отяготит ваше положение.

— Понимаю. Не волнуйтесь.

Раджа вышел на веранду и увидел, что двор побелел от вдовьих одежд родственниц и нахлебниц, покинувших свою обитель; заметив его, женщины тихонько взвыли, но скоро их плач стал громким и надрывным, одни распластались на земле, другие били себя в грудь. Сквозь такое скопище пробиться в дом было невозможно. Нил высматривал в толпе жену и, несмотря на смятение, почувствовал громадное облечение, удостоверившись, что Малати осталась в своих покоях, чем избавила его от унижения — никто не увидит супругу раджи, сорвавшую с себя покрывало.

Рядом возник Паримал с узелком:

— Господин, я собрал все, что вам нужно.

Нил благодарно сжал его руки; камердинер всегда знал его нужды и часто предугадывал его желания, но сейчас раджа особенно остро почувствовал, скольким ему обязан. Он хотел взять узелок, но Паримал отстранился:

— Господин не может на глазах у всех нести свою поклажу.

Нелепость ситуации заставила раджу улыбнуться:

— Ты знаешь, куда меня уводят?

— Господин… — зашептал камердинер —…одно ваше слово, и охрана вас отобьет… Вы убежите… скроетесь…

Мысль о побеге вспыхнула и тотчас погасла, едва Нил вспомнил висевшую в конторе карту и красное пятно Империи, что так быстро по ней расползлось.

— Где же я спрячусь? — вздохнул он. — Моим телохранителям не одолеть батальоны Ост-Индской компании. Нет, ничего не поделаешь.

Нил вернулся в приемную, где майор ждал его, положив руку на эфес сабли.

— Я готов. Покончим с этим.

Под конвоем полицейских раджа спустился по лестнице. Во дворе женщины в белых одеждах завопили и бросились к узнику, но дубинки

конвоиров преградили им путь. Нил шел с высоко поднятой головой, однако избегал чужих взглядов. Только у самых ворот он позволил себе обернуться и сразу увидел Малати, показавшуюся незнакомкой: покрывало сброшено, расплетенные волосы скорбным черным саваном укрыли плечи. Не в силах вынести ее взгляда, Нил споткнулся и отвел глаза; казалось, его самого раздели донага и выставили напоказ злорадному сочувствию света, на неизбывный позор.

На улице ждал крытый экипаж, майор сел напротив Нила. Когда лошади тронулись, он, явно обрадованный тем, что обошлось без насилия, уже мягче произнес:

— Уверен, очень скоро все уладится.

На углу Нил обернулся, чтобы последний раз взглянуть на дом, но увидел лишь крышу, а на ней сына, маячившего на фоне закатного неба; мальчик прилег на парапет и словно чего-то ждал. Раджа вспомнил, что обещал через десять минут вернуться, и этот обман показался ему самым непростительным в жизни.

*

С той самой ночи у реки, когда Дити его выручила, Калуа подразделял дни на счастливые, в

которых была она, и пустые без нее. Это счисление не таило в себе каких-то особых замыслов или надежд — великан прекрасно сознавал, что между ним и Дити возможна лишь самая призрачная связь, — но упорный отсчет шел самочинно, и ничто не могло его остановить, ибо неповоротливый и медлительный ум находил в нем спасение. И вот потому, услышав о смерти Хукам Сингха, Калуа знал, что прошло ровно двадцать дней с того полдня, когда Дити попросила его съездить за мужем на опийную фабрику.

Новость он узнал случайно: вечером возвращался домой, и на дороге его повозку остановили два путника. Было видно, что идут они давно: дхоти потемнели от пыли, оба тяжело опирались на палки. Странники вскинули руки, останавливая громыхавшую таратайку, и спросили, не знает ли Калуа дороги к дому бывшего сипая Хукам Сингха.

— Знаю, — ответил великан. — Сначала на два крика все прямо и прямо, а за большим тамариндом налево. Там полевая тропка, пройдете сто двадцать шагов и еще раз налево, потом двести шестьдесят шагов, и вы на месте.

— Почти стемнело, — приуныли путники. — Как мы найдем эти тропки?

— Поглядывайте, — сказал Калуа.

— А долго ли идти?

— С час, может, меньше.

Странники взмолились, чтобы Калуа их отвез, а то, мол, они опоздают и все пропустят.

— Куда опоздаете? — спросил великан, и человек постарше ответил:

— На кремацию Хукам Сингха и…

Он хотел еще что-то сказать, но товарищ ткнул его палкой.

— Хукам Сингх умер?

— Вчера ночью. Мы отправились в путь, как только услышали новость.

— Ладно, садитесь, — сказал Калуа. — Я вас отвезу.

Незнакомцы забрались в повозку, и он тронул вожжи.

После долгого молчания великан осторожно спросил:

— А как там жена Хукам Сингха?

— Вот и поглядим, — ответил старик. — Может, нынче узнаем…

Однако спутник вновь его прервал.

Подозрительная скрытность незнакомцев вселяла нехорошие предчувствия. Калуа привык раздумывать над всем, что подмечал, и сейчас,

правя быками, задавался вопросом: почему эти люди, толком не знающие Хукам Сингха, проделали такой путь, чтобы поспеть на его кремацию? И почему ее хотят провести возле дома покойника, вместо обрядового причала? Нет, что-то не так. Они приближались к цели поездки, и подозрения крепли, ибо стечение народа на похороны человека, известного неискоренимым пристрастием к опию, было невероятным. Огромный костер на берегу реки развеял последние сомнения — дело неладно. Мало того что куча хвороста была чрезмерной для сожжения одного тела, ее окружало множество подношений, приготовленных для иного торжественного обряда.

Уже стемнело; высадив путников, Калуа отогнал тележку в поле, а сам вернулся к костру, где собралось около сотни людей. В их перешептывании он расслышал слово «сати» и все понял. Калуа снова отошел в поле и улегся в повозку, чтобы обдумать свои дальнейшие действия. Тщательно прикинув плюсы и минусы возможных вариантов, он выбрал один и вылез из тележки, уже точно зная, что сделает. Первым делом Калуа распряг и отпустил быков — расставание с животными, которых он любил как родных, было самой трудной частью плана. Затем сорвал с оси

бамбуковый кузов повозки и накрепко перетянул его веревкой. Калуа даже не почувствовал веса громоздкой штуковины, когда закинул ее на спину и, держась тени, пробрался к берегу, где занял позицию напротив костра. Чтобы его не заметили, он сбросил кузов на песок и сам улегся.

Погребальную площадку освещали костерки, и Калуа отчетливо видел процессию, которая вышла из дома Хукам Сингха и водрузила покойника на хворостяной холм. Следом появилась вторая процессия, которую возглавляла Дити в ослепительно-белом сари; она спотыкалась и, наверное, вообще не смогла бы стоять, если б ее не поддерживали под руки Чандан Сингх и пара других родственников. Чуть ли не волоком ее втащили на костер и усадили рядом с телом мужа. Под песнопения страдалицу обложили растопкой, смоченной в масле.

Калуа выжидал и, чтобы успокоиться, про себя считал; он понимал, что ему, даже с его силой, вряд ли удастся расшвырять полсотни мужиков, а потому его главный козырь не в мощи и проворстве, а в неожиданности. Вот костер зажгли, и все уставились на языки пламени, поползшие вверх. На четвереньках Калуа подкрался к толпе и лишь тогда выпрямился во весь рост. Испустив рык, он

ухватил конец веревки и раскрутил над головой бамбуковый кузов. Вертящаяся штуковина стала почти неразличимой, но, хрустя переломанными костями, успешно расчистила в толпе дорогу — люди, точно испуганная скотина, бросились врассыпную от невиданной пращи. Прислонив кузов к поленьям костра, Калуа взобрался на огненный курган и выхватил Дити из пламени. Перекинув через плечо ее бесчувственное тело, он спрыгнул на землю и бросился к реке, волоча за собой дымящийся кузов. На краю берега он швырнул кузов в воду и уложил на него Дити, а сам распластался рядом и замолотил ногами, направляя импровизированный плот к середине реки. Все длилось не больше двух минут; когда Чандан Сингх с родичами бросился в погоню, река уже спрятала беглецов в ночной тьме.

*

Течение покачивало и кружило плот, унося его и временами окатывая волной. Благодаря этим обливаниям туман в голове Дити потихоньку рассеялся, и она поняла, что плывет по реке, а рядом с ней мужчина, который ее придерживает, не давая свалиться в воду. Все это ничуть не удивило, потому что именно так она представляла

свое пробуждение после костра: преисподняя, река Байтарини и попечение Чарака, перевозчика мертвых. Было очень страшно, и Дити глаз не открывала, полагая, что каждый всплеск волны приближает ее к царству бога смерти Джамараджи.

Наконец, устав от нескончаемого путешествия, она осмелилась спросить, долго ли еще плыть. Ответа не последовало, и она окликнула паромщика по имени. Тогда низкий хриплый голос шепотом известил, что она жива и вместе с Калуа плывет по Гангу, а цель их — бежать куда глаза глядят. Однако Дити не ощутила себя прежней, но душа ее наполнилась странной смесью радости и смирения, словно она все же умерла и скоренько возродилась для следующей жизни: старая оболочка и бремя кармы сброшены, року по счету уплачено, и новую судьбу можно связать с кем угодно. Она знала, что это будет Калуа, с которым они проживут до тех пор, пока новая смерть не востребует ее тело, вырванное из лап огня.

Калуа направил плот к берегу; наконец тот чиркнул по дну, и тогда великан поднял Дити на руки и вынес на песок. Потом он затащил плот в густые камышовые заросли и соорудил островок, на который перенес свою спутницу. Устроив ее

на бамбуковом ложе, он попятился, будто хотел исчезнуть, и Дити поняла, что великан робеет, не зная, как теперь она воспримет его близость.

— Иди сюда, — позвала Дити. — Не оставляй меня одну, иди ко мне.

Гигант примостился рядом, и она вдруг тоже оробела, застеснявшись своего холодного, как ледышка, тела в насквозь промокшем белом сари. Обоих била дрожь, они сдвинулись чуть ближе, чтобы согреться теплом друг друга, и размотали сырые одежды, повязку и сари. В его объятьях Дити словно вновь поплыла по реке. Она чувствовала мягкую колючесть его небритой щеки и слышала шепот воды и земли, говоривших: ты жива, жива… И тогда вся она распахнулась навстречу неизведанному, став речной волной и плодородной пашней…

Потом они лежали, сплетясь в объятьях, и Калуа хрипло шепнул:

— О чем ты думаешь?

— Что сегодня ты меня спас…

— Я спас себя. Если б ты умерла, я бы не жил…

— Ш-ш! Молчи! — От упоминания смерти суеверная Дити вздрогнула.

— Куда же нам идти? Что будем делать? Нас разыщут где угодно.

Дити понятия не имела, как им быть, однако сказала:

— Мы уедем далеко-далеко. Найдем такое место, где о нас будут знать лишь одно: мы супруги.

— Муж и жена?

— Да.

Выскользнув из его объятий, Дити обмоталась сари и пошла на берег.

— Куда ты? — окликнул Калуа.

— Сейчас узнаешь, — бросила она через плечо.

Скоро Дити вернулась с охапкой полевых цветов: в белом сари она выглядела непорочной девой. Выдернув у себя волоски, она связала два венка и один передала Калуа, а другой надела ему на шею. Великан сообразил, что от него требуется, и обмен венками, навеки их связавший, состоялся. Ошеломленные грандиозностью своего поступка, они молчали, а потом Дити вновь прильнула к нему, утонув в тепле его тела, большого и надежного, как темная земля.

Часть вторая
Река

8

Как только «Ибис» встал на якорь, Захарий с боцманом Али раскрыли гроссбухи и выплатили команде накопившееся жалованье. Запрятав медяки и сребреники в складки саронгов, ласкары мгновенно исчезли в утробе Киддерпора. Одних «Ибис» уже не увидит, другие через пару дней вернутся, после того как их ограбят и одурачат, или они просадят свои гроши в шалманах и притонах и поймут, что жизнь на берегу гораздо привлекательней, когда ты в море, а не шагаешь вразвалку по качкой земле.

Шхуна ждала своей очереди в сухой док на ремонт и покраску. На борту остался лишь костяк команды во главе с Захарием и боцманом Али, однако и меньшим числом службу несли двумя вахтами под началом тиндалов. Как и в море, наряд длился четыре часа, а утром и вечером назначались двухчасовые полувахты. Портовый приют брал свою цену — возрастала опасность, что корабль обчистят, а потому вахтенные ухо держали востро, да и работы на судне не убавилось: хлопоты с инвентарем и, самое главное, приборка. Боцман Али не скрывал своего мне-

ния, что моряк, отправивший корабль в сухой док неприбранным, хуже последней сухопутной шмакодявки, в рот ему дышло, рынду-булинь и фор-брамстеньгу.

Виртуозная брань, в которой Али не знал себе равных, вызывала безграничный восторг Джоду, весьма огорченного тем, что его расположение к боцману не встречает взаимности.

Он знал, что морские волки презирают салаг вроде него: бывало, в своей лодке он греб мимо огромных парусников, а рулевые на мостиках скалились и подавали обидные советы насчет мест, куда приспособить его весло. К подначкам Джоду был вполне готов, они бы лишь обрадовали его, но боцман не допускал фамильярности между ним и ласкарами. То и дело он давал понять, что Джоду взят в команду против его воли и лучше бы уматывал подобру-поздорову. Но раз уж приходится его терпеть, ему уготована самая грязная работа — чистить гальюны, убирать камбуз и драить палубу. Мало того, он приказал Джоду вдвое укоротить швабру — дескать, чем короче, тем лучше результат, а близкое знакомство с дерьмом позволит определить, чем оно было до переработки. Случалось, Джоду на четвереньках драит палубу, а боцман подкрадется

и даст пендаля ногой с заботливо отрощенным и остро подпиленным ногтем да еще спросит: «Неужто больно? Радуйся, что не пушка влетела в твою корму».

Первое время Джоду имел право спускаться в жилой отсек лишь затем, чтобы вычистить гальюн, и даже спал на палубе, что представляло неудобство лишь в редкий дождь, а в погожие ночи он был далеко не единственным, кто искал «досточку помягше». Вот так он подружился с юнгой Роджером Сесилом Дэвидом по прозвищу Раджу. Долговязый и тощий, юнга смахивал на жердь, а цветом кожи не отличался от дегтярной мачты. Воспитанный в череде христианских миссий, он носил рубашку с брюками и даже матерчатую бескозырку, пренебрегая набедренной повязкой и банданой. Его претенциозный вкус в одежде, пошитой из парусных лоскутьев, давал повод для частых насмешек. Раджу прозвали третьей мачтой, и каждое его появление на вантах чрезвычайно веселило марсовых, наперебой отпускавших шуточки в его адрес. В отличие от англичан ласкары именовали корабль в мужском роде, что открывало широкие возможности для сравнения мачт с детородным органом: «наш хмырь полез на штырь… давай спускай… заводи

конец...»

Не только из-за насмешек, но главным образом из-за боязни высоты, на которой его мутило, Раджу был бы счастлив уйти из марсовых. Пределом его мечтаний было оставаться на твердой палубе и служить вестовым, стюардом или коком. А вот Джоду рвался на реи, и потому друзья быстро сговорились, что хорошо бы им махнуться должностями.

Однажды юнга препроводил своего приятеля в кубрик на баке, где висели гамаки ласкаров. Поскольку матросы считали корабль живой ползучей тварью, своей обители они дали прозванье фана, что означало «капюшон кобры» и было вполне уместно для отсека под главной палубой, у самого клыка бушприта. Хоть прежде на океанских кораблях бывать не доводилось, слово «фана» Джоду знал и частенько представлял, каково это — обитать в черепушке живой твари. Поселиться в кубрике над волнорезом, рассекающим океанские просторы, было его мечтой, однако то, что он увидел, ничуть не напоминало легендарную королевскую кобру. Душный темный кубрик освещала одна керосиновая лампа, висевшая на крюке. В ее неверном свете фана казалась склизкой пещерой, увитой паутиной

— куда ни глянь, повсюду гамаки, растянутые между балками. Тесное помещение представляло собой вытянутый треугольник, сужавшийся к носу шхуны. Несмотря на то что низкий потолок не позволял выпрямиться в полный рост, гамаки висели в два яруса; прогал между ними не превышал шестнадцати дюймов, так что перед носом каждого обитателя была твердая преграда в виде потолка или задницы товарища. Было странно, что сии подвесные ложа называли «джула», качели, будто они предназначались новобрачным или младенцам; когда слышишь это слово, представляешь себе ласковое укачивание, но стоит увидеть гамаки, растянутые, точно сети в озере, как понимаешь, что ночью будешь маяться в духоте и биться, словно пойманная рыба.

Джоду не устоял перед соблазном улечься в джулу, но тотчас выскочил обратно, ибо его обдало зловонием, сочетавшим в себе целый букет запахов: грязной подстилки, давно немытого тела, пота, жирных волос, сажи, мочи, дерьма, спермы и прочих выделений. Как назло, его очередным заданием стала чистка гамаков, которые так заскорузли от человечьей грязи и порока, что, казалось, даже в Ганге не хватит воды их отмыть. Едва Джоду закончил работу, как боцман скрутил

ему ухо и приказал начать все заново:

— По-твоему, это чисто, хер собачий, засранец ты драный? Да у меня в жопе чище!

По уши в грязи, Джоду мечтал о том, чтобы взлететь по вантам и усесться на салинге — ласкары не зря называли «креслом» местечко, где можно отдохнуть на свежем ветерке. Какая несправедливость: Раджу этакая благодать даром не нужна, а Джоду лишь взглянет на мачту, как рискует получить от боцмана жалящий пинок в зад. Стало быть, зазря он учился различать мачты и паруса, и все его познания пропадут втуне, коль выпала доля драить гамаки, скрючившись у шпигата.

Однако противное занятие имело одну хорошую сторону: поскольку фана лишилась гамаков, все ее жильцы спали на палубе. Никто не стенал, ибо жара усиливалась, и в предвкушении муссонов все были только рады ночевать на воздухе, хоть и на голых досках. Что еще лучше, на свежем ветерке у ласкаров развязывался язык, и они допоздна трепались, лежа под звездами.

Боцман Али в ночном словоблудии не участвовал — вместе со стюардом, парусником, рулевыми и прочей корабельной элитой он квартировал в палубной надстройке. Но и сожителей он чурался. Отчужденность объяснялась не только

его нравом грубого и упертого солдафона (что ласкары не считали изъяном, ибо никто не хотел подчиняться чрезмерно фамильярному или потакающему любимчикам боцману), но и его корнями, загадочными даже для тех, кто давно с ним служил. Впрочем, это не казалось странным, потому что многие ласкары были скитальцами и не любили распространяться о своем прошлом; некоторые вообще не знали, какого они роду-племени, поскольку их малолетками продали вербовщикам, поставлявшим матросов на океанские корабли. Прибрежные бандиты-скупщики не интересовались происхождением своих рекрутов: они умыкали голеньких малышей с улиц и бородатых парней из приютов, они платили бандершам и брали тепленькими опоенных клиентов.

Однако при всем разнообразии судеб многие ласкары с «Ибиса» знали, что они родом из той или иной части Индии. Исключение составлял боцман, заявлявший, будто он мусульманин из Аракана в Рохингии, но сослуживцы уверяли, что юность его прошла на китайском корабле. Вскоре все уже знали, что он свободно говорит по-китайски, чему весьма обрадовались, ибо это означало, что вечерами Али будет пропадать в

китайских кварталах Калькутты и матросы на шхуне смогут повеселиться.

Когда боцман Али и Захарий сходили на берег, корабль преображался: кто-нибудь взбирался на мачту и стоял на шухере, еще кого-нибудь командировали за парой кувшинов арака или самогона, после чего вся команда собиралась на палубе или в фане, где начинались песни и возлияния с самокруткой по кругу. Если конопли под рукой не было, курили обрезки парусины, которая изготавливалась из того же растения и напоминала гашиш.

Два помощника боцмана, тиндалы Баблу и Мамду, с малолетства служили вместе и были неразлучны, как пара гнездующихся цапель, хотя один родился в калькуттском районе Чоуринги, а другой — в далеком городе Лакноу, в семье мусульманина-сектанта. Баблу, чье лицо было изрыто шрамами от детской дуэли с оспой, лихо отбивал ритм на железных котелках и подносах, а высокий и гибкий Мамду, если был в настроении, сбрасывал повязку и облачался в сари с накидкой, подводил глаза и надевал медные серьги, приобретая облик легконогой танцовщицы по прозванью Гхазити-бегума. Сей персонаж жил собственной жизнью, насыщенной бурным

флиртом, искрометным юмором и неизбывной печалью, и так славился своими танцами, что ласкаров даже не тянуло в береговые вертепы: зачем на суше платить за то, что на корабле получишь даром?

Иногда команда собиралась на баке, чтобы послушать рассказы ветеранов. Седобородый стюард Корнелий Пинто, католик из Гоа, клялся, что дважды ходил в кругосветку, служил на всех типах кораблей и со всякими нациями, включая финнов, которые слыли за морских колдунов, способных свистом вызывать ветра. Кассем в юности был камердинером судовладельца и вместе с хозяином полгода провел в Лондоне; его рассказы о чипсайдской ночлежке, где жили ласкары, и береговых тавернах распаляли в слушателях желание очутиться на тех берегах. Кривоногий Сункер, неопределимого возраста старик с печальным лицом, похожий на прикованную обезьянку, уверял, что он родом из помещиков высшей касты, но в детстве его похитил и продал вербовщику злыдень слуга. Самый старый ласкар, глухой на одно ухо Симба Кадер из Занзибара рассказывал, что служил на английском военном корабле и там оглох; хорошенько глотнув самогона, он повествовал о страшной

битве, в которой сотни кораблей палили друг в друга, — вот тогда-то орудийный залп порвал его барабанную перепонку. Все это было взаправду, божился он, но ласкары только посмеивались — какой дурак поверит, что морское сражение произошло в месте под названием «Дом трех плодов» — «Три-фал-гар»?[37]

Джоду страстно желал быть среди них своим, стоять вахты и получить место на реях, но боцман Али и слышать ничего не хотел. Как-то раз Джоду заикнулся о своей мечте, но в ответ получил пинок:

— Наверх поднимется лишь твоя жопа, когда ее насадят на мачту.

Стюард Пинто, который всегда был в курсе всех событий на корабле, намекнул Джоду, отчего боцман на него взъелся:

— Все из-за барышни. У боцмана свои планы, и он опасается, что девица собьет малума с панталыку.

— Какие планы?

— Кто ж знает? Но девица ему ни к чему, это

---

[37] Примечания: 37

Речь о Трафальгарской битве — историческом морском сражении между английскими и франко-испанскими морскими силами, произошедшем 21 октября 1805 г. у мыса Трафальгар на Атлантическом побережье Испании около города Кадис.

уж точно.

Словно в подтверждение догадки стюарда, через пару дней Захарий перехватил Джоду возле якорного ворота. Он явно был не в своей тарелке, когда отрывисто спросил:

— Ты хорошо знаешь мисс Ламбер?

Прибегнув к скудному запасу морского лексикона, Джоду отрапортовал:

— С носу до кормы, сэр!

Ответ помощника рассердил:

— Эй ты! Разве о дамах так говорят?

— Виноват, сэр. С подветренного борта!

Не добившись толку, Захарий прибегнул к услугам Али как толмача. Под боцманским прищуром испуганный Джоду резко сменил курс и лаконичными ответами старался убедить Зикри-малума, что едва знаком с мисс Ламбер, поскольку был простым слугой в доме ее отца.

Он облегченно вздохнул, когда боцман отвел взгляд.

— Юнга говорить, отец шибко дерево-трава знать. Все время рвать-собирать. Денег не иметь. Лихорадка его убивать, Берра-саиб второй отец. Мемсаиб шибко довольный. Много-много рис есть. Зикри-малум надо она забывать. Как учить корабль водить, когда все время мадам-мандам

думать? Лучше потешить елдак-малдак, пока свадьба нет.

Неожиданно Захарий обиделся.

— Пропади ты пропадом, серанг Али! — закричал он. — Ты о чем-нибудь ином думаешь, кроме елдака и манды?

Когда раздраженный помощник скрылся из виду, боцман злобно защемил юнге ухо:

— Хочешь его сосватать, да? Раньше ты у меня сдохнешь, сводник паршивый…

Узнав о разговоре, стюард удивленно покачал головой. Можно подумать, сказал он, боцман приберегает малума для собственной дочки.

*

Дити с Калуа понимали: шанс спастись в том, чтобы по Гангу добраться до большого города вроде Патны или Калькутты, где можно исчезнуть в людской гуще. Патна ближе, но все равно это добрых десять дней пути; сушей добираться нельзя — велик риск, что их узнают: наверняка слух о побеге уже разлетелся, и если их поймают, даже от родичей пощады не будет. Осторожность требовала плыть по реке, пока самодельный плот справляется с грузом. К счастью, возле берега было полно топляка и камышей, годных

для укрепления хрупкого суденышка; потратив день на ремонт, новобрачные вновь пустились в плавание.

Через два дня впереди показалась деревня, где нынче в семье дяди жила Кабутри. Увидев знакомый дом, Дити уже не могла плыть дальше, не попытавшись свидеться с дочкой. Если повезет, тайная встреча выйдет очень короткой, но Дити хорошо знала эти места и надеялась подкараулить девочку, когда та будет одна.

Дом под соломенной крышей, в котором прошло ее детство, а теперь жила семья брата, стоял у слияния Ганга и Карамнасы. Как явствует из его названия — «убийца кармы», приток святой реки пользовался дурной славой: мол, окунешься в него, и он смоет все твои добродетели, взлелеянные тяжким трудом. От Ганга и его зловредного рукава дом отстоял в равной мере, а посему женщины предпочитали купаться и брать воду в благоприятном потоке. Калуа остался в миле от деревни, Дити же схоронилась на берегу, легко найдя укрытие среди валунов, откуда хорошо просматривались обе реки.

Настроившись на долгое ожидание, она вспоминала истории о водах Карамнасы, что грязнят души умерших. Казалось, знакомые с детства

окрестности сильно изменились, словно нехороший приток выбрался из русла и разлил свою пагубу по берегам: опийная страда закончилась, и только высохшие стебли маков укрывали поля. Лишь кое-где глаз радовала зелень манго и хлебных деревьев. Вот так же сейчас выглядят ее поля, и если б она была дома, то ломала бы голову, где раздобыть пропитание. А здесь то же, что и всюду, — кабала опийной фабрики: крестьяне связаны договорами, которые не оставляют иного выбора как все угодья засеять маками. Вот урожай собран, но запасов съестного в обрез, а значит, еще глубже залезай в долги, чтоб прокормить семью. Может, маковую напасть разносит Карамнаса?

В первый день Дити дважды видела дочку, однако покинуть укрытие не смогла — девочка шла с кузинами. Но даже взглянуть на нее было счастьем: просто чудо, что Кабутри совсем не изменилась, тогда как ее мать побывала между жизнью и смертью.

Стемнело, и Дити вернулась к плоту, рядом с которым Калуа развел костерок. После побега у нее осталось единственное украшение — серебряное носовое кольцо, все остальные драгоценности Чандан Сингх предусмотрительно снял, перед

тем как вести ее на костер. Эта побрякушка оказалась бесценной, ибо в соседней деревне Дити обменяла ее на гороховую муку — надежное и сытное подспорье всех странников. Вечерами Калуа разжигал костер, и Дити на весь день напекала лепешек. А захочешь напиться — воды в Ганге вдосталь.

На рассвете Дити вернулась в свое укрытие, но в тот день дочку не видела. Лишь на закате следующего дня она углядела Кабутри, которая с глиняным кувшином у бедра шла к Гангу. Убедившись, что вокруг никого, Дити выждала, когда девочка войдет в воду, и подкралась к реке. Чтобы не испугать дочку, она шепнула знакомое заклинание:

— Джай Ганга майя ки…

Это было зря, потому что Кабутри тотчас узнала голос и обернулась. Увидев мать, она испуганно вскрикнула и выронила кувшин, а потом без чувств повалилась в воду. Течение, умыкнувшее кувшин, подхватило бы и девочку, но Дити бросилась в реку и успела схватить ее за подол сари. Глубина была по пояс, так что она сумела вытащить дочку на берег и, перекинув через плечо, отнести в свое укрытие меж двух валунов.

— Кабутри… доченька…

Баюкая девочку на коленях, Дити целовала ее в щеки. Наконец веки Кабутри встрепенулись, и она открыла глаза, в которых застыл испуг.

— Кто ты? — всхлипнула девочка. — Призрак? Чего ты от меня хочешь?

— Кабутри! — прикрикнула мать. — Ты что, не узнаешь? Это же я, твоя мама!

— Разве так бывает? Сказали, ты умерла… — Кабутри осторожно потрогала глаза и губы Дити. — Это вправду ты? Да?

Дити прижала ее к себе:

— Конечно, это я. Смотри: вот она я, живая. Чего еще про меня наговорили?

— Что ты умерла, прежде чем зажгли костер. Мол, такая женщина в сати не годится, небеса ее не примут… Твое тело унесла река.

Дити кивала, будто соглашаясь. Так даже лучше: коль ее считают мертвой, искать не будут.

— Смотри же, Кабутри, никому не проговорись…

— А что там взаправду было? — спросила девочка. — Как ты убежала?

Дити заготовила объяснение, решив не говорить дочери о поведении ее настоящего родителя и о человеке, которого она считала отцом. Будет довольно сказать, что ее мать одурманили и хо-

тели принести в жертву; она была без сознания, когда ее спасли.

— Но как? Кто тебя спас?

Все приготовленные отговорки выскочили из головы; невозможно соврать девочке, так доверчиво к тебе прильнувшей.

— Калуа помог! — выпалила Дити. — Вохи бачавела. Это он меня спас.

— Калуа бачавела? Калуа тебя спас?

Что слышалось в дочкином голосе: изумление или гнев? Дити вся извелась от огромности собственной вины и теперь вздрогнула, готовясь к осуждению дочери. Но нет, Кабутри снедало жгучее любопытство:

— Так он с тобой? Куда вы едете?

— Подальше отсюда. В город.

— Ух ты! — Кабутри умоляюще повисла на матери. — Я тоже хочу в город! Можно с тобой?

Никогда еще так не хотелось поблажить дочке, но материнское чутье подсказало иной ответ:

— Как же я тебя возьму, милая? Чтоб ты стала вечной скиталицей вроде меня?

— Да, хочу как ты!

— Нет, — покачала головой Дити.

Хоть сердце по дочке изнылось, надо устоять: ведь неизвестно, удастся ли завтра раздобыть еду

и где они окажутся через неделю или месяц. А тетка и кузины за ребенком все же присмотрят, здесь ей будет лучше…

— …пока я не вернусь за тобой, Кабутри. Неужто думаешь, мне не хочется взять тебя с собой? Так, что ли? Да знаешь ли ты, чего мне стоит расстаться с тобой? Ты понимаешь меня, Кабутри? Понимаешь?

Девочка помолчала, а потом вдруг спросила:

— Когда вернешься, привезешь мне ножные браслеты?

Дити навсегда запомнит эту просьбу.

*

Истомленный мирской суетой, Ноб Киссин-бабу понимал, что нужно еще потерпеть. Самый верный способ попасть на «Ибис» — занять должность корабельного суперкарго, но в таком случае нельзя даже намеком выказать, как опостылела ему служба. Если мистер Бернэм хоть на секунду заподозрит какие-то языческие мотивы, он тотчас обрубит все концы, и тогда прощай надежда. Прояви служебное рвение, говорил себе Ноб Киссин, и по возможности скрой происшедшие в тебе важные перемены. Задача была не из легких: он старался следовать привычной рутине, но лишь

яснее понимал, что все вокруг изменилось и жизнь открывается в новом неожиданном свете.

Иногда вдруг снисходило озарение. Как-то раз он проезжал по каналу Толли и в прибрежной рощице заметил лачугу — обыкновенный бамбуковый настил под соломенным навесом в тени раскидистого пандана. Сей безыскусный пейзаж навеял мысли о лесных скитах, где в древности предавались размышлениям великие мудрецы риши.

Утром Ноб Киссин получил депешу от вербовщика Рамсарана. Тот сообщал, что пока находится в глубинке, но через месяц рассчитывает прибыть в Калькутту с большой партией контрактников, мужчин и женщин. Приказчику, и без того обремененному делами, новость добавила хлопот: где их разместить? Месяц слишком малый срок, чтобы найти пристанище для стольких людей.

В былые времена вербовщики брали рекрутов к себе на постой, где те и жили до отплытия корабля. По ряду причин сия практика себя не оправдала: во-первых, будущие переселенцы окунались в городскую жизнь, полную слухов и соблазнов, а в Калькутте хватало баламутов, готовых одурачить простодушную деревенщину, и многие рекруты, наслушавшись небылиц,

пускались в бега: одни находили работу в городе, другие прямиком возвращались в родные поселки. Кое-кто из вербовщиков пытался держать их взаперти, но добивался лишь бунтов, поджогов и прочих беспорядков. Нездоровый городской климат создавал еще одну проблему: от заразных хворей ежегодно мерло изрядное число переселенцев. Покойники, беглые и увечные наносили инвесторам серьезный ущерб, и было ясней ясного: необходимо что-то предпринять, иначе бизнес станет убыточным.

В тот день Ноб Киссин вдруг понял, что видит решение проблемы: прямо здесь, на берегу канала Толли, надо разбить лагерь. Перед глазами возникло видение множества хижин, выстроившихся, точно монастырские кельи, колодца с питьевой водой, купальни, двух-трех тенистых деревьев и площадки для стряпни и столованья. В ознаменование путешествия на Маврикий в центре лагеря поднимется маленькая церковь. Ноб Киссин уже видел ее шпиль, протыкающий кудрявый дым с погребального причала, и переселенцев, сгрудившихся на паперти, чтобы в последний раз совместно помолиться на родной

земле и проститься со святым Джамбудвипой,[38] прежде чем он исторгнет их в Черную Воду. Об этом они расскажут детям и внукам, которые через поколения вернутся и помянут своих предков.

*

Тюрьма Лалбазар в многолюдном центре Калькутты походила на исполинскую лапу, стиснувшую сердце города. Однако суровость острожных стен была обманчива, поскольку за массивным краснокирпичным фасадом скрывалось беспорядочное нагромождение дворов, проходов, казарм и арсеналов. Казематы занимали небольшую часть громадного комплекса, ибо, вопреки названию, Лалбазар был не столько тюрьмой, сколько арестантской, в которой содержались подсудимые. Здесь же располагалась полицейская управа с беспрестанной толчеей офицеров и денщиков, арестованных и конвоиров, разносчиков и посыльных.

Нила поместили в административном крыле

[38] Примечания: 38

Джамбудвипа — в буддизме один из четырех материков мироздания, расположенный с южной стороны горы Сумеру, мир людей. Посредине Джамбудвипы находится царство Магадха, обитель Будд прошлого, настоящего и будущего.

здания, подальше от других, менее удачливых узников. Для него освободили два кабинета на первом этаже, превратив их в удобные апартаменты со спальней, приемной и небольшой кладовкой. Днем рядом с ним находился слуга, который убирал комнаты и подавал еду и питье из домашней кухни, поскольку тюремщики не могли допустить разговоров о том, что расхальского раджу еще до суда лишили кастовых привилегий. Ночью у дверей квартиры дежурили полицейские, относившиеся к арестанту с величайшим почтением; если радже не спалось, караульные развлекали его игрой в карты, кости и лудо. Дневные визиты приказчиков и конторщиков не ограничивались, и потому без всяких осложнений Нил руководил имением прямо из узилища.

Он был признателен за все эти послабления, но особенно за привилегию деликатного свойства — право пользоваться чистым и светлым офицерским нужником. Раджу с детства приучили относиться ко всем отправлениям организма с дотошностью, граничившей со священнодействием, — в том была заслуга матери, не знавшей устали и покоя в борьбе с телесной грязью. Для нее, тихой, ласковой и по-своему нежной, касто-

вые традиции были не просто набором правил и ритуалов, но сутью бытия. Лишенная мужнего внимания, она уединенно жила в сумрачном крыле дворца и весь свой недюжинный ум посвятила разработке немыслимо скрупулезных обрядов очищения. Матушка не только по полчаса мыла руки до и после еды, но сначала убеждалась, что кувшин, из которого ей сливают, и ведро, в котором принесли воду, надлежаще чисты. Больше всего она опасалась дворцовых золотарей; эти уборщики нечистот вызывали в ней такое отвращение, что стремление избежать встречи с ними превратилось в очередную навязчивую идею. Назойливый призрак их орудия — швабры из жилок пальмовых листьев — приводил ее в большее смятение, нежели сабля и змея. Долго жить в подобных тревогах невозможно, и она умерла, завещав двенадцатилетнему Нилу невероятную щепетильность в отношении к собственной персоне. И потому его ужасало не столько пленение, сколько перспектива пользоваться одним очком вместе со скопищем обычных арестантов.

Чтобы попасть в офицерский нужник, надо было миновать ряд проходов и двориков, и Нил мельком видел расплющенные о решетки лица других обитателей тюрьмы, тянувшихся к све-

ту и воздуху, точно пойманные крысы. Чужие страдания обостряли ощущение собственного благополучия — английские власти явно хотели заверить общество, что относятся к расхальскому радже с предельным почтением. Неудобства были столь незначительны, что можно было вообразить себя на отдыхе, если б не запрет на свидания с женщинами и детьми. Последнее не казалось таким уж ущемлением, поскольку Нил все равно не позволил бы жене и сыну осквернить себя посещением тюрьмы. Он бы обрадовался Элокеши, но с самого ареста о ней не было ни слуху ни духу — наверное, сорвалась из города, чтобы избежать полицейского допроса. Укорять ее за столь разумное отсутствие было бы неверно.

Мягкость заточения привела к тому, что свои проблемы с законом Нил серьезно не воспринимал. Родичи из калькуттской знати говорили, что британское правосудие затевает показной процесс, дабы убедить общество в своей объективности: безусловно, раджу оправдают либо назначат ему символическое наказание. Тревожиться совершенно не о чем, поскольку для его защиты прилагают усилия многие видные горожане: все в их кругу используют свои свя-

зи и, если понадобится, нажмут рычаги даже в губернаторском совете. Немыслимо, чтобы к представителю их класса отнеслись как к заурядному преступнику.

Адвокат Нила тоже был сдержанно оптимистичен. Суетливый коротышка мистер Роуботэм походил на одного из тех кусачих мохнатых терьеров, каких в парке Майдан на поводке выгуливают дамы. Густые брови и кудлатые бакенбарды почти скрывали его лицо, оставляя на виду лишь яркие черные глазки и нос, формой и цветом напоминавший спелый рамбутан.[39]

Ознакомившись с делом раджи, он поделился своим мнением:

— Позвольте, я буду откровенен. Ни один суд на свете вас не оправдает, особенно тот, где присяжные собраны из английских купцов и колонистов.

— Как? — обомлел Нил. — Вы полагаете, меня признают виновным?

— Не стану вас обманывать, дорогой раджа, такой вердикт я считаю весьма вероятным. Но

---

[39] Примечания: 39

Рамбутан (Nephelium lappaceum) — плодовое тропическое дерево. Название произошло от индонезийского rambut (волос). Небольшие, величиной с грецкий орех, плоды растут гроздьями до 30 штук и представляют собой чуть продолговатые «шарики» различных оттенков желтого или красного.

повода для отчаяния нет. Нам важен не вердикт, а приговор. Думаю, вы отделаетесь штрафом и небольшой конфискацией. Помнится, недавно был похожий случай, и там наказание состояло из штрафа и публичного осмеяния: подсудимого задом наперед усадили на осла и провезли по Киддерпору.

Нил разинул рот, а потом свистящим шепотом спросил:

— Неужели такая судьба ждет и расхальского раджу?

— И что, если так, дорогой раджа? — сверкнул глазками адвокат. — Ведь это не самое страшное, правда? Будет хуже, если заберут всю вашу собственность.

— Вовсе нет, — тотчас ответил Нил. — Нет ничего хуже, чем вот так потерять лицо. Если на то пошло, пусть уж лучше меня избавят от обузы. Во всяком случае, я смогу жить на чердаке и сочинять стихи, как ваш великолепный мистер

Чаттертон.[40]

Адвокат нахмурился.

— Как? Мистер Чаттерджи? — озадаченно переспросил он. — Вы имеете в виду моего старшего клерка? Уверяю вас, дорогой раджа, он не живет на чердаке, и я впервые слышу, чтобы он кропал стишки…

---

[40] Примечания: 40

Томас Чаттертон (1752–1770) — английский поэт. Поэзия Чаттертона на современном ему английском и псевдосреднеанглийском языке (от имени вымышленного Томаса Раули, настоятеля) отмечена высоким мастерством стихосложения и могучим воображением; его творчеством восторгались Вордсворт, Кольридж и Китс, сравнивавшие «чудо-отрока» с Бёрнсом; оно оказало влияние на Эдгара По. Под своим именем Чаттертон выпустил в свет лишь «Элегию памяти Бекфорда» (1770). Отчаявшись найти покровителя для своих «древних стихов», измученный нищетой Чаттертон покончил с собой в Лондоне 24 августа 1770 г.

9

В городке Чхапра, что в дне пути от Патны, Дити и Калуа опять встретились с дуффадаром, знакомым по Гхазипуру.

С начала их путешествия прошло уже много времени, однако надежда добраться до большого города разбилась вместе с плотом о коварные подводные камни, какими отмечено слияние Ганга и его бурного притока Гхагары. Гороховая мука закончилась, и теперь они просили милостыню на папертях в Чхапре, куда после гибели плота добрались пешком.

Оба пытались найти работу, но безуспешно. Городок кишел нищими скитальцами, которые за пригоршню риса были готовы изработаться вусмерть. Многих согнал с мест цветочный паводок, затопивший окрестности, — земля-кормилица скрылась под маковой волной. Люди так оголодали, что согласились бы жевать лиственные обертки церковных пожертвований и пить крахмалистую воду из-под сваренного риса. Вот на таком пропитании держались наши беглецы и были счастливы, если вдруг Калуа удавалось подработать грузчиком.

В портовый городок заходило много судов, и причалы были единственным местом, где иногда на разгрузке лодок и барж получалось заработать два-три медяка. Когда не попрошайничали, Дити с Калуа торчали у пристани. Там и ночевали, потому что возле реки было гораздо свежее, чем в душном людном городе, а если шел дождь, находили какое-нибудь укрытие. Каждый вечер перед сном Дити говорила: «Сурадж дикхат аве, ту раста мит джаве — Взойдет солнце, и тропа отыщется». Она крепко верила в поговорку и даже в самые тяжкие времена не давала своим надеждам угаснуть.

Однажды на рассвете, когда первые солнечные лучи озарили небо, Дити с Калуа проснулись и увидели хорошо одетого седоусого мужчину, который вышагивал по причалу и распекал нерасторопного лодочника. Дити тотчас узнала этого рослого человека.

— Дуффадар Рамсаран-джи, — шепнула она. — Тогда в Гхазипуре он сел в нашу повозку. Поди узнай, может, ему чего надо?

Калуа обмахнул одежду и, почтительно сложив перед собой ладони, подошел к дуффадару. Вернувшись, он сообщил: вербовщику нужно перебраться на ту сторону реки и забрать людей.

Ехать надо срочно, потому что вот-вот появится опийный караван и движение на реке перекроют.

— Он посулил два с половиной дама, — сказал Калуа.

— Ничего себе! Что ж ты встал столбом? — всполошилась Дити. — Видали, еще раздумывает! Беги скорей, балда!

Через пару часов они встретились на паперти знаменитого храма Амбаджи. Калуа не дал ни о чем спросить:

— Потом все расскажу, сначала поедим.

— Ух ты! Тебе заплатили едой?

Растолкав сгрудившихся голодных попрошаек, Калуа отвел Дити в сторонку и показал завернутую в листья добычу: пышные лепешки парата, маринованные манго, картофельное пюре с рыбой, засахаренные овощи и другие сласти.

Умяв всю эту роскошь, они сели в теньке, и Калуа дал подробный отчет о последних событиях. На другом берегу под присмотром помощника дуффадара лодку ждали восемь переселенцев. Прямо на месте с ними заключили контракты и каждому выдали одеяло, всякую одежду и медный котелок. В ознаменование их нового статуса был устроен пир, остатки которого отошли Калуа.

Гирмиты, не понаслышке знакомые с голодом, возмущенно загалдели, увидев, как много еды отдали чужаку. Однако дуффадар всех успокоил: отныне их будут кормить до отвала — знай ешь да набирайся сил.

Новобранцы не поверили.

— С чего это вдруг? — забеспокоился один. — Откормите как жертвенных козлов, что ли?

— Нет, ты сам будешь пировать козлятиной, — рассмеялся дуффадар.

На обратном пути он вдруг спросил, не хочет ли Калуа записаться в гирмиты — дескать, его охотно возьмут, крепкие мужики всегда нужны.

Голова возчика закружилась:

— Но как же… Ведь я женат, господин.

— Ну и что? Многие гирмиты уезжают с женами. С Маврикия пишут, чтоб везли больше женщин. Возьму обоих, коль жена захочет.

Подумав, Калуа спросил:

— А что насчет касты?

— Каста не имеет значения, — ответил вербовщик. — К нам рвутся все — брамины, пастухи, кожемяки, пахари. Главное, чтоб были молоды, здоровы и хотели работать.

Калуа не нашелся что ответить и лишь приналег на весла. На берегу дуффадар повторил свое

предложение, но добавил:

— Помни — на раздумье только ночь. Завтра отплываем. Надумаешь, приходи на рассвете.

Калуа смолк, однако в его больших темных глазах светился вопрос, который он не осмелился задать. Осоловевшая от сытости, Дити слушала спокойно, но теперь увидела его взгляд, и ее окатило горячей волной безудержного страха. От волнения она подскочила и обрушилась с вопросами: что, навеки покинуть дочь? Как только ему в голову взбрело, что она поедет в обитель бесов, вурдалаков и прочих тварей, у которых даже имени нет? Может, гирмитов и впрямь откармливают на убой, поди знай? Иначе откуда такая щедрость? В нынешние-то времена кто станет беспричинно транжирить деньги?

— Зачем ты меня спас? — Глаза ее подернулись слезами. — Чтобы скормить дьяволам? Так уж лучше было сгореть в огне…

*

Когда Полетт писала гостевые карточки для званых обедов и ужинов, она чувствовала себя хоть немного полезной своим благодетелям. Миссис Бернэм не любила утруждаться подготовкой к приемам, а потому все распоряжения отдавала,

лежа в постели. Первыми в ее спальню входили шеф-повар и дворецкий, с которыми она обсуждала меню, из соображений приличия не поднимая москитную сетку и оставаясь в ночном чепце. Потом наступала очередь Полетт, и тогда завесы раздергивались, а воспитаннице дозволялось присесть на край постели и через плечо хозяйки заглядывать на грифельную доску, где Берра-биби задумчиво чертила схемы размещения гостей. Однажды в полдень Полетт вызвали в спальню миссис Бернэм, дабы помочь в организации очередного приема.

Как правило, диспозиция огорчала; Полетт занимала низшую ступень в общественной иерархии, и потому ей отводилось место подле (или «рядышком», как любила выражаться хозяйка) наименее желанных гостей: оглохших в баталиях полковников, инспекторов, говоривших лишь о сборе налогов, проповедников, поносивших упрямых язычников, плантаторов с немытыми руками и прочей шушеры. Имея печальный опыт подобных застолий, Полетт робко спросила:

— Прием по особому случаю, мадам?

— О да, Глупышка, — лениво потянулась миссис Бернэм. — Банкет в честь капитана Чиллингуорта, который только что приехал из Кантона.

На доске место капитана уже значилось возле хозяйки. Радуясь возможности проявить свое знание этикета, Полетт сказала:

— Раз капитан сидит подле вас, мадам, его супругу лучше посадить рядом с мистером Бернэмом, да?

Мелок застыл над доской.

— Миссис Чиллингуорт уже давно нет.

— Правда? Значит, капитан… как это… veuf?

— Вдовец, ты хочешь сказать? Нет, не то. История эта весьма печальна…

— Расскажите, мадам.

Этой просьбы хватило, чтобы миссис Бернэм удобнее устроилась в подушках и начала:

— Капитан родом из Девоншира и, что называется, с детства бредил морем. Видишь ли, старые морские волки предпочитают брать жен из родных краев, вот и он нашел себе молоденькую розовощекую англичаночку, которую затем привез на Восток. Красавицы местного розлива для него были недостаточно благородны. Как и следовало ожидать, ничего хорошего не вышло…

— Почему? Что произошло?

— Однажды капитан отправился в Кантон. Шли месяцы, а жена его одна-одинешенька пребывала в чужой непонятной стране. Наконец пришла

весть — муж возвращается; однако вместо него на пороге объявился первый помощник, сообщивший, что капитана сразила лихорадка и до выздоровления его пришлось оставить в Пенанге. Дескать, мистер Чиллингуорт решил, что жена приедет к нему, и направил помощника в сопровождающие. Такая вот незадача для бедняги капитана.

— То есть?

— Португалец из Макао, помощник — кажется, звали его Тексейра — был тот еще прохиндей и плут: глаза горят, как золотые, улыбка, что твое серебро. Он все выдумал насчет сопровождения к мужу. Сели они на корабль, только их и видели. Говорят, сейчас они в Бразилии.

— Ой, бедный капитан! — ахнула Полетт. — Значит, снова он не женился?

— Нет, дорогуша, так и не оправился. Неизвестно, что его больше подкосило — потеря жены или помощника, но капитанство его рухнуло: с офицерами не ладил, выгнал из команды всех кебабов и чуть не угробил судно у островов Спратли, что для моряка полная дурь. Как бы то ни было, теперь все кончено. На «Ибисе» он совершит последний рейс.

— Правда? — встрепенулась Полетт. — Он будет

капитаном «Ибиса»?

— Да, разве я не сказала? — Миссис Бернэм виновато крякнула. — Вы только посмотрите на меня! Вот же ослица — разболталась и забыла про банкет. — Она взяла доску и сосредоточенно поскребла мелком губы. — Вот скажи на милость: что мне делать с мистером Кендалбушем? Теперь он член суда, с ним надо быть обходительнее. — Взгляд ее покинул доску и оценивающе задержался на Полетт. — Судье очень нравится твое общество, Глупышка. На прошлой неделе он говорил, что твои успехи в изучении Библии заслуживают похвалы.

Сердце Полетт екнуло; перспектива целого вечера рядом с его честью мистером Кендалбушем не вдохновляла: каждый раз судья подвергал ее долгим строгим проверкам на знание библейских текстов.

— Он слишком добр ко мне, — сказала Полетт.

Ярко вспомнился хмурый взгляд, каким судья пригвоздил ее, когда она второй раз пригубила вино. «…И пусть помнит о днях темных, которых будет много…» — прошипел мистер Кендалбуш. Разумеется, она не смогла назвать ни главу, ни стих.

Полетт призвала на помощь смекалку, которая

не подвела:

— А другие дамы не обидятся, если рядом с ним посадят девчонку?

— Да, верно, дорогуша, — помолчав, ответила миссис Бернэм. — Наверное, кое-кого хватит кондрашка — я говорю о миссис Дафти.

— Она приглашена?

— Никуда не денешься — мистер Бернэм позвал ее мужа. Но с ней-то что делать? Она такая зануда… Ага! — Хозяйкин взгляд вспыхнул, и мелок забегал по доске, вписывая имя лоцманши на свободное место слева от капитана Чиллингуорта. — Тут она не пикнет! Что до муженька, его надо посадить так, чтобы я не слышала этого старого хрыча… Пускай сидит с тобой… — Мелок вернулся к центру стола и усадил мистера Дафти бок о бок с Полетт.

Не успела девушка смириться с безрадостной перспективой — слушать болтовню, в которой половину слов не понимаешь, — как мелок вновь завис над доской, и миссис Бернэм вздохнула:

— Все равно неувязка. А слева-то кого присоседить?

Вдруг Полетт осенило:

— Помощники приглашены, мадам?

— Мистер Кроул? — Миссис Бернэм заерзала. —

Не дай бог, Глупышка! Ему не место в моем доме.

— Он первый помощник?

— Да. Говорят, прекрасный моряк. Капитан Чиллингуорт без него как без рук. Но человек он паршивый — за какую-то скверную историю с матросом его вышибли из военного флота. К счастью для него, капитан не слишком щепетилен, но ни одна дама за стол его не посадит. Все равно что трапезничать с шорником! — Миссис Бернэм лизнула мелок. — А вот второй помощник, по слухам, весьма привлекателен. Как его? Захарий Рейд?

По телу Полетт пробежали мурашки, ей показалось, что даже пылинки в воздухе замерли, ожидая ответа. Но слова застряли в горле, и она, потупившись, лишь кивнула.

— Вы с ним уже встречались, не так ли? На прошлой неделе, когда ты захотела взглянуть на шхуну.

О посещении «Ибиса» Полетт никому не рассказывала, и такая осведомленность хозяйки ее смутила.

— Да, мадам, мельком, — осторожно сказала она. — Вроде бы симпатичный.

— Всего лишь? — кольнула взглядом миссис Бернэм. — Ходит слух, многие барышни положи-

ли на него глаз. Чета Дафти таскала его по всему городу.

— Вот как? — оживилась Полетт. — Так, может, они приведут мистера Рейда как своего гостя? А мистеру Кроулу знать о том вовсе не нужно.

— Ах ты, хитрюля! — радостно хохотнула миссис Бернэм. — Ишь чего выдумала! Ну раз уж ты это затеяла, посажу его с тобой. Вот так. Заметано.

Точно перст судьбы, мелок опустился на доску и слева от имени Полетт вписал имя Захария.

— На, возьми.

Полетт схватила доску и взлетела к себе наверх, где застала кучу уборщиков, застилавших постель, подметавших ковер и чистивших нужник. Она тотчас всех вытолкала — не сегодня! не сейчас! — и села к столу.

Миссис Бернэм любила, чтобы имена гостей на карточках были написаны витиевато, чтоб побольше росчерков и завитушек. Иногда Полетт корпела над ними по часу с лишним, стараясь угодить хозяйке. Нынче дело казалось нескончаемым, перо брызгало и запиналось на всех буквах. «Z» доставила особенные хлопоты не только потому, что еще не доводилось писать ее заглавной, но и оттого, что Полетт даже не подозревала,

какие широкие возможности для финтифлюшек таятся в этой букве; перо наматывало всевозможные завитки, которые сами собой сплетались с непритязательной «Р» ее инициалов. Наконец она устала, и ее отчего-то потянуло к зеркалу, отражение в котором привело ее в ужас своей растрепанной прической и красными следами ногтей на щеке. Потом ноги сами понесли ее к шкафу и застыли перед ним, пока она перебирала платья, подаренные миссис Бернэм: сейчас как никогда хотелось, чтобы они не были столь унылой расцветки и такими пышными. Полетт кинулась к сундучку и достала свое единственное красивое сари бенаресского алого шелку; вспомнилось, как Джоду, который всегда смеялся над ее одеждой, обомлел, впервые увидев ее в этом наряде. Интересно, что сказал бы Захарий? Она задумчиво глянула на Ботанический сад, видневшийся в окне, и повалилась на кровать, сраженная несбыточностью своих фантазий.

10

Сквозь высокие двери красного дерева Ноб Киссин-бабу вошел в контору мистера Бернэма и будто очутился в иных краях, распрощавшись с калькуттским зноем. Необъятная комната, пол которой уходил в бесконечность, а стены воспаряли к небесам, создавала собственный благотворный климат. Громадное опахало с матерчатой бахромой, подвешенное к мощным потолочным балкам, плавно раскачивалось взад-вперед, порождая ощутимый ветерок, от которого легкая куртка приказчика липла к телу. Широкая веранда, примыкавшая к комнате, являла собой теневой порог, неодолимый для солнца; опахальщики беспрестанно смачивали водой приспущенные травяные шторы, от которых веяло прохладой.

В глубине комнаты, погруженной в дневной сумрак, за массивным столом сидел мистер Бернэм. Он взглянул на шествующего от дверей приказчика, и глаза его округлились.

— Что с вами стряслось, любезный Бабуин? — воскликнул судовладелец, увидев распущенные по плечам умащенные волосы и ожерелье. — Вид

у вас какой-то…

— Какой, сэр?

— Прям бабий.

— О нет, сэр, — грустно улыбнулся Ноб Киссин. — Наружность обманчива. Под ней все то же.

— Вот еще! — презрительно фыркнул мистер Бернэм. — Господь без всякого обмана создал мужчину и женщину, какие они есть, и третьего не дано.

— Именно так, сэр, — энергично тряхнул головой приказчик. — И я о том же: в вопросе данном уступки невозможны. Беспочвенные притязанья надлежит гневно отвергнуть.

— Тогда позвольте узнать, с какой стати вы обвешались… — мистер Бернэм хмуро покосился на грудь Ноб Киссина, где обозначились какие-то выпуклости, — этакой бижутерией. Это из молельни, что ли?

Рука приказчика метнулась к амулету и спрятала его за пазуху.

— Да, сэр, то в церкви взял я, — ответил Ноб Киссин и бодро присочинил: — В лечебных целях. Изделья медные пищеваренье улучшают. Вы сами испытайте, сэр. Стул легкий и обильный. Здорового имбирного цвета.

— Избави бог! — брезгливо поежился судовладелец. — Ладно, будет. Что еще за срочное дело, из-за которого вы просили о встрече?

— Вопросы кой-какие хотел я обсудить.

— Ну так излагайте. Мне валандаться некогда.

— Первое — лагерь для кули.

— Какой еще лагерь? О чем вы? Не знаю ни о каком лагере.

— Конечно, сэр, но именно это я и предлагаю к обсужденью. Быть может, лагерь нам построить? Вот, взгляните и убедитесь. — Ноб Киссин достал из папки бумагу и положил на стол.

Он знал, что мистер Бернэм считает перевозку рабочей силы неважной и докучливой частью своего бизнеса, поскольку доходы от нее были ничтожны по сравнению с гигантской прибылью, какую давал опий. Нынешний год стал исключением, ибо опийный поток в Китай пресекся, но все равно требовались веские аргументы, чтобы Берра-саиб раскошелился на то, что полагал несущественным.

— Позвольте я разъясню… — С помощью цифр Ноб Киссин наглядно и быстро доказал, что устройство лагеря окупится через пару торговых сезонов. — Большая выгода в том, сэр, что через год-два лагерь можно продать властям. Навар

значительный.

— Почему? — заинтересовался мистер Бернэм.

— Все просто, сэр. Скажите муниципальному совету: необходим пристойный лагерь для переселенцев. Дабы блюсти чистоту и способствовать прогрессу. Далее этим же властям мы лагерь и продадим. Ваш мистер Гоббс обеспечит сделку.

— Великолепная мысль! — Мистер Бернэм откинулся в кресле и огладил бороду. — Спору нет, Бабуин, время от времени вы подбрасываете отличные идеи. Даю вам карт-бланш. Действуйте, не теряя времени.

— На повестку просится еще один вопрос, сэр.

— Да? Что такое?

— Суперкарго «Ибиса» уже назначен, сэр?

— Пока нет. У вас кто-то на примете?

— Свою кандидатуру хотел бы предложить я, сэр.

— Что? — изумился судовладелец. — Зачем вам это?

— Дабы на месте осмотреться, сэр. Поможет мне в работе, сэр, я лучше овладею ситуацией. Так сказать, еще один лист в карьерный венок.

Судовладелец скептически оглядел бабью фигуру приказчика:

— Ваше рвение впечатляет, Ноб Киссин. А вы

уверены, что совладаете с условиями корабельной жизни?

— Определенно, сэр. Я уже плавал… в Пури, к храму Джаганнатха. Никаких осложнений.

— Не боитесь лишиться касты? — насмешливо скривился мистер Бернэм. — Собратья не изгонят вас за то, что пересечете Черную Воду?

— О нет, сэр. Нынче все паломничества совершаются на кораблях. Паломник не теряет касту, ведь так?

— Ну не знаю, — вздохнул судовладелец. — Честно говоря, сейчас мне недосуг, я занят делом Расхали.

Ноб Киссин понял, что настало время разыграть свой козырь.

— Кстати, об этом деле, сэр. Вы позволите кое-что предложить?

— Разумеется. Насколько я помню, идея была ваша, не так ли?

— Да, сэр, — кивнул приказчик. — Именно я придумал тот план.

Ноб Киссин весьма гордился тем, что первым указал хозяину на выгоды от захвата имения Расхали. Уже давно ходили слухи, что Ост-Индская компания ослабит контроль над производством опия. Если б это случилось, мак стал бы посевной

культурой наравне с бобами, индиго и сахарным тростником, и торговцы, имеющие собственное производство и не зависящие от мелких фермеров, увеличили бы свои и без того баснословные доходы. Хотя еще не было явных признаков, что компания готова на послабления, дальновидные коммерсанты уже начали подыскивать внушительные угодья. Мистер Бернэм стал наводить справки, и Ноб Киссин подсказал: чего еще искать, если под рукой имение Расхали, которое в долгах как в шелках? Приказчик хорошо знал кое-кого из расхальских конторщиков, извещавших его обо всех оплошностях молодого хозяина, и разделял их мнение: раджа — дилетант-задавака, который витает в облаках, дурбень, что подписывает любую бумагу, а потому заслуживает, чтобы его лишили состояния. Кроме того, все расхальские раджи, ярые приверженцы древних обрядов, отвергали еретиков вайшнавов вроде Ноб Киссина, а потому им следовало преподать урок.

— Ходят слухи, сэр, что «любезница» раджи скрывается в Калькутте, — негромко сказал Ноб Киссин. — Она танцовщица, зовут ее Элокеши. Возможно, ее показанья заклеймят судьбу раджи.

От мистера Бернэма не укрылся злорадный огонек в глазах приказчика.

— Думаете, она станет свидетельствовать против него? — подался вперед судовладелец.

— Определенно не скажу, сэр, но усилья приложить не вредно.

— Буду рад, если вы этим займетесь.

— И тогда, сэр, должность суперкарго…

Ноб Киссин чуть приподнял интонацию, чтоб получился вопрос.

Мистер Бернэм поджал губы — мол, условия сделки понятны.

— Если добудете показания, место ваше, Бабуин.

— Благодарю вас, сэр. — Ноб Киссин вновь подумал о том, как приятно иметь дело с разумным человеком. — Пребывайте в доверье. Все исполню в лучшем виде.

*

В канун первого судебного заседания на город обрушились муссоны, и все доброжелатели Нила сочли это хорошим знаком. Общий оптимизм укрепило заявление расхальского астролога: дата слушания весьма удачна, ибо расположение звезд радже благоприятствует. Вдобавок

стало известно, что ходатайство о снисхождении подписали самые зажиточные бенгальские заминдары: даже упрямые Тагоры из Джорасанко и Дебы из Раджабазара забыли о разногласиях, поскольку речь шла о человеке их круга. Все эти новости так воодушевили семейство Халдеров, что супруга раджи Рани Малаги специально посетила храм Бхукайлаш, где устроила пир для сотни браминов, собственноручно угостив каждого.

Однако добрые вести не вполне развеяли мрачные опасения раджи, и в ночь перед слушанием он не мог уснуть. Было решено, что малочисленный конвой отвезет его в суд еще затемно, а перед тем слуги, которых допустят в узилище, помогут ему собраться. До рассвета оставалось еще часа два, когда стук колес возвестил о прибытии семейного фаэтона, и у дверей апартаментов Нила появилась челядь, после чего времени на волнение, слава богу, уже не осталось.

Паримал привез с собой двух семейных священников, повара и цирюльника. Из домашней церкви жрецы-брамины захватили самый «недреманный» образ — позолоченную статуэтку

Ма Дурги.[41] Пока гостиную готовили к пудже, в спальне раджу побрили, искупали и умастили благовонными цветочными маслами. Камердинер привез парадный наряд: чапкан с вышивкой мелким жемчугом и чалму со знаменитой брошью Расхали — золотой ветвью, инкрустированной рубинами с высокогорий Шана. Нил сам заказал одеяние, но теперь засомневался. Может, не стоит являться в суд разряженным франтом? С другой стороны, скромную одежду могут счесть за признание вины. Кто его знает, какой наряд больше подходит для дела о подлоге? Решив не привлекать внимания к одежде, раджа велел подать курту из простого муслина и дхоти чинсурского хлопка, но без каймы.

— Как мой сын? — спросил он Паримала, присевшего на корточки, чтобы завязать его дхоти.

— Вчера допоздна пускал змеев. Он думает, вы уехали в имение. Мы постарались, чтобы он ничего не знал.

— А Рани?

— Господин, с тех пор как вас увели, она не знает ни сна ни покоя. Дни проводит в молитве,

---

[41] Примечания: 41

Ма Дурга — богиня-воительница, защитница богов и мирового порядка от демонических сил; изображается с восемью руками и верхом на льве.

и нет такого храма или святого, которого она не посетила. Нынче весь день госпожа проведет в нашей церкви.

— Что Элокеши? Нет ли вестей?

— Нет, господин, ничего.

— Правильно, — кивнул Нил. — До окончания суда ей лучше не показываться.

Покончив с облачением, раджа был готов тронуться в путь, но процедура далеко не закончилась: около часа длилась пуджа, затем страстотерпца помазали сандаловой краской и окропили святой водой, настоянной на священной траве дурба, после чего накормили благотворной пищей — овощами и лепешками, испеченными на чистейшем масле, а также сластями на сиропе из домашней сахарной пальмы. Когда настало время отправляться, брамины вышли первыми, чтобы освободить путь от всякой нечисти вроде швабр и параш, а заодно шугнуть курьеров дурных знаков вроде уборщиков, золотарей и прочих. Паримал вышел еще раньше, чтобы удостовериться в почтенной касте конвойных и лишь тогда передать им еду и питье для хозяина. Нил забрался в карету, а слуги хором напомнили ему о необходимости держать окна закрытыми, дабы избежать любых дурных знаков — мол, в

такой день всякая предосторожность не лишняя.

Неспешная карета почти час добиралась до Нового суда на Эспланаде, где слушалось дело раджи. Нила быстро провели через промозглый сводчатый зал, в котором обычные арестанты ожидали вызова к судье. Разнесся шепоток подсудимых, обсуждавших его появление. Эти люди не благоволили к заминдарам:

— …попадись мне тот, кто изувечил моего сына, и решетки бы не сдержали…

— …ох, добраться б до него, ввек не забудет…

— …уж я б распахал ему задницу почище собственной земли…

Чтобы попасть в зал заседаний, надо было подняться по лестнице и миновать путаницу коридоров. Гул голосов свидетельствовал о том, что процесс собрал множество публики.

Нил знал, что его дело вызывает интерес, однако не был готов к зрелищу, представшему его глазам. Судебный зал имел форму чаши, по стенкам которой расположились зрительские ряды, а на дне — свидетельское место. С появлением раджи гам резко стих; с амфитеатра плавно спорхнули последние отголоски, среди которых отчетливо прозвучал шепот: «Ага, расхальский Роджер! Наконец-то!»

Мистер Дафти сидел в первых рядах, занятых белыми, а дальше пространство заполнили лица друзей, знакомых и родни. Здесь были все члены Ассоциации бенгальских землевладельцев и бесчисленные родичи, сопровождавшие Нила на его свадьбе. Казалось, на процесс собрались все мужские представители высшего класса и земельной знати.

В стороне Нил заметил своего адвоката мистера Роуботэма, который с показной уверенностью его приветствовал, а затем церемонно препроводил к месту обвиняемого. Едва раджа уселся, как бейлифы стукнули жезлами, возвещая выход судьи. Как и все, Нил склонил голову, но затем увидел, что место судьи занял не кто иной, как его честь мистер Кендалбуш. Зная о его дружбе с судовладельцем, раджа обеспокоился:

— Как же так? Ведь он приятельствует с мистером Бернэмом!

— Что с того? — поджал губы адвокат. — Судья известен своей неподкупной честностью.

Глянув на скамьи присяжных, Нил обменялся кивками со знакомцами. Из двенадцати англичан по меньшей мере восемь знали его отца, а

кое-кто присутствовал на обряде Первого риса[42] его сына. Гости дарили мальчику золотые и серебряные вещицы, изящные ложечки и чашки, а один преподнес китайские эбеновые счеты, украшенные нефритом.

Мистер Роуботэм пристально посмотрел на раджу и шепнул:

— Есть еще новость. Боюсь, весьма неважная…

— Что такое?

— Утром я получил бумаженцию от прокурора. Он намерен предъявить новое свидетельство — письменные показания под присягой.

— Чьи?

— Дамы, лучше сказать, женщины, которая уверяет, что имела с вами связь. Кажется, танцовщица… — адвокат вгляделся в бумагу, — по имени Элокеши.

Нил ошеломленно посмотрел на зал и увидел опоздавшего шурина, который уселся на задах. На миг возникла жуткая мысль, что вместе с ним пришла Малати, но потом раджа облегченно вздохнул — шурин был один. Если прежде Нил сетовал на женину строгость в соблюдении

---

[42] Примечания: 42

Первый рис — торжественный обряд отлучения младенца от материнской груди; мальчиков отлучают на шестом или восьмом месяце жизни, девочек — на пятом или седьмом.

кастовых правил для женщин, то сегодня ей возрадовался, ибо предательство любовницы на глазах супруги только усугубило бы кошмар ситуации.

Именно эта мысль помогла выдержать пытку невероятным свидетельством Элокеши, красочно поведавшей не только о беседах раджи с мистером Бернэмом, но и обстоятельствах, в которых о них узнала. Описания плавучего дворца, каюты и даже простыней были так подробны, если не сладострастны, что каждое откровение публика встречала изумленным вздохом, ошеломленным возгласом или взрывом смеха.

После чтения показаний измученный Нил спросил адвоката:

— Когда вынесут приговор? Сколько продлится суд?

— Недолго, любезный раджа, — вяло улыбнулся мистер Роуботэм. — Недели две, не больше.

*

Когда Дити с Калуа подошли к реке, они поняли причину утренней спешки дуффадара: водную гладь заполонила огромная флотилия, медленно подходившая к причалам. Возглавляла ее группа пулваров — одномачтовых лодок, снабженных

парусами и веслами. Эти пронырливые суденышки всегда шли впереди основной массы кораблей — они разгоняли встречные лодки, выискивали фарватер, помечали песчаные банки и отмели. Следом двигались штук двадцать пател — больших речных кораблей, размерами не сильно уступавших океанским, с полным комплектом парусов на обеих мачтах — брамселем, триселем и марселем.

Дити и Калуа тотчас поняли, откуда пришла флотилия, доставившая на калькуттский аукцион продукцию гхазипурской опийной фабрики. Внушительная охрана рассредоточилась на юрких пулварах, которые пришвартовались за час до подхода каравана. Высыпавшие на берег охранники палками отогнали зевак, расчищая место для стоянки величавых пател.

Флотилией командовали два англичанина, помощники управляющего Рукодельницы. По традиции старший помощник шел на головном судне, а другой замыкал строй. Эти два самых больших корабля занимали почетные причальные места, которых для всех судов не хватало, и потому другие пателы бросали якорь на фарватерной стоянке.

Охранники оцепили пристань, что не помеша-

ло собраться толпе зевак, желавших поглазеть на корабли-красавцы. Они впечатляли даже днем, а вечером, когда на них зажигали фонари, являли собой такое зрелище, от которого мало кто из горожан мог удержаться. Под тычками палок толпа временами расступалась, чтобы дать дорогу местной знати, желавшей засвидетельствовать почтение командирам флотилии. Одним в аудиенции отказывали, других удостаивали коротким приемом на борту; иногда кто-нибудь из англичан выходил на палубу поблагодарить за оказанное уважение. При каждом их появлении толпа напирала, чтобы поближе разглядеть чудные сюртуки и брюки, черные цилиндры и белые галстуки.

С приходом ночи толпа рассосалась, и самые упорные зрители, среди которых были Дити с Калуа, смогли приблизиться к величавым кораблям. Из-за духоты иллюминаторы в каютах были гостеприимно открыты для ночного ветерка, что позволяло разглядеть англичан, сидевших за трапезой не на полу, но за столом с яркими свечами. Причальная публика завороженно следила за двумя едоками, которых обслуживала дюжина лакеев. Пихаясь, зрители обсуждали меню:

— …Эва, катхал[43] уминают, вишь, режут…

— …Сам ты катхал, дубина, это козья ляжка…

Внезапное появление портовых полицейских заставило соглядатаев броситься наутек. Укрывшись в тени, Дити и Калуа смотрели на полицмейстера, вразвалку подошедшего к трапу. Добродушный толстяк был весьма недоволен тем, что его потревожили так поздно. Над рекой плыл его раздраженный оклик:

— Ну? В чем дело? Кому я понадобился в такой час?

Ему ответили на бходжпури:

— Вас обеспокоил командир охраны, господин полицмейстер. Соблаговолите подойти к моему пулвару.

Дити тотчас почуяла неладное, ибо голос показался знакомым.

— Калуа, беги к отмели, — зашептала она. — Кажется, я знаю того человека. Если нас увидят, быть беде. Давай, спрячься.

— А ты?

— Ничего, прикроюсь сари. Все будет хорошо, не волнуйся. Разузнаю, что к чему, и приду. Ну же, беги!

---

[43] Примечания: 43

Катхал — плод хлебного дерева (хинди).

В сопровождении двух денщиков, несших горящие ветки, полицмейстер подошел к краю воды. Свет упал на человека в лодке, и Дити его узнала: это был сирдар, пропустивший ее на фабрику в тот день, когда мужу стало плохо. Интересно, что ему нужно от начальника портовой полиции? Снедаемая любопытством, Дити подобралась ближе и услышала обрывки фраз:

— …выкрал ее с погребального костра… недавно обоих видели у храма Амбаджи… мы с вами одной касты… вы понимаете…

— Горе-то какое! — ответил голос полицмейстера. — Чем могу служить? Сделаю все, что в моих силах…

— … Бхиро Сингх щедро оплатит вашу помощь… вы же понимаете: поругана честь семьи, только их смерть ее восстановит…

— Я отдам приказ. Если они здесь, их поймают, не сомневайтесь.

Больше подслушивать не имело смысла, и Дити бросилась к отмели, где ее ждал Калуа. Там она и выложила новость: родичи покойного мужа как-то прознали, что они в Чхапре, и хотят их поймать. Даже на день оставаться здесь опасно.

Калуа внимательно слушал и вопросов не задавал. Потом они молча лежали на песке, глядя на

ущербную луну. Наконец совиное уханье смолкло, и удод возвестил о приближении утра. Вот тогда Калуа тихо сказал:

— Гирмиты отплывают на рассвете…

— Ты знаешь, где причален их корабль?

— За восточной окраиной.

— Вставай. Пошли.

Держась подальше от реки, они сделали крюк через центр городка, где их облаяли своры бродячих собак. На восточной окраине их остановил будочник, который принял Дити за гулящую и вознамерился затащить в свою сторожку. Дити не стала его разубеждать, а просто сказала, что всю ночь работала и не может пойти с ним, пока не ополоснется в реке. Взяв обещание вернуться, будочник ее отпустил, и к восходу солнца беглецы были уже далеко. Они вышли к реке в ту минуту, когда корабль с переселенцами отдал швартовы; на палубе дуффадар командовал подъемом парусов.

— Рамсаран-джи! — По песчаному склону Дити и Калуа бросились к реке. — Подождите!..

Дуффадар обернулся и узнал великана. Разворачивать корабль было уже некогда, и вербовщик помахал рукой:

— Идите по воде! Тут не глубоко!

У самой реки Калуа сказал:

— Обратной дороги уже не будет. Ты готова?

— Чего спрашивать-то? — нетерпеливо рявкнула Дити. — Опять встал столбом? Пошли уже…

Больше вопросов Калуа не задавал, потому что в душе давно отбросил всякие сомнения. Не мешкая, он подхватил Дити на руки и по воде зашагал к кораблю.

*

Когда мистер Чиллингуорт и мистер Кроул прибыли осмотреть «Ибис», Джоду находился на палубе и был одним из немногих, кто наблюдал всю заваруху с самого начала. Время для инспекций было выбрано весьма неудачно: завтра корабль вставал в сухой док, а потому имел место определенный раскардаш. Хуже того, командиры явились сразу после обеда, когда на жаре сытую команду разморило. В кои-то веки боцман Али отпустил вахту отдохнуть, а сам остался на палубе и приглядывал за Джоду, которого нарядил мыть посуду; однако на такой жаре всякая бдительность увянет, и вскоре боцман растянулся в теньке нактоуза.

Согласуясь с поступью солнца, тени от мачт превратились в кружочки, в одном из которых

почти голый Джоду драил медные плошки и глиняные чашки. На палубе еще был стюард Пинто, который подал Захарию обед в каюту и теперь с подносом возвращался на камбуз. Он-то и углядел мистера Кроула и забил тревогу — Атас, Берра-малум! Всполошившийся Джоду отпихнул от себя котелки и сковородки и шмыгнул в тень фальшборта; он счел себя везунчиком, когда начальственный взгляд лишь скользнул по нему.

Берра-малум имел облик человека, который от жизни не ждет ничего, кроме гадостей. Он был высок и широкогруд, но постоянно бычился, словно готовясь протаранить любую помеху. Одет он был опрятно и даже продуманно: черный суконный сюртук, панталоны в обтяжку и широкополая шляпа, однако жесткая рыжая щетина на вытянутом лице придавала ему удивительно неряшливый вид. Приглядевшись, Джоду заметил, что губы помощника странно подергиваются, обнажая потрескавшиеся волчьи клыки. В любом другом месте его бы сочли никчемной мелкой сошкой, но здесь, среди ласкаров, он чувствовал себя командиром, и с первой минуты было ясно, что этот человек ищет повода утвердить свою власть: его голубые глаза обшаривали корабль, словно выискивая, к чему придраться.

Объект не заставил себя ждать: в потрепанной рубахе и повязке, одуревший от жары боцман Али растянулся под нактоузом и похрапывал, прикрыв лицо клетчатой банданой.

Видимо, это зрелище подпалило в помощнике некий фитиль, и он разразился бранью:

— Надрался, сволочь!.. Средь бела дня!..

Берра-малум занес ногу для хорошего пинка, но стюард Пинто, прикинувшись недотепой, выронил поднос; громыхнувшая железяка с задачей справилась — боцман Али вскочил на ноги.

Не состоявшийся пинок пуще взбеленил начальника:

— Ишь ты, залил бельма, мандавошка поганая!.. Бревном на палубе разлегся!..

Боцман Али замешкался с объяснением — как всегда после обеда, он заправил за щеку здоровенный кус жвачки и теперь не мог шевельнуть языком. Отвернувшись, боцман сплюнул за борт, однако на сей раз меткость ему изменила, и красная харкотина, не долетев до фальшборта, плюхнулась на палубу.

Берра-малум схватил стопорный стержень и велел боцману убрать за собой дерьмо. Разумеется, приказ перемежался замысловатой бранью, но выражение «сур-ка-бача» поняли все.

Боцман Али — свинячий выродок? Привлеченные шумом, на палубе уже появились другие матросы, и все они, мусульмане или нет, вздрогнули, услышав это оскорбление.

Несмотря на чудачества, боцман пользовался непререкаемым авторитетом и всеобщим уважением; иногда грубый, он всегда был справедлив и превосходно знал морское дело. Оскорбить его значило плюнуть в душу всей команде. Кое-кто из матросов сжал кулаки и двинулся на помощника, но именно боцман подал им знак осадить назад. Чтобы разрядить ситуацию, он опустился на четвереньки и банданой подтер палубу.

Все произошло так быстро, что Захарий поспел лишь к финальной части инцидента.

— В чем дело? Из-за чего сыр-бор? — гаркнул он и осекся, заметив первого помощника.

С минуту они сверлили друг друга взглядами, а потом вспыхнула перепалка. Берра-малум выглядел так, словно брошенный перлинь угодил ему в физиономию: неслыханно, чтобы саиб заступался за ласкара, да еще на глазах команды! Покачивая стержнем, он угрожающе шагнул к Захарию. Помощник был старше и крупнее, но Зикри-малум не отступил, а спокойно выжидал, чем весьма укрепил уважение матросов. Многие ласкары

считали, что в драке его шансы предпочтительнее, и были не прочь посмотреть, как два офицера лупцуют друг друга — столь редкое зрелище на долгие годы дало бы пищу для разговоров.

Джоду не принадлежал к числу тех, кто жаждал кровопролитной схватки, и потому несказанно обрадовался, когда чей-то голос произнес:

— Отставить!

За стычкой помощников никто не заметил появления капитана: держась за поручни, на сходнях стоял крупный, лысый и одышливый господин. Он был в летах и явно нездоров — от подъема по трапу запыхался, пот лил с него ручьем.

Хворый или нет, однако властность его тона остановила драку:

— Эй вы, прекратить! Хватит буянить!

Команда отрезвила противников; поклоном и рукопожатием они постарались сгладить инцидент, а затем последовали за капитаном на ют.

Однако матросов ждал еще один сюрприз.

— Я знаю этого мистера Кроула, — сказал стюард Пинто, чье смуглое лицо вдруг обрело странный пепельный оттенок. — Довелось вместе служить…

Решив, что лучше переговорить в сумраке

фаны, ласкары спустились в свой отсек и сгрудились вокруг Пинто.

— Это было лет семь-восемь назад, — рассказывал стюард. — Он меня не помнит, я был коком на камбузе. Мой двоюродный брат Мигель из Алдоны, парнишка немногим младше меня, служил подавальщиком. Как-то раз в качку он облил Кроула супом. Тот взбеленился, за ухо выволок парня на палубу и сказал, что переводит его в марсовые. Мигель был работник безотказный, но до смерти боялся высоты. Парень взмолился, а Кроулу хоть бы хны. Даже боцман вступился: дескать, высеки дурака, заставь драить гальюн, только не отправляй на мачту — убьется. Но его слова лишь подлили масла в огонь. Знаете, что та сволочь сделала? Узнав, что Мигель боится высоты, Кроул приказал ему лезть не по выбленкам, а по скользкому канату. Даже для опытных матросов это трудно — тащишь себя, словно балласт, — а для такого салаги и вовсе невозможно. Кроул знал, что из этого выйдет…

— И что? — спросил Кассем. — Парень расшибся?

Стюард отер глаза:

— Нет, ветром сдуло… унесло, точно воздушного змея.

Ласкары переглянулись, и Симба Кадер уныло покачал головой:

— Надо сваливать. Нутром чую — добра не жди.

— Запросто! — вскинулся Раджу. — Утром корабль уйдет в сухой док, а вернется — нас и след простыл!

— Нет, — тихо, но решительно сказал боцман Али. — Если смоемся, скажут, Зикри-малум виноват. Он с нами уже давно, и всякий знает — малум на верном пути. Никто другой не делил с нами хлеб-соль. Будет тяжело, но если сохраним ему верность, все кончится хорошо.

Чувствуя несогласие команды, боцман огляделся, словно ища того, кто его поддержит.

Первым откликнулся Джоду:

— Зикри-малум меня выручил, я перед ним в долгу. Останусь, даже если уйдут все.

После его заявления многие сказали, что пойдут тем же курсом, но румпель выправил именно он, и боцман Али благодарно ему кивнул.

Джоду понял, что отныне он не задрипанный лодочник, а полноправный ласкар, обеспечивший себе место в команде.

11

Через пару дней пути налетели муссоны, обрушив на Ганг грозовые ливни. Переселенцы, осатаневшие в пекле трюма, встретили их ликующими криками. Мощные ветры надули единственный излохмаченный парус, и неуклюжий кораблик побежал веселее, лавируя меж берегов. Потом ветер стих, дожди прекратились, и судно прибегло к человечьей тяге — двадцать гирмитов усадили за длинные весла. Гребцы менялись примерно через час, и надсмотрщики следили, чтобы каждый переселенец отработал свой черед. На палубу допускались только гребцы, команда и надзиратели, всем остальным надлежало оставаться в трюме.

Обитель переселенцев, занимавшая всю длину судна, походила на плавучий амбар: потолок был так низок, что взрослый человек не мог полностью выпрямиться, рискуя ушибить голову. Из-за страха перед речными пиратами немногочисленные иллюминаторы держали закрытыми, а в дождь вообще наглухо задраивали, так что в трюме всегда было сумрачно.

Когда Дити в него заглянула, возникло ощуще-

ние, будто она падает в колодец: сквозь пелену накидки было видно лишь множество глаз, сверкавших белками или щурившихся на свет. Придерживая покрывало, Дити опасливо сошла по трапу; вскоре глаза ее привыкли к сумраку, и она поняла, что очутилась в людской толпе, где одни сидели на корточках, другие свернулись на циновках, а третьи полулежали, привалившись к борту. Накидка была ненадежной защитой от уймы любопытных глаз, и Дити спряталась за спину Калуа.

В носовой части трюма виднелось отгороженное занавеской женское отделение, к которому беглецы протолкались сквозь скопище тел. Рука Дити дрожала, когда она взялась за штору и прошептала:

— Далеко не уходи. Кто его знает, что там за люди…

— Не бойся, я рядом, — ответил Калуа и подтолкнул ее к нише.

Вопреки ожиданиям, на женской половине толчеи не было — Дити увидела лишь с полдюжины фигур под накидками. Кое-кто лежал на полу, но тотчас поднялся, чтобы дать место новенькой. Не открывая лица, Дити медленно присела на корточки. Занавешенные женщины

последовали ее примеру; в неловком молчании они опасливо разглядывали ее, как соседки изучают новобрачную, привезенную в дом мужа. Никто не заговаривал, но тут под внезапным порывом ветра корабль накренился, и все женщины повалились друг на друга. Послышались ахи и смешки, накидки соскользнули, и Дити увидела перед собой женщину, из большого рта которой торчал единственный зуб, смахивавший на покосившееся надгробье. Вскоре Дити узнает, что новая товарка по имени Хиру частенько погружается в странное забытье и цепенеет, уставившись на свои руки. Она окажется безобиднейшим существом, но поначалу ее неприкрытое любопытство слегка обескуражило.

— Тоха нам пата батав тани? Как тебя кличут? — спросила Хиру. — Если не назовешься, как же нам тебя величать?

Дити понимала, что новенькая должна представиться первой. Она чуть было не назвалась именем, которое носила с рожденья дочери — Кабутри-ки-ма, мать Кабутри, — но вовремя спохватилась: чтобы не выследили мужнины родичи, им с Калуа нельзя открывать свои имена. Как же назваться? В голову пришло имя, данное ей от рождения; поскольку уже давно никто ее

так не называл, оно годилось не хуже любого другого.

— Адити, — тихо сказала она. — Меня зовут Адити.

Произнесенное, имя тотчас стало подлинным: да, она Адити — женщина, которой прихотью богов дарована новая жизнь.

— Я Адити, — повторила она чуть громче, чтобы слышал Калуа, — жена Мадху.

Все отметили важную деталь: замужняя женщина представляется собственным именем. Сочувствие затуманило взгляд Хиру: некогда она была матерью, и звали ее Хиру-ки-ма. Ребенок давно умер, но по жестокой иронии судьбы сокращенное имя осталось за ней. Хиру прищелкнула языком, сокрушаясь над долей новой подруги:

— Стало быть, лоно твое пусто? Ты бездетна?

— Да, — ответила Дити.

— Выкидыши? — спросила болезненно худая женщина, в чьих волосах посверкивали седые пряди.

Позже Дити узнает, что здесь она старше всех и зовут ее Сарджу. В своей деревне она была повитухой, но неудачно приняла сына цирюльника, и ее изгнали. На коленях ее лежал большой сверток, который она бережно прикрывала, точно

сокровище.

Дити замешкалась с ответом, и повитуха снова спросила:

— Выкидыши? Или мертвенькие? Как ты теряла своих маленьких?

Молчание Дити было достаточно красноречивым, чтобы вызвать бурю сочувствия:

— Ничего… ты еще молодая и сильная… скоро твое лоно заполнится…

К ней придвинулась девочка, заметная доверчивым взглядом из пушистых ресниц и татуировкой на подбородке, очень красившей ее овальное лицо, — три точки в виде наконечника стрелы.

— Э тохран джат каун ха? Какая твоя каста? — требовательно спросила она.

Имя касты, столь же сокровенное, как память о дочери, чуть не сорвалось с языка, но Дити запнулась, ибо ее прежняя жизнь показалась чужой.

— Мы с мужем… — промямлила она и осеклась, испугавшись того, что сейчас обрежет все связи с прежним миром. Дити глубоко вздохнула и выговорила: — Мы чамары…[44]

Радостно вскрикнув, девочка обвила ее рука-

---

[44] Примечания: 44

Чамары (от «чамра» — кожа) — скорняки, кожевенники, башмачники.

ми.

— Ты тоже? — спросила Дити.

— Нет, я из мусахаров,[45] но получается, что мы как бы сестры, правда?

— Да, — улыбнулась Дити. — Но ты совсем молоденькая и годишься мне в племяшки.

— Верно! — возликовала девочка. — Ты будешь моей тетушкой.

Обеспокоенные этим диалогом женщины заворчали:

— Чего ты удумала, Муния? Разве теперь это важно? Нынче мы все сестры.

— Конечно, конечно, — кивнула Муния, но под прикрытием сари пожала Дити руку в знак их особой тайной связи.

*

— Нил Раттан Халдер, настало время…

Его честь мистер Кендалбуш начал свою заключительную речь, но был вынужден остановиться и стукнуть молотком, дабы пресечь шумок публики, заметившей, что он опустил титул обвиняемого. Когда порядок был восстановлен,

---

[45] Примечания: 45

Мусахары — низшая индийская каста, в рацион которой входят крысы.

судья начал еще раз, не сводя взгляда с Нила на скамье подсудимых:

— Нил Раттан Халдер, настало время завершить процесс. Рассмотрев все представленные суду свидетельства, присяжные сочли вас виновным, и теперь на мне лежит тяжкая обязанность вынести приговор согласно закону о подлоге. Если вы не сознаете всей тяжести своего проступка, позвольте сообщить, что по английским законам подлог считается крайне серьезным преступлением, которое до недавнего времени каралось смертной казнью.

Судья помолчал и обратился конкретно к Нилу:

— Вы понимаете смысл сказанного? Он в том, что за подлог вешали, и это сыграло немалую роль в нынешнем процветании Англии, обеспечив ей главенство в мировой торговле. Если подобное преступление трудно искоренить даже в самой Британии, стоит ли удивляться, что гораздо чаще его встречаешь в странах, лишь недавно открывшихся навстречу благам цивилизации.

Сквозь мягкий шорох ливня раджа уловил далекий голос лоточника, торговавшего леденцами. Во рту возник вкус пахнущих дымком сластей, а судья говорил о том, что родитель, не наказавший

дитя, виновен в пренебрежении обязанностями наставника, и сие справедливо в целом для дел человеческих, ибо Всевышний возложил на избранные народы бремя забот о благоденствии рас, чья цивилизованность еще во младенчестве. Стало быть, нация, кому поручена сия священная миссия, не оправдает божественного доверия, если будет недостаточно сурово взыскивать с тех, кто не надлежаще ведет собственные дела.

— Тот, кто несет бремя руководства, подвержен соблазну потакать своим чадам, ибо сила отчей любви такова, что всякий родитель жаждет разделить горести своего отпрыска и подопечного. Но, как ни тяжело, долг призывает нас забыть о естественных привязанностях, дабы надлежаще отправлять правосудие…

Со своего места Нил видел только верхнюю часть судейской головы, увенчанную тяжелым белым париком. Подчеркивая мысль, мистер Кендалбуш встряхивал головой, и каждый раз с локонов взлетало облачко пудры, зависавшее, точно нимб. Радже доводилось видеть репродукции итальянских картин, он кое-что знал о значении нимбов и сейчас задумался, скрыт ли какой-нибудь смысл в венчиках над головой судьи. Однако размышления прервало его имя,

произнесенное вслух.

— Нил Раттан Халдер! — проскрежетал голос судьи. — Доподлинно установлено, что вы многократно подделывали подпись одного из самых уважаемых в городе коммерсантов, мистера Бенджамина Брайтуэлла Бернэма, и злонамеренно обманывали великое множество ваших друзей и компаньонов, которые доверяли вам свои деньги, ибо почитали ваш род и знали безупречную репутацию вашего покойного отца, раджи Рама Раттана Халдера из Расхали, кого если и можно в чем-то упрекнуть, то лишь в том, что он взрастил столь бесстыдного злодея, как вы. Вдумайтесь, Нил Раттан Халдер: если наказания взыскует проступок, совершенный обычным человеком, то как же вопиет о каре деяние того, кто, будучи местным аристократом, купается в роскоши, однако не имеет иных помыслов, кроме приумножения собственного богатства за счет сограждан? Как обществу осудить фальсификатора, если он, образованный человек, пользуется всеми благами, какие только может дать богатство, если неохватность его владений так вознесла его над соотечественниками, что даже равные ему считают его высшим существом и чуть ли не божеством? В каком мрачном свете

предстают поступки этого человека, если ради ничтожной цели набить свои сундуки он совершает преступление, которое может погубить его родственников, нахлебников и подданных! Так не в том ли долг суда, чтобы примерно наказать сего человека, и не только ради строгого соблюдения закона, но ради священной обязанности наставлять туземцев в правилах и обычаях, регламентирующих поведение цивилизованных народов?

Нил слушал монотонную речь, и ему казалось, что слова судьи тоже превращаются в пылинки, которые вливаются в белое облачко над париком. За время усердного изучения английского Нил перелопатил такое множество текстов, что без всякого труда мысленно превращал речь в письмо, чем сейчас и занимался. Результатом сего упражнения было то, что слова теряли конкретику, но обретали утешительную абстракцию, далекую от нынешних обстоятельств, как воды Уиндермира и галька Кентербери. Судья все говорил и говорил, и слова его казались камушками, падающими на дно глубокого колодца.

— Нил Раттан Халдер! — Мистер Кендалбуш поднял пачку бумаг. — Несмотря на вашу греховную порочность, вы имеете немало сторонников

и защитников: суд получил ходатайства за вас, подписанные представителями местной знати и даже кое-кем из англичан. Поступили также петиции тех, кто искушен в законах вашей религии: они утверждают, что человека вашей касты и положения нельзя судить как простого смертного. Вдобавок неслыханный шаг присяжных: они доверили вас милосердию суда.

Мистер Кендалбуш небрежно бросил бумаги на стол.

— Заметим, что больше всего мы ценим рекомендации присяжных заседателей, ибо они понимают местные обычаи и, вероятно, учитывают смягчающие обстоятельства, ускользнувшие от внимания судьи. Поверьте, я тщательно изучил все представленные документы, надеясь отыскать веские причины для того, чтобы сойти с прямой тропы правосудия. Признаюсь, усилия мои были тщетны: ни в одном ходатайстве, поручительстве или прошении я не нашел оснований для смягчения наказания. Взгляните сами: ученые мужи, сведущие в вашей религии, утверждают, что человека вашего положения нельзя подвергать некоторым наказаниям, ибо они аукнутся лишением касты его невиновной супруги и детей. Вполне допускаю необходимость

увязки законности и местных религиозных установлений там, где это согласуется с правосудием. Но мы не можем счесть достойным утверждение, что человек высшей касты должен понести менее суровое наказание, чем кто-либо другой. Такой подход абсолютно не совместим с английским правосудием, в основе которого лежит принцип «перед законом все равны»…

Слова его показались настолько абсурдными, что Нил опустил голову, скрывая улыбку. Если суд над ним что-то и доказывал, то лишь обратное принципу равенства, который столь усердно провозглашал судья. Разбирательство выявило до смешного простую истину: в этой системе правосудия именно англичане — мистер Бернэм и ему подобные — уходили от закона, который применяли к другим, именно они стали в мире новыми браминами.

Внезапно в зале наступила мертвая тишина; Нил поднял голову и увидел устремленный на него взгляд судьи.

— Нил Раттан Халдер! В ходатайстве нас просят смягчить приговор на том основании, что вы богатый человек, что ваша невинная молодая семья лишится касты и будет подвергнута остракизму со стороны родичей. Что касается последне-

го, я слишком уважаю местные нравы, чтобы поверить, будто ваши родственники станут руководствоваться столь ошибочным принципом, но в любом случае это обстоятельство не может повлиять на нашу трактовку закона. Что до вашего богатства и положения в обществе, то в наших глазах они лишь отягощают ваш проступок. Чтобы вынести вам приговор, я должен сделать простой выбор: либо неукоснительно следовать закону, либо официально признать, что в Индии существует группа людей, которым дозволено безнаказанно совершать преступления.

Так оно и есть, подумал Нил, и один из них ты, но не я.

— Не хочу усугублять ваши страдания и скажу лишь, что ни одно из ходатайств не дает никаких оснований для отступления от закона. Недавние прецеденты в Англии и вашей стране установили, что подлог — преступление, за которое конфискация имущества не является достаточным наказанием, а потому еще предусмотрена ссылка на срок, определяемый судом. Учитывая вышеизложенное, суд выносит приговор: вся ваша собственность будет изъята и продана для покрытия долгов, а вы подлежите высылке на остров Маврикий, где не менее семи лет

проведете в исправительном поселении. Зарегистрировано июля двадцатого дня, в год одна тысяча восемьсот тридцать восьмой от Рождества Господа нашего…

*

Благодаря невиданной силе Калуа стал самым ценным гребцом, и только ему дозволялось безочередно садиться за весла. Сия привилегия чрезвычайно ему льстила, а тяготы гребли с лихвой окупались пребыванием на палубе, откуда открывался вид на омытые дождем берега. Названия городов — Патна, Бахтиярпур, Тегра — весьма его впечатляли, и для него стало игрой отсчитывать количество гребков от одного селения до другого. Едва на горизонте появлялись дома очередного городка, он сбегал вниз и сообщал Дити:

— Барауни! Мунгер!

Женский закуток мог похвастать несправедливо щедрым обилием иллюминаторов — по одному на каждом борте. После доклада Калуа женщины ненадолго их открывали и разглядывали приближавшееся поселение.

На закате пулвар останавливался для ночлега. Если окрестности были подозрительно безлюдны, якорь бросали на середине реки, а когда вечер

заставал вблизи густонаселенного города вроде Патны, Мунгера или Бхагалпура, швартовались прямо к берегу. Величайшим же удовольствием было встать на причале торгового городка или порта: тогда в перерывах между ливнями женщины сидели на палубе, разглядывая жителей и потешаясь над их чудным выговором.

На ходу корабля им разрешалось выйти на палубу лишь для того, чтобы раздать кормежку, все остальное время они пребывали в уединении своего закутка. Казалось бы, три недели в тесном душном отсеке должны стать невыносимым испытанием скукой, однако ничего подобного: день надень и даже час на час не походили. Теснота, сумрак и стук дождя создавали необычайно доверительную обстановку: все, что говорили прежде незнакомые друг с другом собеседницы, казалось новым и удивительным, и даже самые заурядные темы принимали неожиданный оборот. Например, было странно узнать, что одни готовили маринованные манго из падалицы, а другие — из только что сорванных плодов; не менее удивительным стало открытие, что Хиру добавляла в маринад фенхель, а Сарджу исключала столь нужный ингредиент, как тмин. Каждая женщина имела свой способ готовки и пребывала в убеж-

дении, что других просто не существует; новость, что в каждом доме, семье и деревне имелись свои бесспорные рецепты, поначалу смутила, потом рассмешила, а затем взбудоражила. Тривиальная тема оказалась настолько увлекательной, что ее хватило от Гхоги до Пирпайнти, и если даже она вызвала горячие обсуждения, то что говорить о столь захватывающих материях, как деньги и супружеская постель?

Историям не было конца. Сестры Ратна и Чампа вышли за двух братьев, чья земля работала на опийную фабрику и уже не могла их прокормить; нежели голодать, лучше податься в гирмиты, решили они, — мол, что бы ни случилось, утешением будет общая судьба. Дукхани ехала с мужем; она долго терпела измывательства стервозной свекрови и теперь почитала за счастье, что муж решился бежать вместе с ней.

Дити тоже свободно говорила о прошлом, ибо нафантазировала полную подробностей биографию, в которой она в двенадцать лет вышла за Калуа и жила с ним и его скотиной в придорожной халупе. Решение бежать за Черную Воду она объясняла происками завистников — силачей из Бенареса, которые не смогли одолеть мужа в честной схватке и задумали выжить его из

родных краев.

К некоторым сюжетам путешественницы возвращались снова и снова: например, история разлучения Хиру с мужем рассказывалась бессчетно, и всем уже казалось, что они сами ее пережили. Случилось это в прошлом году на большой сонепурской ярмарке, устроенной перед наступлением холодов. Месяцем раньше Хиру потеряла своего первого и единственного ребенка, и муж уговорил ее поехать на ярмарку — мол, надо помолиться в храме Харихарната, чтобы родить нового сына.

Конечно, Хиру знала, что на ярмарке будет много народа, но не была готова к столпотворению, какое увидела на песчаных равнинах Сонепура: густая пыль, поднятая ногами тысяч людей, превращала полуденное солнце в луну; казалось, речные берега вот-вот обрушатся под тяжестью несметного числа скотины. Целый день Хиру с мужем пробирались к воротам храма и уже стояли в очереди у входа, когда вдруг взбесившийся слон заминдара ринулся в толпу. Хиру и ее муж разбежались в разные стороны; когда Хиру поняла, что потерялась, с ней случился приступ ее нездорового забытья. Долгие часы она сидела на песке, уставившись на свои руки.

Наконец пришла в себя и отправилась на поиски мужа, но это было все равно что искать рисовое зернышко в песчаной лавине. Она решила вернуться в свою деревню, но тогда ей пришлось бы одолеть расстояние в шестьдесят криков, минуя районы, где бесчинствовали зверские разбойники; одинокой женщине пускаться в такой путь означало самой напрашиваться на убийство или чего хуже. Хиру добралась до Ревелганджа и решила там переждать, пока не встретит каких-нибудь родственников или знакомых, которые согласятся взять ее с собой. Долгие месяцы она жила тем, что попрошайничала, нанималась в прачки и катала тачку с породой на селитровом руднике. Но вот однажды она увидела знакомого из соседней деревни и радостно к нему кинулась, но тот пустился наутек, точно от привидения. Хиру его догнала, и знакомец поведал, что муж всех известил о ее смерти, наново женился и уже обрюхатил новую супругу.

Сгоряча Хиру чуть было не рванула домой, чтобы занять свое законное место, но призадумалась. Возник вопрос: зачем муж потащил ее на ярмарку? Что, он уже тогда задумал бросить ее и воспользовался первым удобным случаем? Если и раньше он ее бранил и поколачивал, что же он

с ней теперь сделает?

Хиру ломала голову, и тут, как нарочно, к причалу подошел пулвар с переселенцами…

История Мунии была самой простой — дескать, надумала воссоединиться с братьями, пару лет назад уехавшими на Маврикий. Если кто-нибудь спрашивал, почему она до сих пор не замужем, девочка отвечала, что родители недавно померли и мужа для нее найти некому. Дити чувствовала, что здесь не вся правда, но с расспросами не лезла: придет время, и Муния сама все расскажет названной тетушке — подруге, защитнице и конфиденту, о котором всякий мечтает. К кому еще она прибегала, если какой-нибудь не в меру нахальный мужик с ней заигрывал или пытался затащить в уголок? Дити тотчас ставила наглеца на место, обратившись к Калуа:

— Вон тот хмырь строит глазки нашей Мунии. Думает, если она молоденькая и симпатичная, с ней можно пакостничать! Разберись с ним — мол, еще раз сунешься, и твоя печенка на другой бок съедет.

Калуа нависал над объектом и вежливо спрашивал:

— Скажи как на духу: ты приставал к девчонке? Чего тебе от нее надо?

Обычно все неприятности сразу заканчивались, поскольку этакие вопросы от великана никому не нравились.

После одного такого случая Муния шепотом выложила свою историю, в которой фигурировал приказчик с гхазипурской опийной фабрики. Увидев Мунию в поле, он повадился в их деревню чуть ли не ежедневно. Дарил браслеты и всякие побрякушки, говорил, мол, сходит по ней с ума, и она, святая простота, уши-то развесила. Их встречи тайком проходили в маковых полях, когда вся деревня гуляла на праздниках или свадьбах. Романтичность тайных свиданий и мужские ласки Мунии чрезвычайно нравились, но однажды кавалер на нее взгромоздился. Затем приказчик домогался новых встреч, и она, боясь огласки, уступала. Когда забеременела, думала, родители убьют или выгонят, но те, как ни странно, ее поддержали, хотя общество отвернулось. Семья их отчаянно нуждалась, и чтобы свести концы с концами, двух братьев Мунии продали в гирмиты. Когда малышу сравнялось полтора годика, родители удумали свозить его к приказчику; они не собирались угрожать или что-нибудь вымогать, просто хотели показать дитятко — мол, видишь, чего натворил-то, подсудобил нам лишний рот.

Приказчик терпеливо их выслушал и отправил домой, сказав, что поможет, обеспечит всем необходимым. А вскоре глухой ночью какие-то люди подожгли их домишко. Муния, у которой были месячные, ночевала в поле, и на ее глазах мать, отец и ребенок погибли в дотла сгоревшем доме. После этого оставаться в родных краях означало накликать смерть, и она отправилась на поиски вербовщика, забравшего ее братьев.

— Ох, дура ты непутевая! — пригорюнилась Дити. — Как же ты его до себя допустила…

— Тебе не понять, — вздохнула Муния. — Я по уши втрескалась и была готова на все. Повторись оно, я бы и сейчас ему не отказала.

— Чего буровишь-то? — рассердилась Дити. — Как только язык повернулся! После всего, что было, другая б доской заколотила!

— Вот еще! — Прикрыв рукой рот, Муния неожиданно хихикнула. — Ты же насовсем не откажешься от риса, если в нем попался камешек, сломавший тебе зуб? Без этого как жить-то?..

— Тсс! Замолчи! — Ошарашенная Дити принялась увещевать: — Подумай о себе-то! Чего язык распустила, балаболка? Знаешь, что будет, если другие узнают?

— Так я им и сказала! — скорчила рожицу Му-

ния — Я только тебе, как своей тетушке. Другим даже не обмолвлюсь, им и без меня трепу хватает…

И верно, болтовня стихала лишь на то время, когда женщины подслушивали разговоры на мужской половине. Так они узнали истории забияки Джхугру, которого злопыхатели напоили и бесчувственным сдали вербовщику, сипая Кулухана, которому после военной службы жить дома стало невмоготу, Ругу, которому обрыдло стирать чужую одежду, и гончара Гобина, лишившегося большого пальца.

Иногда на стоянках корабль принимал пополнение парочкой новеньких, но случались и группы человек по двенадцать. В Сахибганджe, где река сворачивает к югу, на борт взошли сразу сорок человек — жители горных плато Джаркханда. Они имели чудные имена вроде Экка, Туркук, Нукху Нак и рассказывали о бунтах против новых хозяев, о деревнях, сожженных белыми войсками.

Вскоре пулвар пересек незримую границу, и его пассажиры очутились в краях, где земля набухла от влаги, а народ изъяснялся на непостижимом языке — теперь на стоянках никто не понимал насмешек зевак, говоривших на бенгали. Из-

менившиеся окрестности тоже не поднимали настроения: вместо плодородных густонаселенных равнин пошли безлюдные болота; вода в реке стала солоноватой и для питья не годилась. После отлива открывались заиленные берега в густой спутанной поросли, не похожей ни на деревья, ни на кустарники, — казалось, невиданная зелень, раскорячившаяся на корнях-ходулях, выбралась со дна реки; по ночам в лесах слышался тигриный рык, а крокодилы хвостами стегали борт корабля.

До сих пор в разговорах переселенцы избегали темы Черной Воды — что толку мусолить грядущие опасности? Но теперь, когда в душном зное джунглей они обливались потом, их страхи и дурные предчувствия хлынули через край. Слухи бурлили, точно в котле: говорят, на корабле, что повезет через Черную Воду, кормить будут говядиной и свининой, а тех, кто откажется, засекут до бесчувствия, а потом вобьют мясо им в глотку. На Маврикии всех силой обратят в христианство и заставят питаться запретной едой из джунглей и моря; случись, кто помрет, покойника, будто навоз, зароют в землю, поскольку на острове нет топлива для костров. Самый жуткий слух объяснял, почему белые так упорно рекрутируют юных

и молодых, не желая брать умудренных опытом: все дело в масле, которое содержится в человечьих мозгах, вожделенном мимиай-ка-тел, а всем известно, что его больше всего у тех, кто недавно вступил в пору зрелости. Способ же извлечения вещества таков: в черепе жертвы просверливают дырочки, подвешивают ее за ноги, и масло по капле стекает в посудину.

Слух этот не вызывал ни малейших сомнений, и когда на горизонте завиднелась Калькутта, всех окутала беспросветная тоска; теперь путешествие по Гангу казалось прощальным подарком, позволившим ощутить вкус жизни перед приходом долгой и мучительной смерти.

*

В день банкета Полетт обнаружила, что за ночь ее неугомонные ногти исполосовали ей лицо. На глаза навернулись слезы огорчения, и она едва не послала миссис Бернэм записку, в которой сказывалась больной, но затем передумала и велела банщицам наполнить корыто. В кои-то веки она покорно отдалась хозяйским «трушкам», позволив себя мять и намыливать. Однако вопрос, что надеть, пока оставался открытым, и Полетт опять чуть не расплакалась: она всегда была

равнодушна к тряпкам, и теперь собственное беспокойство о них ее смущало. Что такого, если придет мистер Рейд? Скорее всего, он ее даже не заметит. И все же, примеряя платье с барского плеча, она поймала себя на том, что с необычной привередливостью изучает богатое, но строгое одеяние, — предстать на банкете скорбящим сурком было невыносимо. Но что поделаешь? Новое платье не купишь не только из-за безденежья, но и потому, что нет доверия собственному вкусу в дамских модах.

Не имея других советчиков, Полетт обратилась за помощью к Аннабель, которая кое в чем была не по годам сведуща. Малышка не подкачала, предложив собственную вышитую накидку, которая весьма освежила черное шелковое платье с воротником-пелериной. Однако помощь была небезвозмездной.

— Глянь-ка на себя — прям вся трепещешь, как девица на выданье, — сказала Аннабель. — Раньше ты никогда так не суетилась. Из-за кавалера, да?

— Что ты! Вовсе нет! — поспешно ответила Полетт. — Просто не хочу подвести твоих родителей на столь важном… мероприятии.

Аннабель не поверила:

— Задумала кого-то подцепить? Кто он? Я его знаю?

— Ох, Аннабель! Ничего подобного!

Однако угомонить девчонку было не просто; позже, увидев Полетт в полном наряде, она восторженно завопила:

— Высший класс! Тебя осыплют поцелуями еще до окончания банкета!

— Право, Аннабель, ты экзажере… преувеличиваешь!

Подхватив юбки, Полетт сбежала с лестницы, радуясь, что никто их не слышал, кроме жезлоносца, двух ковершиков, трех водоносов с бурдюками, двух мастеровых со стамесками и садовников с цветами. Она бы умерла на месте, если б сей диалог услыхала миссис Бернэм, но, к счастью, хозяйка еще была за туалетом.

На входе в дом располагался большой вестибюль, который из-за обилия венецианских зеркал в золоченых рамах мистер Бернэм в шутку называл «зеркальным залом»; здесь гости дожидались приглашения к столу. Роскошное, однако не самое просторное помещение не могло похвастать большим числом укромных уголков, когда в нем зажигали все бра и шандалы. Сей факт огорчал Полетт, на приемах старавшейся быть как можно

неприметнее. Путем проб и ошибок она отыскала в зале местечко, отвечавшее ее цели: одинокий стул у стены без зеркал; здесь удавалось переждать начальную фазу торжества, не привлекая ничье внимание, — ее замечали только лакеи, разносившие холодное шампанское и шербет. Однако нынче спасительный уголок недолго служил ей убежищем: не успела она взять холодный бокал со сладким тамариндовым шербетом, как услыхала голос миссис Бернэм:

— Полетт! Где ты прячешься? Я повсюду тебя ищу! Капитан Чиллингуорт хочет о чем-то спросить.

— Меня, мадам? — обеспокоилась Полетт.

— Ну да, знакомьтесь. — Миссис Бернэм отступила в сторону, и Полетт оказалась лицом к лицу с капитаном. — Мистер Чиллингуорт, позвольте представить вам мадемуазель Полетт Ламбер.

После этих слов хозяйка ретировалась, и Полетт осталась наедине с гостем.

— Весьма польщен, мисс Ламбер, — отдуваясь, поклонился капитан.

Голос его потрескивал, точно каштаны под колесом экипажа. Не только одышка, но лицо в красных пятнах и вся его обмякшая фигура говорили о том, что он нездоров. Капитан выглядел

так, словно его облик, некогда предназначавшийся крепкому и уверенному в своей силе человеку, стал ему великоват: усталое обвисшее лицо, брыластые щеки и большие темные мешки под слезящимися глазами. Когда мистер Чиллингуорт снял шляпу, стало видно, что он почти лыс: голова его, окруженная волосяной бахромой, напоминала ствол с отвалившейся корой.

Промокнув платком взмокшее лицо, капитан сказал:

— На аллее я заметил ряд латаний. Говорят, это ваша работа, мисс Ламбер.

— Да, посадила я. Но они еще такие маленькие! Удивительно, что вы их разглядели.

— Латании красивы, но в здешних краях их редко встретишь.

— Я их очень люблю, особенно «латанию коммерсони».

— Вот как? — удивился капитан. — Позвольте узнать почему?

Полетт засмущалась и опустила взгляд.

— Видите ли, их идентифицировали Филипп и Жанна Коммерсон.

— Кто это, скажите на милость?

— Я довожусь им внучатой племянницей. Они были ботаниками и много лет прожили на Мав-

рикии.

— Ах, вот оно что!

Капитан нахмурился и задал очередной вопрос, но Полетт его не услышала, потому что в зал вошел Захарий. Как все мужчины, сюртук он отдал лакею и остался в рубашке, волосы его были аккуратно стянуты черной лентой. По сравнению с другими его наряд — муслиновая сорочка и нансуковые брюки — выглядел весьма скромно, но сам он был невероятно элегантен, видимо, потому, что в отличие от других мужчин не обливался потом.

Теперь на все вопросы Полетт односложно отвечала «да, нет» и даже не услышала ворчанья судьи Кендалбуша, неодобрительно покосившегося на ее пышный наряд:

— «Преисподняя обнажена пред Ним, и нет покрывала Аваддону».

Довершением мук стали неуемные комплименты мистера Дафти, провожавшего ее к столу:

— Мать честная! Экая вы нынче красотка, мисс Ламбер! От вас всякий слетит с катушек долой!

Слава богу, лоцман о ней забыл, едва увидел угощение.

Нынче смены блюд не предполагалось, но умеренная длина стола, раздвинутого лишь на две

из шести досок, возмещалась высотой и весом снеди, которая образовывала впечатляющие зиккураты: суп из зеленых черепах, ловко налитый в их панцири, мясной пирог, баранье жаркое, супник с бурдванским рагу, приготовленным из вареной курятины и маринованных устриц, оленина в листьях кокоса и карри, говядина в винно-чесночном соусе, жареные овсянки и голуби, выложенные летящими стайками. В центре стола на серебряном подносе красовался шедевр вефильских поваров — фаршированный павлин, хвост которого был распущен в преддверии брачного танца.

От всей этой роскоши мистер Дафти аж задохнулся и, предвкушая пиршество, отер взмокший лоб:

— Ну и ну! Сюжет, достойный кисти Чиннери![46]

— Именно так, сэр, — ответила Полетт, хотя не вполне расслышала, поскольку все ее внимание, за исключением взгляда, ушло на стул слева, куда усаживался Захарий. Она не смела отвернуться от лоцмана, поскольку уже не раз получала реприманд от миссис Бернэм за нарушение приличий

---

[46] Примечания: 46

Джордж Чиннери (1774–1852) — английский художник, большую часть жизни провел в Индии и Китае.

внеочередной беседой с левым соседом.

Мистер Дафти все еще выражал громогласные восторги, но тут отперхался мистер Бернэм, готовясь произнести молитву:

— Возблагодарим Господа нашего…

Подражая остальным, Полетт сцепила пальцы и прикрыла глаза, однако, не удержавшись, украдкой посмотрела на соседа и тотчас смутилась, ибо встретила взгляд Захария, тоже косившегося на нее из-под сомкнутых рук. Оба вспыхнули и поспешно отвели взгляды, успев откликнуться на звучное «аминь» мистера Бернэма.

Мистер Дафти уже зацепил вилкой овсянку.

— Отведайте, мисс Ламбер, — прошептал он, сбрасывая птичку на тарелку Полетт. — Поверьте старому гурману: начинать следует с овсянок.

— Благодарю, — пролепетала Полетт, но внимание лоцмана уже приковало жаркое. Занятость старшего сотрапезника позволила обратиться к Захарию.

— Я очень рада, что вы смогли уделить нам время, мистер Рейд, — чинно сказала Полетт.

— А уж как я рад, мисс Ламбер, — ответил Захарий. — Меня редко зовут на такие пиршества.

— А вот мой мизинчик нашептал мне, что в последнее время вы зачастили на журфиксы.

— Жур… фиксы? — не понял Захарий. — О чем вы, мисс Ламбер?

— Ах, простите, я говорю о званых обедах.

— Мистер Дафти и его супруга были так любезны, что водили меня по гостям.

— Вам повезло, — заговорщически улыбнулась Полетт. — Кажется, ваш коллега мистер Кроул менее удачлив?

— Не могу знать, мисс.

Полетт заговорила тише:

— Знаете, вам нужно его остерегаться. Миссис Бернэм говорит, он ужасный человек.

— Мистер Кроул меня не пугает, — чопорно ответил Захарий.

— Однако будьте осторожны, мистер Рейд. Хозяйка не желает видеть его в своем доме. Не говорите ему, что были здесь.

— Не волнуйтесь, мисс, — усмехнулся Захарий. — Мистер Кроул не из тех, с кем я стал бы делиться впечатлениями.

— Он на корабле?

— Нет, там никого. «Ибис» в сухом доке, и пока вся команда в увольнении. Я перебрался в пансион.

— Правда? В какой?

— В Киддерпоре, его нашел Джоду.

— Вот как?

Полетт огляделась, проверяя, не услыхал ли кто имени ее друга, и вновь повернулась к Захарию.

Недавно мистер Бернэм установил в комнате охладитель воздуха. Штуковина являла собой симбиоз пропеллера и толстой циновки. Опахальщики, некогда дергавшие веревки головных вееров, теперь обслуживали устройство: один смачивал циновку, а другой посредством рукоятки вращал пропеллер, посылавший струю воздуха сквозь влажную тростниковую преграду. Предполагалось, что, распыляя капли, машина породит чудесный прохладный ветерок. Так было в теории, а на практике выходило, что в сезон дождей охладитель лишь увеличивал влажность, от которой все обильнее потели. Кроме того, механизм издавал громкий скрежет, заглушавший разговоры. Мистер Бернэм и мистер Дафти легко перекрывали шум машины, но подобных им было немного, и обладателям менее сильных голосов приходилось орать, что способствовало еще большему потоотделению. Когда Полетт сидела между глухим полковником и дряхлым счетоводом, она частенько сожалела о внедрении нового устройства, но сегодня была ему бесконечно рада, ибо машина гарантировала, что их

беседу с Захарием никто не подслушает.

— Позвольте узнать, где сейчас Джоду? — спросила Полетт. — Как его дела?

— Пока «Ибис» оснащают, он решил подработать на перевозе. Я ссудил ему немного денег, чтобы он нанял лодку. Вернется к отплытию.

Полетт вспомнила беззаботные деньки, когда они с Джоду сидели в Ботаническом саду и смотрели на проплывающие по реке корабли.

— Значит, его мечта сбылась? Он принят в команду?

— Именно так, все как вы хотели. В сентябре вместе с нами он пойдет в Порт-Луи.

— Ой! Вы поплывете на Маврикий?

— Да. Бывали там?

— Нет, но когда-то на острове жили мои родные. Понимаете, мой отец был ботаником, а Маврикий славится ботаническим садом. Там отец с матерью поженились. Я так мечтаю съездить туда…

Полетт осеклась, вдруг почувствовав ужасную несправедливость того, что Джоду отправится на остров, а она, у которой на это гораздо больше прав, останется здесь.

— Что случилось? — всполошился Захарий, увидев ее бледность. — Вам нехорошо, мисс Ламбер?

— Мне пришла идея, — ответила Полетт, стараясь говорить небрежно. — Я вдруг поняла, что ужасно хочу поехать на Маврикий. Матросом на «Ибисе», как Джоду.

Захарий рассмеялся:

— Поверьте, мисс Ламбер, женщинам на шхуне не место… в смысле, дамам, прошу прощенья. Особенно таким, кто привык к подобной жизни… — Он кивнул на ломящийся от снеди стол.

— Неужели, мистер Рейд? — приподняла бровь Полетт. — Стало быть, вы считаете, что женщина не может быть… марин?

Часто, не находя нужного термина, она прибегала к французской лексике, полагая, что если слово произнести по буквам, оно сойдет за английское. Подобная тактика срабатывала весьма успешно и оттого постоянно применялась, но иногда результат ее был неожиданным. По виду собеседника девушка поняла, что сейчас именно тот случай.

— Моряком? — изумился Захарий. — Что вы, мисс Ламбер, в жизни не слышал о женщинах-моряках.

— Мореплаватель, вот о ком я говорю! — радостно сказала Полетт. — Вы полагаете, женщина не может плавать под парусом?

— Возможно, как жена капитана, — пожал плечами Захарий. — Но только не в команде. Ни один настоящий моряк этого не потерпит. В море многие матросы даже не произносят слово «женщина», чтобы не накликать беду.

— Ага! Значит, вы не слышали о знаменитой мадам Коммерсон?

— Пожалуй, нет, — нахмурился Захарий. — Под чьим флагом она ходит?

— Мадам Коммерсон не корабль. Она была ученым, и если на то пошло, я ее внучатая племянница. Позвольте вам сообщить, что в молодости она служила на корабле и была в кругосветном плавании.

— Это правда? — недоверчиво спросил Захарий.

— Как бог свят. Понимаете, до замужества бабушка носила имя Жанны Баре. Еще девочкой она просто бредила наукой. Читала Линнея, узнала, как открывают и классифицируют новые виды растений и животных. Все это разожгло в ней желание собственными глазами увидеть земные богатства. И тут, представьте, мистер Рейд, она узнает, что мсье Бугенвиль[47] органи-

---

[47] Примечания: 47

Луи Антуан де Бугенвиль (1728–1811) — французский мореплаватель, в 1766–1769 гг. совершивший кругосветное плавание.

зует большую… экспедисьон именно с такими целями! Загоревшись этой… идэ, моя двоюродная бабушка решила во что бы то ни стало попасть в число… экспедисьёнэр. Конечно, она понимала: мужчины никогда не согласятся, чтобы женщина взошла на корабль… Как вы думаете, мистер Рейд, что сделала бабушка?

— Не знаю.

— Она поступила весьма просто: соорудила себе мужскую прическу и под именем Жана Барта подала заявку на участие в походе. В команду ее зачислил не кто иной, как сам великий Бугенвиль! Смею заверить, маскарад был несложный, всех-то дел — утянуть грудь да изменить походку. Вот так, надевши брюки, она отправилась в плаванье, и никто из матросов и ученых ее не раскусил. Вообразите, как искусно она перевоплотилась, если все эти светила в анатомии животных и растений не догадались, что перед ними… фий… девица. Секрет открылся лишь через два года, и знаете как, мистер Рейд?

— Боюсь предположить, мисс.

— На Таити туземцы с первого взгляда обо всем догадались! Они тотчас раскусили тайну, о которой даже не подозревали французы, два года бок о бок прожившие с бабушкой. Правда, теперь

это уже не имело значения — не мог же мсье Бугенвиль бросить ее на острове! Говорят, именно бабуля в благодарность адмиралу назвала бугенвиллеей известный цветок. Вот так Жанна Баре стала первой женщиной, совершившей кругосветное плаванье. Тогда же она встретила своего будущего мужа, который тоже был большим ученым и участвовал в экспедисьон.

Довольная собой, Полетт одарила собеседника лучезарной улыбкой:

— Вот видите, мистер Рейд: иногда женщину зачисляют в команду.

Захарий отхлебнул из бокала, но кларет не помог переварить историю Полетт: если б этакое перевоплощение случилось на «Ибисе», самозванку разоблачили бы в тот же день, если не час. Вспомнилась фана, где гамаки висели так тесно, что стоило шевельнуться одному, как весь кубрик ходил ходуном, и скука ночных вахт, когда матросы, расстегнув штаны, состязались в том, у кого ярче зафосфоресцирует море. Вспомнились еженедельные купания у шпигатов, когда все темнокожие моряки раздевались по пояс, а кое-кто и догола, чтобы простирнуть единственную пару исподнего. Как в этом существовать даме? Черт его знает, что бывает на корабле паршивых

лягушатников, но балтиморская шхуна — это мир мужчин, и ни один настоящий моряк иного не захочет, как бы сильно ни любил женщин.

— Вы мне не верите, мистер Рейд? — нарушила молчание Полетт.

— Знаете, я поверю, что такое возможно на французском корабле, — неохотно ответил Захарий и, не удержавшись, хмыкнул: — Поди отличи бабу от мужика…

— Мистер Рейд!..

— Прошу прощенья…

Захарий рассыпался в извинениях, и в эту секунду в щеку Полетт стукнулся хлебный шарик, пущенный с другого края стола. Сидевшая напротив миссис Дафти ухмылялась и закатывала глаза, подавая знак о каком-то важном происшествии. Полетт смущенно огляделась, но ничего выдающегося, кроме самой миссис Дафти, не заметила: на лице толстухи лоцманши, круглом, точно бутафорская луна, и увенчанном стогом крашенных хной волос, чередовались ужимки и гримасы, словно его обладательница претерпевала безудержные судороги.

Полетт поспешно отвела взгляд, очень испугавшись внимания миссис Дафти, которая залопотала что-то совершенно невразумительное.

Слава богу, мистер Дафти избавил Полетт от необходимости отвечать его жене, воскликнув:

— Браво, дорогуша! Превосходный выстрел! — Он повернулся к Полетт: — Я не рассказывал, как однажды миссис Дафти пульнула в меня овсянкой?

— Кажется, нет, сэр.

— Дело было на губернаторском обеде. На виду у генерала птаха шмякнула меня по носу. Шагов с двадцати. Я сразу понял: эта женщина для меня — глаз-алмаз. — Лоцман помахал жене вилкой, на которую наколол последнюю овсянку.

Полетт не упустила возможность вернуться к беседе с Захарием:

— Скажите, мистер Рейд, как вы общаетесь с ласкарами? Они знают английский?

— Понимают команды. А если что, боцман Али переведет.

— А с ним как вы договариваетесь?

— Он чуть-чуть говорит по-английски. Умудряемся понимать друг друга. Смешно, он не может выговорить мое имя.

— Как же он вас называет?

— Зикри-малум.

— Зикри? Чудесное имя! Вы знаете, что оно означает?

— Вот уж не знал, что в нем есть смысл, — удивился Захарий.

— Конечно есть. «Тот, кто помнит». Как славно, правда? Можно мне вас так называть?

Заметив, как покраснел Захарий, Полетт тотчас раскаялась в своей дерзости, но ее выручило появление лакея с огромным десертным деревом: от трехслойной подставки отходило множество ветвей, унизанных чашками со сладким кремом, желе, пудингами, бисквитами, пропитанными вином, киселем со взбитыми сливками, бланманже, молоком с сидром и засахаренными фруктами.

Полетт хотела порекомендовать Захарию манговый кисель, но ее вниманием завладел мистер Дафти, поведавший печальную историю о том, как на губернаторском обеде некто метнул в сотрапезника гусем, что привело к дуэли и запрету обычая обстреливать гостей. Он еще не закончил, когда миссис Бернэм подала условный знак — мол, дамам пора удалиться в гостиную. Лакеи отодвинули стулья, и женщины проследовали за хозяйкой.

Миссис Бернэм шествовала со степенной величавостью, однако на выходе из столовой покинула гостей, лукаво шепнув Полетт на ухо:

— Я в клозет. Удачи со старыми кошелками!

*

В столовой мужчины подсели к мистеру Бернэму, который всех угостил сигарами. Капитан Чиллингуорт вежливо отклонил предложение.

— Благодарю, но я уж свою, простенькую, если не возражаете, — сказал он, нагибаясь в подсвечнику.

— Как угодно. — Мистер Бернэм налил себе портвейна. — Что ж, капитан, поведайте о новостях из Кантона. Есть ли шанс, что небожители одумаются, пока не поздно?

— Наши друзья в английской и американской факториях так не считают, — вздохнул мистер Чиллингуорт. — Почти все уверены, что война с Китаем неизбежна. Если честно, многие приветствуют такой поворот событий.

— Стало быть, власти по-прежнему хотят перекрыть торговлю опием?

— Боюсь, так, — ответил капитан. — Похоже, мандарины заупрямились. Давеча у ворот Макао обезглавили с полдюжины торговцев опием, а тела их выставили на всеобщее обозрение, чтоб и европейцы полюбовались. Несомненно, это возымело эффект. Еще в феврале цена лучшего

опия из Патны упала до четырехсот пятидесяти долларов за ящик.

— Мать честная! — крякнул мистер Дафти. — Вдвое меньше, чем в прошлом году?

— Именно, — кивнул мистер Бернэм. — Теперь уже ясно: косоглазые ни перед чем не остановятся, чтобы вытурить нас из бизнеса. И они в том, безусловно, преуспеют, если не уговорить Лондон на ответный удар.

В разговор вмешался судья Кендалбуш:

— Скажите, капитан, разве нашему представителю в Кантоне мистеру Эллиоту не удалось убедить мандаринов в необходимости легализовать опий? Я слышал, будто они стали понимать выгоды свободной торговли.

— Вы слишком оптимистичны, сэр, — усмехнулся мистер Дафти. — Китаезы — твердолобые ослы. Никаких шансов, что они передумают.

— Слухи не беспочвенны, — сказал капитан. — Говорят, в Пекине есть люди, ратующие за легализацию опия. Но якобы император с ними не считается и намерен под корень уничтожить торговлю зельем. Мол, потому и назначил нового губернатора.

— Ничего удивительного. — Заправив большие пальцы за проймы жилета, мистер Бернэм

окинул собеседников довольным взглядом. — Уж я-то совсем не удивлен. С самого начала я знал, что этим кончится. Джардин и Матесон давно о том говорили, и я разделяю их мнение. Война пакостна, я ее ненавижу. Однако нельзя отрицать, что бывают времена, когда она не только справедлива и необходима, но и гуманна. В Китае настало именно такое время, и с этим ничего не поделаешь.

— Как это верно, сэр! — с чувством произнес мистер Дафти. — Иного выхода нет. И впрямь, этого требует гуманность. Стоит лишь подумать о несчастных индийских крестьянах — что с ними будет, если в Китае запретят продавать опий? Сейчас-то бедолаги еле сводят концы с концами, а уж тогда станут помирать толпами.

— К сожалению, вы правы, — мрачно сказал мистер Кендалбуш. — Мои друзья в миссиях согласны, что война необходима, если мы хотим открыть Китай для слова божьего. Жаль, конечно, но лучше поскорее с этим разделаться.

— Раз уж мы все согласны, — сверкнул глазами мистер Бернэм, — пожалуй, я могу поделиться наисвежайшей новостью. Разумеется, строго конфиденциально.

— Конечно, конечно.

— Мистер Джардин пишет, что наконец-то уговорил премьер-министра.

— В самом деле? — вскинулся мистер Кендалбуш. — Лорд Палмерстон[48] готов направить флот?

— Да, — кивнул мистер Бернэм. — Только «флот» — сильно сказано. Мистер Джардин полагает, что трухлявую китайскую оборону удастся сломить малой силой. Понадобятся два-три фрегата, ну и пара дюжин торговых судов.

— Браво! — хлопнул в ладоши мистер Дафти. — Значит, война?

— Думаю, теперь это уже определенно. Конечно, якобы начнутся переговоры, которые по вине косоглазых зайдут в тупик. Вот тогда на сцену выйдет флот, и все моментально закончится. Будет иметь место лучший вид войны — скоротечной, дешевой и с несомненным результатом. Много войск не нужно, сипаи справятся парой батальонов.

— Уж это точно! — утробно хохотнул мистер Дафти. — Наши черные в момент разгонят желтопузых. Все кончится за пару недель.

---

[48] Примечания: 48

Генри Джон Темпл, 3-й виконт Палмерстон (1784–1865) — английский государственный деятель, в середине XIX в. премьер-министр Великобритании.

— И я не удивлюсь… — мистер Бернэм сигарой проткнул воздух, — если на улицах Кантона жители будут приветствовать наши доблестные войска.

— Уж это как пить дать! — вскричал лоцман. — Привалят толпой и зажгут благовонные палочки. Китаезы, они олухи, но выгоды своей не упустят. Вот уж им радость избавиться от тирана!

Общий ажиотаж захватил и Захария, который сунулся с вопросом:

— Когда флот будет готов, сэр?

— Полагаю, два фрегата уже в пути, — ответил мистер Бернэм. — Что касаемо торговых судов, корабли Джардина и Матесона подойдут, когда соберутся наши. У вас полно времени, чтобы поспеть к сроку.

— Верно! Верно! — поднял стакан мистер Дафти.

Лишь мистер Чиллингуорт был чужд всеобщего воодушевления; его похоронное молчание не могло остаться незамеченным, и судья Кендалбуш одарил капитана сердечной улыбкой:

— Ах, как жаль, что здоровье не позволяет вам участвовать в экспедиции. Неудивительно, что вы такой мрачный, капитан. На вашем месте я бы тоже сокрушался.

Мистер Чиллингуорт вдруг рассвирепел:

— Сокрушаться? — Его зычный голос заставил всех вздрогнуть. — Вот еще! Ни капли не сожалею! Уж я навидался такого и вполне обойдусь без еще одной бойни!

— Помилуйте, капитан! — растерянно заморгал судья. — Я уверен, ненужных убийств не будет. Однако за добро всегда надо платить, не так ли?

— Добро, сэр? — Мистер Чиллингуорт с усилием выпрямился. — Я в толк не возьму, о каком добре вы говорите — для них или для нас? Хотя вряд ли я могу причислить себя к «нашим» — Бог свидетель, как мало добра было от моих деяний.

Лицо судьи пошло красными пятнами.

— Знаете, капитан, подобные высказывания не делают чести вам, да и нам тоже! — рявкнул он. — Намекаете, что от экспедиции добра не будет?

— Что вы, кое-кому достанется очень много добра, спору нет, — горестно вздохнул капитан. — Только сомневаюсь, что я и большинство китайцев окажемся среди счастливчиков. Если по правде, сэр, все действуют, исходя из собственной власти. Мы ничем не отличаемся от фараонов или монголов, разница лишь в том, что, убивая людей, мы притворяемся, будто делаем это ради некой высшей цели. Но эту притворную

добродетель история нам никогда не простит, я вам обещаю.

Мистер Бернэм прервал капитана, громко стукнув бокалом о стол:

— Джентльмены! Нельзя, чтобы дамы ждали, пока мы решим все мировые проблемы, пора нам воссоединиться!

Взрыв смеха разрушил неловкость, все встали и гуськом направились к выходу. Хозяин задержался в дверях, поджидая Захария, который шел последним.

— Теперь понимаете, почему я тревожусь за капитана? — прошептал мистер Бернэм, обняв помощника за плечи. — Многое будет зависеть от вас, Рейд.

— Благодарю, сэр. — Захарий чувствовал себя польщенным. — Можете на меня положиться.

*

— Да уж, милочка! — Глаза миссис Дафти посверкивали над краем чашки. — Натворили вы дел!

— Прошу прощенья, мадам? — опешила Полетт.

— Ох, не пытайтесь меня одурачить! — погрозила пальцем лоцманша. — Будто сами не

заметили!

— О чем вы, мадам? Я не понимаю…

— Неужто не видели? Он даже не притронулся к овсянкам и оленине. К такой-то вкуснятине! И беспрестанно задавал вопросы.

— Кто, мадам? О ком вы говорите?

— О судье Кендалбуше, о ком же еще? Вы его напрочь сразили! Глаз не мог от вас оторвать!

— Судья? — всполошилась Полетт. — Я что-то сделала не так, мадам?

— Да нет же, глупенькая мартышка! — Миссис Дафти ущипнула Полетт за ушко. — Все в порядке. Но вы же не могли не заметить, как он отпихнул жаркое и фыркнул на павлина? Первый знак, когда мужчина не ест! А как он пыхтел, когда вы заговаривали с мистером Рейдом!..

Трескотня лоцманши убедила Полетт лишь в том, что она вновь перепутала ножи и вилки и теперь судья непременно доложит миссис Бернэм о ее промахе.

Тут, как назло, появились мужчины; судья тотчас устремился к Полетт с миссис Дафти и завел проповедь о вреде обжорства. Полетт делала вид, будто слушает, но все ее мысли были сосредоточены на Захарии, крутившемся где-то за ее спиной. Отвязаться от судьи и лоцманши удалось

лишь в конце вечера, и она вновь перемолвилась с Захарием, когда прощалась с гостями.

— Вы присмотрите за моим Джоду, правда? — с неожиданной для себя горячностью сказала Полетт.

К ее удивлению, ответ был не менее пылким:

— Не сомневайтесь! Если смогу быть еще чем-то полезен, только скажите, мисс Ламбер.

— Осторожнее, мистер Рейд, — игриво улыбнулась Полетт. — Человек с именем Зикри должен держать слово.

— Буду счастлив, мисс. Можете на меня рассчитывать.

— Ох, вы и так уже сделали слишком много, мистер Рейд, — сказала Полетт, растроганная его искренностью.

— Разве? Я ничего не сделал, мисс Ламбер.

— Вы сохранили мой секрет, — прошептала Полетт. — Наверное, вам не понять, что это для меня значит. Оглянитесь, мистер Рейд: разве кто-нибудь хоть на секунду поверит, что барышня может считать слугу-туземца своим братом? Нет, все заподозрят самое худшее.

— Только не я, мисс Ламбер. В этом не сомневайтесь.

— Правда? — вскинула взгляд Полетт. — Вам не

кажется невероятным, что между белой девушкой и туземным юношей существует абсолютно невинная близость?

— Вовсе нет, мисс Ламбер. Ведь я и сам… — Захарий вдруг смолк и откашлялся в кулак. — Поверьте, я видел куда более странные…

Он хотел еще что-то сказать, но тут вдруг кто-то громоподобно пустил ветры. В неловкой тишине никто не смотрел на мистера Дафти, который с напускной беспечностью изучал набалдашник своей трости. Миссис Дафти ринулась спасать ситуацию.

— Ох, как ветер-то разгулялся! Пора отплывать! — захлопав в ладоши, весело вскричала она. — С якоря сниматься! Поднять паруса!

12

Прошло много дней, однако приказа о переводе Нила в тюрьму Алипор, где осужденные дожидались высылки, все не было. Раджа оставался в Лалбазаре, но отношение к нему стало иным, что имело множество проявлений: свидания в любое время прекратились, и бывали дни без единого визита; охранники его больше не развлекали, но были неприветливы и угрюмы, на ночь запирали дверь и выводили его только в наручниках. Слуг удалили, и когда Нил пожаловался на обилие пыли, караульный спросил, не желает ли он получить швабру, чтобы самолично навести чистоту. Если б не издевательский тон, раджа, возможно, согласился бы, но теперь помотал головой:

— Все равно скоро перееду, не так ли?

— Угу, на свое законное место в Алипоре! — реготнул конвоир. — А там уж вас обиходят, не волнуйтесь.

Какое-то время Нил еще получал домашнюю еду, но однажды ему вручили деревянную плошку, какую давали арестантам. Приподняв крышку, он увидел месиво из бобов и грубого риса.

— Что это? — спросил раджа, но охранник лишь

равнодушно пожал плечами.

Нил поставил миску на пол и отошел в сторону, решив не прикасаться к еде. Однако вскоре голод пригнал его обратно, и он, усевшись по-турецки, снял крышку. От вида и запаха серой слякотной массы раджа чуть не срыгнул, но заставил себя кончиками пальцев подцепить слипшиеся в комок рисины. Он поднес руку ко рту, и тут его осенило, что впервые в жизни он взял еду, приготовленную человеком неведомой касты. То ли от мысли, то ли от запаха пищи его так замутило, что он не смог положить комок в рот. Мощное сопротивление организма раджу изумило, поскольку он не верил в касты — во всяком случае, так он неоднократно говорил друзьям и любому, кто соглашался слушать. Укоры, что он слишком европеизирован, Нил парировал заявлением о своей преданности Будде, Махавире, Шри Чайтанье, Кабиру[49] и прочим, кто с решительностью европейских революционеров боролся с кастовыми разграничениями. Он гордился своей принадлежностью к плеяде поборников равенства, тем более что сам обладал

[49] Примечания: 49

Джина Махавира (V в. до н. э.) — индийский философ и проповедник. Кабир (1440–1518) — индийский поэт-святой, классик литературы хинди.

правом на княжеский трон. Но тогда почему он никогда не принимал пищу, состряпанную неизвестными руками? Ответ был один — видимо, в силу привычки: он всегда делал то, чего от него ждали, а легион слуг неусыпно приглядывал за тем, чтобы все происходило должным образом, а не иначе. Свои повседневные обязанности он считал спектаклем, в котором каждый исполняет отведенную судьбой роль, но все это понарошку, всего лишь игра в хитроумной пьесе жизни. Однако теперь он ощущал совсем не иллюзорную тошноту — позывы на рвоту были так реальны, что заставили отпрянуть от плошки.

Нил отошел в угол и постарался взять себя в руки; теперь стало ясно, что дело не в конкретной баланде, это был вопрос жизни и смерти: выживет он или нет. Раджа вернулся к плошке и заставил себя проглотить рисовый комок. Казалось, в желудок упала горсть угольков, каждый из которых зажег костер, но он съел еще один комок, а потом другой, хотя уже казалось, что с тела лоскутами отваливается кожа. Ночью его мучил кошмар, в котором он стал линяющей коброй и в муках освобождался от старой шкуры.

Утром Нил увидел под дверью бумажный лист — извещение на английском:

«Согласно решению Верховного суда Англии, фирма "Братья Бернэм" объявляет о продаже имущества, в частности великолепной резиденции, известной как Расхали — Раджбари…»

Он непонимающе смотрел на бумагу, раз за разом пробегая текст. Чтобы не захлебнуться в вале несчастий, до сих пор Нил не позволял себе слишком вникать в смысл судебного решения. Но теперь руки его задрожали, когда он подумал о том, что означает продажа дворца для его близких, что станет со слугами и вдовствующими родственницами…

Нет, в самом деле, что будет с Малати и Раджем? Куда им податься? Дом шурина не так роскошен, как Расхали-Раджбари, однако в нем найдется место для женщины с мальчиком. Но теперь, когда Малати безвозвратно лишилась касты, она не станет искать приюта в доме брата, иначе ее племянники и племянницы никогда не смогут взять в супруги лиц знатного рода. Она слишком горда и не поставит брата в положение, когда тот будет вынужден отказать ей от дома.

Нил заколотил в дверь. Стучать пришлось долго, наконец появился охранник.

— Я должен послать записку родным и требую письменных принадлежностей, — сказал Нил.

— Требуешь? — покачивая головой, усмехнулся страж. — Кем ты себя возомнил? Раджой, что ли?

Видимо, уже пошли какие-то слухи, ибо днем в скважине заскрежетал ключ, что в этот час могло означать лишь чей-то визит. Нил бросился к двери, надеясь увидеть Паримала или кого-нибудь из приказчиков. Однако на пороге стояли жена и сын.

— Ты? — еле выговорил Нил.

— Я.

Малати была в сари с красной каймой; накидка покрывала ее голову, но оставляла открытым лицо.

— Ты пришла — вот так? — Нил поспешно посторонился, чтобы жена вошла в комнату и скрылась от чужих глаз. — Сюда, где всякий тебя увидит?

Малати тряхнула головой, отчего накидка соскользнула на плечи, открыв ее волосы.

— Какая разница? — спокойно сказала она. — Теперь мы ничем не отличаемся от людей с улицы.

Нил закусил губу.

— Но позор? Думаешь, тебе хватит сил его пе-

режить?

— Позор? — равнодушно переспросила жена — Что мне до него? Под накидкой я скрывалась не ради себя, а чтобы угодить твоим родным. Теперь это бессмысленно — нам нечего хранить и нечего терять.

Обняв отца, Радж ткнулся лицом в его живот. Сын будто съежился, или так казалось, потому что прежде Нил не видел его в простой грубой одежде?

— Как… наши воздушные змеи? — Раджа попытался спросить весело, но голос его осекся.

— Я выбросил их в реку, — ответил мальчик.

— Мы раздали почти все вещи, — поспешно добавила Малати. Подобрав сари, она взяла из угла веник и стала подметать пол. — Оставили, что можно взять с собой.

— Куда?

— Не волнуйся, все устроилось. — Жена деловито махала веником.

— Я должен знать, куда вы едете. Скажи!

— В дом Паримала.

— В дом Паримала… — растерянно повторил Нил. Он никогда не задумывался, есть ли у камердинера жилье, кроме комнатушки в Раджбари. — Где это?

— Неподалеку от города. Я сама ничего не знала, пока он не сказал. Уже давно Паримал откладывал с жалованья и купил клочок земли. Теперь выделит нам угол.

Нил обессилено плюхнулся на кровать. Слезы сына промочили его рубаху, и он крепче обхватил мальчика, уткнувшись лицом в его темные волосы. Глаза саднило от закипавшей в них едкой влаги, рот наполнился горечью, а сердце желчной злостью, оттого что он предал жену и ребенка и только сейчас понял: все эти годы он жил сомнамбулой и вел себя так, словно его жизнь — всего лишь эпизодическая роль в кем-то написанной пьесе.

Малати отложила веник и присела рядом.

— С нами все будет хорошо, — проникновенно сказала она. — За нас не волнуйся, мы справимся. Будь сильным. Если не ради себя, то ради нас ты должен выжить. После всего, что случилось, вдовства я не вынесу.

Слезы Нила высохли, он прижал жену и сына к груди.

— Послушайте меня: я непременно выживу. Даю слово. Через семь лет я вернусь и увезу вас из этой проклятой страны. В другом месте мы начнем новую жизнь. Об одном прошу: верьте

в мое возвращение, потому что я вернусь во что бы то ни стало.

*

Едва утихла чехарда из-за банкета в честь капитана Чиллингуорта, как Полетт вновь призвали в спальню Берра-биби. Вызов поступил вскоре после того, как мистер Бернэм отбыл в контору: под колесами его экипажа еще хрустели усыпавшие аллею каштаны, а слуга уже постучал в дверь комнаты Полетт. Обычно в столь ранний час миссис Бернэм еще не окончательно приходила в себя после ночной дозы опийной настойки, и потому было естественно предположить, что срочность вызова продиктована неожиданным церковным обедом или другим внезапным приемом. Войдя в хозяйкину спальню, Полетт смекнула, что случай и впрямь беспрецедентный — миссис Бернэм не только пробудилась, но скакала по комнате, распахивая ставни.

— Ну сколько можно ждать, Глупышка! — воскликнула она.

— Помилуйте, мадам, я примчалась по первому зову.

— Да? А мне показалось, что прошла вечность. Я уж думала, ты засела испечь пирожок.

— Но, мадам… не спозаранку же…

— Конечно, дорогуша, — согласилась миссис Бернэм. — Нечего греть горшок, когда такая новость!

— Что-то случилось?

— Еще бы! Только давай присядем, от такой новости просто ноги подкашиваются. — Хозяйка усадила воспитанницу на кровать и сама примостилась рядом.

— Какая новость, мадам? — забеспокоилась Полетт. — Надеюсь, ничего дурного?

— Слава богу, нет. Новость — лучше не бывает, дорогуша.

Голос миссис Бернэм потеплел, а голубые глаза излучали симпатию, и Полетт слегка испугалась. Она чувствовала: что-то не так. Вдруг невероятное чутье хозяйки привело ее к самому потаенному секрету?

— Мадам, вы имеете в виду…

— Мистера Кендалбуша? — радостно подсказала миссис Бернэм. — Ну и ну! Как ты догадалась?

Полетт перевела дух и ошеломленно повторила:

— Мистер Кендалбуш?

— Ах ты, маленькая хитрюга! — Миссис Бернэм шлепнула ее по руке. — Сама догадалась или кто

сказал?

— Ни то ни другое, мадам. Я вправду не знаю…

— Или у нас тот случай, когда два сердца созвучны, словно куранты городских часов?

— Вовсе нет! — смешавшись, вскрикнула Полетт.

— Ну тогда не знаю, как ты догадалась, — вздохнула миссис Бернэм, обмахиваясь ночным чепцом. — Утром муж мне все рассказал, так я просто обомлела.

— О чем рассказал, мадам?

— О встрече с судьей. Видишь ли, вчера, обедая в Бенгальском клубе, они болтали о всякой всячине, а потом мистер Кендалбуш испросил дозволения коснуться одной деликатной темы. Мистер Бернэм высоко ценит судью, и потому он, естественно, согласился. Ну-ка угадай, Глупышка: что за тема?

— Что-нибудь касаемо закона?

— Нет, дорогуша, предмет куда более деликатный! Судью интересовало, не соблаговолишь ли ты, милая Глупышка, составить ему партию.

— Вот как? — смешалась Полетт. — Но я ничего не смыслю в картах, мадам.

— Да не о картах речь, дуреха, — ласково усмехнулась миссис Бернэм. — Он говорил о

супружеской партии. Неужто не поняла? Судья хочет сделать тебе предложение.

— Мне? — ужаснулась Полетт. — Но почему, мадам?

— Он весьма впечатлен твоей простотой и скромностью, милочка, — добродушно хохотнула миссис Бернэм. — Ты покорила его сердце. Сообрази, какой это волшебный подарок судьбы — заполучить мистера Кендалбуша. Он богач, сколотил состояние на китайской торговле. С тех пор как судья овдовел, всякая девица мечтает его захомутать. Поверь, уйма барышень отдаст что угодно, лишь бы оказаться на твоем месте.

— Но если на него такой спрос, зачем ему горемыка вроде меня?

— Видимо, ему по душе твоя готовность к работе над собой. Мистер Бернэм сказал, что ты самая усердная из всех его учениц. А ты знаешь, дорогая, они с судьей полностью совпадают во взглядах на религию.

Полетт уже не могла справиться с неудержимо трясущимися губами:

— Наверняка есть много девушек, кто гораздо лучше меня знает Писание.

— Именно поэтому ты удостоилась его внимания! — рассмеялась миссис Бернэм. — Ты чистая

доска и готова к обучению.

— О, мадам, вы смеетесь, это жестоко, — заламывая руки, простонала Полетт.

Хозяйку удивило отчаяние воспитанницы:

— Ты не рада, Глупышка? Но это же грандиозная победа! Мистер Бернэм всей душой одобрил его план и заверил, что сделает все возможное, чтобы получить твое согласие. Они договорились, что пока будут делить расходы на твое воспитание.

— Мистер Кендалбуш очень добр, — всхлипнула Полетт, рукавом отирая глаза. — Мистер Бернэм тоже. Для меня это большая честь, но я должна признаться, что не испытываю к судье тех же чувств.

Нахмурившись, миссис Бернэм выпрямила спину.

— Оставь чувства прачкам и танцовщицам. Дама не позволит подобной чуши встать на ее пути. Послушай меня, дорогая: тебе повезло, что судья попал на мушку, так что не промажь. О такой добыче девушка в твоем положении может только мечтать.

Полетт уже плакала, не скрываясь:

— О, мадам! Но ведь вся эта тщета ничто против любви!

— Что такое? — изумилась миссис Бернэм. —

Помилуй, о чем ты? Глупышка, в твоей ситуации не до капризов! Я понимаю, судья не так уж молод, но он все же успеет заделать тебе пару ребятишек, прежде чем соскользнет в маразм. И тогда, милочка, все, что нужно даме, ты получишь от долгой ванны и пары трушек. Поверь, Глупышка, в стариках есть своя прелесть. Во-первых, никаких безумств ночи напролет. Уверяю тебя, милочка, ничто так не раздражает, как всякие тисканья, когда ты мечтаешь лишь о глотке опийной настойки и покойном глубоком сне.

— Неужто вы не понимаете, что такая жизнь будет… пенибль… невыносимой…

— В том-то и дело, что нет! — развеселилась миссис Бернэм. — В конце концов, судья не юноша и вряд ли загостится на этом свете. Вообрази: праведник уходит в мир иной, и ты, вольная птица, с его денежками летишь в Париж, где оглянуться не успеешь, как твоей руки станет добиваться какой-нибудь обедневший герцог или маркиз.

— Зачем мне все это, если юность моя будет загублена, а любовь останется нерастраченной? — зарыдала Полетт.

— Ничего, дорогуша, — успокоила хозяйка. — Ведь можно выучиться любить судью, правда?

— Любви нельзя выучиться, мадам! — взбунтовалась Полетт. — Она подобна… coup defoudre…[50] как это по-английски, когда мужчина пронзает тебя с первого взгляда?

— Мужчина пронзает? — Возмущенная миссис Бернэм зажала уши. — Глупышка! Ты все же следи за выражениями!

— Разве не так, мадам?

— Чего не знаю, того не знаю. — Вдруг в душе миссис Бернэм шевельнулись подозрения, и она, опершись подбородком о ладонь, одарила воспитанницу долгим изучающим взглядом. — Скажи-ка, милочка, нет ли здесь кого другого, а?

Поняв, что выдала себя, Полетт запаниковала: отпираться бессмысленно, а лгать проницательной хозяйке — себе дороже. Она понурилась и молча отвела заплаканные глаза.

— Я так и знала! — возликовала миссис Бернэм. — Это американец, да? Как его… Езекия… Зевадия… или как там? Ну ты с ума сошла, Глупышка! Это уж ни в какие ворота! Если за душой ни гроша, нельзя бросаться на моржа, как бы он ни был хорош собой и обходителен. Молодой моряк — хуже нет судьбы для всякой женщины,

---

[50] Примечания: 50
Любовь с первого взгляда (фр.).

это даже страшнее военного. Моряка вечно нет дома, когда он нужен, он всегда без денег и погибает, прежде чем детишки вырастут из пеленок. Чтобы свести концы с концами, с таким прелестным мужем ты пойдешь в судомойки! Вряд ли тебе пристало драить чужие кастрюли и горшки. Нет, дорогуша, это невозможно, даже слышать не хочу…

Миссис Бернэм осеклась и зажала рукой рот, ибо ее сразила иная страшная догадка.

— О господи боже мой! Скажи, а ты не… не… Нет! Скажи, что это не так!

— Что, мадам? — удивилась Полетт.

— Ты же не уступила, правда? — Хозяйка перешла на шепот. — Я не поверю…

— Уступила? — Полетт вздернула подбородок и расправила плечи. — На мой взгляд, в сердечных делах полумеры и уступки невозможны. Любовь требует тебя всю целиком, не так ли?

— Глупышка!.. — Миссис Бернэм задохнулась и стала обмахиваться подушкой. — О боже мой! Святители небесные! Говори, дорогая, я готова к худшему… — Она сглотнула и прижала руку к трепещущей груди. — Ты… о нет, нет!.. Исусе!

— Что, мадам?

— Заклинаю, скажи правду: пирожок уже в

печке, да?

— Ну, в общем… — Полетт слегка удивилась, что хозяйка так всполошилась из-за темы, которой обычно касалась намеком. С другой стороны, хорошо, что разговор перешел на другое, ибо появилась возможность уйти. Обхватив себя за живот, Полетт прокряхтела: — Вы правы, мадам, нынче мне что-то неможется.

— Ох, бедная моя, бедная! — Миссис Бернэм отерла выступившие слезы и сочувственно обняла воспитанницу. — Еще бы тебе не взбелениться! Ох уж эти подлые моряки! Уроды колченогие, нет чтоб оставить девушек в покое! Мой рот на замке, от меня никто не узнает… Но как ты не понимаешь? Тебе нужно скорее выйти за мистера Кендалбуша! Времени терять нельзя!

— И то правда!

Миссис Бернэм схватила опийную настойку, а Полетт бросилась к двери:

— Простите, мочи нет терпеть! Успеть бы к горшку!

*

Едва прозвучало слово «Калькутта», как на пулваре распахнулись все иллюминаторы. В тесноте мужского отделения народ яростно пихался,

но далеко не всем удалось занять вожделенный наблюдательный пункт; более удачливые женщины сумели поделить меж собой два иллюминатора, а потому всем составом разглядывали приближавшийся город.

По пути корабль останавливался во многих больших многолюдных селениях — Патне, Бхагалпуре, Мунгере, — и потому городской пейзаж уже не был в новинку. Однако нынешнее зрелище застигло врасплох даже тех, кто повидал разные виды: нагромождение и размеры причалов, домов и верфей повергло переселенцев в молчание, равно благоговейное и потрясенное. Как можно жить в таком столпотворении и такой грязи, когда вокруг ни поля, ни кустика? Видать, здешний народ какой-то особенный…

Движение на реке становилось все оживленнее, и вскоре пулвар пробирался сквозь лес мачт и парусов. Теперь он выглядел жалким корабликом, но Дити вдруг прониклась к нему любовью: в чужой и пугающей обстановке суденышко стало ковчегом покоя. Если раньше людям не терпелось дождаться конца путешествия, то сейчас они с возрастающим страхом прислушивались к командам сирдаров, готовивших высадку.

Женщины молча собрали пожитки и вышли

из своего закутка; Ратна, Чампа и Дукхани поспешили к мужьям, а Дити, ставшая добровольным опекуном одиночек, собрала вокруг себя Мунию, Сарджу и Хиру и велела ждать Калуа. Сирдары сообщили о нанятых лодках, которые возьмут по десять — двенадцать человек и перевезут в лагерь. Первыми вызвали женщин; вместе с мужьями они вышли на палубу и увидели шлюпку, ждавшую возле борта пулвара.

— Как же мы в нее заберемся? — спросила Сарджу, опасливо глядя вниз.

— Вот именно! — крикнула Муния. — Я не буду сигать с такой высоты!

— Нашла высоту! — раздался с лодки насмешливый голос. — Тут и ребенок спрыгнет. Ну, давайте, чего бояться-то…

Дити едва понимала говорок лодочника, быстрый как ртуть. Совсем еще парнишка, перевозчик был не в обычной повязке и рубахе, но в полотняных штанах и синей блузе, топорщившейся на его жилистом торсе. Из-под ухарски повязанной банданы выбивались порыжевшие от солнца густые темные волосы. Запрокинув голову, парень смеялся, и его нахальный яркий взгляд будто проникал под накидки.

— Экий щеголь! — шепнула Муния.

— Хватит его разглядывать! — урезонила Дити. — Как пить дать волокита и дамский угодник!

Лодочник смеялся и манил:

— Чего ждете-то? Ну же, прыгайте! Или вас сетью ловить? Как рыбешек?

Муния захихикала, и сама Дити, не сдержавшись, прыснула. Как ни крути, но в парне было что-то обаятельное — то ли яркие глаза, то ли озорная бесшабашность, то ли странный шрам на лбу, отчего казалось, будто у него три брови.

— Эй, ты! — крикнула Муния. — Вдруг уронишь? Чего тогда будет?

— Уж такую-то кроху я всегда поймаю, — подмигнул лодочник. — Ловил рыбок и покрупнее. Давай прыгай, сама увидишь…

Эк их понесло, подумала Дити. Положение старшей обязывало ее следить за приличиями, а потому досталось Калуа:

— Чего стоишь-то? Залезай в лодку и прими женщин. Или хочешь, чтобы этот распутник нас полапал?

Получив взбучку, Калуа вместе с другими мужчинами спрыгнул в лодку. Одна за другой женщины стали спускаться, и только Муния топталась, подгадывая, чтобы все мужчины, кроме

лодочника, были заняты. Наконец она прыгнула, парень ловко поймал ее за талию и осторожно опустил в лодку; случайно или умышленно, однако накидка Мунии соскользнула, и одно долгое мгновение между кокетливой улыбкой девушки и изголодавшимся взглядом лодочника не было никакой преграды.

Дити не собиралась попустительствовать нахалке:

— Муния! Ту кахе айсан кайл карала? Ты что себе позволяешь? Как не стыдно! Сейчас же прикройся!

Послушно занавесившись, Муния примостилась на лавку, но Дити заметила, что притворная скромница все еще переглядывается с парнем, и пихнула ее локтем в бок:

— Айсан мат кара! Как ты себя ведешь? Что люди подумают!

— Да я просто слушаю, чего он говорит, — проворчала Муния. — Нельзя, что ли?

И впрямь, лодочник безостановочно тараторил, тщча пальцем по сторонам:

— …слева опийные склады… славное местечко, чтоб забыться, а?. вот уж где бесконечное счастье…

Парень беспрестанно вертелся, переглядываясь

с Мунией. Дити воззвала к мужчинам:

— Это чего ж он буровит! Сколько еще терпеть всякие пакости? Не знаете, что делать? Покажите характер!..

Безрезультатно — мужчины тоже слушали, разинув рот; им еще не доводилось живьем видеть городского болтуна, и они зачарованно ему внимали, прекрасно понимая, что неуклюжие попытки осадить шельмеца вызовут шквал его насмешек.

Шлюпка свернула в канал, и лодочник показал на маячившие вдали мрачные стены:

— Тюрьма Алипор, самая жуткая темница в стране… Знали б вы, как там пытают и мучают!.. Ничего, скоро узнаете…

Напитанные разными слухами, переселенцы беспокойно переглянулись, и один спросил:

— А зачем нам туда?

— Вам не сказали, что ли? Велено доставить вас в тюрьму, — без запинки ответил парень. — Там из ваших мозгов вытянут воск для свечей.

Народ дружно ахнул, и лодочник снисходительно хмыкнул:

— Да нет, шучу… Нам не туда… Везу вас на погребальный причал… Вон, видите дым костров? Там вас живьем поджарят…

Новый ошалелый вздох еще больше его развеселил.

— Чего ржешь-то? — не вытерпел муж Чампы. — За дураков нас держишь? Смотри, врежу!

— Сиди уж, дубина деревенская! — расхохотался парень. — Веслом угощу, вмиг за борт брыкнешься!

Готовая разгореться драка не состоялась, ибо лодка причалила к поляне, усеянной пеньками и щепками от недавно срубленных деревьев. В центре ее полукругом стояли три больших крытых соломой сарая, а чуть в стороне виднелись колодец и скромненькая молельня, рядом с которой на шесте реял вымпел.

— Вылазьте, вам сюда, — сказал лодочник. — Новый загон, поспели возвести к прибытию баранов…

— Сюда? Ты че, шутишь?

— Сказано же…

Переселенцы застыли, не веря, что им уготован столь мирный уголок.

— Выгружайтесь! Только мне и дела, что с вами вожжаться!

Выбравшись из лодки, Дити подтолкнула вперед Мунию, но ее бдительная охрана не помешала парню полыхнуть улыбкой:

— Тетеньки, не злитесь! Я не хотел вас обидеть… Меня зовут Азад, ласкар Азад.

Муния охотно осталась бы на причале, но Дити постаралась ее отвлечь:

— Ты глянь — это наш последний привал перед Черной Водой…

Перед тем как устроиться на постой, она решила зайти в часовню и позвала с собой Калуа:

— Идем, благополучное прибытие требует молитвы.

Простенькая часовня, сложенная из бамбуковых жердей, успокаивала своей домашностью. Дити не терпелось зайти внутрь, но перед входом она увидела тучного длинноволосого мужика: обхватив себя руками и закрыв глаза, он выписывал круги, словно танцуя с незримой возлюбленной.

Услышав шаги, мужик замер и, вылупившись на незнакомцев, спросил на кошмарном хинди:

— Что такое? Кули? Уже приехали?

До чего же он странный, подумала Дити, разглядывая огромную лопоухую башку пучеглазого мужика. Казалось, он изумленно таращится на окружающий его мир. Было непонятно, сердит он или только удивлен, однако на всякий случай Дити спряталась за спину Калуа.

Оценив внушительные размеры великана,

мужик смягчился:

— Гирмиты?

— Джи, — кивнул Калуа.

— Когда прибыли?

— Только что. Мы первые.

— Так скоро? Мы ждали вас позже…

Забыв о молитве, мужик вдруг засуетился.

— Идемте, идемте! — возбужденно махал он. — Вам нужно в контору, отметиться. Идите за мной, я здешний приказчик и начальник лагеря.

С некоторой опаской Дити и Калуа последовали за ним к сараю. Остановившись на пороге, мужик крикнул:

— Дафти-саиб! Кули прибывают, их нужно немедленно регистрировать!

Ответа не последовало, и тогда он вошел внутрь, махнув спутникам — мол, за мной. Обстановку сарая составляли пара конторок и массивное кресло, в котором развалился брыластый англичанин. Тпрукая, он сладко похрапывал. После настойчивых окликов «Дафти-саиб! Сэр! Соблаговолите проснуться!» толстяк шевельнулся.

Полчаса назад мистер Дафти вышел из-за стола окружного судьи, где его потчевали роскошным обедом, обильно сдобренным элем и портером. Жара и хмель так крепко смежили его веки, что

левый глаз открылся лишь минуты через две после правого. Визит приказчика его ничуть не обрадовал: лоцман весьма неохотно согласился помочь в регистрации кули, однако не желал, чтобы его любезностью злоупотребляли.

— Разуй глаза, Бабуин! — рявкнул он. — Не видишь, я прилег отдохнуть?

— Что поделаешь, сэр! — вздохнул приказчик. — Сожалею, что нарушил ваш покой, но, увы… Кули хлынули потоком. Регистрацию следует начать безотлагательно.

Разглядев Калуа, лоцман с трудом приподнялся:

— Ничего себе громила!

— Да, сэр, настоящий гигант.

Бормоча под нос, лоцман нетвердо проковылял к конторке и раскрыл переплетенный в кожу гроссбух.

— Валяй, Пандер, — сказал он, обмакнув перо в чернильницу. — Порядок ты знаешь.

— Да, сэр. Сейчас все выясню. Как зовут женщину? — обратился приказчик к Калуа.

— Адити, малик, она моя жена.

— Как? — приложил руку к уху мистер Дафти. — Громче!

— Женщину зовут Адити, сэр.

— Адитти? — Перо лоцмана заскрипело по бумаге — Ну, Адитти так Адитти. По мне, совершенно дурацкое имя, но раз ей так хочется…

— Каста? — спросил приказчик.

— Чамары, малик, — ответил Калуа.

— Округ?

— Гхазипур, малик.

— Олух ты, Пандер! — вмешался мистер Дафти. — А как его-то имя?

— Виноват, сэр, исправлюсь… Как твое имя?

— Мадху.

— Как, Пандер? Что этот битюг сказал?

Повторяя имя, на последнем слоге Ноб Киссин поперхнулся:

— Мад… кх, сэр.

— Маддоу?

Приказчик не стал поправляться:

— Да, сэр, а что? Вполне сносное имя.

— Как зовут его отца?

Вопрос застал Калуа врасплох: он позаимствовал папашино имя, и теперь не придумал ничего лучше, как отдать родителю свое собственное:

— Его звали Калуа, малик.

Ответ удовлетворил приказчика, но не лоцмана:

— А как это пишется, пропади вы пропадом?

Приказчик поскреб голову.

— Если позволите, сэр, я бы предложил написать «ка», «о», «эл» — ну, словно «коала», понимаете? — а в конце «вер». Колвер. Вроде так будет неплохо.

— Молодца! — сказал лоцман и, прикусив кончик языка, принялся карябать в гроссбухе. — Так я его и записал: Маддоу Колвер.

Калуа прошептал свое новое имя, словно оно принадлежало другому человеку. Затем повторил его, но чуть увереннее, а когда оно слетело с его губ в третий раз, то было уже абсолютно своим, как его собственные глаза, кожа и волосы.

Позже династия Колверов, утверждавшая, что Маддоу Колвер был ее родоначальником, выдумает кучу историй, которые объяснят происхождение фамилии предка и многочисленность его потомков с именем Маддоу. Большинство Колверов предпочтет подправить свою родословную, придумав себе фантастически благородные истоки, но всегда будут и те, кто твердо держался истины: достопочтенные имя и фамилия возникли в результате косноязычия торопыги приказчика и тугоухости сильно подвыпившего английского лоцмана.

*

Лалбазар и Алипор оба считались острогами, но разнились как рынок и кладбище: одна тюрьма расположилась среди шума и толчеи оживленных калькуттских улиц, а другая, придавленная тишиной, словно крышкой гроба, удалилась на пустынную окраину. Похожий на крепость, Алипор был самым большим острогом в стране; его зубчатые стены, нависшие над узким каналом Толли, хорошо видели все, кто проплывал в сторону лагеря переселенцев. Мрачное сооружение никого не воодушевляло, а некоторые проезжавшие даже приплачивали лодочнику, чтобы заранее уведомил о его приближении.

Глубокой ночью в Лалбазар прибыла карета, дабы перевезти Нила в Алипор. Обычно дорога занимала около часа, однако нынче поехали кружным путем — тихими прибрежными закоулками, мимо форта Уильям. Сия мера была предпринята во избежание беспорядков, ибо ходили какие-то разговоры о публичном выражении сочувствия осужденному. Нил этого не ведал и потому долгую поездку воспринял как особую муку, в которой желание покончить с неопределенностью прошлого воевало со стремлением

бесконечно растянуть прощание с городом.

Конвой из полудюжины охранников коротал время за похабными шутками: мол, они — свадебный кортеж, доставляющий новобрачного в дом жениной родни. Судя по репликам, представление было отработано на других узниках и разыгрывалось уже много раз. Не обращая внимания на скабрезности, Нил смотрел в окошко, но в предрассветной тьме мало что видел и больше угадывал маршрут, представляя тихий плеск реки подле зелени парка Майдан.

Когда завиднелась тюрьма, карета покатила резвее, и Нил приказал себе сосредоточиться на тявканье шакалов и слабом запахе ночных цветов. Вскоре колеса застучали на мосту через ров, и пальцы раджи впились в растрескавшуюся кожу сиденья. Потом карета стала, дверца ее распахнулась; в темноте угадывалась группа людей. Точно собака, что, противясь поводау, всеми лапами упирается в землю, Нил вжался в набитое конским волосом сиденье, не поддаваясь тычкам и окрикам конвойных:

— Пшел! Эй ты! Женина родня заждалась!

Раджа хотел сказать, что еще не готов и просит минутку, но охрана не собиралась миндальничать. После мощного толчка одного конвоира

Нил вывалился из кареты, наступив на край своего дхоти. Покраснев от смущения, он хотел поправить одеяние.

— Стойте… видите, развязалось…

Покинув карету, Нил перешел на попечение других тюремщиков, являвших собой полную противоположность надзирателям Лалбазара. Облаченные в красные мундиры, эти твердолобые ветераны Ост-Индской компании, выходцы из глухих деревень, глубоко презирали всех городских. Больше от удивления, нежели злости, один из них двинул раджу коленом под зад.

— Шевелись, мудила… и так уж припоздились.

Не ожидавший подобных манер, Нил решил, что произошла какая-то ошибка.

— Прекратите! — возмутился он, придерживая дхоти. — Вы не смеете так со мной обращаться! Разве не знаете, кто я?

Руки, что его обшаривали, на секунду замерли, а потом сильно рванули повязку, отчего Нил юлой завертелся вслед за дхоти.

— Ну прям тебе Драупади, — сказал чей-то голос. — Цепляется за свое сари…

Еще чьи-то руки разодрали на радже курту, открыв исподнее.

— Не, скорее уж Шикхандин…[51]

От удара в спину древком копья Нил влетел в темный вестибюль; концы его дхоти волочились следом, точно поблекший хвост мертвого павлина. В конце вестибюля виднелась освещенная факелом комната, где за столом сидел белый человек. Он был в форме старшего надзирателя и явно не в духе от долгого ожидания.

Нил обрадовался возможности поговорить с начальством:

— Сэр, я заявляю протест! Ваши подчиненные не имеют права меня бить и срывать одежду!

В голубых глазах надзирателя вспыхнуло изумление, словно к нему обратились висевшие на стене кандалы, но поразило его не бесчинство конвоиров, а то, что осужденный туземец заговорил на его родном языке. Не ответив, на грубом хиндустани он приказал конвойным:

— Мух кхол. Откройте ему рот.

Охранники схватили Нила за голову и сноровисто впихнули ему в рот деревянную распорку. Тюремный лекарь в белом чапкане стал пересчитывать зубы раджи, в каждый тыча пальцем; от рук его так воняло горчичным маслом и чече-

---

[51] Примечания: 51

Шикхандин — персонаж индийского эпоса, девушка, превращенная в юношу.

вицей, словно часть лекарского обеда осталась под ногтями. Нащупав прогал между зубами, палец больно колупнул десну, будто желая удостовериться, что там не спрятан отсутствующий зуб. Кольнувшая боль напомнила день, когда Нил лишился зуба: бог знает, как давно это было, но перед мысленным взором четко возникли залитая солнцем веранда и мать на качелях… он, маленький, бежит к ней и врезается в острый край сиденья… слышен ласковый голос матери, которая осторожно вынимает из его рта осколок зуба…

— Зачем это, сэр? — опять возмутился Нил, едва избавившись от распорки. — Для чего?

Надзиратель даже не поднял головы от журнала, в который заносил результаты осмотра, но лекарь шепнул что-то насчет особых примет и следов заразных болезней. Однако Нил не желал мириться с тем, что его игнорируют:

— Прошу объяснить, сэр, почему вы не ответили на мой вопрос.

Не глядя на раджу, надзиратель снова приказал на хиндустани:

— Капра утаро. Разденьте его.

Конвоиры весьма понаторели в раздевают заключенных, многие из которых предпочли бы

умереть, нежели выставлять напоказ срам, а потому жалкое сопротивление Нила не помешало им сорвать с него остатки одежды, связать ему руки и представить его наготу изучающему взгляду начальника. Почувствовав прикосновение к своим ступням, Нил опустил взгляд и увидел лекаря, который их погладил, словно извиняясь за то, что собирается сделать. Это внезапное проявление человечности было весьма недолгим, ибо лекарские пальцы тотчас зашарили в его паху.

— Гниды? Мандавошки?

— Нет, саиб.

— Родимые пятна? Увечья?

— Никак нет.

Нил не ведал, что прикосновение одного человека к другому может быть таким безучастным: никакой злости, нежности или похоти — его равнодушно ощупывали, словно покупку или трофей. Казалось, тело его перешло к другому владельцу, и тот, словно хозяин недавно купленного дома, проводит инвентаризацию, прикидывая, что подремонтировать и где поставить мебель.

— Сифилис? Гонорея?

Впервые за все время надзиратель заговорил по-английски, но во взгляде его не было даже намека на улыбку, одна только издевка; Нил,

растопырившийся перед лекарем, который выискивал родинки и другие особые приметы, тотчас ее уловил.

— Почему вы не удостаиваете меня ответом, сэр? — спросил он. — Не уверены в своем английском?

Глаза тюремщика полыхнули бешенством от вопиющей наглости заключенного-индуса, посмевшего осквернить его родной язык. Вот тогда-то Нил понял, что даже раздетый донага и лишенный защиты от шарящих по его телу рук, он может противостоять тому, чья власть над ним безраздельна. Головокружительное открытие наполнило его ликованием: отныне он будет говорить по-английски, когда и где только возможно. Но от жгучего желания испытать свою новую силу все слова забылись, в голове мелькали только обрывки заученных текстов:

— …Вот так всегда. Как это глупо! Когда мы сами портим и коверкаем себе жизнь, обожравшись благополучием, мы приписываем наши несчастья солнцу, луне и звездам…[52]

— Ганд декхо! Очко проверьте! — зло скомандовал надзиратель.

---

[52] Примечания: 52

Текст Эдмонда из второй сцены первого акта «Короля Лира» У. Шекспира (перевод Б. Пастернака).

Нила согнули пополам, но он продолжил, высунув голову меж раздвинутых ног:

— …гордый человек, что облечен минутным, кратковременным величьем… не помнит, что хрупок, как стекло, — он перед небом кривляется, как злая обезьяна…[53]

Эхо его голоса билось о каменные стены. Нил выпрямился, и надзиратель наотмашь ударил по лицу.

— Заткнись, дерьма кусок!

В былые времена прилилось бы мыться и сменить одежду, краем сознания отметил Нил. Сейчас это уже не имело значения, главное — тюремщик заговорил по-английски.

— Счастливо оставаться, сэр,[54] — поклонившись, пробормотал раджа.

— Уберите с глаз моих этого засранца!

В соседней комнате Нил получил связанную в узелок одежду. Охранник перечислил выданные предметы:

---

[53] Примечания: 53

Текст Изабеллы из второй сцены второго акта «Меры за меру» У. Шекспира (перевод Т. Щепкиной-Куперник).

[54] Примечания: 54

В оригинале английское присловье «Good day to you, sir». Существует легенда: некий Роджер Телленфилд шел с приятелем, который сказал: «Сегодня у меня замечательный день». День Роджера прошел скверно; он достал пистолет и со словами «Счастливо оставаться, сэр» застрелился. С тех пор фраза стала расхожим прощанием.

— Верхняя рубаха, две нижних, пара дхоти, одно одеяло. Береги, все это на полгода.

Нестираная одежда была из грубой ткани, похожей на мешковину. Дхоти оказались вдвое уже и короче тех полотнищ в шесть ярдов, к которым привык Нил, и явно предполагались как исподнее. Глядя на неумелые попытки раджи справиться с повязкой, охранник рявкнул:

— Чего рассусоливаешь? Прикрой срам-то!

Кровь бросилась Нилу в голову, он выставил естество и с развязностью сумасшедшего крикнул:

— А что? Ты уже насмотрелся?

Взгляд охранника смягчился:

— Совсем стыд потерял?

Нил кивнул, будто хотел сказать: верно, отныне он не ведает стыда и не отвечает за свое тело, перешедшее во владение тюрьмы.

— Пошевеливайся!

Терпение охранников лопнуло; один вырвал повязку из рук Нила и показал, как закрепить ее на пояснице, пропустив между ног. Затем конвоиры вытолкали раджу в сумрачный коридор и, подгоняя тычками пик, привели в яркую от свечей и масляных плошек каморку, где на испятнанной тушью циновке восседал седобородый

человек. Его обнаженный торс испещряли замысловатые татуировки, а на разложенной тряпице поблескивали иглы. Сообразив, что перед ним татуировщик, Нил дернулся к выходу, но привычные охранники вмиг скрутили и повалили раджу на циновку, уложив его голову на колени старику.

Добрые старческие глаза сподобили Нила на вопрос.

— Зачем вы это делаете? — выговорил он, глядя на приближавшуюся к его лбу иголку.

— Так положено, — негромко ответил татуировщик. — Всех ссыльных метят, чтоб не вздумали бежать.

Когда игла ужалила, стало невозможно думать о чем-то ином, кроме волнами расходившейся боли; казалось, тело мстит за иллюзию освобождения от него и так напоминает, кто его единовластный хозяин.

Будто сжалившись, татуировщик прошептал:

— Ну-ка, пожуйте… — Рука его втолкнула в рот Нила вязкий кругляш. — Это поможет, съешьте…

Размякший во рту опий притуплял не боль, но ощущение времени: вся мучительная процедура сжалась до коротких минут. Будто сквозь густой зимний туман донесся шепот татуировщика:

— Раджа-саиб… раджа-саиб…

Нил открыл глаза: он все еще лежал на коленях старика, стража кемарила в углу камеры.

— Что такое? — шевельнулся раджа.

— Не волнуйтесь, я разбавил тушь водой, — прошептал татуировщик. — Через два-три месяца метка исчезнет.

Одурманенный Нил плохо соображал.

— Зачем вам это?

— Вы меня не узнаете, раджа-саиб?

— Нет.

Татуировщик склонился к его уху:

— Моя семья из Расхали. Мы получили землю от вашего деда, уже три поколения нашего рода живут вашей милостью.

Он подал Нилу зеркало:

— Простите за то, что мне пришлось сделать, раджа-саиб…

В зеркале Нил увидел, что волосы его коротко острижены, а на правом виске появились две строчки кривыми латинскими буквами:

подложник
алипор 1838

13

В комнате Захария было не повернуться, а гамак, сплетенный из кусачей кокосовой мочалки, приходилось выстилать одеждой. Укладываясь спать, Захарий почти упирался ногами в окно — давно лишенную ставен квадратную дыру, выходившую в проулок с чередой питейных, борделей и меблирашек; улочка заканчивалась верфью, где нынче кренговали, шпаклевали и латали «Ибис». Мистер Бернэм был не слишком доволен выбором помощника: «Самое безбожное на свете место, не считая окраин Бостона! Зачем соваться в этот гадюшник, когда в миссии преподобного Джонсона есть простой и удобный Дом моряка?»

Захарий покорно отправился в миссию, но, увидев там мистера Кроула, уже снявшего комнату, решил остаться в своей меблирашке — дескать, от нее до верфи всего две минуты ходу. Неизвестно, поверил ли мистер Бернэм этой мотивировке, ибо с недавних пор Захарию казалось, что за ним установлена слежка. Однажды в неурочный час в дверь постучали, и на пороге возник хозяйский приказчик. Толстяк весь извертелся, пытаясь

заглянуть в комнату. На вопрос, зачем явился, он рассыпался в уверениях: мол, всего лишь принес гостинец, коим оказался горшочек с растаявшим маслом; чувствуя подвох, Захарий от подарка отказался. Затем хозяин-армянин уведомил его, что приказчик интересовался, не водит ли жилец проституток, которых почему-то именовал «пастушками». Видали? После встречи с Полетт Захарию претила мысль о продажной любви, и приказчик вынюхивал зазря, но, как оказалось, на этом не успокоился. Через пару дней Захарий увидел его в окно: облаченный в совершенно дикое оранжевое платье, в котором выглядел злым духом сумасшедшей, толстяк крался по проулку.

Вот почему однажды ночью Захарий, разбуженный тихим, но упорным стуком в дверь, рявкнул:

— Опять вы, Пандер?

Никто не ответил, и он сонно поплелся к двери, поправляя набедренную повязку, которую привык надевать на ночь. Пару штук лунги Захарий купил у лоточника и одним завешивал окно — чтоб не шныряли вороны и не летела пыль с немощеного проулка. Однако тряпичная преграда не заглушала шум, доносившийся с ночных улиц, когда матросы и грузчики искали насла-

ждений в окрестных притонах. По громкости криков Захарий определял время: к полуночи гвалт достигал пика и сникал на рассвете. Сейчас он был ни то ни се, а стало быть, до утренней зари оставалось еще часа два-три. Стук не прекращался.

— Ну гляди, Пандер! — прорычал Захарий. — Если опять попусту, скажешь «кис-кис» моему шкворню! — Отомкнув щеколду, он распахнул дверь, но в темном коридоре гость был не виден. — Кто здесь?

В ответ прошептали:

— Юнга Джоду, сэр.

— Индус Отсос! — Опешивший Захарий впустил визитера в комнату. — Какого черта шлендаешь по ночам? — И тут его осенило: — Постой-ка… Боцман Али прислал, да? Иди скажи этому своднику, что мой елдак кормежки не требует!

— Стоп, сэр! Суши весла! Серанг Али не посылать.

— Тогда чего тебе?

— Вестовой прибыть, сэр, — поманил за собой Джоду. — Лево на борт!

— Куда еще? — раздраженно спросил Захарий, но вместо ответа юнга подал ему рубаху, висевшую на стене.

Захарий потянулся за штанами, однако Джоду помотал головой — дескать, повязка вполне сойдет.

— С якоря сниматься, сэр! Полный вперед!

Захарий сунул ноги в башмаки и последовал за гонцом.

Проулком они быстро зашагали к реке, минуя питейные и бардаки, многие из которых еще были открыты. Вскоре улица осталась позади, и они вышли к безлюдному пятачку у воды, где стояли лодки. Захарий сел в указанную Джоду шлюпку, и парень оттолкнул ее от берега.

— Постой! — недоумевал Захарий. — Куда везешь?

— Вперед поглядывай!

Вдруг послышался звук, похожий на чирканье кресала. Резко обернувшись, Захарий увидел искры, вылетавшие из-под соломенного навеса на корме лодки. Вот они опять вспыхнули, на миг высветив женскую фигуру в сари.

Утвердившись в своих подозрениях, Захарий разозлился:

— Ну так я и знал! Умыкнул бабешку? Слушай, если мне захочется полакомить свой болт, я сам отыщу дорогу к лохматке. Без мудаков провожатых!..

Его перебил женский голос:

— Мистер Рейд…

Захарий вгляделся в темноту, и голос вновь произнес:

— Это я, мистер Рейд.

Опять чиркнуло кресало, и теперь Захарий успел разглядеть женщину в сари.

— Мисс Ламбер! — Он прихлопнул ладонью рот. — Ради бога простите! Я вас не узнал…

— Это мне нужно просить прощенья за свою навязчивость, мистер Рейд.

Захарий взял у нее кресало и запалил свечку. Прикрывая ладонью слабый огонек, он спросил:

— Позвольте узнать, почему вы… э-э…

— В сари? — подсказала Полетт. — Наверное, вы сочтете мой наряд маскировкой, но мне он гораздо привычнее того, в каком я была прежде.

— Дерзну спросить, что вас сюда привело.

Полетт замешкалась с ответом, словно подыскивая слова.

— Помните, вы сказали, что будете рады помочь, случись нужда?

— Конечно… однако… — Захарий сам понял, что юлит.

— Значит, вы просто так сказали?

— Разумеется, нет. Но я должен знать, что слу-

чилось.

— Я надеялась, вы пособите мне уехать, мистер Рейд.

— Куда? — встревожился Захарий.

— На Маврикий.

— Вот как? Отчего же не попросите мистера Бернэма? В этом только он поможет.

— Увы, это не годится, мистер Рейд. — Полетт кашлянула. — Как видите, я больше не пользуюсь его покровительством.

— Можно узнать почему?

— Вам вправду необходимо знать? — чуть слышно проговорила Полетт.

— Конечно, если вы ждете моей помощи.

— Предмет малоприятен.

— Ничего, мисс Ламбер, меня непросто смутить.

— Коль настаиваете, я расскажу. — Собираясь с духом, Полетт помолчала. — Помните, в тот вечер мы перемолвились о покаянии и наказании…

— Да, помню.

— Когда я переехала в Вефиль, я понятия не имела о таких вещах, поскольку была несведуща в Писании и вопросах веры. Видите ли, мой отец питал отвращение к церковникам, что вполне обычно для человека той эпохи…

— Нынче тоже встречаешь неприязнь к попам и всяким святошам, — усмехнулся Захарий. — Думаю, она еще поживет, мисс Ламбер.

— Вот вы смеетесь, мистер Рейд, — вздохнула Полетт, — но отец бы этому порадовался — так велика была его нелюбовь к бондьёсери… ханжеству. Но, как вам известно, для мистера Бернэма религия — не тема для шуток. Он был потрясьон глубиной моего невежества и счел необходимым лично меня наставлять, невзирая на более насущные заботы. Представляете, как меня это взволновало? Разве могла я отказаться от столь щедрого предложения своего благодетеля и заступника? Однако я не желала лицемерить и притворяться верующей в то, во что не верила. Известно ли вам, что существуют религии, в которых лицемерие карается смертью?

— Даже так?

— Именно, — кивнула Полетт. — Вообразите, как я дискутэ с собой, прежде чем решила, что в уроках Покаяния и Молитвы, как называл их мистер Бернэм, нет ничего предосудительного. Наши занятия проходили в его кабинете, где он хранил Библию; обычно после ужина, когда дом затихал, а миссис Бернэм со своей драгоценной опийной настойкой удалялась в спальню. К тому

времени слуги, коих великое множество, тоже разбредались по своим каморкам, так что в доме никто не шастал. Мистер Бернэм не зря отмечал, что это лучшее время для размышлений и покаяния, а потому настроение наших уроков было глубоко серьезно. Мистер Бернэм задергивал оконную штору и запирал дверь, чтобы, как он говорил, ничто не мешало трудам над праведностью. Кабинет тонул во мраке, ибо горел только канделябр на пюпитре, где лежала раскрытая Библия. Глава для прочтения уже была отмечена шелковой закладкой, и я присаживалась на низенькую скамеечку. Мистер Бернэм вставал за пюпитр и приступал к чтению. Ах, какое он являл собой зрелище, мистер Рейд! В глазах отражаются огоньки свечей! Борода сверкает, точно вот-вот вспыхнет, как неопалимая купина! Будь вы там, вы бы тоже замерли от восторга.

— Вряд ли, мисс, — хмыкнул Захарий. — Однако продолжайте.

Полетт отвернулась и посмотрела на уже видневшийся дальний берег, залитый лунным светом.

— Как же вам объяснить, мистер Рейд? Казалось, он сошел с картины, где изображены старцы Святой земли! Когда он читал, голос его

был подобен водопаду, нарушающему тишину великой равнины. А какие главы он выбирал! Его взглядом небеса пронзали меня, точно фарисея на поле брани. Я закрывала глаза, но веки мои обжигали слова: «Посему, как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего; пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие…»[55] Вы их слышали, мистер Рейд?

— Кажется, да, только не спрашивайте главу и стих.

— Меня они сильно впечатлили. Я вся дрожала, мистер Рейд! Тряслась, будто в лихорадке. Неудивительно, что отец пренебрег моим религиозным образованием. Он был робкий человек и терзался бы этими словами. — Полетт поправила накидку. — Так шел урок за уроком, а потом мы добрались до «Послания к Евреям»: «Если вы терпите наказание, Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же вы останетесь без наказания, которое всем обще, то вы — незаконные дети, а не сыны». Вам эти строки знакомы, мистер Рейд?

---

[55] Примечания: 55
От Матфея 13:40–41.

— Боюсь, нет, мисс Ламбер. Вообще-то я редко захаживал в церковь.

— Я тоже раньше их не слышала, но для мистера Бернэма они были полны смысла, о чем он меня уведомил перед началом урока. Когда он завершал чтение, я поняла, что он чрезвычайно взволнован: голос его прерывался, руки дрожали. Потом мистер Бернэм подсел ко мне и проникновенно спросил, претерпевала ли я наказание. Вопрос поверг меня в глубочайшее смятение, ибо теперь я понимала: если никто меня не наказывал, значит, я ублюдок. Что я могла ответить, мистер Рейд, если ни разу в жизни отец не поднял на меня руку? Сгорая от стыда, я призналась, что не изведала наказания, и тогда мистер Бернэм спросил, не угодно ли мне получить урок подлинной епитимьи. Вообразите мой страх принять наказание от большого и сильного мужчины! Однако я собрала остатки храбрости и сказала, что готова к каре. И вот тут меня ждал сюрприз, мистер Рейд: наказание предназначалось вовсе не мне…

— Но кому же? — не вытерпел Захарий.

— Ему самому.

— Мать честная! Неужто мистер Бернэм возжелал тумаков?

— Да, — кивнула Полетт. — Оказалось, именно он хотел претерпеть наказание, а мне отводилась роль его орудия. Вообразите мою растерянность, мистер Рейд! Если твой благодетель просит стать орудием наказания, как ему отказать? Стало быть, я согласилась, и тогда мистер Бернэм принял весьма странную позу: он встал на четвереньки и взял в пригоршню мои ступни, склонившись к ним, точно конь на водопое. Затем он велел хорошенько размахнуться и ударить его по… фес…

— По физиономии? Полноте, мисс Ламбер! Вы шутите!

— Нет, не по лицу… Как бы назвали нижнюю часть тела… ту, что сзади?..

— Корма? Гакаборт? Ют?

— Ну да. Он поднял свой, как вы сказали, ют и пожелал, чтобы именно туда была нацелена кара. Вообразите мое отчаяние, мистер Рейд: я должна атаковать благодетеля, который не принимает никаких отговорок! Иначе, сказал он, мы не продвинемся в моем духовном развитии. «Бей! — возопил мистер Бернэм. — Врежь мне!» Что оставалось делать, мистер Рейд? Я представила, что там сидит комар, и пришлепнула его. Оказалось, этого мало. Мистер Бернэм замычал и неразборчиво, ибо запихнул в рот носок моей

туфли, просипел: «Крепче! Крепче! Вмажь со всей силы!» Так оно и продолжалось: сколько я ни шлепала, он просил бить сильнее, хотя явно испытывал боль — моя туфля уже была вся искусана и обслюнявлена. Наконец мистер Бернэм поднялся, и я приготовилась к возмущенным упрекам. Но нет! Никогда еще я не видела его таким довольным! Он ущипнул меня за подбородок и сказал: «Умничка! Хорошо справилась с уроком. Только помни: если разболтаешь, все будет испорчено. Никому ни слова!» Предупреждать было излишне — я и помыслить не могла, чтобы о таком рассказать!

— Ничего себе! — присвистнул Захарий. — И что, все это повторялось?

— О да, многажды. Все наши уроки начинались с чтения, а заканчивались этим. Поверьте, я изо всех сил старалась продвинуться в своем духовном совершенствовании, но, похоже, рука моя не обладала достаточной силой. Я понимала, что обманываю надежды благодетеля. Однажды он сказал: «Как ни жаль, дорогая, но твоя рука не совсем то, что требуется для наказания. Может быть, сменим орудие? Я знаю одну вещицу…»

— Что еще он выдумал? — вскинулся Захарий.

— Вы когда-нибудь видели… — Полетт замешка-

лась, подыскивая слово. — Индийские золотари используют особую метлу из жилок пальмовых листьев. Такая метла называется «джата» или «джару» и на взмахе свистит, точно хлыст…

— Он захотел порку метлой? — разинул рот Захарий.

— Не просто метлой, а золотарной метлой, мистер Рейд! — воскликнула Полетт. — Я говорю: а вы знаете, сэр, что этими метлами скоблят нужники и они считаются ужасно нечистыми? Он ничуть не испугался и отвечает: что ж, превосходное орудие унижения, которое напомнит о природе падшего человека, греховности и порочности нашей плоти.

— Видно, какой-то новый способ ублажения.

— Вы не представляете, мистер Рейд, каких трудов стоило раздобыть эту штуковину. На базаре ее не купишь. Оказалось, золотари сами делают эти метлы, и просить их одолжить одну равносильно тому, как если б пациент попросил у врача скальпель. А мой разговор с золотарем, который слушала челядь, обсуждавшая, зачем мне понадобилась метла! Я мечу в золотари, что ли? Хочу отбить у них хлеб? Короче говоря, на прошлой неделе я все же раздобыла эту джару и принесла ее в кабинет мистера Бернэма.

— Травите помалу, мисс Ламбер.

— Ох, мистер Рейд, видели бы вы, с какой радостью, с каким нетерпением встретил он орудие грядущего наказания! Было это днями, и потому я запомнила отрывок, приготовленный для чтения. «И предали заклятию все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечем».[56] Мистер Бернэм всучил мне метлу и сказал: «Я — город, а это твой меч. Бей меня, порази меня, опали своим огнем». Как обычно, он ткнулся мне в ноги и задрал свой ют. Как он извивался и вопил, когда я охаживала его по тылам! Вы бы решили, он претерпевает смертную муку, да и сама я испугалась, что изувечила его, но стоило мне спросить — может, хватит? — как он заверещал: «Нет, нет, нет! Сильнее!» Тогда я хорошенько размахнулась и что есть силы (она таки имеется) огрела его метлой, и вот тогда он застонал и обмяк. Ужас! Я думала, произошло самое страшное — я его убила. Я прошептала: «Бедный мистер Бернэм!.. Что с вами?» Знали бы вы, как мне полегчало, когда он шевельнулся и дернул головой! Однако он не вставал, но распластался на полу, а затем

---

[56] Примечания: 56
Иисус Навин 6:21.

пополз к двери, точно какой-нибудь червяк. «Вам больно, мистер Бернэм? — спрашивала я, следуя за ним. — Может, у вас сломана спина? Почему вы лежите? Отчего не встаете?» В ответ он простонал: «Все хорошо, не тревожься, ступай перечти отрывок». Я привыкла ему подчиняться, но едва я отвернулась, как он проворно вскочил на ноги, отомкнул дверь и выбежал из кабинета. Я направилась к пюпитру, но вдруг на полу увидела странную отметину — словно какая-то мокрая тварь проползла по паркету. Я решила, что в комнату заползла многоножка или змея, такое здесь случается. К своему стыду, мистер Рейд, я завопила…

Полетт сбилась и помолчала, теребя в руках подол сари.

— Понимаю, что роняю себя в ваших глазах… Ведь змеи такие же наши братья меньшие, как цветок или кошка, чего их бояться? Отец часто о том говорил, но я так и не смогла заставить себя полюбить этих тварей. Надеюсь, вы не станете меня осуждать?

— О нет, я с вами солидарен, мисс Ламбер, — поежился Захарий. — С ползучими гадами лучше не якшаться.

— Значит, вы не удивитесь, что я вопила, пока

не прибежал слуга. «Сап! Сап! — орала я. — В дом заползла змея! Выгони ее!» Слуга нагнулся к пятну, а потом сказал нечто странное… Вы не поверите, мистер Рейд…

— Валяйте, мисс, ошарашьте меня.

— Он сказал: это след не змеи, но змея, что обитает в человеке. Я поняла это как библейскую цитату и ответила «аминь». Еще подумала, не добавить ли «аллилуйя», но старик слуга рассмеялся и ушел. А я, мистер Рейд, все никак не понимала. Я провела бессонную ночь, и только на рассвете до меня дошло. Разумеется, после этого я уже не могла оставаться в доме и через одного лодочника послала весточку Джоду. Но в Калькутте от мистера Бернэма не скрыться, он меня разыщет, это лишь вопрос времени, и, поди знай, что тогда будет. Мне надо бежать из страны, мистер Рейд, и я знаю куда.

— Куда же?

— На Маврикий! Вот куда мне нужно.

*

Работая веслами, Джоду внимательно слушал, из чего было ясно, что он впервые узнал об истории с мистером Бернэмом. Словно в подтверждение этому, он вдруг бросил грести, горячо

залопотав на монотонном бенгали.

Лодку сносило течением, и Захарий, кинув взгляд на берег, заметил мерцавшую под луной зеленую крышу беседки — они поравнялись с усадьбой Бернэма, издали казавшейся темным силуэтом корабля. Вдруг вспомнился званый ужин, когда Полетт даже в строгом черном платье выглядела свежо и невинно, а голова Захария кружилась от ее нежного голоса и мысли, что эту самую девушку, в которой странно сочетались светскость и простодушие, он застал в объятьях молодого ласкара, ее молочного брата. Уже тогда улыбка ее была печальна, и теперь, раздумывая над причиной ее грусти, Захарий вспомнил рассказ матери о том, как хозяин, ставший его отцом, приказал ей явиться в лесную хижину, где он забавлялся с рабынями. Ей было четырнадцать, рассказывала мать, ее била дрожь и ноги не слушались, даже когда старый мистер Рейд прикрикнул, чтобы она не распускала нюни и скоренько забиралась в койку.

Вопрос о том, был мистер Бернэм лучше или хуже того человека, что произвел его на свет, казался бессмысленным, ибо Захарий принимал как должное, что власть толкает людей на необъяснимые поступки, будь то капитан, торгаш или

просто рабовладелец, как его папаша. А потому причуды богачей могли быть как злыми, так и добрыми: ведь что-то нахлынуло на старого мистера Рейда, и он даровал матушке вольную, позволив Захарию родиться свободным. Мистер Бернэм тоже сделал ему немало добра, и осудить его не так-то просто. Хоть история Полетт никоим образом не походила на матушкину, от которой до сих пор переворачивало нутро, сердце Захария сжималось не только от сочувствия, но и желания защитить девушку.

— Поверьте, мисс Ламбер, — выпалил он, врезаясь в перебранку Полетт и Джоду, — если б у меня были средства содержать семью, я бы тотчас сделал вам…

Полетт не дала ему договорить.

— Вы слишком льстите себе, если вообразили, что я ищу мужа, мистер Рейд, — гордо сказала она. — Я не потерявшийся котенок, которого надо пристроить в хорошие руки. На мой взгляд, нет более презренного союза, чем брак из жалости!

— Я не хотел вас обидеть, мисс Ламбер, — прикусил губу Захарий. — Поверьте, мной руководит вовсе не жалость.

Полетт распрямила плечи и тряхнула головой, сбросив накидку.

— Вы заблуждаетесь, полагая, что я ищу вашей защиты, мистер Рейд… Если Вефиль чему-то меня научил, то лишь тому, что мужская доброта потом всегда предъявляет мандаты…

— Полноте, мисс Ламбер! — опешил Захарий. — Ничего такого я не говорил! В присутствии дамы я слежу за выражениями.

— Дамы? — фыркнула Полетт. — Разве даме делают такие предложения? Скорее уж девице, что сидит в витрине.

— Что-то вас не туда понесло, мисс Ламбер. И в мыслях не было! — От обиды Захарий покраснел. Чтобы успокоиться, он сел за весла. — Так зачем вы хотели меня видеть?

— Я пригласила вас, чтобы узнать, соответствуете ли вы своему благоприобретенному имени Зикри.

— Я вас не понимаю, мисс.

— Позвольте напомнить: не так давно вы сказали, что в случае нужды я всегда могу обратиться к вам. И теперь я желаю знать, было ли это пустозвонством или вы тот, кто отвечает за свой пароль.

— Вы снова ошиблись, мисс, — не сдержал ухмылки Захарий. — В тайных обществах не состою.

— За свое слово, — исправилась Полетт. — Я хочу знать, человек ли вы слова. Ну же, ответьте. Вы верны своему слову или нет?

— Все зависит от того, в силах ли я исполнить ваше желание, — осторожно сказал Захарий.

— В силах, — отрезала Полетт. — Это вполне определенно, иначе я бы не просила.

Подозрения Захария крепли.

— И что за просьба?

Глядя ему в глаза, Полетт улыбнулась:

— Я хочу поступить в команду «Ибиса», мистер Рейд.

Захарий решил, что ослышался:

— Что?!

На секунду он отвлекся, и течение вырвало у него весла; река бы тотчас их умыкнула, если б не бдительность Джоду, успевшего схватить одно весло и зацепить им другое. Перегнувшись через планшир за вторым веслом, Захарий обменялся с юнгой взглядами, и Джоду помотал головой — дескать, я знаю, чего она хочет, но об этом и речи быть не может. Объединенные сговором, они сели плечо к плечу и стали грести вдвоем; вместо ласкара и малума возник мужской союз, готовый противостоять решительному и коварному неприятелю.

— Да, такова моя просьба: стать матросом вашей команды, — не унималась Полетт. — Волосы приберу, надену матросское платье… Я сильная… работать смогу…

Лодка двигалась против течения, оставляя за кормой усадьбу Бернэма. Захарий налегал на весла, и жесткая рукоятка вкупе с потным плечом напарника придавали ему уверенности, напоминая о неизбежной людской скученности в грубой корабельной жизни, где матросы, беззастенчивые, точно животные, говорят и делают то, что в иной ситуации вызвало бы жгучий стыд. Матросский кубрик являл собой сгусток всего грязного, мерзкого и похабного, что есть в мужчине, и миру не надо чуять его трюмной вони.

— Никто, кроме вас и Джоду, ничего не узнает, — наседала Полетт. — Вопрос лишь в том, сдержите вы слово или нет, мистер Рейд.

Оттягивать с ответом уже было нельзя, и Захарий покачал головой:

— Забудьте об этом, мисс Ламбер. Ничего не выйдет.

— Почему? — взвилась Полетт. — Объясните!

— Потому что невозможно. Рассудите: вы не просто женщина, но белая женщина. Команда укомплектована ласкарами, и только офицеры,

как здесь говорят, «европейцы». Таких лишь трое: капитан и два его помощника. С мистером Чиллингуортом вы знакомы, а первый помощник, смею сказать, подлец и дуболом, каких свет не видел. Будь вы мужчиной, и то не пожелали бы разделить их общество, но в любом случае все белые вакансии заняты. Места для еще одного господина нет.

— Ох, вы меня не поняли, мистер Рейд! — рассмеялась Полетт. — Я не претендую на офицерскую должность. Я хочу стать матросом, как Джоду.

— Мать твою за ногу! — поперхнулся Захарий, вновь ослабив хватку, отчего весло зарылось в воду и рукоятью крепко долбануло его под дых.

Пока он приходил в себя, Джоду пытался удерживать лодку, но течением ее опять стащило к усадьбе Бернэма. Полетт сидела на корме, а потому не видела своего бывшего пристанища, как не замечала страданий гребцов.

— Если б только вы согласились помочь, все бы легко сладилось, — тараторила она. — Джоду вам подтвердит: с малолетства я умею делать все, что умеет он. По деревьям лазаю не хуже его, бегаю и плаваю лучше, а гребу почти так же хорошо. Кроме того, я тоже свободно говорю на бенгали

и хиндустани. Что из того, что он смуглый? И я не настолько бледна, чтобы не сойти за индуса. Поверьте, нас часто принимали за братьев — стоило мне сменить фартук на повязку да накрутить полотенце на голову. И вот так мы слонялись повсюду — на реке и городских улицах, спросите его, он не даст соврать! Если он может быть ласкаром, то я уж и подавно. Притемню краской веки, надену чалму и повязку — никто меня не распознает. А работать стану под палубой, чтоб реже попадаться на глаза.

Представив ее в набедренной повязке и чалме, Захарий потряс головой, отгоняя противный, неестественный образ.

Даже девушку в сари было трудно примирить с той Полетт, какую он впервые увидел на «Ибисе» и которая потом заполняла его мечты: нежное личико в обрамлении капора, пена кружев на груди. С такой Полетт он мысленно вел беседы и выходил на прогулку, не желая ничего иного. Но вообразить, что она в бандане и саронге босиком карабкается по выбленкам, лопает из миски рис и расхаживает по палубе, изрытая чесночный запах, было равносильно тому, чтобы влюбиться в ласкара или назвать своей милой обезьяну.

— Мисс Ламбер, ваша идея — всего лишь дым-

сель[57] и никогда не поймает ветер. Во-первых, ласкаров набирают не офицеры, а боцман, который получает их от вербовщика. Насколько я знаю, все вербовщики доводятся нашему Али двоюродными братьями, дядьями и черт знает кем еще. Я не вмешиваюсь — только он решает, кого брать.

— Но взял же он Джоду!

— Тогда сыграло не мое слово, но авария с лодкой.

— Если Джоду замолвит за меня словечко, боцман меня возьмет, правда?

— Возможно. — Захарий глянул на Джоду, которого перекосило от злости: парень явно с ним заодно, так что пусть сам скажет. — А что он-то об этом думает?

Джоду странно зашипел и разразился сбивчивыми выкриками, не оставлявшими сомнений в его позиции:

— Стоп!.. Как она жить в куче мужиков?.. Багор от боканца не отличить… брамсель от марселя…

Завершили тираду риторический вопрос и презрительный плевок за борт:

— Баба-ласкар?.. Брать глубину!

---

[57] Примечания: 57

Дымсель — парусиновый щит, который ставили перед камбузной трубой, чтобы дым не разносило на палубу.

— Не обращайте внимания на этого сопляка! — вмешалась Полетт. — Он балаболит, потому что завидует и не желает признать, что из меня матрос выйдет не хуже. Ему нравится выставлять меня беспомощной сестренкой. Впрочем, его мнение не важно, он сделает, как вы прикажете, мистер Рейд. Все зависит только от вас.

— Вы сами говорили, что он вам как брат, — мягко напомнил Захарий. — Неужели вам не ясно, что своей просьбой вы его подставляете? Знаете, что ласкары с ним сделают, когда откроется, что он обманом привел на корабль женщину? Многих убивали за меньший проступок. А как с вами поступят после разоблачения, которого не предотвратят никакие чары и колдовство? Даже думать об этом не хочется, мисс.

Полетт сникла.

— Значит, не поможете, хоть и дали слово? — запинаясь, проговорила она.

— Я был бы только рад помочь вам, но как-нибудь иначе, — ответил Захарий. — Знаете, у меня есть немного деньжат… Хватит, чтобы оплатить проезд на другом корабле.

— Я не нуждаюсь в милостыне, мистер Рейд! Неужто не понимаете: я хочу себя испытать! Разве всякие мелочи удержали мою бабку от путеше-

ствия? — Губы Полетт дрожали, она досадливо смахнула слезу. — Я думала о вас лучше, мистер Рейд, считала вас человеком слова, а вы просто жалкий… музжичок!

— Почему мозжечок?

— Ваше слово гроша ломаного не стоит!

— Мне жаль вас огорчать, мисс Ламбер, но я уверен, так будет лучше. Шхуна — не место для такой девушки.

— Считаете, девушка не справится? — Полетт вскинула голову, глаза ее сверкнули. — Послушать вас, так это вы открыли Америку! Но вы ошибаетесь: я могу… и я это сделаю!

— Желаю удачи, мисс.

— Не смейте глумиться, мистер Рейд! — выкрикнула Полетт. — И без вашей помощи я попаду на Маврикий и вот тогда рассмеюсь вам в лицо! Я награжу вас именами, о каких вы даже не слышали!

— Вот как? — Схватка заканчивалась, и Захарий позволил себе усмехнуться. — Любопытно какими, мисс?

— Я назову вас… — Полетт запнулась, ища в памяти ругательство, которое вобрало бы в себя всю злость ее сердца, а потом вдруг слово само слетело с губ: — Страхуй! Вот кто вы, мистер

Рейд, — паршивый страхуй!

— Страхуй? — Захарий озадаченно глянул на Джоду, и тот радостно перевел:

— Товсь!

— Да! — От негодования голос Полетт срывался. — Миссис Бернэм говорила, это самое непотребное слово для дамских уст. Не знаю, кем вы себя мните, но знайте, кто вы на самом деле: нецензурный страхуй!

Сраженный нелепостью слова, Захарий расхохотался и шепнул Джоду:

— Она про елду, что ли?

— Про балду? — услыхала Полетт. — Да, это о вас: страхуй и балда — славная парочка, не имеющая мужества сдержать слово. Ладно, вы меня еще попомните!

14

Стороннему наблюдателю Алипор представлялся монолитным царством, но обитатели острога воспринимали его скорее как архипелаг феодальных уделов, в каждом из которых свои законы, правители и подданные. Перемещение Нила из внешних пределов узилища, где властвовали англичане, в его внутренние области заняло больше дня: ночь он провел в изоляторе и лишь к следующему вечеру был определен в тюремный корпус. К тому времени его охватила странная апатия, и он, хоть не знал уставов тюрьмы, ничуть не удивился, когда охранники передали его под опеку другого заключенного — человека тоже в тюремной одежде, но с той лишь разницей, что его блуза была выстирана, а дхоти доходили до щиколоток. Крепко сбитый, похожий на состарившегося борца, он имел все признаки старшинства: выпирающее брюхо, ухоженную седую бороду и большую связку ключей на поясе; когда он вел Нила мимо камер, заключенные почтительно его приветствовали, называя Бишу-джи. Стало ясно, что это джемадар — узник, которого благодаря возрасту, властному

нраву или просто грубой силе тюремное начальство определило старостой.

Стены корпуса окаймляли внутренний двор, на одном краю которого был колодец, а на другом высокая мелия. Здесь узники готовили пищу, ели и мылись; ночь они проводили в камерах, а утром расходились по рабочим бригадам, но центром их жизни, очагом, у которого начинался и заканчивался день, был двор. Сейчас тут догорали костры, на которых был приготовлен ужин, и лязгали решетчатые ворота, впускавшие отряды заключенных в камеры. Во дворе оставались лишь дневальные, у колодца драившие котелки и миски, и джемадары, расположившиеся под мелией, где полукругом стояли четыре кровати. Каждого старосту обихаживали приближенные. Отряд отчасти был семьей, в которой джемадар играл роль начальника и отца: как заминдару прислуживают женщины семейства, так о старосте заботились любимчики и приспешники. Начальники беседовали, а шестерки разминали им ступни, готовили коноплю и разжигали трубки.

Когда Бишу-джи подробно изложил дело Нила, все это стало напоминать сходку деревенских старейшин. С адвокатской основательностью

джемадар рассказал о поместье, обвинении в подлоге и заседании Верховного суда. Непостижимо, откуда он все это знал, но говорил беззлобно, и Нил проникся благодарностью за столь дотошное изучение его истории.

По завершении речи Бишу-джи раздались возгласы — наказание ссылкой потрясло даже тюремных старожилов. Нила пригласили подойти ближе, дабы старосты взглянули на его татуировку. Вновь послышались восклицания, передававшие ошеломление, сочувствие, отвращение и страх зрителей. Нил охотно предстал под их взгляды, надеясь, что отметина обеспечит его какими-нибудь привилегиями, выделив среди прочих узников.

Затем наступила тишина, означавшая, что совет пятерых закончен, и Бишу-джи подал Нилу знак следовать за ним.

Они отошли в сторонку, и джемадар сказал:

— Давай-ка я растолкую тебе наши правила. В зависимости от происхождения и нрава новичка определяют к одному из джемадаров. Но с тобой все иначе, поскольку приговор навеки обрывает твои связи с другими людьми. На корабле, что повезет тебя через Черную Воду, ты и твои спутники создадите собственное братство — вы станете

новым поселением, новой семьей и новой кастой. Поэтому таких, как ты, содержат отдельно.

— Понимаю, — кивнул Нил.

— Сейчас здесь только один человек с таким же приговором, его тоже отправляют на Маврикий, и вы, конечно, поедете вместе. Значит, будет справедливо, если ты разделишь с ним камеру.

В тоне джемадара слышалась какая-то недоговоренность, и Нил спросил:

— Кто он?

— Его зовут Аафат, — криво усмехнулся Бишу-джи.

— Правда? — Нил удивился, ибо казалось невероятным, что человек носит имя, означающее «беда». — Кто он? Откуда?

— Из дальних краев под названьем Маха-Чин.

— Он китаец?

— Судя по виду, так, но точно не скажешь. Мы знаем о нем только одно: он опийный пристрастник.

— Вот как? Где же он берет опий?

— В том-то и штука, что зелья нет.

В сумрачном углу двора они остановились, и Бишу-джи забренчал связкой, выбирая ключ. В камере было так тихо, что она казалась пустой.

— Где же постоялец? — спросил Нил.

— Он там, найдешь, — ответил джемадар, распахивая решетку.

Внутри стояли две койки, застеленные циновками, в углу виднелась параша под деревянной крышкой, а возле стены — глиняный кувшин с водой. Больше в камере ничего не было.

— Его здесь нет, — сказал Нил.

— Да тут он. Прислушайся.

Теперь Нил различил тихий вой и щелчки, словно кто-то лязгал зубами. Источник этих звуков определенно был в камере; Нил опустился на колени, заглянул под койку и испуганно отпрянул, словно увидев раненого или больного зверя. Неподвижное существо тихонько скулило, в темноте сверкал его глаз. Не заходя в камеру, Бишу-джи пошуровал под кроватью палкой:

— Аафат! Вылазь! Глянь, тебе соседа привели!

Из-под койки показалась дрожащая рука. Затем появилась косматая голова со спутанной бородой. Наконец их обладатель выбрался целиком, но было невозможно определить, голый он или одет, ибо тело его скрывала корка грязи. Заполонившая камеру вонь подсказала, что в создании коросты участвовали также дерьмо и блевотина.

Нил метнулся к решетке и крикнул вслед джемадару:

— Не оставляйте меня здесь! Помилосердствуйте! Выпустите меня отсюда!..

Бишу-джи вернулся и погрозил пальцем:

— Послушай… Тебе от него не избавиться. Отныне Аафат всегда будет рядом. Вы вместе поплывете через Черную Воду. Он для тебя все: каста, семья, друг, он тебе ближе брата, жены и сына. Приноравливайся, как хочешь, он — твой жребий, твоя судьба. Глянь в зеркало, и сам поймешь: того, что написано на лбу, не избежать.

*

Джоду не удивлялся, что после ночной встречи с Захарием Полетт все больше дулась и куксилась, а их обычно безобидные стычки стали злыми: она винила его в провале своего плана. Жить вдвоем в маленькой лодке и постоянно собачиться было тяжело, но он понимал отчаянную ситуацию подруги — ни денег, ни друзей — и, конечно, не мог отказать ей в приюте. Но скоро «Ибис» выйдет из дока, и арендованная лодка вернется к владельцу. И что тогда? Полетт не желала обсуждать сию тему, а Джоду не настаивал, потому что сам ее боялся.

По-прежнему сильно дождило, и как-то раз Полетт насквозь вымокла под жутким ливнем. То

ли из-за этого, то ли из-за своего душевного состояния, но она расхворалась. Выхаживать больную в лодке было невозможно, и Джоду решил переправить ее в семью садовников, которые давно работали в Ботаническом саду, знали мистера Ламбера и видели от него много добра. Там Полетт будет в безопасности, там за ней присмотрят.

Семья, жившая в поселке Дакшинешвар, что к северу от Калькутты, сердечно встретила Полетт, и все опасения Джоду развеялись.

— Отдыхай и поправляйся, — сказал он на прощанье. — Месяца через два-три вернусь, тогда и решим, как быть дальше.

Полетт вяло кивнула, на том они и расстались.

В Калькутте Джоду надеялся подзаработать на перевозе. Но не тут-то было: напоследок муссоны и ливни просто обезумели, и почти все время лодка стояла на приколе. Но вот наконец распогодилось, воздух стал небывало прозрачен и чист, резвый ветерок благоухал обновленной природой, а реки и дороги, замершие под затяжными дождями, мгновенно ожили: крестьяне спешили сбыть урожай на базарах, кишевших покупателями, которые желали приобрести наряды к Дурга

Пуджа.[58]

И вот одним суматошным вечером, когда от пассажиров не было отбою, Джоду увидел «Ибис», только что вышедший из сухого дока. Даже с убранными парусами пришвартованная к буйкам шхуна выглядела морским символом: заносчивые мачты, свежая покраска и новенькая медная обшивка по ватерлинии. Из камбузной трубы курился дымок, означавший, что ласкары уже на борту. Впервые в жизни Джоду не стал торговаться с пассажирами, а быстренько избавился от скупердяев и погреб к шхуне.

Всех старых знакомцев он нашел возле рубки, здесь были Кассем, Симба Кадер, Раджу, стюард Пинто, тиндалы Баблу и Мамду. Даже боцман Али не погнушался одарить его кивком и ухмылкой. После дружеских шлепков по спине и тычков в живот ласкары обратили внимание на его лодку: это из чего ж навес-то? Из старой швабры, что ли? Что это у него там — весло или опахало? Никто уж не чаял его увидеть, но все гадали: к чему ж теперь руль-то крепить — ведь лодочника хлебом не корми, только засобачь ему руль в корму…

— А где капитан и помощники? — спросил

---

[58] Примечания: 58

Дурга Пуджа — один из главных индийских праздников, символизирующий победу добра над злом, широко отмечается в начале октября.

Джоду.

— Еще не прибыли, — ответил Раджу.

Новость обрадовала; стало быть, пока что ласкары — полновластные хозяева корабля.

— Идем посмотрим шхуну, — предложил Джоду.

Вначале они решили осмотреть расположенные на корме офицерские каюты, ибо знали — туда им путь заказан, разве что назначат вестовым. Чтобы попасть на корму, надо было идти правым коридором, ведшим к командирскому жилью. Левый коридор уводил к соседствующему помещению, именуемому «центральной каютой». По правому же борту располагалась кают-компания. Джоду поразился, как все в ней продумано: на случай качки стол был снабжен бортиками и углублениями для тарелок и стаканов. По сравнению с кают-компанией жилье помощников выглядело бедновато: не так чтобы очень просторно и на койке в полный рост не вытянешься.

А вот капитанская каюта ничуть не разочаровала: во всю ширину кормы сплошь полированное дерево и надраенная медь — ну прям дворец раджи! У одной переборки расположилось красивое резное бюро с утопленной чернильницей и мно-

жеством полочек, а напротив — широкая койка с отполированным подсвечником в изголовье. Джоду на нее повалился и запрыгал на матрасе:

— Был бы ты девкой, звали бы тебя не Раджу, а Рани! Ох, мы бы с тобой тут порезвились!..

Потом оба размечтались.

— Когда-нибудь я заведу себе такую же кровать…

— А я стану китайским императором…

Центральная каюта предназначалась для надзирателей и охраны. Здесь тоже было относительно уютно: вместо гамаков койки, иллюминаторы, под потолком лампы. В коридоре имелось два выхода: один трап вел на палубу, а другой в трюм, где находились кладовые с провиантом и запасным оборудованием.

В трюме же располагалось помещение для переселенцев, прозванное «обезьянником». С тех пор как Джоду впервые его увидел, здесь мало что изменилось: все тот же голый пол, огороженный дугами балок; вот только цепи с рым-болтами исчезли, но появилась пара отхожих мест. В команде «обезьянник» вызывал суеверный страх, и парни здесь не задержались. Взлетев по трапу, они отправились в матросский кубрик, фану. Там их ждало самое пугающее новшество: в глубине

помещения была построена камера с прочной дверью.

— Коль соорудили каталажку, значит, будут осужденные, — сказал Раджу.

— Много?

— Кто его знает…

Дверь камеры была открыта, и парни вошли внутрь. Здесь было тесно, как в курятнике, и душно, как в аду. Кроме глазка с заслонкой в двери имелось еще крохотное вентиляционное отверстие в переборке, отделявшей камеру от «обезьянника». Привстав на цыпочки, Джоду смог в него заглянуть.

— Два месяца в таком гробу! — покачал он головой. — Без всякого дела, лишь за кули подглядывай…

— Без дела? — фыркнул Раджу. — Они будут дергать паклю, пока руки не отвалятся. Работы надают столько, что они забудут, как их звали.

— Кстати, насчет работы. Как насчет того, чтобы махнуться? Помнишь, ты хотел уступить свою службу марсовым?

— Нынче я об этом заикнулся, — сморщился Раджу. — Мамду говорит, сначала надо тебя испытать.

— Когда?

Ответ не заставил себя ждать. Едва ребята вышли на палубу, с высоты донесся крик:

— Эй ты! Шкет! Вали сюда! — Свесившись с салинга фок-мачты, Мамду пальцем манил Джоду.

«Вот она, проверка!» — сообразил юнга. Поплевав на ладони и помянув Аллаха, он бросился к вантам. Уже на полпути Джоду понял, что в кровь стер ладони о пеньковые выбленки, но удача была на его стороне. Он не только добрался до салинга, но успел отереть руки о волосы, чтобы тиндал не заметил ссадин.

— Сойдет, — буркнул Мамду. — Неплохо для лодочника…

Чтобы не сболтнуть лишнего, Джоду, скромно ухмыльнувшись, просто расположился на салинге, но внутренне возликовал, словно его короновали на царство. С какого еще трона откроется столь грандиозный вид на закатное солнце и лодки, шныряющие по реке?

— Тебе здесь понравится, — сказал Мамду. — А если хорошенько попросишь, Гхазити научит тебя предсказывать ветер.

— Как это?

— А ют так. — Тиндал растянулся на рее, ступнями к заходящему солнцу. Потом он вскинул ноги,

и его лунги[59] превратилась в матерчатую трубу, надутую ветром. Мамду победоносно рыкнул:
— Да! Гхазити предсказывает, что ветер усилится! Она его чувствует! Вот ветер лапает ее за щиколотки, поднимается выше и трогает там…
— За ногу?
— За ветродуй, жопа с ручкой!
От смеха Джоду чуть не свалился на палубу, но вдруг его кольнула грусть: жаль, не слышит Полетт, вот уж посмеялась бы! Подобные дурости их всегда приводили в восторг.

*

Вскоре Нил понял, что муки сокамерника подчинены определенному ритму. Вначале соседа охватывал легкий, почти незаметный озноб, какой случается в прохладной комнате. Но дрожь усиливалась, и скоро его уже так колотило, что он сваливался с койки и корчился на полу. Под грязной кожей то взбухали, то опадали узлы мышц, и тогда тело его казалось мешком, в котором шурудит крысиная стая. Потом судороги стихали, и человек впадал в забытье, но вскоре начинал задыхаться, хрипеть и бредить; не открывая

---

[59] Примечания: 59
Разновидность дхоти.

глаз, он метался и что-то выкрикивал на своем языке. Наверное, ему мнилось, что он горит, ибо он принимался сбивать с себя пламя. Огонь не затухал, и руки его превращались в когтистые лапы, которые пытались содрать обуглившуюся кожу. Лишь тогда глаза его открывались, словно по команде изнуренного тела, не хотевшего, чтобы его освежевали.

Зрелище ужасало, но чудовищнее всего было то, что сокамерник беспрестанно испражнялся. Видеть, слышать и обонять, как гадит под себя взрослый человек, — от такого любой озвереет, а уж для чистюли Нила сожитель стал просто воплощением мерзости. Позже Нил узнает, что опий мощно влияет на пищеварительную систему: в разумных дозах он хорош как средство против поноса и дизентерии, но его чрезмерное употребление стопорит работу кишечника. Организм привыкает к большим дозам, и резкий отказ от зелья приводит к неконтролируемым спазмам мочевого пузыря и прямой кишки, которые не могут удержать выпитое и съеденное. Даже если б Нил знал, что подобное состояние обычно длится два-три дня, его это мало утешило бы, поскольку каждая минута рядом с человеком, беспрестанно извергающим дерьмо и блевотину,

казалась вечностью. Вскоре он уже сам трясся и галлюцинировал: стоило закрыть глаза, как возникало видение поносной лужи, обраставшей щупальцами, которые забирались в нос и рот и душили за горло. Неизвестно, сколько длилось его забытье, но в минуты просветления он видел изумленные лица других узников, смотревших сквозь решетку, а потом заметил, что кто-то оставил в камере метлу и совок, наподобие тех, какими пользуются золотари.

Нил понял: если он хочет сохранить рассудок, надо взяться за уборку — иного не дано. Потребовались неимоверные усилия, чтобы встать и одолеть расстояние в три-четыре шага, отделявшее его от инструментов. Однако он не мог заставить себя прикоснуться к метле, ибо невообразимый страх говорил, что тогда он станет другим человеком. Нил зажмурился и выбросил вперед руку; ощутив в ладони черенок метлы, он огляделся: было странно, что вокруг все осталось прежним, хотя с ним самим произошли необратимые перемены. Казалось, он все тот же Нил Раттан Халдер, но вместе с тем иная личность, поскольку рука его держала вещь в ярком ореоле мерзости. Впрочем, теперь метла выглядела всего лишь инструментом, соответствующим его

надобностям. Подражая золотарям, Нил присел на корточки и стал сгребать дерьмо.

Начав работу, Нил вдруг увлекся. Он дочиста выскоблил стены и пол, сливая грязь в сток в углу камеры, и оставил нетронутым лишь островок возле параши, куда передвинул койку соседа. Сквозь решетку за его работой наблюдали заключенные, среди которых нашлись и добровольные помощники — они подносили воду и песок, чтоб было легче отдраить пол. Закончив, Нил вышел во двор помыться и простирнуть одежду; его окликнули сразу от нескольких костров, где готовили ужин:

— Иди сюда… поешь с нами…

Один узник спросил:

— Верно ли, что ты умеешь читать и писать?

— Да.

— На бенгали?

— Еще на английском, фарси и урду.

Человек подсел ближе:

— Напишешь за меня письмо?

— Кому?

— Нашему заминдару. Он хочет отнять у моей семьи землю, и я подам прошение…

В свое время расхальская контора получала дюжины подобных писем; Нил редко удосужи-

вался прочесть их лично, но слог ходатайств был ему знаком.

— Я напишу, — сказал он. — Только достань бумагу, перо и чернила.

Вернувшись в камеру, Нил с ужасом увидел, что труды его пропали: охваченный новым приступом, сокамерник катался по полу, оставляя за собой грязный след. Нил просто затолкал пачкуна в угол — на большее сил уже недостало.

Ночь прошла спокойнее, припадки ослабли, давая страдальцу роздых, и пакостил он чуть меньше — наверное, извергать было уже нечего.

Утром Бишу-джи сказал:

— Теперь надо его вымыть. Как только учует воду, пойдет на поправку. Уж я таких повидал.

Нил взглянул на истощенного обгаженного сокамерника: даже если преодолеть отвращение и вымыть его, что толку? Ведь он опять изгваздается, а из одежды у него только порты и рубаха, пропитавшиеся дерьмом.

— Прислать кого-нибудь в помощь? — спросил Бишу-джи.

— Не надо, — ответил Нил. — Сам справлюсь.

Сейчас уже казалось, что судьбы их переплелись, что общая доля превратила позор или честь в совместное бремя, свалить которое ни на кого

не удастся.

Нил провел необходимую подготовку и в обмен на услуги стряпчего разжился парой обмылков, пемзой, старыми дхоти и рубахой. Бишу-джи неожиданно легко согласился не запирать камеру, и всю первую половину дня двор был в распоряжении Нила, поскольку ссыльных к работе не привлекали. Натаскав из колодца воды, он выволок соседа из камеры. Истаявший страдалец был невесом и даже не сопротивлялся. Когда его окатили водой из ведра, он затрепыхался, точно птичка в силке, но потом затих. Продраив сожителя пемзой, Нил принялся намыливать его завернутым в тряпичный лоскут обмылком; немощное тело было покрыто струпьями и расчесами, но кожа оказалась упругой, что говорило о молодости ее хозяина. Теперь стало видно, что зелье захватило над ним власть в расцвете его юности. Завязки его одежды стянулись в мертвый узел, а потому Нил просто разодрал на нем порты и, давясь рвотными позывами, окатил его водой между ног.

Забота о другом человеке, даже не сыне, а ровеснике и чужеземце, была чем-то новым и прежде абсолютно немыслимым. Нил привык к тому, что за ним самим ухаживают бесчисленные

няньки, щедрую и безответную любовь которых воспринимал как нечто само собой разумеющееся. Неужели так бывает, что просто внимание к другому человеку порождает гордость и не требующую взаимности любовь, какой мастер любит свое изделие?

Обрядив сокамерника в дхоти, Нил посадил его под мелией и заставил проглотить немного риса. Уложить бедолагу в загаженную койку означало свести на нет все свои труды, а потому он устроил в углу лежбище из одеял, а кровать вытащил во двор, где хорошенько ее отдраил, а затем, по примеру других заключенных, перевернул вверх тормашками, чтобы солнце прожарило ее кишащее кровососами нутро. Лишь закончив работу, Нил сообразил, что в одиночку справился с тяжеленной койкой. Это он-то, с рождения хилый и подверженный всевозможным болезням! И вот еще перемена: если раньше он давился недостаточно изысканной пищей, то сейчас за милую душу уплетал дешевую чечевицу и мелкий красноватый рис вперемешку с камушками и песком, хрустевшими на зубах.

На другой день посредством сложной серии обменов, включавших в себя письма для узников и джемадаров из других отрядов, Нил заключил с

цирюльником сделку на бритье сокамерника.

— В жизни ничего подобного не видел, — сказал брадобрей, приступив к работе.

Нил заглянул через его плечо: дорожка, выбритая на голове сокамерника, будто вновь зарастала, покрываясь мерцающей, как ртуть, пленкой — орды вшей дождем сыпались на пол. Нил кинулся за водой, чтобы утопить гадов, пока не отыскали себе новое пристанище.

Лишенный бороды и шевелюры в колтунах, узник больше походил на скелет: ввалившиеся глаза, выпирающие из-под кожи носовой хрящ и лобные кости. Разрез глаз и желтоватое лицо выдавали в нем китайца, но прямой нос и полные губы говорили об иной крови в его жилах. В этом изможденном облике угадывался призрак живого пытливого человека, изгнанного опием, но еще не окончательно покинувшего свою обитель. Кто знает, какими талантами он обладал?

На пробу Нил спросил по-английски:

— Как тебя зовут?

В тусклых глазах узника промелькнула искра, словно он понял вопрос, голова его упала на грудь, и Нил счел это знаком отложенного ответа. С того дня сокамерник пошел на поправку, а свой вопрос Нил превратил в утренний ритуал; хотя

попытки общения успеха не имели, он верил, что скоро дождется отклика.

*

Когда Захарий взошел на «Ибис», мистер Кроул задумчиво вышагивал на шканцах, словно примеряясь к своему будущему капитанству. Увидев сослуживца с котомками через плечо, он остановился и в наигранном удивлении воскликнул:

— Гляньте, кто пришел! Лорд Хлюпик собственной персоной, чтоб мне лопнуть! Малец готов покорять океанские глубины!

Захарий уже решил, что не поддастся на провокации; сбросив котомки на палубу, он радостно осклабился и протянул руку:

— Здравия желаю, мистер Кроул! Надеюсь, не хвораете?

— Еще чего! — Помощник ответил грубым рукопожатием. — По правде, я уж и не рассчитывал, что вы почтите нас своим обществом. Думал, славируете и оторветесь. Эдакому франту-тюльпанчику вся стать подыскать себе теплое местечко на берегу.

— И в мыслях не держал, мистер Кроул, — тотчас парировал Захарий. — Ничто не заставит меня отказаться от должности на «Ибисе».

— Не спешите, Хлюпик, — ухмыльнулся первый помощник. — Не говори «гоп»…

Захарий пропустил это мимо ушей; в последующие дни он был занят погрузкой провианта и маркировкой запасного оборудования, а потому с мистером Кроулом виделся лишь мельком. Но вот как-то стюард Пинто доложил, что на борт грузится команда охранников и надсмотрщиков. Любопытствуя глянуть на новеньких, Захарий встал у кофель-планки, а вскоре к нему присоединился мистер Кроул.

Охранники, почти все бывшие сипаи, носили чалму и патронташ, наискось пересекавший грудь, а сытые надсмотрщики были в черных чапканах и белых дхоти. И те и другие поднялись на борт, словно триумфаторы, вступавшие во владение плененным кораблем. Не унижая себя кладью, они снизошли только до собственного оружия — несли палки, бичи, пики и сабли. В корабельный арсенал носильщики доставили также внушительный запас мушкетов, пороха и пистолей.

А вот доставка багажа и провианта выпала на долю ласкаров, в награду получивших пинки, тычки и брань.

Появление начальника конвоя субедара Бхиро

Сингха, который взошел на борт последним, стало церемониалом встречи царька: выстроившись в шеренгу, охранники и надсмотрщики согнулись в низком поклоне. Бочкообразный толстяк с бычьей шеей, но в ослепительно белых дхоти и длинной курте, перехваченной сверкающим шелковым кушаком, субедар держал под мышкой толстенную трость. Подкрутив седые усы, он недовольным взглядом окинул шхуну, однако, увидев мистера Кроула, расцвел улыбкой и приветственно сложил ладони. Казалось, помощник тоже рад встрече.

— Ба, старая квашня! — пробормотал он, а затем с неожиданной сердечностью воскликнул: — Доброго здоровья, субедар!

Удивленный необычной приветливостью помощника, Захарий спросил:

— Ваш приятель, мистер Кроул?

— Случалось вместе ходить, а старые морские волки чтят поговорку «Доброе братство милее богатства». — Скривив губы, помощник смерил собеседника презрительным взглядом. — Хотя в вашей компании, Хлюпик, этого, конечно, не знают.

— Я вас не понимаю, мистер Кроул, — растерялся Захарий.

— Да ну? — Помощник изобразил улыбку. — Может, оно и к лучшему.

Тут боцман Али позвал его проследить за оснасткой фок-мачты, и Захарий остался в недоуменном одиночестве. Как назло, тем вечером капитан сошел на берег, и помощникам пришлось ужинать в компании друг друга. Они не перемолвились ни словом до тех пор, пока стюард Пинто не внес подогретые судки. Учуяв, что нынче подают его любимые креветки с рисом и карри, Захарий улыбнулся и кивнул. Пинто снял крышку, однако мистер Кроул недоверчиво принюхался и, скривившись, рыкнул:

— Это еще что? — Он заглянул в судок и тотчас шваркнул крышку обратно. — Унеси и скажи коку, пусть приготовит баранью отбивную. И чтоб больше я не видел этой липкой дряни!

Бормоча извинения, стюард кинулся к судкам, но Захарий его остановил:

— Погоди, не трогай! Принеси мистеру Кроулу, чего он просит, а мне и это вполне сгодится.

Первый помощник молчал, пока стюард не скрылся в коридоре, а затем, сощурившись, спросил:

— Гляжу, вы запанибрата с этими ласкарами, а?

— Мы вместе шли от Кейптауна, — пожал плечами Захарий. — Вроде друг друга понимаем, только и всего. — Вскинув бровь, он придвинул к себе тарелку с рисом. — С вашего позволения…

Кроул кивнул, но губы его брезгливо дернулись:

— Это они приучили вас жрать дерьмо?

— В здешних краях все едят карибат, мистер Кроул.

— Ах, неужели? — Помолчав, Кроул спросил: — Стало быть, этим вас потчевали, когда вы якшались с Наббсами, Нобсами и набобами?

Теперь Захарий понял смысл той фразы на палубе; он поднял взгляд и наткнулся на улыбку Кроула, больше похожую на оскал.

— Думали, я не познаю, да?

— О чем?

— Про ваши шуры-муры с семейством Бернэмов и прочими.

Захарий сделал глубокий вдох и спокойно ответил:

— Меня позвали, и я пошел, мистер Кроул. Я думал, вас тоже пригласят.

— Ага! Держи карман шире!

— Так точно. Я полагал, вы приглашены, — повторил Захарий.

— Джека Кроула позовут в Вефиль? — Помощник цедил слова, будто черпал их со дна глубокого колодца горечи. — Нет, он рылом не вышел, чтобы впустить его с парадного крыльца. Не дай бог, скатерть заляпает! Коль уродился с деревянным черпаком во рту, не важно, что ты умеешь отнять ветер.[60] Всегда найдутся крошки-лорды Хлюпики, всякие увальни и деревенщина, чтоб охмурить шкиперов да подластиться к хозяевам. Плевать, что они не отличат шкворень от шпильки и пал от зуба, они всегда с подветренной стороны, а Джек Кроул отнимает у них ветер.

— Если вы полагаете, что я родился с серебряной ложкой во рту, — проговорил Захарий, — вы шибко сбились с курса.

— Да знаю я, чего вы стоите! — рявкнул Кроул. — Навидался таких изнеженных капризуль — симпампончики, губки бантиком! От вас хлопот не оберешься. Валите-ка вы с нашего корыта, пока не поздно, — избавите от неприятностей и меня, и себя.

— Здесь я на службе, мистер Кроул, — холодно сказал Захарий. — И мне ничто не помешает ее

---

[60] Примечания: 60

Английская пословица: «Один родится с серебряной ложкой во рту, а другой с деревянным черпаком»; русский аналог «родиться в сорочке».

исполнять.

— Не говори «гоп», — покачал головой помощник. — Мы отвалим через пару дней. За это время всякое может случиться, что поможет вам передумать.

Дабы не накалять обстановку, Захарий не стал отвечать и молча доел свой рис. Однако сдержанность далась не просто — руки его дрожали, во рту пересохло, и он решил сделать пару кругов по палубе, чтобы успокоиться. Из матросского кубрика доносились оживленный разговор и взрывы смеха ужинавших ласкаров. Захарий прошел на бак и, опершись на утлегарь, посмотрел на воду, расцвеченную огоньками фонарей на кораблях и ламп на лодках, шнырявших меж пришвартованными судами. Одна такая шлюпка, гремевшая нетрезвыми голосами, подошла к «Ибису», и Захарий узнал в ней лодку Джоду. По спине пробежали мурашки от воспоминания о той ночи, когда они с Полетт поссорились.

Захарий знал, что девушка хворает и под приглядом друзей живет в каком-то поселке на севере Калькутты. Он посмотрел в темноту, сгущавшуюся над рекой, и вдруг почувствовал неодолимое желание прыгнуть в шлюпку и отправиться на розыски Полетт. Страстный порыв сдержала

только одна мысль: чего доброго, мистер Кроул решит, что преуспел в своем намерении вытурить его со шхуны.

15

Дожди кончились, выглянуло солнышко. Полетт быстро пошла на поправку и решила наведаться в Калькутту, чтобы осуществить план, созревший во время болезни.

Она тщательно продумала свой первый шаг — приватную встречу с Ноб Киссин-бабу. Головная контора фирмы «Братья Бернэм» располагалась на фешенебельной Стрэнд-роуд, а ее портовые владения — в убогой части Киддерпора, в получасе езды от центра; по делам службы Ноб Киссин бывал там почти ежедневно, ради экономии предпочитая добираться на место в толкучке парома.

Солидная собственность Бернэма представляла собой большие пакгаузы; сарайчик же, служивший конторой приказчика, располагался в дальнем уголке владений. К нему вел проулок, которым приходили клиенты, желавшие без огласки воспользоваться услугами Ноб Киссина как ростовщика. Так поступал и мсье Ламбер, но в нынешних обстоятельствах было слишком рискованно появляться на территории бывшего благодетеля, и оттого Полетт решила перехватить

приказчика неподалеку от паромного причала.

Место было выбрано весьма удачно: на узких сходнях просматривались все, кто сходил с парома, к тому же в людской толчее одинокая женщина не привлекала внимания. Наблюдательным пунктом стал древний баньян на взгорке — разлапистые корни дерева, похожие на кудлатую бороду, служили превосходным укрытием. Забравшись в эту чащобу, Полетт уселась на качкий корень и стала ждать, поглядывая сквозь щелку в складках накидки.

Засада едва не оказалась зряшной, ибо Полетт не сразу признала Ноб Киссина в человеке с распущенными по плечам волосами, который, покачивая бедрами, просеменил мимо дерева. Чуть выждав, она пошла вслед за ним, а потом свистящим шепотом окликнула:

— Гомуста-бабу!.. Шунун! Господин приказчик! Постойте!

Ноб Киссин подскочил и тревожно огляделся. Его подведенные краской глаза лишь скользнули по женщине в сари и зашарили по переулку.

— Ноб Киссин-бабу! — вновь просипела Полетт, уже по-английски. — Это я…

Ошалевший приказчик забормотал молитву, отгоняя призрака:

— Хе Радхе, хе схьям…

— Ноб Киссин-бабу! Да посмотрите же! Это я, Полетт Ламбер!

Наконец пучеглазое лицо обернулось, и Полетт на секунду приоткрыла накидку:

— Узнаете? Это я!

Неуклюже попятившись, приказчик отдавил ноги прохожему, но даже не услышал брань, которой его окатили.

— Мисс Ламбер? Глазам не верю! Вы так подкрались… да еще в сари… я бы никогда вас…

— Тсс! Умоляю, тише!

Ноб Киссин перешел на громкий шепот:

— Однако что вы делаете в этом захолустье, мисс? Мы просто с ног сбились, вас разыскивая! Вот уж хозяин-то обрадуется! Немедля едемте домой!

— Нет, я не намерена возвращаться в Вефиль. Я искала вас, потому что именно с вами мне очень нужно переговорить. Могу ли я просить вас на минутку присесть? Вас это не обременит?

— Присесть? — Ноб Киссин хмуро покосился на замусоренные ступени причала. — Но здесь же никакой мебели… На что присесть? Наши сари… то есть наша одежда запачкается…

— Не волнуйтесь. — Полетт указала на взгорок:

— Вон там, на холме, мы укроемся под деревом. Никто нас не увидит.

Приказчик тревожно взглянул на баньян; с недавних пор в нем развилось отвращение рачительной хозяйки к насекомым, и он всячески избегал мест их возможного обитания. Однако нынче любопытство пересилило опаску перед рассадником ползучих и летающих тварей.

— Что ж, я уступаю вашей просьбе, — неохотно согласился Ноб Киссин. — Направимте стопы под дерево.

Поднявшись по склону, они забрались в сплетение корней; приказчик карабкался еле-еле, но был покорен до тех пор, пока его не подтолкнули к корню, служившему Полетт сиденьем. Оглядев корявый отросток, Ноб Киссин взбрыкнул:

— Здесь сидеть нельзя! Вон как тут всякое шныряет! Наверняка есть и кусачие гусеницы!

— Нет, на этих корнях гусеницы не водятся, — увещевала Полетт. — Садитесь без опаски.

— Нет-нет, не уговаривайте. Я предпочту остаться на ногах.

Сложив руки на груди, Ноб Киссин встал так, чтобы ни листик, ни травинка не коснулись его самого и одеяния.

— Что ж, как вам угодно, не смею настаивать…

Приказчик уже извелся от любопытства:

— Рассказывайте же! Где вы были все это время? Куда скрылись?

— Это не важно, Ноб Киссин-бабу.

— Понимаю, — сощурился приказчик. — Стало быть, это правда.

— Что?

— Не хочу перестирывать грязное белье, мисс Ламбер, но вообще-то все только и говорят о вашем непристойном поведении, в результате которого вы пребываете в ожидании, вот почему и скрылись.

— В ожидании чего?

— Внебрачного приплода. Разве не вы сказали миссис Бернэм, что пирожок уже в печке?

Полетт залилась румянцем, пришлепнув ладони к щекам.

— Нет! Никакого непристойного поведения и никакого ожидания! Уверяю вас, что покинула Вефиль по собственной воле, это было мое решение.

— Ах, не чинитесь, со мною можно быть вполне откровенной, — придвинулся Ноб Киссин. — Пострадало ваше целомудрие? Нарушена девственная плева, да?

— Ничего подобного! — возмутилась Полетт. —

Не понимаю, как вам только в голову взбрело!

Помешкав, приказчик нагнулся еще ближе и прошептал, словно изрекая немыслимую крамолу:

— Скажите, причина вашего бегства — хозяин?

Полетт спустила с головы накидку, взглянув ему прямо в глаза:

— Возможно.

— Ай-ай-ай! — Ноб Киссин облизал губы. — Значит, имели место шалости?

Он явно изнывал от желания узнать о тайных пристрастиях своего господина; зачем ему это, Полетт не ведала, но сообразила, что любопытство приказчика можно обернуть себе на пользу.

— Больше ничего не могу сказать, Ноб Киссин-бабу, — вздохнула она. — Разве что…

— Да-да? Умоляю, говорите! — вскинулся приказчик.

— Разве что вы окажете мне крёхотную услугу.

Едва запахло сделкой, толстяк насторожился:

— Что за крохотная услуга? Прошу разъяснить.

Полетт одарила его пристальным взглядом.

— Вы помните, когда и зачем к вам приходил мой отец?

— Разве такое забудешь, мисс Ламбер? Я же не придурок какой… Он был у меня незадолго до

переселения в небесную обитель. Слов, сказанных на последнем издыхании, так запросто не отринешь…

— Вы помните, что он хотел устроить мой отъезд на Маврикий?

— Разумеется. Я же вам о том и поведал, верно?

Полетт выпростала руку из-под сари.

— Вы сказали, что готовы все устроить в обмен на эту вещицу? — Разжав кулак, она показала медальон, не так давно полученный от приказчика.

Ноб Киссин покосился на ее ладонь.

— Все так, только не понимаю, к чему вы клоните.

Набрав в грудь воздух, Полетт выпалила:

— Я прошу вас сдержать обещание. В обмен на медальон я желаю стать пассажиром «Ибиса».

— Что?! — разинул рот приказчик. — С ума сошли, что ли? «Ибис» перевозит лишь кули и заключенных. Он не берет пассажиров!

— Не имеет значения. Я согласна быть в списке рабочих. Вы же его составляете? Никто не заметит, если в него добавить еще одно имя.

— Кажется, вы из меня дурака валяете, мисс Ламбер? — насупился приказчик. — Как только вы осмелились такое предложить, не постигаю!

Немедля изгоните сию идею!

— Да какая разница, если в списке прибавится одно имя! — взмолилась Полетт. — Вы главный, а рабочих так много — одним больше, одним меньше! Ведь даже вы не узнали меня в сари. Не бойтесь, никто меня не признает, а вы получите медальон…

— Ни за что! — Ноб Киссин энергично потряс головой, отчего уши его затрепетали, словно папоротник на ветру. — Знаете, что будет, если затею раскроют и выявят мое участие? Хозяин мне голову оторвет! У капитана Чиллингуорта глаз-алмаз! Едва он прознает, что средь кули затесалась барышня, он меня придушит и скормит акулам… Нет, нет и нет!

Приказчик бросился вон, продираясь сквозь занавесь корней. Издали донесся его голос:

— Нет-нет, ваша идея сулит крупные неприятности… Следует немедленно ее похерить…

— Прошу вас, Ноб Киссин-бабу!..

Полетт очень рассчитывала на эту встречу, но теперь поняла, что план ее рухнул. Губы ее задрожали, на глаза навернулись слезы; и тут вновь заколыхались корни, трещавшие под натиском приказчика.

— Послушайте, вы же забыли поведать мне

о шалостях хозяина, — робко сказал он, теребя бахрому дхоти.

Полетт торопливо промокнула глаза, придав голосу жесткость:

— Ничего я вам не скажу! От вас ни помощи, ни толку!

Ноб Киссин задумчиво сглотнул, отчего кадык его дернулся, точно поплавок.

— Кажется, есть один способ, — наконец вымолвил приказчик. — Но воспользоваться им крайне трудно, ибо он предполагает массу ухищрений.

— Не важно! — загорелась Полетт. — Что нужно сделать? Рассказывайте!

*

Город шумно отмечал череду праздников, и потому лагерная тишина казалась еще невыносимей. Подоспел Дивали,[61] переселенцы зажгли пару-тройку ламп, однако веселее не стало. Об отправке известий не было, но каждый день лагерь будоражили новые слухи. Иногда никто, кроме Дити и Калуа, не верил в корабль, что ку-

[61] Примечания: 61

Дивали — один из главных и любимых индийских праздников Фестиваль огней, который символизирует торжество света над тьмой; отмечается в конце октября — начале ноября и длится пять дней.

да-то их повезет. Все это вранье, говорили люди, лагерь этот — просто тюрьма, где все мы сдохнем, а трупы наши разрежут на куски, что пойдут на корм господским собакам или наживку для рыбы. Зачастую слухи эти распускали зеваки, слонявшиеся у ограды: лоточники, бродяги, ребятня и прочие, в ком гирмиты разжигали ненасытное любопытство. Порой они часами разглядывали переселенцев, как зверей в клетке, да еще и подзуживали: че не сбежите-то? Валяйте, мы поможем! Иль не понимаете: здесь только и ждут, когда вы передохнете! Чтоб продать ваши трупы!

Если кто-нибудь пускался в бега, эти же зеваки его и ловили. Первым попытался удрать седоватый мужичок из Ары, слегка слабый на голову: едва он перелез через ограду, как доброхоты его сцапали, связали и отволокли к вербовщику; за усердие им выдали ничтожную награду, а неудачливого беглеца избили и на два дня оставили без кормежки.

Городская жара и влажность усугубляли ситуацию — многие хворали. Одни поправлялись, а другие вроде и сами хотели умереть, так их истомили ожидание, слухи и тревожное чувство пленения. Как-то раз один парнишка впал в горячку; совсем еще юнец, он носил длинные

посыпанные пеплом волосы — говорили, его выкрал, а потом продал в гирмиты садху.[62] Парень метался в жару, рычал и стонал, изрытая проклятья. Переселенцы бросились за помощью к охране, пившей кокосовый самогон, но та и бровью не повела. Мальчишка вопил всю ночь, а к рассвету уже остыл. Смерть его вызвала у охранников несравнимо больший интерес — они тотчас унесли тело, сказав, что сожгут его на погребальном причале. Но кто знает, что с ним сделали? Гирмитов на похороны не пустили, а потому никто из них не мог возразить лоточнику, нашептавшему сквозь ограду — мол, парня-то вашего вовсе не сожгли, а просверлили ему в башке дырку и подвесили за ноги, чтоб вытекло мозговое масло.

В противовес слухам и дурным знакам переселенцы говорили о богослужениях, которые устроят в день перед отплытием, вспоминали пуджи и намазы, отрывки из Корана, «Рамача-

[62] Примечания: 62

Садху — индийские отшельники, почитаемые святыми; живут в скитах, раскрашивают лица, посыпают себя пеплом.

ритаманасы» и «Алакханда».[63] Люди горячо обсуждали ритуалы, словно им уже не терпелось их совершить, однако горячность эта была продиктована невыразимым страхом перед путешествием; во всех жил глубинный ужас, сродни тому, когда тянет забиться в угол, ткнуться лицом в колени и что-нибудь бормотать, лишь бы не слышать голоса, звучащие в голове. Так было легче — подробно обсуждать обряды, расписывая их по минутам и сравнивая с богослужениями из прошлой жизни.

Когда день настал, все было не так, как ожидалось, и единственным дурным знаком стал внезапный приезд в лагерь приказчика Ноб Киссин-бубу, который заперся с охранниками в их хижине. Потом переселенцев согнали на поляну, и дуффадар Рамсаран-джи сообщил, что отныне и до прибытия на Маврикий, где их распределят по плантациям, они переходят под опеку других охранников и надсмотрщиков, которые уже на борту и проверили готовность судна к приему путников. Отправка завтра. Свою речь он закон-

[63] Примечания: 63

«Рамачаритаманаса» («океан деяний Рамы») — эпическая поэма индийского поэта XVI века Тулсидаса (1532–1623). «Алакханд» — одна из первых поэм на хинди (XII в.), состоящая из баллад, в которых рассказывается о подвигах братьев-героев Ала и Удала.

чил пожеланием мира и счастья в новом доме и обещанием помолиться богу переправы за благополучие путешествующих: Джай Хануман гьян гун сагар…

*

В Алипоре праздники отмечались с размахом, особенно Дивали, по случаю которого заключенные устроили огненное зрелище, осветив тюремные дворы лампами и самодельными бенгальскими огнями. На Нила шумные празднества оказали обратное воздействие, подорвав в нем до сих пор жившую решимость. В ночь Дивали, когда двор пылал огнями, он не мог заставить себя даже встать с койки и подойти к решетке; все его мысли были о сыне — о фейерверках, какие устраивались для мальчика в прошлые годы, и сумрачной тихой скудости, в которой он встретит нынешний праздник.

За пару дней Нил окончательно сник, и потому сообщение Бишу-джи о том, что определен срок его отправки, встретил недоуменным вопросом:

— Куда меня отправляют?

— На Маврикий. Забыл, что ли?

Нил потер глаза:

— И когда?

— Завтра. Корабль готов.

— Завтра?

— Да. Рано утром. Приготовься и скажи Аафату.

Джемадар ушел, и Нил хотел вновь опрокинуться в койку, но поймал на себе вопрошающий взгляд соседа. Утренний ритуал с вопросом о его имени уже давно не соблюдался, однако сейчас Нил заставил себя отрывисто произнести по-английски:

— Завтра уезжаем. Корабль готов. Нас заберут утром.

Ответа не последовало, если не считать чуть расширившихся глаз сокамерника, и Нил, пожав плечами, плюхнулся в койку.

Теперь, когда отъезд был близок, вновь нахлынули образы, которые Нил старательно гнал из памяти: Элокеши, дом, жена — соломенная вдова, сын-безотцовщина. Ночью ему привиделся кошмар: он, изгой, лишенный всех связей, одиноко мечется в черной пустоте океана. Потом он стал тонуть и замолотил руками, пытаясь вырваться к свету.

Нил очнулся и понял, что в темноте сидит на кровати. Он медленно приходил в себя и вдруг ощутил чью-то руку, что утешительно обняла его

за плечи, и в этом объятии была такая близость, какой он не изведал даже с Элокеши. Потом он услышал голос, будто исходивший из него самого:

— Мой имя Ли Лин-Фатт. Люди звать А-Фатт. А-Фатт твой друг.

Эти по-детски простые, запинающиеся слова были утешительнее и новее любой поэмы. Если б Нил слышал их раньше, они пропали бы зря, потому что лишь теперь он мог понять всю их ценность.

*

Скорее капризный прилив, нежели человек, определил день отхода «Ибиса». В тот год, как и многие другие, Дивали почти совпал с осенним равноденствием. Это не повлияло бы на отплытие шхуны, если б не опасная причуда бенгальских рек — бор, громадная приливная волна, что гонит перед собой стену воды. Самые грозные боры приходят под праздники Холи и Дивали, когда времена года поворачиваются на равноденственных петлях; об эту пору высокие стремительные волны могут нанести серьезный урон речным судам. Вот такая волна и определила, когда «Ибису» поднимать якорь: уведомление об опасности

пришло своевременно, и было решено, что шхуна переживет бор на швартовах, а уж на другой день примет человеческий груз.

Еще утром стало известно, что бор ожидается к закату; на реке закипела работа: рыбаки вытаскивали на берег шлюпки, гички и ялики, отводили подальше друг от друга тяжелые шаланды, барки и баркасы. Бриги, бригантины и шхуны опустили бом-брам-реи с брам-стеньгами и подвязали паруса.

В Калькутте Захарий уже два раза стоял в толпе зевак, собиравшейся на берегу посмотреть на бор, и знал, что вначале возникнет отдаленный гул, возвещающий приближение волны, а потом вдруг рокочущая водяная махина, увенчанная пенной гривой, встанет на дыбы и ринется вверх по реке, словно хищник за неуловимой жертвой.

Вместе с ребятней Захарий, сам не зная почему, вопил и улюлюкал, а потом, как и все другие, немного смущался своего восторга, ибо через пару минут вода успокаивалась, и день возвращался в свое обычное русло.

Уже знакомый с приливными волнами, Захарий видел их только с берега, а вот мистер Кроул имел хорошую практику общения с борами и макарео на Ирравадди и Хугли. Капитан

назначил его ответственным за подготовку к волне, а сам оставался в каюте, известив, что появится на палубе ближе к вечеру. Но, как это бывает, примерно за час до бора пришло сообщение от мистера Бернэма: по неотложному делу, возникшему в последнюю минуту, капитана затребовали в город.

Обычно на берег капитана доставляли старшина или рулевой, для чего имелась легкая гичка, которая на портовых стоянках всегда была привязана к корме. Однако нынче людей не хватало, поскольку многие ласкары еще не вернулись на шхуну: отходили после прощальной невоздержанности либо готовились к долгой разлуке с сушей. Каждая пара рук была на счету, и потому Захарий предложил свои услуги по доставке шкипера на берег.

Он тотчас пожалел о своем необдуманном порыве, ибо первый помощник помрачнел и долго жевал губами, словно хотел распробовать вкус своего решения.

— Так что скажете, мистер Кроул?

— Что скажу? А вот что: вовсе незачем, чтобы капитана завезли к черту на рога. Если уж на то пошло, я сам сяду за весла.

— Конечно. — Захарий неловко потоптался. —

Вам виднее. Я лишь хотел помочь.

— Неужто? Помощь не в том, чтобы пудрить шкиперу мозги. Займитесь делом.

Захарий оборвал разговор, уже привлекавший внимание матросов:

— Хорошо, мистер Кроул, как вам угодно.

Капитан с первым помощником отбыли, а Захарий остался приглядывать за ласкарами, опускавшими реи. Когда мистер Кроул вернулся, на небе уже играли закатные краски, а на берегу собиралась толпа зевак.

— Ступайте на корму, Рейд, — прорычал первый помощник. — Нечего шастать по баку!

Захарий пожал плечами и ушел в кормовую рубку. Солнце уже село, на берегу рыбаки суетились около своих перевернутых лодок. Дожидаясь первых признаков волны, Захарий смотрел вниз по течению, и тут на корму прибежал стюард Пинто:

— Берра-малум кличет!

— Зачем?

— Нелады с буйком.

Захарий поспешил на бак, где первый помощник, сощурившись, смотрел на воду.

— Что-то не так, мистер Кроул?

— Это вы мне скажите, Рейд. Что вы там види-

те? — Помощник указал на трос, уходивший с носа к буйку футах в пятидесяти от шхуны.

Захарий знал, что бор на Хугли требует особой швартовки: большие корабли отходили от берега, однако якорь не бросали, но швартовались к буйкам, цепями прикрепленным к илистому дну. Скоба, к которой крепился трос, располагалась на днище буйка, и добраться до нее сквозь речную муть мог лишь ныряльщик, привычный к работе вслепую. Именно такой трос привлек внимание мистера Кроула, но Захарий, сколько ни щурился из-под козырька ладони, не видел ничего особенного в канате, на полпути к буйку исчезавшем в воде.

— По-моему, все в порядке, мистер Кроул.

— Да ну?

Было еще достаточно светло, и Захарий вгляделся пристальнее:

— Уверен.

Мистер Кроул поковырял ногтем в зубах:

— Ни черта вы не понимаете, Хлюпик. А если я скажу, что трос запутался о цепь буйка? — Приподняв бровь, он осмотрел ноготь. — Об этом вы не подумали, а?

— Нет, не подумал, — признался Захарий.

— Не угодно ли взять гичку и смотаться про-

верить?

Захарий молчал, прикидывая, успеет ли сплавать к буйку и обратно, прежде чем обрушится волна. Расчету мешало бешеное течение, изборождившее поверхность реки. Помощник прервал его размышления:

— Что, слабо, Рейд?

— Нет, — тотчас ответил Захарий. — Коль нужно, я проверю.

— Тогда хватит трепаться и вперед!

Если уж делать, то делать быстро, сказал себе Захарий и опрометью кинулся на корму; гичка была еще на воде — подъем лодки завершал подготовку к бору. Пока ее подтащат к бортовому трапу, уйдет куча времени, соображал Захарий, лучше спрыгнуть, перемахнув через кормовое ограждение. Он уже потянул фалинь, когда боцман Али высунулся из рубки и прошептал:

— Малум, атас! Гичка каюк!

— Что?..

Появление на корме первого помощника не дало закончить вопрос.

— Ну что еще? Боитесь промочить ножки, Хлюпик?

Захарий молча сунул фалинь боцману, и тот захлестнул его за пиллерс. Перебравшись через

ограждение, по натянувшейся веревке Захарий съехал в лодку и махнул — отпускай! В тот же миг течение подхватило и, протащив вдоль шхуны, вытолкнуло легкое суденышко к середине реки.

Вставляя весла в уключины, Захарий отметил, что воды в гичке с добрый дюйм. Он не встревожился — посадка-то низкая, видно, наплескало волной. Первые футов двадцать лодка была послушна, и Захарий, сосредоточенный на буйке, не заметил, как вода, покрыв его щиколотки, подобралась к голеням; он оторопел, увидев, что еще дюйм-другой, и планшир скроется в бурном потоке. Течь была такая, словно кто-то аккуратно продырявил гичку с таким расчетом, чтоб затонула на ходу.

Пытаясь развернуться, Захарий приналег на весла, но корма уже так осела, что лодка не слушалась. До буйка оставалось футов двадцать, он был хорошо виден даже в быстро сгущавшихся сумерках, однако течение утаскивало лодку на середину реки. Швартовочный трос, дразнивший своей близостью, гарантировал спасение, но прогал между ним и лодкой быстро увеличивался. Даже хороший пловец не совладал бы с течением, чтобы добраться к тросу, прежде чем ухнет приливная волна. Оставалась надежда на

чью-нибудь лодку, но река, обычно кишевшая судами, была зловеще пуста. Захарий оглянулся на шхуну — боцман Али уже все понял и командовал ласкарами, которые торопливо спускали бортовую шлюпку. Однако быстрее чем за пятнадцать минут им не управиться, а тогда уже будет поздно. Захарий глянул на берег, с которого в беспомощной тревоге за там наблюдала толпа рыбаков, лодочников и зевак. Уже слышался рокот приближавшегося бора, и всякий, кто сунется в воду, рисковал бы своей жизнью.

Одно было ясно: оставаться в тонущей гичке нельзя. Захарий скинул разбухшие башмаки и сорвал с себя полотняную рубаху. Он уже был готов плюхнуться за борт, когда с берега соскользнула узкая лодка; суденышко так стремительно врезалось в воду, что по инерции покрыло половину расстояния до терпящей бедствие гички.

Это придало сил, и Захарий поплыл навстречу лодке, безостановочно молотя руками. Лишь услышав крик «Зикри-малум!», он поднял голову и увидел Джоду, который через борт подавал ему руку. Рокот бора уже превратился в рев. Захарий перевалился в лодку. Джоду сунул ему весло и показал на маячивший впереди буек — волна подошла так близко, что о береге нечего было

и думать.

Захарий глянул через плечо: на них накатывала водяная стена с белым пенящимся гребнем. Он бешено заработал веслом и больше не оглядывался до самого буйка. Бор вздыбился, словно готовясь к прыжку.

— Зикри-малум! — Джоду уже вывалился в воду и захлестнул лодочную веревку за крюк на макушке скользкого от тины буйка. — Прыгай!

Они еще успели обвиться веревкой и, ухватившись за железный обруч буйка, набрать в грудь воздух.

Вдруг наступила тишина: оглушающий рев превратился в неимоверную тяжесть, которая расплющила их по железяке, облепленной рачками в острых панцирях. Тяжелый буек ушел под воду и, дернувшись, закружился на цепи. Потом, словно воздушный змей, подхваченный ветром, резко сменил направление и поплавком выскочил на поверхность. Захарий прикрыл глаза и ткнулся лбом в железный обруч.

Отдышавшись, он протянул Джоду руку:

— Спасибо, дружище…

Тот шлепнул его по ладони и, сверкнув ухмылкой, бешено заиграл бровями:

— Навались! Абажур!

— Точно! — рассмеялся Захарий. — Полный абажур!

Лодка чудом не пострадала, и Джоду, доставив Захария на «Ибис», вернул ее хозяину.

Сложив руки на груди, первый помощник стоял на палубе.

— Ну что, будет с вас, Рейд? Может, передумали? Еще не поздно списаться на берег.

— Протрите глаза, мистер Кроул, — роняя капли, ответил Захарий. — Я здесь. Так что куда «Ибис», туда и я.

Часть третья
Море

16

Поутру Дити вышла к лагерному причалу и первой увидела лодки. С губ ее сорвался леденящий душу пронзительный крик; не успело эхо его угаснуть, как весь лагерь был на ногах. Переселенцы выбирались из хижин и шли к причалу — удостовериться, что это не сон, что и впрямь наступил день отъезда. Теперь сомнений не осталось, и лагерь загудел; люди суетились, собирая пожитки, снимая с веревок белье, разыскивая запропастившиеся кувшины и горшки. В суматохе они не вспомнили о заготовленных прощальных ритуалах, однако сама суета превратилась в некий обряд, имевший целью не столько положить конец сборам (нехитрое имущество уже не раз увязывалось в тюки, все давно было собрано), сколько выразить благоговение перед божественным откровением в тот долгожданный устрашающий миг, когда пелена неопределенности прорвана, но возникает загадочная тьма неизведанного.

Охранники палками подбадривали тех, кто испуганно забился в угол, и разгоняли с лагерных дорожек кучки взбудораженных шептунов. В

женской хижине царил сумбур, и Дити, забыв о собственных страхах, взяла на себя руководство отъездом, ибо Ратна и Чампа испуганно жались друг к другу, Хиру каталась по полу, повитуха Сарджу зарылась лицом в свои драгоценные узлы, а Муния не нашла иного времени, чтобы вплетать кисточки в косы. Пожитки Дити были давно уложены, а потому она целиком посвятила себя тому, чтобы окриками, тычками и, если требовалось, пощечинами привести в чувство подруг. Командирство ее оказалось настолько успешным, что к появлению Калуа весь багаж до последнего горшка и лоскутка был упакован и грудился у входа.

Подхватив свой тюк, Дити возглавила процессию женщин, тщательно задрапированных накидками. Они держались следом за Калуа, торившим дорогу сквозь переселенческую толчею. На причале Дити разглядела Ноб Киссин-бабу, чьи волосы сияющими локонами рассыпались по плечам. Он приветствовал женщин, точно старших сестер, и велел первыми усадить их в лодку.

По шатким сходням женщины прошли под соломенный навес на корме, где им выгородили место. Дити не сразу увидела, что там кто-то уже сидит, ибо взгляд ее был устремлен на вымпел

часовни, а душу терзали угрызения совести из-за не совершенной молитвы. Чего хорошего ждать от путешествия, коль отправился без пуджи? Дити сложила ладони, закрыла глаза и принялась истово молиться.

— Ой, мы движемся! — завопила Муния, и ее тотчас поддержал чей-то незнакомый голос:

— Ха, чал рахе хай! Да, поехали!

Лишь теперь Дити поняла, что среди них чужачка, и открыла глаза: напротив сидела женщина в зеленом сари, вдруг показавшаяся до того знакомой (может, являлась во сне?), что по шее забегали мурашки. Снедаемая любопытством, Дити сдернула накидку:

— Здесь одни женщины. Чего нам прятаться?

Незнакомка тоже откинула сари: миловидное лицо говорило о том, что хозяйка его скромна, но вместе с тем умна и решительна. Мягкая смуглость кожи выдавала в ней сельскую барышню, не изведавшую трудов в поле под летним зноем. Она казалась настолько свойской, что Дити без колебаний задала вопрос на родном бходжпури:

— Куда едешь?

— Туда же, куда и вы, — ответила девушка на хиндустани, в котором слышался выговор горожанки.

— Но ведь ты не наша.

— Теперь ваша, — улыбнулась незнакомка.

Дити не осмелилась прямо спросить ее имя и решила выяснить его окольным путем, представив подруг: Муния, Хиру, Сарджу, Чампа, Ратна и Дукхани.

— Мое имя Путлешвари, — сказала девушка и, заметив испуг спутниц — как же это выговорить, ведь язык сломаешь? — добавила: — Но все зовут меня Глупышка.

— Чего это вдруг? — усмехнулась Дити. — На дуру ты не похожа.

— Ты меня еще не знаешь, — мило улыбнулась девушка.

— Как ты здесь оказалась?

— Ноб Киссин-бабу — мой дядя.

— Ну так я и думала! — кивнула Дити. — Ты бамни, дочка брамина. И куда направляешься?

— Как и вы, на Маврикий.

— Но ты же не гирмитка. Зачем?

— Дядя сосватал мне жениха, охранника на плантации.

— К жениху едешь? — изумилась Дищ. Виданное ли дело: ради замужества переплыть море, словно речь идет о поездке в соседнюю деревню. — А ты не боишься потерять касту? Ведь надо

пересечь Черную Воду вместе со всяким людом…

— Ничуть не боюсь, — с непоколебимой уверенностью ответила девушка. — Это все равно что совершить паломничество к храму Джаганнатха в Пури; здесь все равны, касты не потеряешь. Отныне и навеки все мы корабельные чада, братья и сестры. Между нами нет различий.

От столь бесстрашного и умного ответа у женщин аж перехватило дыхание. Я б целый век ломала голову, подумала Дити, но не сумела бы сказать так здорово и волнующе. От избытка чувств она сделала то, на что прежде никогда не решилась бы, — взяла руку незнакомки в свои ладони. И все остальные тотчас последовали ее примеру, сверху положив свои руки.

— Да, отныне между нами нет различий, — сказала Дити. — Мы братья и сестры, мы дети корабля.

С носа лодки донесся мужской возглас:

— Вон он! Наш корабль…

Да, это был он: две мачты, огромный клюв бушприта. Теперь Дити поняла, отчего в тот день, когда она стояла в водах Ганга, ее посетило видение парусника: все это время в его чреве созревали ее новое «я» и новая жизнь, а сам он был отцом и матерью ее новой семьи, предком и

основоположником будущих династий. Это был он, «Ибис».

*

С высоты фок-мачты открывался восхитительный вид, о котором Джоду так долго мечтал: причалы, река и палуба лежали перед ним, точно ожидающие оценки сокровища на конторке ростовщика. Охранники готовились принять на борт осужденных и переселенцев, а ласкары наводили предотвальный порядок: сматывали перлини, убирали помпы, загоняли в клети живность и рядами укладывали ящики.

Осужденные прибыли минут за пятнадцать до переселенцев; их доставили на неуклюжей тюремной барке с зарешеченными иллюминаторами. Казалось, это судно готово исторгнуть целую свору головорезов, но с него сошли всего два человека, совсем не страшных даже в кандалах. Одетые в холщовые порты и рубахи с короткими рукавами, заключенные держали под мышкой флягу с водой, а в руках узелок. Без особых церемоний их сдали под начало субедара, и барка тотчас отбыла восвояси. Бхиро Сингх решил сразу показать, что ждет узников, и погнал их, точно быков, стегая по задницам и ушам.

Перед входом в трюм один заключенный оглянулся на берег, словно прощаясь с городом, и палка субедара с треском обрушилась на его плечо. Ласкары, сидевшие на мачте, сморщились.

— Ох и сволочи эти конвоиры! — вздохнул Мамду. — Не упустят случая прищемить тебе яйца!

— Вчера один дал плюху Кассему, — сообщил Сункер. — Мол, не касайся моей жратвы.

— Я бы врезал в ответ! — сказал Джоду.

— И уже не сидел бы здесь, — пробурчал Мамду. — Они вооружены — не видишь, что ли?

Подтянувшись, Сункер встал на леер и крикнул:

— Вон они!

— Кто?

— Кули. Вон в тех лодках, видите?

Другие тоже привстали и, перегнувшись через рею, посмотрели вниз. От канала Толли к шхуне подходила флотилия из полудюжины лодок, набитых мужчинами в одинаковых белых рубахах и дхоти до колен. Головная лодка слегка отличалась тем, что имела навес; когда она подошла к бортовому трапу, из-под навеса вырвалось красочное разноцветье — восемь фигур в сари.

— Бабы! — выдохнул Джоду.

Мамду остался равнодушен — по его глубокому

убеждению, ни одна женщина не могла соперничать с его очаровательным вторым «я».

— Ведьмы, — буркнул он. — Никто не сравнится с Гхазити.

— Откуда ты знаешь? — удивился Джоду. — Они же под накидками.

— Хватит и того, что я предвижу от них беду.

— С чего это?

— Прикинь: на борту восемь баб, не считая Гхазити, и двести с лишним мужиков — кули, охрана, ласкары и командиры. Чего хорошего?

Джоду пересчитал: верно, на «Ибис» готовились взойти восемь фигур в сари. Уж не те ли это бабоньки, которых он доставил в лагерь? Или тех было семеро? Черт, не вспомнить! Его внимание привлекло розовое сари…

Джоду вскочил и, уцепившись за леер, замахал сорванной с головы банданой.

— Спятил, что ли! — рявкнул Мамду.

— Кажется, одну я знаю!

— Не выдумывай! Лица-то закрыты.

— По сари узнал. Вон та, в розовом. Точно, она! — не унимался Джоду.

— Закрой хлебало и сядь! — дернул его за штаны тиндал. — Поостерегись. После вчерашнего фортеля с Зикри-малумом помощник на тебя

зуб точит. Если засечет твои шуры-муры с кули, мачты тебе не видать.

*

Увидев сигналы Джоду, испуганная Полетт едва не свалилась в воду. Ее накидка была существенным, но не единственным средством маскировки: той же цели служили выкрашенные киноварью подошвы ступней, замысловатые узоры хной на руках и тяжелые серьги с кисточками, изменявшие овал лица. Вдобавок она по-старушечьи волочила ноги, а узелок с пожитками держала на бедре как неимоверную тяжесть. Все эти многочисленные ухищрения вселяли уверенность, что никто, даже Джоду, знавший ее как облупленную, ничего не заподозрит. Но, похоже, усилия пропали даром, ибо он замахал рукой, едва ее увидел. Как быть?

Полетт знала, что Джоду, руководствуясь ненужной братской заботливостью или стремлением к первенству, всегда отмечавшим их отношения, ни перед чем не остановится, лишь бы не допустить ее на «Ибис». Коли он ее узнал, лучше убраться восвояси. Полетт уже настроилась к отступлению, но вдруг Муния ухватила ее за руку. Еще в лодке девушки, почти ровесни-

цы, быстро нашли общий язык, и сейчас Муния прошептала:

— Видишь его, Глупышка? Вон, парень, что машет мне!

— Что? Ты про кого?

— Ласкар на мачте… втрескался в меня по уши… Узнал мое сари…

— Ты его знаешь?

— Ну да. Он отвозил нас в лагерь, когда мы приехали в Калькутту. Его зовут ласкар Азад.

— Ой, правда? Так его зовут? — улыбнулась Полетт.

Решив испытать надежность своей маскировки, сквозь накидку она взглянула прямо на Джоду, висевшего на вантах. Вспомнилось, как в детстве они вместе играли в Ботаническом саду, раскачиваясь на ветках высоких деревьев. Кольнула зависть: Полетт всегда была ловчее, так почему же она, закутанная с головы до ног, карабкается по трапу, а Джоду блаженствует на вольном ветерке? Охранники поторапливали, однако на палубе Полетт снова дерзко взглянула на старого друга — мол, узнай-ка меня! — но тот не сводил глаз с хихикавшей Мунии.

— Видала! Что я говорила — совсем рехнулся! Захочу, так на голове спляшет!

— Вот и заставь! — съязвила Дити. — Надо преподать ему урок.

— А что, пожалуй! — прыснула Муния.

— Тише ты! Все смотрят.

И верно: за ними наблюдали не только ласкары, помощники и охранники, но и сам капитан Чиллингуорт, который, сложив руки на груди, стоял с наветренной стороны шканцев. Он брезгливо скривился и негромко сказал:

— Поверьте, Дафти, смотрю я на этих несчастных созданий и грущу по старым добрым денькам в Гвинее. Вон две карги — ведь уж на ладан дышат.

Капитан был уверен, что старухи кули его не понимают.

— Верно изволили заметить, — отозвался лоцман. — Жалкое зрелище.

— Скажем, вон та бабка, — продолжил капитан, глядя на Полетт. — Либо вековуха, либо яловка. Какого черта ее понесло за море? На что годен этот мешок с костями — ни постель согреть, ни от мужика понести.

— Мерзость! — согласился мистер Дафти. — Наверняка в ней еще и куча хворей. Не удивлюсь, если она перезаразит нам все стадо.

— По мне, так милосердней ее прикончить,

избавив от тягот путешествия. Горящее судно на буксир не берут.

— Заодно провиант сэкономим. Готов спорить, такая жрет в три горла; тощие, они прожорливые.

*

Разумеется, кто как не Захарий появился в эту самую минуту? Он тоже окинул жалостливым взглядом древнюю согбенную каргу. Полетт вспомнила его высокомерные слова: «Шхуна — не место для девушки». Надменный молодец изливал сочувствие, будто забыв, что своей должностью помощника обязан лишь цвету кожи да мускулам ублюдка. Полетт возмущенно вздрогнула, выронив узелок, который шмякнулся на палубу возле самых ног Захария. Тот машинально за ним нагнулся.

— Оставьте вашу галантность, Рейд! — донесся голос мистера Дафти. — Благодарности не дождетесь!

Предупреждение запоздало: Полетт звонко шлепнула Захария по руке и схватила узелок, в котором лежали отцовская рукопись и два ее любимых романа; вот была бы история, если б этот задавака нащупал корешки книг!

Удивленный Захарий убрал незаслуженно отшлепанную руку, а Полетт заспешила к трюму.

В прошлый раз она чуть не кубарем скатилась по трапу, но сейчас, спеленатая сари и придавленная узелком на голове, спускалась потихоньку. Трюм тоже изменился: горели лампы и свечи, пол устилали разложенные кругами циновки. Из-за новой деревянной переборки помещение казалось теснее.

Охранник махнул девушкам, чтоб шли за перегородку.

— Там женское отделение, — сказал он. — А за стенкой каторжники.

— Чего? — испугалась Муния. — На кой лад нам такое соседство?

— Не боись, к ним вход с другой стороны. Сюда им не добраться. А вам тут удобнее — не будут через вас в нужник ходить.

Последнее было неоспоримым преимуществом; в переборке, отделявшей женский закуток от камеры узников, Полетт заметила крохотную вентиляционную отдушину. Не удержавшись, она встала на цыпочки и украдкой заглянула в дырку, а затем приникла к ней, поскольку обитатели камеры представляли собой весьма любопытную пару. Один, бритоголовый и тощий,

смахивал на непальца, другой, со зловещей татуировкой на виске, явный индус. Он плакал, а сосед обнимал его за плечи, словно утешая; было странно видеть столь нежные отношения закованных в кандалы преступников. Мало того, они разговаривали, что еще больше разожгло любопытство: что же их так увлекло, если они даже не слышат шума за стенкой? И на каком языке могут общаться узкоглазый скелет и татуированный злодей? Полетт перетащила свою циновку ближе к стене и ухом прижалась к щели в досках. Вот это да! Узники говорили по-английски.

*

Возле отшлепанного Захария тотчас возник Ноб Киссин-бабу. Приказчик был в обычных дхоти и курте, но формы его обрели женственную пышность, отчего он стал похож на дородную вдовицу. Светясь снисходительным укором, он грациозно отбросил с лица длинные волосы.

— Ай-ай-ай! — погрозил пальцем Ноб Киссин. — Даже в суете забот не удержитесь от шалостей?

— Опять вы, Пандер! — вздохнул Захарий. — Какого черта вам надо?

— Будет вам, не чинитесь, — прошептал Ноб Киссин. — Мне все известно.

— О чем вы?

— Взгляните, что у меня есть, — загадочно сказал приказчик.

Он сунул руку за пазуху, и Захарий не удивился бы, если б ему представили спелые груди. Но рука вернулась с продолговатым медальоном.

— Вот как хорошо спрятано! В самом безопасном месте. Однако я должен вас предостеречь.

— В чем?

— Здесь негоже.

— Что — негоже?

— Шалить с пастушками, — шепнул приказчик, склонившись к самому уху Захария.

— Идите вы к черту, Пандер! — рявкнул Захарий. — Я просто хотел помочь женщине.

— Не тревожьте дамочек. И свирель свою не показывайте. А то они шибко возбудятся.

— Вы про что? — Уже не впервые Захарий подумал, что приказчик не просто чудак, а сумасшедший. — Отстаньте, Пандер!

*

Отвернувшись, Захарий ухватился за поручень и хмуро глянул на красноватую от шлепка ладонь. На душе остался какой-то осадок. Женщину в зеленом сари он заприметил, когда она пер-

вой ступила на бортовой трап; казалось, из-под накидки она разглядывает Захария. На палубе ее походка стала медленной и тяжелой. Выронив свой скарб, тетка схватила его лишь одной корявой, расписанной хной лапой, а другой, не менее уродливой, вцепилась в накидку. Видно, мужского взгляда бабка страшилась как огня. Захарий усмехнулся, вспомнив испепеляющий прощальный взгляд Полетт. Может, сейчас с берега она высматривает «Ибис»? Джоду говорил, девушка оправилась от болезни. Наверняка она захочет их проводить — если не Захария, то хотя бы старого друга. Неужто не поняла, что они желали ей добра?

Рядом возник боцман Али, точно дух, вызванный ворожеей.

— Еще не знать? — прошептал он. — Мисси Ламбер найти себе муж и бежать вон. Лучше Зикри-малум ее забывать. Она шибко тощий. Китай ходить хороший женка ловить. Титьки много, жопа много. Зикри-малум шибко счастливый стать.

Захарий грохнул кулаком по поручню:

— Пропади ты пропадом! Когда ж это кончится? Пандер со своими пастушками, да еще ты с чертовой женкой! Послушать вас, так я просто

свихнулся в охоте за мандой…

Вдруг боцман Али пихнул его в бок:

— Там! Гляди!

Захарий обернулся и увидел кота Крабика, который несся по ограждению, словно улепетывая от незримого хищника. Вытянувшись в прыжке, он перескочил на бортовой трап, оттуда сиганул в пришвартованную лодку и исчез. Полосатый котяра даже не оглянулся на шхуну, в которой проехал полсвета.

С палубы за побегом кота наблюдали ошеломленные ласкары и переселенцы; Захария кольнуло нехорошее предчувствие. Ему доводилось слышать болтовню суеверных матросов, но только сейчас он в полной мере понял их выражение «пузырьки в животе».

На мачте тиндал Мамду вцепился в рею, костяшки на его руке побелели.

— Ты видел? — спросил он Джоду. — Видел?

— Что?

— Кот сбежал с корабля. Чтоб мне лопнуть, если это не знак.

*

Дити взбиралась по трапу, когда кот перебежал ей дорогу. Она бы предпочла свалиться в воду,

нежели первой пересечь его след, однако сзади ее страховал Калуа, да еще напирали переселенцы. Эти совместные усилия вкупе с окриками охранников перенесли ее через роковую границу и доставили на палубу шхуны.

Сквозь накидку Дити глянула на громадины мачт и, почувствовав головокружение, опустила голову. Шпалера охранников палками подгоняла переселенцев к трюму:

— Чал! Чал!

Несмотря на понуканья, посадка шла медленно, ибо палубу захламляли канатные бухты, бочонки и помпы, а кое-где шныряли удравшие из клетей куры и мекающие козы.

Вдруг раздалась брань на бходжпури; голос показался странно знакомым. Сквозь путаницу снастей Дити разглядела бычью шею и роскошные седые усы толстобрюхого сквернослова. Холодная лапа сжала ее сердце; Дити его узнала, однако голосок в ухе нашептывал, что это не просто смертный, но сам Шани, который всю жизнь за ней охотился и теперь настиг. Колени ее подломились, она грянулась о палубу.

Позади скопилась чертова уйма народу, и если б не Калуа, Дити наверняка бы затоптали. Но великан уперся и сдержал натиск толпы.

— Ну что еще такое? — Привлеченный заминкой, на палубе появился Бхиро Сингх.

Дити подтянула накидку, но что в ней толку, если Калуа на виду и сейчас его узнают? Закрыв глаза, она стала молиться: «Хе рам, хе рам…»

— Как твое имя? — раздался голос Бхиро Сингха.

Неужто субедар не узнал великана? Да, вполне возможно: ведь он давно уехал из деревни и видел Калуа только мальчишкой; что ему до выкормыша кожемяк? Но после скандального бегства с погребального костра имя Калуа ему наверняка известно. Какое счастье, что судьба подсказала сменить имена! Только бы Калуа сообразил! Дити вонзила ноготь в его ступню, подавая знак: берегись!

— Как тебя зовут? — повторил субедар.

Молитву услышали — помешкав, Калуа ответил:

— Мое имя Мадху, малик.

— Кто это разлегся, твоя жена?

— Да, малик.

— Забирай ее и неси в трюм. И чтоб больше никакой дури!

— Слушаюсь, малик.

Перекинув Дити через плечо, Калуа отнес ее в

трюм и уложил на циновку; он хотел вернуться на палубу за тюками, но жена не пустила:

— Сначала послушай: знаешь, кто это был? Бхиро Сингх — мужнин дядя, который меня сосватал и выслал за нами погоню. Если он узнает, что мы здесь…

*

— Готовы? — рявкнул лоцман и тотчас получил ответ боцмана Али:

— Саб тайяр, саиб!

Солнце было в зените, трюмный люк давно задраили. Вместе с другими Джоду прибирал на палубе: складировал бочонки с водой, сматывал канаты, заправлял перлини в швартовые клюзы, расселял курей и коз по шлюпкам. Наконец все было сделано, и ему не терпелось очутиться на мачте, чтобы с ее высоты бросить прощальный взгляд на родной город; после долгожданной команды «Марсовые наверх!» он первый схватился за выбленки.

Двадцать миль от Калькутты до Алмазной гавани шхуне предстояло идти в связке с «Форбсом» — одним из паровых буксиров, которые недавно появились на Хугли. Издали Джоду уже видел эти пыхтящие кораблики, что тягали за собой здоро-

венные барки и бригантины, словно невесомые лодчонки, и его нетерпение частью объяснялось предстоящей буксировкой. С мачты он увидел тупорылый тягач, который звоном рынды оповещал суда о своем приближении.

С высоты хорошо просматривались знакомые деревья и тропинки Ботанического сада. Промелькнула грустная мысль: вот бы рядом очутилась Полетт, то-то было бы здорово! Конечно, на шхуне ей не место, но все-таки жаль, что они так вздорно расстались — ведь кто знает, когда еще свидятся…

Задумчивость Джоду нарушил голос Сункера:

— Вон, глянь-ка…

Рядом с буйками поплавками прыгали головы двух ныряльщиков, отвязавших швартовые тросы. Еще минута, и шхуна тронется в путь. Тиндал Мамду запрокинул голову, прикрыл веки с пушистыми ресницами и произнес первые слова Аль-Фатиха; Джоду и Сункер тотчас его поддержали:

— Бишмилла ар-рахман ар-рахим, хамдулилла аль-раб аль-аламин… Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! Хвала Творцу всего Сущего…

*

— Свистать всех наверх!

Приказ мистера Дафти тотчас был сдублирован криком боцмана:

— Саб адми апна джагах!

Буксир подошел ближе; в душной тесноте трюма стук его движка воспринимался рыком разъяренного демона, который пытается разодрать деревянную обшивку, дабы сожрать притулившихся за ней людишек. В трюме было совсем темно, поскольку перед уходом охранники загасили лампы и свечи — мол, вы и так уж ладно устроились, и огонь вам ни к чему, не дай бог, подпалите судно. Никто не возразил, но все понимали, что охрана просто жмотничает. Единственными источниками света были щели в досках и шпигаты нужника. Серый мрак, полуденная духота и зловоние от сотен тел превращали тесную обитель переселенцев в сточный колодец, где и дышалось-то с трудом.

Гирмиты уже разложили циновки по своему усмотрению, ибо все мгновенно поняли: охране плевать на то, что происходит внизу, ее главная забота — укрыться в своей каюте от зноя и трюмной вони. Едва захлопнулся люк, переселенцы

нарушили аккуратные круги циновок — каждый стал отвоевывать себе место.

Буксир рокотал все громче; Мунию охватила дрожь, и Полетт, предвидя истерику, прижала ее к себе. Она притворялась спокойной, но почувствовала, как в ней самой зарождается паника, когда прямо над ее головой раздался голос Захария:

— Трави помалу! — Хамар тиркао!

— Разом навались! — Лаг саб барабар!

Туго натянулись перлини, связывавшие «Ибис» с буксиром, и шхуна встрепенулась, точно птица, пробудившаяся от долгого ночного сна. От ватерлинии дрожь побежала вверх и, тряхнув трюм, достигла рубки, где стюард Пинто перекрестился и пал на колени. Вестовые разных вероисповеданий опустились рядом и склонили головы, слушая его шепот:

— Аве Мария, гратия плена, Доминус текум… Радуйся, Мария, благодати полная, Господь с тобою…

*

Стоя за штурвалом, мистер Дафти покрикивал:

— Живей, собаки, живей!

Шхуна накренилась на правый борт, и в трюме люди посыпались как горох. Возникла паника:

обезумевший народ кинулся к трапу и заколотил в люк:

— Откройте! Выпустите нас!

Ответа не было, сквозь палубу доносились лишь команды: «Навались, ублюдки, навались!»

Раздраженный суетой гирмитов, Нил крикнул в отдушину:

— Тихо вы, дураки! Пути назад нет!

Вместе с плавным движением корабля, которое каждый ощутил нутром, шум угасал, сменяясь напряженной тишиной. Лишь теперь переселенцы окончательно поняли: да, они плывут в бескрайность Черной Воды, и этот невообразимый путь страшнее рождения и смерти. Бунтари сползли с трапа и вернулись на циновки. В темноте чей-то ломкий от страха голос произнес начальные строки Гаятри-мантры; Нил знал их с пеленок, но сейчас шептал, словно в первый раз: «Ом, бхур бхувах свах, тат савитур вареньям… О, даритель жизни, избавитель от мук и печали…»

*

— Товсь! — Тайяр джагах джагах!

Дрожь, пробравшая шхуну, аукнулась на фокмачте, и Джоду понял: наступил долгожданный миг; наконец-то он покидал заиленные берега, на-

правляясь в воды, которые приведут его в Басру, Кантон, Мартабан и Занзибар. Джоду распирала гордость за парусник, красавца среди уродливых речных собратьев. На высоте казалось, будто шхуна одарила Джоду крыльями, чтобы он воспарил над своим прошлым. Млея от восторга, он ухватился за ванты и сорвал с головы бандану.

— Прощайте! — крикнул он неприглядным берегам. — Джоду уплывает!.. Прощайте, портовые шлюхи и сводни!.. Ласкар Джоду ушел в море! В море!

17

«Ибис» бросил якорь там, где его застали сумерки, — на плавном речном изгибе. Лишь когда тьма поглотила берега, на шхуне отомкнули зарешеченный люк и выпустили гирмитов на палубу. Охрана предполагала, что знакомство с корабельными условиями кое-кого подтолкнет к побегу, и не желала искушать переселенцев видом суши. В темноте привлекательность берега снижалась из-за воя шакальих стай, вышедших на промысел, но и тогда охранники были начеку, ибо по опыту знали: всегда найдутся вконец отчаявшиеся, кто предпочтет покончить с собой, бросившись в воду. Ужин готовился под строгим надзором: сначала конвой следил за кашеварами, помешивавшими в горшках, а затем группами выпускал на палубу гирмитов и загонял их обратно в трюм, едва они справлялись с пайкой риса с чечевицей и соленьями.

А в это время в кают-компании стюард Пинто и юнги подавали офицерам барашка в мятном соусе с вареным картофелем. Порции были щедрые, ибо перед отходом из Калькутты стюард загрузил две бараньих полтуши, которые могли не вы-

держать неурочную жару. Несмотря на обилие еды и питья, застолье было менее оживленным, чем кормежка возле камбуза, откуда временами долетали обрывки песни:

Маджха дхара ме бай бера мера
Крипа кара асрай хай тера…
Плот мой слабый несет волна,
На милость Твою надежда одна…

— Чертовы кули! — с набитым ртом пробурчал капитан. — Они будут гундосить даже в Судный день.

*

В зависимости от погоды и ветра путь от Калькутты до Бенгальского залива длился до трех дней. Между устьем Хугли и открытым морем лежал остров Ганга-Сагар — последнее место речного паломничества. Предок Нила воздвиг там церковь и не единожды посетил остров. Поместье Халдеров располагалось на полпути между Калькуттой и Ганга-Сагаром, и Нил знал, что «Ибис» минует его к концу второго дня. Он так часто наезжал в родные края, что по изгибу реки угадывал их приближение, и голова его пол-

нилась обрывочными воспоминаниями, яркими, как осколки стекла. Вскоре, словно в издевку, раздался крик дозорного:

— Расхали! Минуем Расхали!

Возникший образ был таким четким, будто сквозь борт шхуны, ставший прозрачным, Нил и впрямь видел свое имение: вот дворец с колоннадой, терраса, с которой сын учился запускать змеев, аллея бутий, посаженных отцом, окно спальни Элокеши…

— Что такое, э? — спросил А-Фатт. — Почему головой бьешься, э? — Не получив ответа, он так встряхнул Нила за плечи, что у того лязгнули зубы. — Мы проезжаем место — ты знаешь, не знаешь?

— Знаю.

— Твое селение, э?

— Да.

— Дом? Семья? Все говори.

Нил покачал головой:

— Нет. Может, в другой раз.

— Ачха. Другой раз.

Казалось, слышен звон колоколов расхальской церкви. Нил хотел лишь одного: скрыться от воспоминаний.

— Где твой дом, А-Фатт? — спросил он. — Рас-

скажи о нем. Ты жил в деревне?

— Нет. — А-Фатт поскреб подбородок. — Мой дом очень большой — Гуанчжоу. Англичане звать Кантон.

— Рассказывай, все рассказывай.

— Угу…

«Ибис» шел по Хугли, а Нил перенесся в Кантон, совершая свое собственное яркое путешествие, которое помогло ему сохранить рассудок; именно А-Фатт, недавно совсем чужой человек, дал ему возможность скрыться в незнакомых краях, ничем не напоминавших родину.

Прелесть косноязычного рассказа была в том, что он требовал усилий слушателя, которому приходилось подключать воображение и домысливать живые детали. И тогда Кантон превращался в то, чем была Калькутта для жителей окрестных деревень: местом, где соседствовали пугающая роскошь и страшная убогость, щедрым источником наслаждений и коварным кладезем непереносимых тягот. Помогая рассказчику, Нил и сам видел город, вскормивший того, кто стал его вторым «я». В глубине изрезанного бухтами берега воображение представляло порт, отделенный от моря путаницей болот, отмелей, ручьев, топей и заливов. Высокие городские стены придавали

ему облик корабля. Полоску земли, отделявшую стены от водяной кромки, так густо населяли всевозможные сампаны и джонки, что было невозможно сказать, где кончается суша и начинается вода. Этот плавучий шельф, достигавший почти середины реки, казался мешаниной из воды, ила, лодок и пакгаузов, но впечатление это было обманчиво, ибо в сей замусоренной толчее имело место четкое подразделение на маленькие общины. Разумеется, самой странной из них была территория, отведенная чужеземным торговцам, которых местные жители именовали «фанки» — чужаки.

На косе за юго-восточными городскими воротами чужакам позволили возвести так называемые фактории, которые представляли собой не что иное, как длинные строения под черепичной крышей, служившие одновременно складом, жильем и меняльной конторой. За те недолгие месяцы в году, что чужакам разрешали жить в Кантоне, свое бесовство они могли творить лишь на отведенной им территории. Сам город для них, как для всех иностранцев, был под запретом — по крайней мере, так заявляли власти, утверждая, что подобное правило существует уже около ста лет. Однако всякий сказал бы, что за городскими

стенами недостатка в чужаках вовсе нет. Пройди кто мимо храма Хао-Лин на улице Чжан-шоу, он бы тотчас встретил монахов из темных западных краев, а внутри церкви увидел бы скульптуру ее основателя, буддистского проповедника, что, бесспорно, было чуждым, как и сам Будда Сакьямуни. Если б путник углубился в город и прошагал по улице Гуанли к храму Хуайшен, то минарет подсказал бы ему, что, несмотря на внешнее сходство, это вовсе не церковь, а мечеть. Гость убедился бы и в том, что среди окрестных жителей не все уйгуры, выходцы из западных областей империи, но широко представлены бесовские яванцы, малайцы, малаяли и «черноголовые» арабы.

Так почему же одним можно, а другим нельзя? Или правило касалось только определенного сорта чужаков, истинных «не поднебесных», которым надлежало сидеть в факториях? Если так, то по внешности и нраву они, бесспорно, составляли отдельную касту, ибо среди них были «краснолицые» чужаки из Англии, «цветастые» из Америки и целая россыпь других из Франции, Голландии, Дании и прочих стран.

Из всего этого сонма чужаков наиболее распознаваемым было небольшое, но яркое племя

«белоголовых» парсов из Бомбея. Так почему же их относили к чужакам, наравне с «краснолицыми» и «цветастыми»? Никто этого не знал, но дело, конечно, не во внешности: да, среди «белоголовых» встречались румяные физиономии, однако было полно и темноликих, как ласкары, что почками торчали на ветках мачт, высившихся над Жемчужной рекой. Что касаемо одежды «белоголовых», то она имела сходство с нарядами «черноголовых» в чалмах (от которых возникли прозвища) и балахонах, однако ничуть не походила на одеяния тех чужаков, что щеголяли в нелепых штанах в обтяжку и коротеньких обдергайках, из карманов которых выглядывали платки для собирания соплей. Что интересно, сами «краснолицые» и «цветастые» на «белоголовых», чья фактория была самой маленькой, поглядывали косо и почти никогда не звали их на свои советы и пирушки. Однако «белоголовые» были такие же купцы и стремились к барышам, ради которых добровольно вели жизнь чужаков: точно перелетные птицы, они курсировали меж родными гнездами в Бомбее, летними жилищами в Макао и зимними в Кантоне, где городские стены отрезали их от всяческих удовольствий, ибо правила требовали не только отсутствия

женщин, но и полного воздержания во всем остальном. Городские власти жестко настаивали на исполнении ежегодно издававшегося указа, который запрещал жителям Гуанчжоу обеспечивать чужаков «девицами и юношами». Но разве подобное исполнимо? Как это часто бывает, говорилось одно, а на поверку выходило совсем иное. Разумеется, те же самые власти прекрасно знали о женщинах, что в цветочных лодках фланируют по Жемчужной реке, донимая ласкаров, купцов, толмачей, менял и всех других предложениями развлечься, а также о том, что в самом центре чужеземного анклава существует некий Свинюшник, хвастающий широким выбором притонов с большим разнообразием не только спиртного, но и прочего дурмана, в котором женские ласки занимают далеко не последнее место. Конечно, власти знали, что китайские лодочники оказывают чужакам мелкие, но необходимые услуги, включая стирку не только одежды, но постельного и столового белья (последнего было особенно много, ибо ограничения в бесовских распутствах не распространялись на еду и питье). Естественно, ремесло прачки подразумевало частые визиты к клиентам, и вот так однажды пересеклись пути чертовски обаятельного «бе-

логолового» Бахрамджи Науроздж Модди и молоденькой китаянки Ли Чимей.

Начало было весьма прозаическим: юный Барри, как его называли чужаки, отдал прачке скатерть, заляпанную воскресным дхансаком, и салфетки в следах от киднугошта,[64] о чем сделал запись в книге расходов — ведение подобного учета вменялось ему в обязанность как самому младшему из племени «белоголовых». Именно «белая голова», вернее, длинный кусок ткани, из которого сооружается чалма, и привел парочку к первому соитию: один из главных купцов фактории Джамшеджи Сохрабджи Нуссерванджи Батливала разглядел в своей чалме дырку и устроил юному Барри страшную выволочку. Предъявив Чимей дырявый головной убор, юноша разрыдался, причем плакал так искусно, что длинная ткань сама собой замотала обоих в уютный кокон.

Однако прошло еще несколько лет любви и стирки, прежде чем у Ли Чимей родился ребенок. Когда дитя появилось на свет, чрезвычайно воодушевленный отец наградил его выразительным именем Фрамджи Пестонджи Модди,

---

[64] Примечания: 64

Дхансак — курица с чечевицей и овощами; киднугошт — баранина с молодым картофелем и миндалем.

надеясь, что оно облегчит младенцу вступление в мир «белоголовых». Но Чимей гораздо лучше представляла себе судьбу полукровки и потому осторожно переименовала его в Лин Фатта.

*

Охрана не замедлила известить женщин, что от них потребуют услуг, в которые входят стирка, пришивание пуговиц, штопка и прочее. Готовая к любой работе, Полетт выбрала стирку, к ней присоединились Хиру и Ратна, а Дити, Чампа и Сарджу предпочли шитье. Муния же отхватила себе единственную работу, считавшуюся «непыльной», — пригляд за размещенной в шлюпках живностью, которая шла в пищу исключительно офицерам, охранникам и надсмотрщикам.

На шхуне имелось шесть шлюпок: две гички с обшивкой внакрой, два яла и два баркаса с обшивкой вгладь, каждый в добрых двадцать футов длиной. Гички и ялы, соответственно вложенные друг в друга, ставили на крышу рубки и закрепляли колодками. Баркасы же подвешивали на палубных боканцах, которые ласкары небеспричинно именовали «боганями», ибо переплетения их канатов и растяжек создавали

укромные уголки, позволявшие на пару минут удалиться от нескончаемой корабельной суеты, словно в складки одеяния богини. Под «боганями» же находились шпигаты, у которых шла стирка, и Полетт быстро научилась растягивать время работы, чтобы дольше побыть на свежем воздухе. «Ибис» углубился в водный лабиринт Сундабаранса, и она радовалась любой возможности посмотреть на берега в мангровых зарослях. Здесь река изобиловала банками и камнями, а потому шхуна петляла, часто приближаясь к берегу. Джунгли будили в Полетт воспоминания о счастливых днях, когда в лодке Джоду она с отцом приезжала в эти места, чтобы составить каталог местной флоры. Сейчас сквозь завесу накидки ее взгляд привычно отыскивал знакомые растения: вон, рядом с узловатыми корнями мангрового дерева виднеется кустик дикого базилика, Ocimum adscendens; в здешних лесах его нашел лучший друг отца мистер Войт, датчанин-управляющий из Ботанического сада в Серампоре. Вдоль берега густые заросли магнолии Ceriops roxburgiana, идентифицированной этим ужасным мистером Роксбургом,[65] которого отец так не любил, что

[65] Примечания: 65

Уильям Роксбург (1751–1815) — главный ботаник Ост-Индской компании; в 1793–1813 гг. работал в Ботаническом саду Калькутты.

бледнел от одного упоминания его имени. А вон там, на травянистой опушке, едва видной за деревьями, хорошо знакомый колючий кустарник аканта Acanthus lambertii. Отец дал ему это имя по настоянию Полетт, которая уколола ногу о его острые шипы. Сейчас она смотрела на знакомую зелень, проплывавшую за бортом, и к глазам ее подступали слезы; для нее это были не просто растения, но друзья детства, вместе с побегами которых она сама укоренилась на этой земле. Не важно, куда и надолго ли она уезжает, корни детства — самая крепкая связь со здешними краями.

А вот Мунию лес пугал. Однажды, показав на стебель, обвивший ствол дерева, она с неподдельным ужасом спросила:

— Змея?

— Нет, бояка! — засмеялась Полетт. — Это ползучее растение, что живет на коре деревьев. Его цветки очень красивы…

Да, это была эпифитная орхидея; три года назад Джоду где-то ее нашел и принес домой. Сначала отец принял растение за Dendrobium pierardii, но затем понял: это нечто иное. «Как назовем?» — улыбнувшись, спросил он. Джоду глянул на Полетт и ответил хитрой ухмылкой: «Путли-

сорняк», — дескать, такая же тощая и плоская. Однако отцу идея понравилась, и он назвал орхидею Dendrobium paulettii.

— Не, хорошо, что я работаю на крыше, — поежилась Муния. — Рядом матросы лазают на мачты…

— С тобой не заговаривают? — спросила Полетт.

— Только один. — Муния оглянулась на фок-мачту — стоя на леере, Джоду подбирал топсель. — Видала? Вечно выпендривается! Но ласковый и симпатичный, спору нет.

Раньше Полетт как-то не задумывалась о внешности молочного брата, но сейчас, взглянув на его подвижное лицо, полные губы и черные как смоль волосы, слегка выгоревшие на солнце, она поняла, что в нем нашла Муния.

— О чем он с тобой говорит?

— Хитрый как лис! — прыснула Муния. — Наплел, что в Басре знахарь научил его предсказывать судьбу. Как? — спрашиваю. Знаешь, что он ответил?

— Что?

— Дай, говорит, я приложу ухо к твоему сердцу, и оно скажет, что тебя ждет. А лучше, говорит, я послушаю губами.

Полетт в голову не приходило, что Джоду такой ходок, его наглость просто потрясала.

— Так люди ж кругом! — ахнула Полетт.

— Не, было темно, никто нас не видел.

— И что, ты позволила слушать свое сердце?

— А как ты думаешь?

Полетт нырнула под накидку Мунии, чтобы видеть ее глаза.

— Быть того не может!

— Ой, Глупышка! — хохотнула Муния, отдергивая накидку. — Пусть ты святая, но я грешница.

Вдруг на палубе появился Захарий; он шел на бак, и путь его лежал мимо боганей. Как назло, именно его рубашка сейчас была в стирке; Полетт торопливо ее спрятала и вжалась в борт.

Удивленная суетой, Муния спросила:

— Чего ты?

Полетт уткнулась головой в колени, и накидка ее свесилась до самых лодыжек, но это не помешало Мунии проследить за взглядом подруги; когда Захарий прошел, она засмеялась.

— Тихо ты! — прошипела Полетт. — Негоже так себя вести!

— Кому? — радостно захихикала Муния. — Еще строишь из себя святую! А сама такая же. Ясно, на кого ты глаз положила: руки-ноги и свирель, как

у всех мужиков!

*

Ссыльным сразу дали понять: дни напролет они будут щипать иступ, который Нил упрямо называл по-английски паклей. Каждое утро узники получали большую корзину пеньковых отбросов, чтобы к вечеру превратить их в пригодную для шпаклевки паклю. В отличие от переселенцев кормили их в трюме, но раз в день выводили наверх, чтобы они опорожнили парашу и ополоснулись сами, а затем сделали круг-другой по палубе.

Бхиро Сингх быстро сообразил, как превратить прогулку в развлечение, которое бесконечно его потешало: он изображал пахаря, а узники были волами. Захлестнутые на шее, цепи становились ярмом, а ножные кандалы вожжами, которые субедар то и дело вздергивал, прищелкивая языком и охаживая узников палкой по ногам. Возможность причинить боль доставляла удовольствие, однако главной целью было показать всем, что он, Бхиро Сингх, не восприимчив к заразе, исходящей от подвластных ему выродков. Нилу хватило одного взгляда, чтобы понять: субедар питает к ним безграничное от-

вращение, какого не чувствовал бы к заурядным преступникам. К разбойникам и душегубам он был бы мягче, но только не к этим безоговорочно осквернившим себя ублюдкам — чужестранцу и лишенцу. Что еще хуже, если только бывает хуже, эта парочка сдружилась, и никто из них не пытался верховодить, что убеждало в одном: они даже не мужики, а бессильные скопцы — короче, волы. Гоняя узников, субедар покрикивал, веселя охрану:

— Пошли, пошли! Чего уж теперь по мудям плакать! Слезами горю не поможешь!

Еще он любил стегнуть их палкой между ног и посмеивался, когда они корчились от боли:

— Что такое? Вы же евнухи! Вам ни жарко ни холодно!

Пытаясь рассорить узников, одному он выдавал лишнюю пайку, а другого заставлял вне очереди выносить парашу:

— Давай-давай, отведай дерьма своего дружка!

Интриги оказались безрезультатны, и Бхиро Сингх, усмотревший в том коварный подрыв своей власти, изливал ярость на узников при любой их попытке помочь друг другу. На прогулках по качкой палубе закованные Нил и А-Фатт спотыкались на каждом шагу, но стоило одному

нагнуться к упавшему другу, как на обоих обрушивался град ударов.

Однажды бешеная атака внезапно остановилась, и субедар прошипел:

— Быстро встали! Второй помощник идет. Нечего ему о вас ноги марать!

Нил с трудом поднялся и, увидев знакомое лицо, неожиданно для себя сказал:

— Добрый день, мистер Рейд.

Бхиро Сингх аж задохнулся от беспредельной наглости узника, заговорившего с офицером, и удар его палки вновь сбил Нила с ног:

— Сволочь! Ты смеешь глядеть саибу в глаза?!

— Стойте! — Захарий удержал руку субедара. — Подождите в сторонке.

Его вмешательство так взбеленило надсмотрщика, что, казалось, следующий удар достанется ему. Однако субедар опомнился и отошел.

Тем временем Нил поднялся.

— Благодарю вас, мистер Рейд, — отряхивая руки, сказал он и растерянно добавил: — Надеюсь, вы в добром здравии?

Нахмурившись, Захарий вгляделся в его лицо:

— Кто вы? Ваш голос кажется знакомым, но, признаюсь…

— Меня зовут Нил Раттан Халдер. Если помните,

полгода назад вы обедали на моем… тогда моем… плавучем дворце. — Впервые за долгое время Нил говорил с посторонним человеком и, опьяненный радостью, мысленно перенесся в свою зеркальную гостиную. — Если мне не изменяет память, вас потчевали утиным супом и жареными цыплятами. Прошу прощенья за этакие детали, но с недавних пор я часто думаю о еде.

— Мать честная! — изумился Захарий. — Вы раджа… как его…

— Вы не ошиблись, сэр, — поклонился Нил. — Верно, я расхальский раджа. Но, как видите, обстоятельства мои весьма изменились.

— Я понятия не имел, что вы на борту.

— Я тоже не был осведомлен о вашем присутствии, — усмехнулся Нил. — Иначе непременно послал бы вам свою карточку. Почему-то я решил, что вы уже вернулись в родовое поместье.

— В поместье?

— Ну да. Вы же родня лорду Балтимору, не так ли? Или я что-то путаю?

Нил сам поразился, до чего и легко и приятно было вновь окунуться в великосветскую болтовню. Доступная, эта маленькая радость была мелочью, а сейчас казалась жизненно необходимой.

— Наверное, вы запамятовали, — улыбнулся Захарий. — Я не барских кровей, и поместья у меня нет.

— По крайней мере, в этом мы с вами схожи, — откликнулся Нил. — Мое нынешнее достояние — параша и ржавые кандалы.

— Но что произошло? — спросил Захарий, удивленным взглядом окидывая Нила от татуированного лба до босых ног.

— Долгая история, мистер Рейд. Скажу лишь, что по решению Верховного суда мое поместье перешло к вашему хозяину мистеру Бернэму.

Захарий присвистнул:

— Сочувствую…

— Я лишь еще одна жертва насмешницы судьбы, мистер Рейд. — Вспомнив об А-Фатте, который молча стоял рядом, Нил смущенно встрепенулся: — Извините, мистер Рейд, я не представил вам своего друга и коллегу: мистер Фрам-джи Пестонджи Модди.

— Как поживаете?

Захарий чуть было не сунулся с рукопожатием, но субедар, чье терпенье лопнуло, ткнул китайца палкой в спину:

— Чал! Хат! — Пошевеливайтесь! Оба!

— Приятно было повидаться, мистер Рейд, —

морщась от тычков, сказал Нил.

— Мне тоже…

Но, как выяснилось, встреча доставила лишь неприятности и Захарию, и узникам. Нил заработал оплеуху субедара.

— Думаешь, удивил, если пару слов вякнул по-аглицки? — прорычал Бхиро Сингх. — Ужо я поучу тебя аглицкой речи…

А Захарий получил выговор от мистера Кроула:

— Что это за треп с осужденными?

— С одним из них я был знаком. Что мне оставалось? Притвориться, будто его не существует?

— Именно. Притвориться, что его нет. Нечего якшаться с острожниками и кули. Субедару не по нраву ваши замашки. Да и вы сами. Сунетесь еще раз, огребете по полной. Я вас предуведомил, Хлюпик.

*

Встреча Захария с узниками имела еще одного свидетеля, на которого она произвела неизгладимое впечатление. Утром Ноб Киссина Пандера разбудило мощное пророческое бурчанье в животе. Естественно, это не прошло мимо внимания отзывчивого на знаки приказчика, ибо колики

не объяснялись одной лишь качкой — брюхо сводило так, будто в нем намечалось землетрясение либо сдвиги пластов.

В течение дня предвестники катаклизма только крепли, и в конце концов приказчик удалился на бак, где подставил себя ветерку, раздувавшему его свободный балахон. Сидя на носу шхуны, он смотрел на серебристые воды расширявшейся реки, но трепыханье в животе все усиливалось, что принудило его скрестить ноги, дабы избежать непредвиденного извержения. Вот так он ерзал и корчился, когда на палубу вышли узники, погоняемые Бхиро Сингхом.

Бывшего раджу Ноб Киссин-бабу знал в лицо — случалось видеть в окошке проезжавшей фамильной кареты. Однажды экипаж промчался так близко, что приказчик испуганно отпрянул и, оступившись, плюхнулся в лужу; он хорошо запомнил презрительную усмешку раджи. Однако сохранившееся в памяти бледное утонченное лицо — губки бантиком, пресыщенность во взоре — не имело ничего общего с той истощенной смуглой физиономией, какую приказчик видел сейчас. Не знай он, что опозоренный раджа на «Ибисе», никогда не узнал бы его в одном из узников — настолько разительны были перемены не

только во внешности, но и манерах, из которых исчезла всякая вялость, но появилась бдительная настороженность. Ноб Киссина слегка будоражила мысль, что он причастен к унижению этого заносчивого аристократа, этого изнеженного баловня, ныне пребывавшего в нужде, какая не приснилась бы ему в самом страшном кошмаре. Приказчик вдруг почувствовал себя повитухой, что поспешествовала рождению новой жизни; озаренный сей яркой и неожиданной мыслью, он мгновенно понял: источник ее — Тарамони. Чем еще объяснить волну жалости и стремления защитить, окатившую его при виде грязного, закованного в кандалы Нила? Иначе откуда взяться материнской нежности, переполнившей его, когда несчастного гнали по палубе, точно тягловую скотину? Ноб Киссин догадывался, что бездетность была величайшей печалью Тарамони. И теперь это подтверждалось той волной чувств, захлестнувшей приказчика, тем безотчетным желанием обнять и защитить узника от невзгод; казалось, Тарамони признала в Ниле своего взрослого сына, которого не смогла родить от мужа, дяди Ноб Киссин-бабу.

Материнский инстинкт взыграл столь мощно, что если б не страх перед возможным конфузом,

заставлявший узлом сплетать ноги, приказчик тотчас кинулся бы на палубу, дабы собою прикрыть Нила от града палочных ударов. И можно ли считать совпадением, что именно Захарий остановил руку субедара, не убоявшись признать в осужденном знакомца? Ноб Киссин чувствовал в себе соединение двух ипостасей любви, на какую способна одна Тарамони: матери, взыскующей приласкать блудного сына, и того, кто жаждет преступить границы сего мира.

Приказчика так растрогала встреча двух людей, подноготную которых знал лишь он, что давняя угроза катаклизма начала осуществляться: казалось, в кишках бурлит расплавленная лава, а потому даже страх перед конфузом не удержал его от того, чтобы опрометью кинуться в кормовой гальюн.

*

Днем, когда все желудки откликались на корабельную качку, переносить трюмную духоту и вонь помогала мысль, что с каждым мигом все ближе конец путешествия. А вот ночные стоянки отнимали это утешение, ибо тигриный рев и кашель леопардов, доносившиеся из окрестных джунглей, нагоняли дикий страх даже на тех,

кто был лишен всякого воображения. Хватало и таких, кто распускал слухи и стравливал людей друг с другом. Самой первостатейной сволочью был Джагру, которого выперли из родной деревни, уставшей от его баламутства. Нрав его вполне соответствовал скособоченной роже с выпирающей челюстью и налитыми кровью глазами, однако ловко подвешенный язык и смекалка завоевали ему кое-какой авторитет среди молодых и доверчивых гирмитов.

В первую ночь и без того никому не спалось, но Джагру принялся рассказывать о маврикийских джунглях, стращая тем, что самых юных и слабых пустят на приманку для диких зверей. Голос его, разносившийся по всему трюму, насмерть перепугал женщин, особенно Мунию, которая залилась слезами.

В жаркой духоте страх, точно заразная лихорадка, охватил гирмитов, и Полетт сообразила: надо что-то срочно предпринять, иначе разразится паника.

— Хамош! Тихо! — крикнула она. — Слушайте меня! Все, что он говорит, — баквас, вранье! Не верьте пустым бредням! На Маврикии нет диких зверей, только птицы и лягушки! Еще козы, свиньи и олени, завезенные человеком! На всем

острове ни одной змеи!

Нет змей?!

От удивительной новости плач смолк, и все взгляды обратились к Полетт. Вопрос, у всех вертевшийся на языке, задала Дити:

— Как это — нет змей? Разве бывают такие джунгли?

— Бывают. На островах.

Джагру не сдавался:

— Ты-то откуда знаешь? Кто поверит бабе!

— Я прочла об этом в книге, которую написал человек, долго живший на Маврикии, — спокойно ответила Полетт.

— В книге? — хохотнул Джагру. — Во брешет, сука! Ты хоть одну букву знаешь?

Тут взвилась Дити:

— А почему бы ей не знать? Она дочь брамина, он и обучил ее грамоте.

— Брехня собачья! — завопил Джагру. — Обожрись своим говном!

— Что? — Калуа лишь привстал, но уже уперся головой в потолок. — Что ты сказал моей жене?

Злобно надувшись, Джагру молчал, а все его подпевалы сгрудились вокруг Полетт:

— Змей нету, верно? А какие там деревья? И рис растет? Правда?

С другой стороны переборки напряженно слушал Нил. Сквозь отдушину он частенько разглядывал переселенцев, но до сих пор Полетт ничем не привлекла его внимания: всегда под накидкой, среди других женщин она выделялась только темными от хны руками и ступнями, выкрашенными алой краской. Судя по ее выговору, родным для нее был скорее бенгали, нежели бходжпури; как-то раз Нил заметил, что она вроде бы прислушивается к его разговору с А-Фаттом, но отмел это как полную нелепость. Разве возможно, чтобы женщина-кули понимала английский?

Слова Дити заставили его внимательнее присмотреться к Полетт. Если эта женщина и впрямь получила образование, он должен знать ее родителей или кого-то из родственников. Среди бенгальских семейств очень немногие обучали дочерей грамоте, и те, кто на это отваживался, непременно состояли в каком-нибудь родстве с Халдерами. Калькуттские дамы, которые могли похвастать хоть каким-то образованием, были наперечет и хорошо известны в его кругу, но ни одна из них открыто не призналась бы во владении английским — этот порог еще не пересекли даже самые либеральные семьи. И вот еще одна загадка: все городские образованные дамы

происходили из зажиточных семейств, и потому казалось невообразимым, чтобы их отпустили в плавание вместе с переселенцами и осужденными. Но вот одна такая здесь — кто же она?

Дождавшись, когда расспросы угаснут, Нил приложил губы к отдушине и сказал на бенгали:

— Надеюсь, тот, кто столь учтив к собеседникам, не воспротивится еще одному вопросу?

Изящная фраза и благородный выговор тотчас насторожили Полетт; она сидела спиной к камере, но сразу поняла, кто говорит, и догадалась, что ей устраивают какую-то проверку. Полетт знала, что ее бенгали отличает легкая вульгарность речников, подцепленная от Джоду, и потому, тщательно подобрав слова, ответила в том же стиле:

— От вопроса вреда нет; если ответ известен, его непременно дадут.

Усредненность выговора не позволяла определить, откуда она родом.

— Позвольте справиться о названии упомянутой книги, — продолжил Нил. — Той, что стала кладезем информации об острове Маврикий.

— Я запамятовала. Разве это столь важно?

— Чрезвычайно. Я перерыл свою память, однако не нашел в ней книги на нашем языке,

содержащей подобные факты.

— На свете так много книг, — отразила выпад Полетт. — Разве все упомнишь?

— Верно, все не запомнишь, — согласился Нил. — Однако число книг, отпечатанных на бенгали, пока не превышает пары сотен, и некогда я гордился тем, что владею ими всеми. Вот что меня заботит: неужто какую-то я пропустил?

— Упомянутая книга еще не издана, — нашлась Полетт. — Это перевод с французского.

— Ах, вот как? Не соблаговолите ли назвать имя переводчика?

Смешавшись, Полетт назвала первое пришедшее в голову имя — конторщика, что обучал ее санскриту и помогал отцу в составлении каталога.

— Его зовут Коллинот-бабу.

Нил тотчас узнал это имя:

— Правда? Вы говорите о конторщике Коллиноте Баррелле?

— Именно о нем.

— Но я хорошо с ним знаком, он давно служит у моего дяди. Смею заверить, Коллинот ни слова не знает по-французски.

— Я хотела сказать, он помогал переводить, — поспешно исправилась Полетт. — Французу,

Ламбер-саибу. Я же была ученицей Коллинот-бабу, и порой он давал мне листы в переписку. Вот так и я прочла книгу.

Нил не поверил ни единому слову, однако не мог придумать, как вытрясти правду. Наконец он сказал:

— Будет ли мне позволено узнать имя добропорядочного семейства, из которого родом дама?

У Полетт был наготове вежливый отказ:

— Не слишком ли мы спешим, касаясь столь интимного предмета после весьма краткого знакомства?

— Как вам будет угодно. Скажу лишь, что вы понапрасну тратите время, пытаясь образовать неотесанную деревенщину. Пусть бы себе загнивала в невежестве, ибо это ее удел.

До сих пор Полетт сидела спиной к камере, но теперь, задетая высокомерием собеседника, медленно повернулась к отдушине. Сквозь накидку она увидела ввалившиеся глаза, горячечно светившиеся на обросшем щетиной лице, и злость ее сменилась жалостью.

— Если вы такой умный, почему же вы здесь? — мягко сказала она. — Думаете, ваша ученость вас спасет, если возникнет паника или бунт? Неужто вы не слышали поговорку «Все мы в одной лодке

— амра шобьи эк наукойе бхашчхи»?

Нил победоносно рассмеялся:

— Слышал, да только не на бенгали! Это английская пословица, которую вы прямо сейчас и весьма ладно перевели. Но возникает вопрос: где вы научились английскому?

Полетт молча отвернулась, однако Нил не отставал:

— Кто вы, добрая леди? Лучше скажите, я все равно узнаю.

— Я не вашенская. Будет с вас и этого.

— Да, пожалуй, — насмешливо откликнулся Нил.

В последней реплике явно слышалось пришепетывание, характерное для прибрежных жителей, и загадка была решена. Как-то Элокеши рассказывала о новом типе проституток, которые выучились английскому от своих клиентов. Наверняка девица одна из них и держит путь в островной бордель.

*

В трюме Дити и Калуа выбрали себе местечко под гнутой балкой. Сидеть там было удобно, если под спину подсунуть циновку, а вот лежать приходилось с оглядкой, ибо балка оказывалась

над самой головой — стоило, забывшись, резко встать, как шишка тебе обеспечена. Пару раз крепко треснувшись, Дити приучилась осторожно выбираться из-под балки и даже прониклась к ней благодарностью, словно к твердой отеческой руке, что не дает трепыхаться в кавардаке.

Деревянная соседка особенно пригодилась в первые дни путешествия: непривычная к качке, Дити открыла для себя, что за нее можно держаться, и перед глазами не так сильно плывет, если сосредоточить на ней взгляд. Несмотря на полумрак, рисунок древесины вскоре стал знаком до последнего завитка и трещинки, вплоть до царапин, оставленных ногтями прежних обитателей трюма. Калуа говорил, что дурноту легче унять, глядя на небо, но Дити сварливо отвечала: смотри, куда заблагорассудится, а для меня все мое небо в этой балке.

Звезды в ночном небе всегда напоминали ей лица тех, кого она любила или боялась. То ли разговор о небе, то ли закуток под балкой, но что-то навеяло воспоминание о молельне в ее прежнем доме. Что бы то ни было, но утром третьего дня путешествия она мазнула пальцем по пробору, выкрашенному синдуром, и нарисовала на балке личико с двумя косичками.

— Кабутри? — тотчас узнал Калуа, и Дити пихнула его локтем под ребра, напоминая, что существование ее дочки — тайна.

Позже, когда переселенцы стали выбираться на палубу, всех охватил какой-то странный недуг: на последней перекладине трапа каждый вдруг застывал, и его приходилось подталкивать тому, кто шел следом. Но затем толкач и сам замирал, не слыша возмущенных криков снизу, хотя за минуту до этого костерил неуклюжих увальней, создающих пробку. Когда настал черед Дити, ее тоже не миновала эта напасть, ибо прямо перед носом шхуны расстилалась гладь Черной Воды.

Не было ни ветерка, и под палящим полуденным солнцем темная поверхность без единой светлой крапины казалась теневой мантией, что скрывает разверстую пропасть. Все остолбенели, поскольку то, что открылось взору, было невозможно воспринять как воду, у которой всегда есть какие-то очерченные берегами границы, придающие ей форму. Здесь же было нечто, подобное ночному небу, которое держало на себе судно, точно планету или звезду. Когда Дити вернулась на свою циновку, рука ее сама повторила рисунок, давно-давно сделанный для Кабутри: крылатый корабль летит по воде. Вот так «Ибис»

стал вторым образом, возникшим в морском святилище Дити.

18

На закате «Ибис» бросил якорь там, откуда переселенцы могли в последний раз увидеть родные берега, — на обжитой стоянке Саугор, что возле острова Ганга-Сагар, расположившегося в устье святой реки. С палубы можно было увидеть лишь заиленные берега и вымпелы немногочисленных церквей, а из трюма так совсем ничего, однако само имя острова, соединявшего реку и море, светлое и темное, известное и скрытое, напоминало переселенцам о разверзшейся впереди бездне; казалось, они балансируют на краю пропасти, и остров являет собой протянутую длань святого Джам-будвипы, пытающегося уберечь их от падения в пустоту.

Близость последнего пятачка суши нервировала охранников, и они зорче обычного следили за переселенцами, выпущенными на кормежку. Вооруженный палками конвой выстроился вдоль борта, и стоило кому-нибудь из гирмитов задержать взгляд на береговых огнях, как его гнали обратно в трюм:

— Чего уставился? Пшел на место!

Но даже незримый, остров не покидал мыс-

лей переселенцев; прежде никто из них его не видел, однако место, куда ступила нога Ганга, было хорошо всем знакомо, ибо, как и другие части Джамбудвипы, воспевалось в поэмах и преданиях, мифах и легендах. Разлука с родиной и неопределенность будущего создавали обстановку, в которой мгновенно вспыхивали злобные стычки. Побоища, разгоравшиеся точно пожар, изумляли даже самих драчунов, ибо в деревне всегда найдутся родичи, друзья и соседи, чтобы разнять забияк, но здесь не было никого, кто не дал бы одному человеку вцепиться в горло другого. Зато имелись такие, как Джагру, кто науськивал товарища на товарища и касту на касту.

Женщины вспоминали прошлое и говорили о мелочах, которых больше никогда не будет: разноцветья маков, усыпавших поля, точно абир[66] в умытый дождями Холи, неотвязных запахов стряпни, плывущих над рекой, известия о свадьбе в соседней деревне, закатного перезвона колоколов и призыва к вечернему азану, посиделок во дворе и сказок стариков. Пусть прежняя жизнь была тяжела, но в пепле прошлого тлели угольки,

[66] Примечания: 66

Абир — разноцветная порошковая краска, которой люди обсыпают друг друга на «празднике красок» Холи.

вновь занимавшиеся пламенем воспоминаний, в отсветах которого нынешнее пребывание в чреве корабля, готового унести в бездну, казалось безумием.

Дити отмалчивалась, ибо эти разговоры разбередили в ней мысли о Кабутри: дочь вырастет без нее, не поделится секретами, не покажет жениха. Разве такое возможно, чтобы свадьба ее ребенка прошла без нее, чтобы она не запела плач, каким матери сопровождают паланкин, уносящий дочерей из родного дома?

Талва джхарайле
Кавал кумхлайле
Хансе ройе
Бираха бийог

Пруд пересох,
Лотос увял,
Плачет лебедь
Об ушедшей любви.

В гуле голосов песня Дити была почти не слышна, но потом одна за другой ее подхватили все женщины, кроме смущенно молчавшей Полетт.

— Даже если не знаешь слов, пой, — шепнула Дити. — Иначе совсем невмоготу.

Набирая уверенность, женские голоса крепли, и постепенно стычки прекратились, мужчины смолкли; на деревенских свадьбах матери всегда заводили плач, когда невесту забирали из родительских объятий, и молчание мужчин было знаком, что они понимают невыразимую боль разлуки с кровиночкой.

Кайсе кате аб
Бираха ки ратия?
Как пережить
Ночь разлуки?

*

Нил тоже слушал песню и сам не понимал, отчего вдруг язык, в гуще которого он пребывал два последних дня, затопил его, словно поток, водопадом хлынувший сквозь прорванную плотину. То ли голос Дити, то ли слова песни напомнили о детстве, в котором Паримал обращался к нему на бходжпури, пока отец не запретил разговоры на этом наречии. Благополучие Халдеров, сказал старый раджа, зиждется на умении общаться с теми, у кого бразды власти в руках, но не ярмо на шее, а потому грубый язык следует немедля забыть, дабы не испортить свою речь наследного

землевладельца, которому надлежит изъясняться на хиндустани и фарси.

Послушный сын, Нил забросил бходжпури, но теперь понял, что именно песни — дадра, чайти, барахмас, хори, каджри,[67] которые он всегда очень любил, а сейчас слышал в исполнении Дити, — были тайным источником этого языка, не давшим ему увянуть в памяти. Еще стало ясно, почему они звучали на бходжпури — никакой другой язык, существующий между Гангом и Индом, не сумеет так передать все оттенки любви и печали, так рассказать об одних, кто покидал родные края, и других, кто оставался дома.

Но почему же рука судьбы, сорвавшая людей с покоренной равнины, протянулась так далеко от моря и выбрала тех, кто накрепко прирос к земле, удобренной страданиями ради урожая сказок и песен? Похоже, длань рока пробила живую плоть земли, дабы вырвать кусок ее раненого сердца.

*

Желание поговорить на всплывшем в памя-

[67] Примечания: 67

Народные песни: дадра — лирическая песнь, чайти — летняя песня, барахмас — песня пахаря, хори — песня на празднике Холи, каджри — песня сезона дождей.

ти языке было настолько сильным, что Нил не мог уснуть. Когда охрипшие от пения женщины смолкли и в трюме воцарилась беспокойная тишина, он услышал, как кто-то из переселенцев пытается вспомнить легенду об острове Ганга-Сагар. И тогда, не стерпев, Нил приник к отдушине и поведал невидимым слушателям о том, что если б не остров, не было бы ни Ганга, ни моря. Легенда гласила, что бог Вишну в облике мудреца Капилы пребывал в глубоком размышлении, когда его потревожили шестьдесят тысяч сыновей царя Сагара, которые вступили на остров и заявили, что сия земля принадлежит династии Икшваку. Именно здесь шестьдесят тысяч царевичей были наказаны за свою дерзость — мудрец испепелил их взглядом, и прах нечестивцев лежал неприбранным до тех пор, пока наследник Солнечной династии добрый царь Бхагирата не уговорил Гангу пролиться с небес, дабы наполнить моря; лишь тогда преисподняя отдала пепел цесаревичей.

Слушателей ошеломила не столько легенда, сколько сам рассказчик. Кто бы подумал, что этот зачуханный узник так много всего знает да еще говорит на разных языках? И даже чуть-чуть кумекает в их родном бходжпури! Ну и ну! Они бы

меньше удивились, если б ворона спела каджри!

Дити тоже слушала, но легенда ее не ободрила.

— Скорее бы уехать! — шепнула она Калуа. — Мочи нет, когда земля тянет обратно.

*

На рассвете Захарий с неожиданной для себя грустью распрощался с мистером Дафти, который, забрав свою команду, отбыл на берег. Осталось лишь пополнить запасы продовольствия, после чего можно было сниматься с якоря. С провиантом справились быстро, ибо шхуну осаждали маркитантские лодки, груженные овощами, фруктами и живностью. Плавучий базар предлагал все, что могло понадобиться ласкарам или кораблю: парусину, колодки и вертлюги, мотки тросов и каболки, толстые циновки, табак, веточки мелии для укрепления зубов, травяную заварку для хорошей работы кишечника и настой корней Коломбо от дизентерии; в одной неуклюжей байдарке стояла духовка, в которой готовилась халва. Имея столь богатый выбор, стюард Пинто и его юнги вмиг загрузили все необходимое.

В полдень подняли якорь, и шхуна была готова тронуться в путь, но ветер, капризничавший все

утро, решил, что именно сейчас самое время для полного штиля. Команда была наготове, однако «Ибис» замер на зеркальной глади моря. В каждую вахту на мачту посылали дозорного, чтобы дал сигнал о малейшем дуновении, но шел час за часом, и на вопрос «Ну как?» боцман неизменно получал отрицательный ответ.

Солнце жарило во всю мочь, и шхуна так накалилась, что в трюме гирмитам казалось, будто их варят живьем. Охрана открыла люк, оставив одну решетку, однако внутрь не проникало ни глотка воздуха, а вот из трюма поднималось зловоние, привлекавшее коршунов, грифов и чаек. Одни птицы лениво кружили, словно ожидая падали, другие уселись на реи и ванты, издавая ведьмачьи крики и метя палубу пометом.

Гирмиты еще не привыкли к ограничению в питьевой воде, и новые, никем не испытанные правила рухнули вместе с теми, что поддерживали в трюме относительный порядок. К полудню дневная норма воды почти иссякла, начались драки за кувшины, в которых оставалась хоть капля влаги. Науськанные Джагру, человек шесть мужиков забрались на трап и принялись колотить в решетку люка:

— Эй, там! Воды! У нас кувшины пустые!

Стоило охранникам откинуть решетку, как возникла буча: люди карабкались по трапу и отчаянно пытались выбраться на палубу. Однако в неширокий люк можно было пролезть только по одному, и потому каждая высунувшаяся голова являла собой легкую цель. Палки охранников обрушились на гирмитов, загоняя их обратно. Через пару минут захлопнулись и решетка, и крышка люка.

— Сволочи! — надрывался Бхиро Сингх. — Я вас проучу! Бунтовать вздумали, твари окаянные?..

Впрочем, в поведении гирмитов ничего неожиданного не было, они редко без сопротивления подчинялись непривычным корабельным правилам. Надсмотрщики точно знали, что делать, и приказали всем построиться на палубе, выбираясь из трюма по одному.

Первыми выпустили женщин, многие из которых так ослабли, что сами не могли подняться по трапу, их выносили. Полетт вышла последней и только на палубе поняла, до чего ей плохо: она ухватилась за леер, чтоб не упасть на подламывающиеся колени.

В тени рубки возле бочонка с водой стоял юнга; каждую женщину он наделял двумя черпаками живительной влаги. Получив свою порцию, По-

летт отошла в тень баркаса, под которым уже нашли укрытие ее спутницы: одни присели на корточки, другие распростерлись на палубе. Следуя их примеру, она от души напилась из медного кувшинчика, однако последний глоток вылила на заскорузлую от пота накидку. Остудив нутряное пекло, вода потихоньку оживила не только тело, но и мозг, от жажды впавший в спячку.

До сих пор решительный настрой помогал закрывать глаза на всяческие лишения поездки, и Полетт упрямо твердила себе: я моложе и крепче многих, бояться нечего. Но теперь стало ясно: предстоящие недели пути будут невообразимо тяжелы, и вполне возможно, что она не доживет до конца путешествия. Сраженная этой мыслью, Полетт оглянулась на остров и поймала себя на том, что невольно прикидывает расстояние до берега.

Раздался голос Бхиро Сингха, возвестивший, что переселенцы построены:

— Саб хазир хай! Все здесь!

На шканцах появился капитан Чиллингуорт: точно статуя, он высился за балюстрадой кофельпланки. Ласкары и охранники встали по бортам, взяв в кольцо выстроенных на палубе гирмитов.

— Хамош! Тихо! — размахивая палкой, крикнул

Бхиро Сингх. — С вами будет говорить капитан! Первый, кто вякнет, схлопочет мое угощение!

Заложив руки за спину, шкипер спокойно оглядывал толпу. Казалось, от его взгляда воздух раскаляется еще сильнее, и даже оживший ветерок не мог его охладить. Наконец мистер Чиллингуорт заговорил; голос его потрескивал, точно пламя оплывшей свечи:

— Слушать внимательно, повторять не стану.

Капитан помолчал, дав Ноб Киссин-бабу возможность перевести его слова, и вынул из-за спины руку, в которой был зажат свернутый хлыст. Не поворачивая головы, он ткнул рукоятью в сторону острова:

— Там берег, откуда вы пришли. А вон там море, которое вы называете Черной Водой. Вы думаете, различие между одним и другим видно невооруженным глазом. Нет. Главное и самое важное различие незримо. Запомните хорошенько: оно в том…

Пока Ноб Киссин переводил, капитан подался вперед и цепко ухватился за ограждение.

— …различие в том, что законы суши в море не действуют. Знайте, что здесь свой закон, и его устанавливаю только я. Пока вы на шхуне, я ваша судьба, ваше провидение и ваш законодатель.

Этот хлыст лишь один из хранителей моего закона. Но есть и другой…

Капитан перехватил кнут и сделал из ремня петлю.

— Вот второй хранитель закона, и если понадобится, я без колебаний прибегну к его услугам, не сомневайтесь. Однако помните, что главная опора закона — покорность и послушание. И тогда корабль ничем не будет отличаться от вашего дома в родной деревне. Пока вы в море, вы должны подчиняться субедару Бхиро Сингху, как своему помещику, а он подчиняется мне. Субедар знает ваши обычаи, на шхуне он вам мать и отец, а я ему царь и бог. Знайте, что благодаря заступничеству субедара сегодня никого не накажут, он упросил пощадить вас, ибо вы еще не знакомы с корабельными правилами. Но в следующий раз кара будет суровой и коснется любого, кто замешан в беспорядке. Пусть всякий злоумышленник знает: вот что его ждет…

С треском молнии ременная плеть рассекла накаленный воздух.

Несмотря на жару, от слов капитана до самых костей пробирало холодом. Гирмиты оцепенели от страха, ибо лишь теперь поняли, что не только покидают родину и пускаются в плавание по

Черной Воде, но переходят во власть хлыста и петли. Взгляды их устремились к острову, соблазнявшему своей близостью. Вдруг один седоватый пожилой мужичок что-то залопотал, и Полетт догадалась, что он больше не в силах противостоять зову земли. Хоть чутье уведомило ее о том, что сейчас произойдет, она едва ли не первая вскрикнула, когда мужик оттолкнул ласкара и прыгнул за борт.

— Адми гирах! Человек за бортом! — завопили охранники.

Многие гирмиты не видели, что случилось, и заметались в панике. Воспользовавшись суматохой, еще два человека прорвали оцепление и сиганули в воду.

Охрана совершенно озверела и, раздавая удары направо и налево, стала загонять переселенцев в трюм. Ласкары, готовившие баркас к спуску, только усилили суматоху: лишенная чехла шлюпка накренилась и из нее на палубу высыпались квохчущие куры и петухи. Вздымая тучи перьев, помощники бросились к боканцам и сами тянули тросы, с ног до головы перемазавшись куриным пометом и кормом.

Женщины, о которых все забыли, сбились в кучку возле борта. Перегнувшись через леер,

Полетт увидела, что один беглец уже скрылся под водой, а двое других борются с течением, тащившим их в открытое море. Над ними кружила огромная стая птиц, которые время от времени пикировали к воде, словно проверяя, жива ли еще добыча. Вскоре головы пловцов исчезли, но птицы терпеливо наматывали круги, ожидая, когда всплывут трупы. Отлив уносил невидимые тела к горизонту, и стая постепенно отдалялась от шхуны.

Наконец-то подул долгожданный ветер, но ласкары ставили паруса очень неспешно, боясь пересечь след, оставленный тремя обезображенными мертвецами.

19

На следующее утро небо закудрявилось, как барашек, а порывистый ветер поднял волну, обеспечившую «Ибис» игривой болтанкой. Многих гирмитов подташнивало еще на Хугли, ибо шхуна даже в самом безмятежном состоянии была гораздо подвижнее своих речных собратьев. Теперь же, когда ее колыхало с боку на бок, почти все впали в младенческую беспомощность.

Предвидя эпидемию морской болезни, охрана спустила в трюм с полдюжины ведер и бадеек. Поперву деревянные посудины сослужили добрую службу, но вскоре наполнились доверху, их содержимое выплескивалось через край. Сначала более крепкие гирмиты помогали ослабевшим товарищам добраться до ведер, но качка крепла, и почти все так обессилели, что опрастывались прямо на лежаках. Теперь болтанку усугубляла жуткая вонь — и без того душный трюм будто накрыло гигантской волной блевотины. Ночью один человек захлебнулся собственной рвотой, но чуть ли не весь день смерть его оставалась незамеченной. Когда обнаружили покойника, уже мало кто держался на ногах, и предание тела

воде прошло без свидетелей.

Как и многие, Дити не ведала о несчастье с соседом, но если б и знала, ей бы недостало сил проводить усопшего даже взглядом. Неимоверных усилий стоило перевалиться на бок, чтобы Калуа протер циновку, а уж о том, чтобы встать или выбраться из трюма, не было и речи. От одной мысли о еде она давилась рвотой и чуть слышно шептала:

— Я не вынесу, не вынесу…

— Ничего, — успокаивал Калуа. — Обойдется.

Потом Дити немного оклемалась, а вот Сарджу совсем схудилось. Ночью она так жалобно стонала, что Дити, соскребя остатки сил, положила ее голову к себе на колени и укрыла влажной тряпицей. Вдруг Сарджу напряглась.

— Ты чего? — всполошилась Дити. — Что с тобой?

— Ничего, — прошептала Сарджу. — Помолчи…

Встревоженные криком, закопошились другие женщины:

— Что случилось? Чего с ней?

Взывая к тишине, Сарджу подняла трясущийся палец и приникла ухом к животу Дити. Женщины затаили дыхание; наконец Сарджу открыла

глаза.

— Что такое? — спросила Дити.

— Господь наполнил твое чрево. Ты беременна.

*

В полдень капитан Чиллингуорт неизменно появлялся на палубе, чтобы вместе с помощниками определить высоту солнца. Захарий с нетерпением ждал этого ритуала, удовольствие от которого не могло испортить даже присутствие мистера Кроула. Радовала не только возможность применить свой секстант, что тоже было приятно, но эти минуты вознаграждали за скуку беспрерывных вахт и постоянное раздражение от соседства первого помощника; меняющаяся на карте позиция шхуны говорила о том, что путешествие все же не бесконечно. Ежедневно Захарий сверял свои часы с корабельным хронометром, и движение минутной стрелки свидетельствовало: невзирая на неизменчивый горизонт, шхуна неуклонно меняет свое местоположение во вселенной времени и пространства.

Мистера Кроула злило, что у него часов нет, а у Захария есть, и каждый раз он отпускал очередную остроту:

— Извольте, идет наша обезьяна с орехом.

А вот капитану нравилась пунктуальность второго помощника:

— Определиться всегда полезно, никому не помешает знать свое место.

Однажды, когда Захарий возился с часами, он сказал:

— Симпатичная у вас побрякушка, Рейд. Позвольте взглянуть.

— Да, конечно, сэр. — Щелкнув крышкой, Захарий вручил капитану свои часы.

Мистер Чиллингуорт вскинул бровь, разглядывая филигранный узор:

— Хорошая вещица, Рейд. Думаю, изготовлена в Китае; скорее всего, в Макао.

— Разве там делают часы?

— Да, и порой весьма недурно. — Капитан откинул крышку и тотчас заметил гравировку. — Что это здесь?.. Адам Т. Дэнби, — прочел он и, нахмурившись, удивленно повторил: — Адам Дэнби… Можно узнать, как они к вам попали, Рейд?

— Да, знаете, сэр… — Будь они вдвоем, можно было бы спокойно признаться, что часы получены от боцмана Али. Но рядом стоял мистер Кроул, и, не желая поставлять боеприпасы в арсенал его шпилек, Захарий пожал плечами: — По случаю

купил в кейптаунском ломбарде.

— Вот как? Любопытно, весьма любопытно.

— Да? Почему?

Капитан взглянул на солнце и промокнул лоб:

— История занятная, но в двух словах не расскажешь. Давайте-ка сойдем вниз.

Оставив первого помощника на палубе, они спустились в кают-компанию и сели за стол.

— Вы знали Адама Дэнби, сэр? — спросил Захарий.

— Лично нет. Но он был хорошо известен в здешних краях, когда вы еще на свет не появились.

— Позвольте узнать, кто он такой.

— Дэнби? — усмехнулся капитан. — Всего-навсего Белый Ладрон.

— Простите, сэр?

— Ладроны — пираты Южно-Китайского моря. Свое прозвище они получили по названью группы островов подле Бокко Тигриса. Сейчас их почти не осталось, но прежде это была самая ужасная банда головорезов, какую только встретишь в открытом море. Я был еще совсем пацаном, когда ими верховодил некто Чжэн И, жестокая скотина. Он держал в страхе все побережье — грабил деревни, захватывал и убивал

людей, добираясь аж до Кохинхины.[68] Была у него и жена — шлюха из кантонского борделя. Все звали ее мадам Чжэн. Однако мистеру Чжэн И женщин было мало. Как-то раз он взял в плен молодого рыбака и сделал его своей второй женой! Думаете, мадам Чжэн взревновала? Ничуть не бывало. Когда старина Чжэн И помер, она вышла за того, кто вроде как был ее соперницей! Сия парочка объявила себя королем и королевой ладронов! — Капитан покачал головой, будто припоминая нечто давнее и удивительное. — По уму, так собственная банда должна бы вздернуть молодоженов, ан нет! У китаез все шиворот-навыворот: думаешь, раскусил их — глядь, тебя снова облапошили!

— Я не понял, сэр.

— Вообразите: разбойники признали мадам Чжэн и ее муженька-соперницу своими главарями, и те принялись создавать пиратскую империю. Одно время у них было десять тысяч джонок, а под их началом состояли более ста тысяч человек! Они так досаждали императору, что тот послал против них армию! Флотилию мадам потопили, а ее саму вместе с мужем взяли

[68] Примечания: 68

Кохинхина — название Вьетнама в его бытность французской колонией.

в плен.

— И что с ними стало?

— Думаете, они получили пеньковый галстук? Отнюдь, для Поднебесной это было бы слишком прямолинейно. Парня одарили шляпой мандарина, а дамочку пожурили и оштрафовали. Живет себе на свободе в Кантоне. Говорят, держит маленький уютный бордель.

— А что Дэнби, сэр? Он был в банде мадам?

— Нет. Когда он прибыл в здешние края, мадам уже списалась на берег. Остатки ее людей разбились на маленькие шайки. Их джонки вы бы не отличили от обычных сельских лодок — прям тебе плавучее подворье: тут и свиньи с курами, и фруктовые деревья, и грядки с овощами. Да еще жены с ребятишками. Кое-кто маскировался под цветочные лодки, где вам игорный притон вместе с публичным домом. Разбойники прятались в бухтах и заливах, а потом нападали на каботажные суда и потерпевших кораблекрушение. Вот так и Дэнби попал в их лапы.

— После кораблекрушения?

— Именно. — Капитан поскреб подбородок. — Дайте-ка вспомнить, когда «Леди Дунканнон» налетела на мель? Было это в году двенадцатом или тринадцатом, стало быть, около четверти

века назад. Затонула возле острова Хайнань. Большая часть команды сумела добраться до Макао. Но одна шлюпка с десятью-пятнадцатью матросами пропала; там был и Дэнби. Не знаю, что сталось с другими, а вот он очутился в банде ладронов, это определенно.

— Его пленили?

— Либо так, либо нашли на берегу, куда его выбросило волной. Если учесть дальнейший ход событий, вероятнее второе.

— А что было?

— Он стал ладронской пешкой.

— Пешкой, сэр?..

— Да, окитаился. Женился на местной. Обрядился в простыни и полотенца. Выучил их тарабарщину. Палочками жрал змей. И все такое. Впрочем, винить его нельзя. Он был всего лишь неотесанный юнга из Шордича или еще какой лондонской трущобы. В море чуть ли не с пеленок. Быть чернорабочим матросом очень нелегко. Весь день тягаешь канаты, а потом всю ночь отбиваешься от старых педрил, охочих поживиться на халяву. Кормят только лобскаусом[69] да лежалой кониной. Никаких баб, кроме «дочки

[69] Примечания: 69

Лобскаус, матросское рагу (мясо, тушённое с овощами и галетами) или размоченные галеты

пушкаря».[70] После такого пиратская джонка со шлюхой и жратвой покажется раем. Вряд ли пришлось его долго уламывать — наверное, просто подсунули мокрощелку, едва он оклемался. Однако парень он был не промах, котелок у него варил. Придумал чертовски хитрую хитрость. Оденется понарядней и махнет в какой-нибудь порт вроде Манилы или Анжера. Ладроны следом, и все нанимаются на судно с недокомплектом команды: Дэнби — помощником, пираты — матросами. Разве кому придет в голову, что белый — лазутчик косоглазых? Уж капитану и подавно. А Дэнби был тот еще златоуст. Разоденется, весь в побрякушках. Корабль выходит в море — и нате вам: пиратский флаг, захват судна. Дэнби разоружал офицеров, с остальными управлялись ладроны. Пленных сажали в шлюпки и пускали на волю волн, а сами с добычей смывались. Дьявольски хитрая хитрость. Кажется, удача им изменила у мыса Ява. Удирая с добычей, напоролись на английский линкор. Почти вся шайка и Дэнби погибли. Но кое-кто спасся. Наверное, один из них и заложил эти часы.

— Вы вправду так думаете?

---

[70] Примечания: 70

«Дочка пушкаря» — пушка, к которой привязывали наказанного матроса.

— Конечно. Сможете вспомнить, где их купили?

— Думаю, смогу, сэр, — промямлил Захарий.

— Когда придем в Порт-Луи, надо все рассказать властям.

— Вот как? Зачем?

— Думаю, они захотят проследить путь к последнему владельцу.

Покусывая губы, Захарий вспомнил, как боцман отдал ему часы.

— Если прежнего хозяина разыщут, что с ним сделают?

— Полагаю, к нему будет много вопросов, — ответил капитан. — Если он был хоть как-то связан с Дэнби, его повесят. Тут никаких сомнений: розыск продолжается, и любого из той шайки ждет петля.

*

Вскоре морская болезнь чуть-чуть отступила: многие пошли на поправку, но были и такие, кто не выказывал никаких признаков выздоровления, а все больше слабел и буквально таял на глазах. Их было немного, но они заметно влияли на других, усугубляя тяготы путешествия: видя плачевное состояние спутников, поправившиеся

гирмиты впадали в уныние и вновь заболевали.

Каждые два-три дня конвоиры опрыскивали трюм уксусом и присыпали углы известью, а кое-кому из больных давали выпить зловонный тягучий отвар. Едва охранники отворачивались, пациенты его выплевывали, ибо ходил слух, что зелье состряпано из копыт свиней и лошадей, а также коровьих рогов. Во всяком случае, на самых больных, которых было около дюжины, снадобье никакого эффекта не возымело.

Следующим умер тридцатилетний медник из Баллии — некогда здоровяк, он превратился в скелет. Родственников у него не имелось, а был только друг, который сам слишком ослаб и не смог выйти на палубу, когда покойника бросили за борт.

Дити была еще очень больна, и событие прошло мимо нее, но когда умер молодой ткач-мусульманин из Пирпайнти, ехавший с двоюродными братьями, она уже начала поправляться. Спутники умершего были совсем еще мальчишки и не осмелились возразить охранникам, приказавшим вынести покойника на палубу и сбросить в воду.

Дити вовсе не хотела вмешиваться, но молчание других не оставило ей иного выхода.

— Стойте! Так нельзя, — сказала она.

— Не лезь не в свое дело! — буркнули охранники.

— Как раз мое! — огрызнулась Дити. — Пусть мертвый, но он наш, и его нельзя выкинуть как луковую шелуху.

— Чего ты хочешь? Чтобы всякому кули устраивали пышные похороны?

— Я хочу всего лишь кроху уважения… Нельзя так с нами обращаться.

— А кто нам помешает? — фыркнул охранник. — Ты, что ли?

— Если не я, найдутся другие…

Гирмиты привстали — не потому, что собирались атаковать охранников, а просто из любопытства. Но конвоиры сочли это угрозой и беспокойно попятились к трапу. Задержавшись у входа, один вдруг миролюбиво спросил:

— А чего с ним делать-то?

— Дайте родственникам время, они решат, что нужно.

— Ладно, поглядим, что скажет субедар.

Через полчаса охранник крикнул в люк: мол, субедар согласен, пусть родичи покойника сами все устроят. Уступка вызвала бурную радость, и больше десятка человек предложили свою

помощь.

Позже родственник усопшего сказал, что все сделали по правилам — перед погребением в море тело омыли. Даже самые вздорные и завистливые согласились, что в этой знаменательной победе огромная заслуга Дити.

Лишь Калуа не особенно радовался.

— Бхиро Сингх уступил, но шибко злится. Спрашивал, кто все это затеял, не та ли баба, что уже доставляла неприятности.

Взбудораженная успехом, Дити отмахнулась:

— Чего он теперь сделает, когда мы в море? Назад не отправит, верно?

*

— Прибрать бом-кливер! Тан фулана джиб!

Ветер крепчал, и почти все утро шхуна, распустив паруса, шла крутым бейдевиндом. Однако днем разыгравшиеся волны уже перехлестывали через борт. Очарованный мощью судна, Захарий так и шел бы полным ходом, но капитан велел прибрать паруса.

— Страхуй! Сабтайяр!

Обычно бом-кливер отвязывал один матрос, самый быстрый и ловкий. Он забирался почти к клотику фок-мачты, чтобы распустить кливер-

галс, а матросы внизу стягивали парус и крепили его к утлегарю. Джоду справился бы и один, но тиндал Мамду не любил работу внизу, особенно когда тридцатифутовая балка то и дело ныряет в воду, и все, кто в нее вцепился, промокают насквозь. Под предлогом проверки старшина тоже влез на мачту и удобно расположился на рее, пока Джоду возился с леером.

— Стягивай! Даман тан чикар!

— Держись! — Предупреждение Мамду поступило именно в ту секунду, когда распустился узел кливер-галса.

Словно охваченный паникой, парус вздыбился, как загнанный лебедь, что неистовым биением крыльев пытается отогнать хищника. Джоду успел прильнуть к мачте, обхватив ее обеими руками. Матросы внизу стягивали кливер, но им мешал сильный ветер, и парус неистовствовал, будто пытаясь куснуть юнгу за пятки.

— Видал? Не так уж и легко, — поучительно сказал Мамду.

— А кто говорит, что легко?

Джоду соскользнул по мачте и спиной к тиндалу уселся на рее. Море было исполосовано широкими черными тенями, отмечавшими прогалы между волнами. Наверху мотало сильнее

— казалось, ты сидишь на раскачивающейся пальме. Джоду крепче ухватился за леер — если грохнешься в море, это верная смерть. Чтобы развернуть шхуну при таком ветре, уйдет не меньше часа, а потому никто не станет менять курс, ибо шанс спасти утопающего будет ничтожен. Но опасность лишь добавляла специй в пьянящий напиток высоты.

Мамду был того же мнения.

— Хорошо здесь! А бедолаги внизу вдосталь накупаются! — Старшина показал на утлегарь, который ласкары называли «дьявольским языком» — он слизнул немало матросских жизней. — То-то Гхазити радость!

«Язык» вместе с оседлавшими его ласкарами то и дело окунался в волны, а вынырнув, окатывал водяными фонтанчиками гирмитов, выбиравшихся из трюма на дневную кормежку. Сквозь переплетение снастей Джоду разглядел две фигурки в сари, присевшие на корточки возле баркаса. В одной из них он признал Мунию, которая, судя по наклону головы, тоже на него смотрела.

Этот перегляд не ускользнул от внимания Мамду, и он ткнул Джоду локтем в ребра.

— Опять на девку загляделся, дубина стоеро-

совая?

— Чего, уж и поглядеть нельзя? — набычился Джоду, удивленный строгостью тона.

— Слушай, парень, ты не скумекал, что ли? Ты ласкар, она кули, ты мусульманин, она неверная. Тебе ничего не доспеется, кроме порки. Усек?

— Че так серьезно-то? — рассмеялся Джоду. — Какой вред, если маленько похохмить? Так быстрее время летит. Сам говорил: Гхазити в моем возрасте творила, что хотела, — дескать, ни одной койки не пропустила.

— Тьфу! — Старшина длинно сплюнул по ветру, послав плевок точно за борт, и хмуро проговорил: — Раз не сечешь разницы, то, пожалуй, стоит отлучить тебя от мачты.

*

Даже в ручных кандалах А-Фатт поражал своей сноровкой. Мало того что он ловил мух на лету — не прихлопывал, а именно ловил двумя пальцами, — так еще умудрялся делать это в темноте. Бывало, ночью Нил безуспешно отмахивался от мухи или комара, и тогда А-Фатт перехватывал его руку и просил полежать спокойно.

— Тсс! Дай послушать.

Просить тишины в камере было нелепо: куда

денешься от скрипа корабельных досок, плеска воды под днищем, топота матросских ног на палубе и голосов гирмитов за переборкой? Однако А-Фатт как-то исхитрялся отключиться от одних звуков и сосредоточиться на других: стоило насекомому вновь подать голос, как рука китайца выстреливала в темноте, и гуденье или жужжанье прекращалось. Не имело значения, если злыдень сидел на Ниле — китаец умудрялся сцапать его так, что ощущался только легкий щипок.

Однако нынче он шикнул не из-за жужжанья или шлепков Нила.

— Тсс! Слушай.

— Что?

— Слушай.

Звякнули кандалы, а затем раздался неистовый пронзительный писк. Потом что-то хрустнуло, точно сломанная кость.

— Что это?

— Крыса.

В камере завоняло, когда А-Фатт, сняв крышку, бросил дохлую тварь в парашу.

— Не постигаю, как ты их ловишь голыми руками, — сказал Нил.

— Обучен.

— Ловить мух и крыс?

— Нет, — усмехнулся А-Фатт. — Слушать.

— Кем обучен?

— Учителем.

Нил, имевший кучу наставников, не мог представить себе того, кто обучает столь необычному навыку.

— Что же это за учитель?

— По боксу.

— Тренер по боксу? — еще больше изумился Нил.

— Странно, да? — опять усмехнулся А-Фатт. — Отец велел учиться.

— Зачем?

— Он хотел, чтоб я стать как англичанин. Уметь все, что надо джентльмен, — гребля, охота, крикет. Но в Гуанчжоу нет охоты и полей для крикета, а в лодке гребет слуга. Поэтому он велел учиться боксу.

— Значит, ты жил с отцом?

— Нет. С бабушкой. В лодке.

Вообще-то судно являло собой плавучую кухню: на широком носу мыли посуду и разделывали свиней; в надстройке под бамбуковой крышей был устроен камбуз, где стояла четырехглазая печка, а в центре лодки под навесом располага-

лись столики и лавки для клиентов. На высокой квадратной корме уселась двухъярусная халупа, в которой жили А-Фатт, мать и бабушка, а также наезжавшие в гости родственники.

Лодку-кухню подарил отец, что позволило семье, до рождения мальчика ютившейся в крохотной лодчонке, на ступень подняться в общественной иерархии. Чувствуя свою вину перед незаконнорожденным сыном, Барри был готов на большее и охотно купил бы дом в городе или окрестной деревеньке, но воспитанная рекой китайская семья сушу не жаловала. Зная об этом, Барри не перечил, хотя дал понять, что лучше бы они обзавелись чем-нибудь более престижным — например, ярким прогулочным баркасом, которым он мог бы похвастать перед своим компрадором Чункуа. Однако Чимей и ее матушка были весьма расчетливы, а потому жилье, не приносящее дохода, виделось им чем-то бесполезным вроде яловой свиноматки. Обе настояли на покупке лодки-кухни и пришвартовали ее на виду у фактории «белоголовых», из окон которой был хорошо виден А-Фатт, приставленный обслуживать клиентов, едва он научился ходить по покатой палубе.

— Ну ты ловкач, Барри! — посмеивались со-

племенники. — Пристроил сынка в лодочники! Стало быть, дочкам в Бомбее — особняки, а ублюдку — ничего? Верно, он нам чужой, но как-то оно не того, а? Нельзя просто забыть о нем…

Это было несправедливо, поскольку и сородичи, и все другие видели, что Барри — заботливый неуемный отец, который мечтает, чтобы его единственный сын обрел положение в обществе и стал эрудированным, деятельным и воспитанным джентльменом, извергающим мужественность, точно кит фонтаны воды. Поскольку школы не принимали незаконного отпрыска лодочницы, Барри нанял частных учителей, чтобы те, обучив мальчика грамоте на китайском и английском, открыли ему путь к карьере переводчика. В Кантоне было много никудышных толмачей, превзойти которых и сделать себе имя не составило бы труда.

Отыскать учителей, кто согласился бы преподавать на китайской лодке-кухне, было непросто, но благодаря протекции Чункуа они нашлись. А-Фатт учился охотно, с каждым годом перечень его достижений становился все длиннее, а каллиграфия все изящнее. Из Бомбея Барри привозил шикарные гостинцы компрадору, приглядывавшему за успехами его сына, а тот обычно

отдаривался книгой для мальчика.

На тринадцатый день рожденья А-Фатт получил роскошное издание знаменитого романа «Путешествие на Запад».[71]

Услышав перевод названия, Барри воодушевился:

— Пусть читает о Европе и Америке, это полезно. Когда-нибудь я его туда отправлю.

Смущенный Чункуа разъяснил, что речь здесь о другом, ближнем Западе: мол, книга повествует о родине мистера Модди — Хиндустане, или, как его именовали в древних рукописях, Джамбудвипе.

— Вот как?

Барри сник, однако передал сыну подарок, еще не подозревая, что вскоре в этом раскается. Позже он пришел к мнению, что именно книга виновата в капризе мальчика: «Хочу на Запад».

При каждой встрече А-Фатт умолял отца о по-

---

[71] Примечания: 71

«Путешествие на Запад» — один из четырех классических романов на китайском языке. Опубликован в 1590-е гг. без указания автора. В XX в. утвердилось мнение, что написал его книжник У Чэньэнь. Сатирический роман в 100 главах повествует о путешествии по Шелковому пути: монах Сюаньцзан и царь обезьян Сунь Укун отправляются в Индию за буддийскими сутрами. Книга представляет собой цепь занимательных эпизодов, в которых прозрачная буддийская аллегория наслаивается на канву плутовского романа. Сюжет послужил основой одноименной пьесы в жанре цзацзюй, известной своей феноменальной продолжительностью: шесть пьес объединены в одну.

ездке на его родину. Но это была единственная прихоть, которую Барри не мог исполнить. Даже на секунду невозможно вообразить, что мальчик сядет на принадлежащий тестю корабль, а затем по сходням сойдет в толпу встречающих родственников, и он, Барри, представит теще, жене и дочерям, для которых Кантон был лишь источником великолепных шелков, красивых вееров и потоков серебра, живое свидетельство своей другой жизни. Нет, это равносильно тому, чтобы на паркет особняка на Черчгейт выпустить полчище термитов. Соплеменники в Кантоне знали о мальчике, но Барри вполне мог положиться на их молчание — в конце концов, он не единственный, кто за долгие месяцы ссылки изменял холостяцкому образу жизни. Даже если какой слушок достигал ушей домашних, никто не обращал на него внимания, ибо улики были надежно спрятаны. А вот если вернуться с мальчиком, тогда храм поклонников Заратуштры исторгнет пламя скандала, которое испепелит прелюбодея, оставив его без всяких средств существования.

— Послушай меня, сынок, — говорил Барри. — Этот «Запад», что тебе втемяшился, всего лишь выдумки старой глупой книги. Вот подрастешь, и я отправлю тебя на подлинный Запад — во

Францию, Америку или Англию, где живут цивилизованные люди. Там ты станешь принцем или господином, что охотится на лис. Не думай о Хиндустане, забудь о нем. Ничего хорошего тебя там не ждет.

— И он был прав, — сказал А-Фатт. — Добра не вышло.

— Почему? Что ты сделал?

— Кража. Воровал.

— Где? Когда?

А-Фатт отвернулся, спрятав лицо.

— Другой раз, — глухо ответил он. — Не сейчас.

*

Бурное море пагубно сказалось на пищеварении Ноб Киссин-бабу: прошло немало дней, прежде чем он смог покинуть каюту и выйти на палубу. Ощутив на лице влажное морское дуновение, он понял, что мучительные головокружение, понос и рвота были необходимой предтечей мига просветления: стоило взглянуть на бурун под носом шхуны, как стало ясно, что «Ибис» не просто корабль, но средство преображения, сквозь туманы иллюзий направляющееся к неуловимому и вечно далекому берегу Истины.

Лучшим доказательством происходящих перемен был сам Ноб Киссин, ибо присутствие в нем Тарамони стало так ощутимо, что его собственное тело казалось коконом, уже готовым раскрыться и выпустить новую жизнь. Ежедневно появлялись новые признаки того, что в нем зреет женская сущность, — например, возраставшее отвращение к вынужденному соседству охранников; когда они трепались о грудях и задницах, то словно обсуждали и высмеивали его собственное тело, отчего порой возникала столь жгучая потребность в накидке, что он натягивал на голову простыню. Материнский инстинкт тоже усилился, и он не мог пройти по палубе, не задержавшись на пятачке, под которым находилась камера узников.

Эти променады часто вызывали нарекания ласкаров и брань боцмана Али:

— Чего шнырять туда-сюда, как таракан? Шибко дурак-мубак, совсем польза нет!

Мистер Кроул выражался еще конкретнее:

— Пандер, хрен акулий, в рот тебе кляп! Какого черта здесь ошиваешься, другого места нет, что ли? Еще раз тут увижу, канат в жопу воткну!

Приказчик пытался сохранять царственное достоинство:

— Скорблю о вашем чрезмерном пыле, сэр. Сквернословие излишне. К чему уничижительные взгляды и колкости? Я хочу подышать свежим воздухом, только и всего. Не отрывайтесь от ваших дел.

Однако эти палубные прогулки раздражали не только матросов, но и Тарамони, чей голос все чаще звучал в голове Ноб Киссина, подзуживая спуститься в узилище, дабы приблизить ее к обретенному сыну. Эти уговоры породили яростный конфликт между внезапно возникающей матерью, которая жаждала утешить свое дитя, и той частью приказчика, что еще оставалась мирским человеком, скованным суетными правилами.

— Не могу я туда войти! — отнекивался Ноб Киссин. — Что обо мне подумают?

— Какая разница? — настаивала матушка. — Ты же суперкарго, тебе все позволено.

Верно, Ноб Киссин был одним из немногих, имевших доступ в любую часть корабля. Как суперкарго, приказчик постоянно встречался с капитаном, и его часто видели около офицерских кают, где иногда он приникал к двери Захария, надеясь вновь услышать свирель. Мистер Бернэм наделил его полномочиями инспектировать всю шхуну, а потому у приказчика имелся свой ключ

от камеры узников.

Тарамони об этом знала, и вскоре Ноб Киссин понял: чтобы матушка в нем возникла, он должен проникнуться всеми сторонами ее сущности, включая материнскую любовь. Ничего не поделаешь, он должен попасть в камеру.

*

В открытом море «Ибис» уподобился возвращенному в свою природную среду зверю, в котором энергия бьет через край. В Бенгальском заливе шхуна пребывала ровно неделю. Однажды в полдень Полетт, отвлекшись от стирки, взглянула на ослепительно голубое небо, синеву которого подчеркивали перья облаков, похожие на гребешки волн. Казалось, будто на едином своде, обдуваемом мощным ветром, облака и волны играют в догонялки, а шхуна, кряхтя от напряжения, старается от них не отстать, словно чародейство открытого моря наделило ее собственной волей и жизнью.

Держась за леер, Полетт осторожно опустила за борт ведро, чтобы набрать воды. Она уже тянула его наверх, когда из моря выскочила и плюхнулась обратно летучая рыба. Испуганная треском ее крыльев, Полетт взвизгнула и опрокинула на

себя бадейку, разлив воду по палубе. Она хлопотливо сгоняла лужу к шпигату, когда вдруг раздался властный окрик:

— Эй! Эй, там!

Это был мистер Кроул, но обращался он, слава богу, к кому-то другому; обычно подобным тоном помощник разговаривал с ласкарами, и Полетт решила, что нынче не повезло какому-нибудь юнге. Но она ошиблась: на юте показался Захарий, который, закончив вахту, шел в свою каюту. Покраснев, он спросил:

— Вы ко мне обращаетесь, мистер Кроул?

— Именно.

— В чем дело?

— Что за бардак? Дрыхли на вахте, что ли?

— О чем вы?

— Разуйте глаза!

Как всегда в обеденное время, на палубе гудели голоса ласкаров, надсмотрщиков, коков и гирмитов, препиравшихся из-за пайки, но после диалога помощников шум тотчас стих. Их скверные отношения ни для кого не были секретом, и все взгляды обратились на Захария, который прошел на бак.

— Что случилось? — спросил он.

— Это вы мне скажите. — Первый помощник

ткнул пальцем на нос шхуны, и Захарий перегнулся через борт. — Сами разглядите, Хлюпик, или надо объяснить?

— Я понял, мистер Кроул. — Захарий выпрямился. — Кливер не закрепили, и он запутался с мартин-штагом. Не знаю, как это случилось, но сейчас я все исправлю.

Он стал закатывать рукава, однако мистер Кроул его остановил:

— Не ваша забота, Рейд. Не вам решать, как и кто будет это исправлять.

Из-под козырька ладони первый помощник оглядел палубу, словно кого-то искал. Поиски закончились, когда он увидел Джоду, развалившегося на салинге фок-мачты.

— Эй ты, чурка! — поманил мистер Кроул.

— Я, сэр? — Джоду ткнул в себя пальцем, будто уточняя.

— Ты, ты! Шевелись, дубина!

— Есть!

Захарий попытался урезонить самодура:

— Он еще новичок, мистер Кроул, расшибется…

— Не такой уж новичок, если вытащил вас из воды. Пущай попытает счастья с утлегарем.

Встревоженная, Полетт протолкалась к носу

шхуны, где уже сгрудились переселенцы, и увидела Джоду, который вскарабкался на бушприт, торчавший над беспокойным морем. До сих она не обращала внимания на оснастку корабля, воспринимая ее как дикую путаницу парусины, канатов, шкивов и штырей, но теперь смекнула, что бушприт, казавшийся частью резной головы на форштевне, на самом-то деле третья носовая мачта. Фок и грот-мачты были увенчаны стеньгами, а бушприт — утлегарем, в результате чего сия конструкция на добрых тридцать футов выдавалась над волнорезом. К бушприту крепились три косых паруса, но самый дальний из них, кливер, сейчас обмотался об утлегарь — «дьявольский язык»; вот к нему-то и направлялся Джоду.

Первоначально его путь состоял из карабканья вверх, поскольку на волне «Ибис» задрал нос. Потом корабль миновал ее гребень, и «дьявольский язык» устремился к воде, а Джоду стал сползать вниз. Прежде чем утлегарь нырнул в море, юнга успел добраться до кливера и вцепиться в него, точно рачок-прилипала в морду ревущего кита. Бушприт погружался все глубже, и белая рубаха Джоду вначале превратилась в размытое пятно, а затем вовсе исчезла, когда море, сомкнувшись над волнорезом, плюнуло на палубу пенистой

волной. Полетт задержала дыхание, но клюв «Ибиса» так долго не показывался на поверхности, что она не выдержала и снова вдохнула. Наконец бушприт вынырнул, и все увидели распластанного Джоду, руками и ногами плотно обвившего деревянную балку. На выходе из воды кливер трепыхнулся, словно пытаясь катапультировать седока к своим собратьям на мачтах. С бушприта потоком хлынула вода, окатив скопившуюся на баке публику. Полетт даже не заметила, что насквозь промокла, и думала лишь о том, чтобы после этаких ныряний Джоду уцелел и ему хватило сил вернуться на палубу.

Захарий сорвал с себя рубаху:

— Идите вы к черту, Кроул! Я не собираюсь смотреть, как погибнет матрос!

Шхуна все еще задирала нос, когда он вскочил на бушприт и, миновав мартин-штаг, добрался к «дьявольскому языку». Те секунды, что нос корабля находился над водой, Захарий и Джоду лихорадочно обрезали канаты и вгоняли на место шкивы. Затем шхуна вновь приступила к нырку, и оба моряка распластались на балке, но казалось, что крепко ухватиться они не смогут, ибо руки их были заняты обрезками канатов.

— Хе Рам! — разом вскрикнули гирмиты, когда

«дьявольский язык» скрылся под волнами, утащив с собой моряков.

И тут Полетт словно прозрела, осознав, что море держит в своей хватке двух человек, которые ей дороже всех на свете. Не в силах смотреть на воду, она отвернулась и увидела мистера Кроула: взгляд его был прикован к бушприту, но лицо, обычно красное и жесткое, размякло, отражая противоречивые чувства. Появление из воды утлегаря с двумя седоками было встречено ликующим криком гирмитов — Джай Сия Рам!

От радости Полетт чуть не расплакалась, когда Захарий и Джоду, живые и здоровые, спрыгнули на палубу. Видно, судьба нарочно подгадала, чтобы Джоду приземлился рядом с Полетт, и губы ее словно по собственной воле шепнули:

— Джоду!

Юнга вытаращился на женщину под накидкой, но та подала ему с детства известный знак — не выдавай! — и, шмыгнув в сторону, занялась стиркой.

Джоду вновь появился, когда Полетт развешивала на вантах выстиранное белье. Беспечно насвистывая, он поравнялся с ней и выронил шкворень, который держал в руках. Притворившись, будто ищет закатившуюся штуковину,

Джоду присел на корточки и шепнул:

— Путли, это вправду ты?

— А как ты думаешь? Я же сказала, что сяду на корабль.

— Ну ты даешь!

— Только — молчок!

— Заметано. Если замолвишь за меня словечко.

— Перед кем?

— Перед Мунией, — выпрямляясь, прошептал Джоду.

— Оставь ее в покое! Смотри, накличешь беду…

Но Джоду уже ушел, и предостережение пропало втуне.

20

То ли из-за мягкого света в глазах, каким ее одарила беременность, то ли из-за победы над охранниками, но почти все обитатели трюма стали величать Дити «братанихой», словно признав ее главенство. Сама она не придавала этому значения: ну что поделаешь, если вдруг спутники вознесли ее до статуса жены старшего брата? Знай Дити об ответственности, какую возлагает сей титул, она бы, вероятно, призадумалась, но поскольку эти родственные нюансы ей были неведомы, то известие Калуа о том, что кое-кто хочет переговорить с ней по чрезвычайно важному делу, застало ее врасплох.

— Почему со мной? — всполошилась Дити.

— А с кем же, как не с братанихой? — усмехнулся Калуа.

— Ладно, говори: кто, чего, о чем.

Выяснилось, что речь идет о человеке по имени Экка Нак — вожаке горцев, присоединившихся к переселенцам в Сахибгандже. Дити помнила этого кривоного жилистого мужичка, чьи седины и задумчивая мина придавали ему вид сельского старейшины, хотя вряд ли он был старше трид-

цати с хвостиком.

— Что ему нужно? — спросила Дити.

— Он просил узнать, не согласится ли Хиру жить с ним, когда приедем на Маврикий.

— Хиру?

От изумления Дити на миг лишилась дара речи. Разумеется, она замечала голодные взгляды, какими одаривали всех женщин — куда от них денешься? — но и подумать не могла, что недотепа Хиру, которая и гирмиткой-то случайно стала из-за подлеца мужа, бросившего ее на ярмарке, первой получит серьезное предложение.

И вот еще закавыка: если мужик и впрямь не шутит, зачем все это? Женитьба-то невозможна. Хиру, по ее признанию, замужняя женщина, муж ее живехонек, и наверняка сам Экка Нак в горах Чхота-Нагпур оставил жену, а то и две. Дити постаралась представить его селение, но ее страх равнинной жительницы перед горами был так велик, что она только поежилась. Дома союз Хиру и Экка Нака был бы немыслим, однако теперь не имело значения, откуда ты родом — с гор или равнины. Сожительство Хиру с горцем ничем не хуже того, что сделала сама Дити. Ведь все прежние связи распались, и прошлое смыто морем.

Ах, если бы так!

Если Черная Вода утопила прошлое, то почему в голове до сих пор звучали голоса, осуждавшие ее бегство с Калуа? Почему, как ни старайся, не заглушить шепоток, обещавший, что за свой проступок она будет мучиться не только сегодня-завтра, но веки вечные — в жизни после смерти. Вот и сейчас голосок нашептывал: хочешь, чтобы Хиру разделила твою судьбу?

Дити аж застонала: по какому праву ее впутывают в подобные дела? Кто ей Хиру, в конце-то концов? Ни тетка, ни сестра, ни племянница. С какой стати она должна взваливать на себя бремя ее судьбы?

Однако, несмотря на возмущение, Дити не могла не признать, что Экка Нак хочет все сделать честь по чести. Отрезанным от дома людям ничто не мешало спариваться тайком, как, по слухам, делали всякие вурдалаки и упыри. В отсутствие родителей и старейшин, кто знает, как правильно обустроить брак? И разве сама Дити не говорила, что отныне все они родичи, что чрево корабля породило новую семью? Все так, но пока еще они не настолько семья, чтобы одному решать за другого; Хиру сама должна сделать выбор.

*

Последние дни Захарий все время вспоминал рассказ капитана о «белом ладроне». Пытаясь связать концы с концами, все сомнения он толковал в пользу боцмана Али, но при всем старании не мог избавиться от мысли, что тот хотел приспособить его на место Дэнби. Подозрение не давало покоя, чертовски хотелось с кем-нибудь его обсудить. Но с кем? Отношения с первым помощником напрочь исключали того из числа конфидентов, и Захарий решил поговорить с капитаном.

Истекал одиннадцатый день плавания; заходящее солнце подсвечивало завитки и росчерки облаков, вскоре превратившихся в барашки. Переменившийся ветер порывами задул навстречу шхуне, отчего паруса, издавая громоподобные хлопки, прогибались назад.

Мистер Кроул стоял первую вахту, и Захарий знал, что капризная погода удержит его на палубе, однако на всякий случай дождался вторых склянок и лишь тогда направился к каюте капитана. Он дважды постучал, прежде чем из-за двери откликнулись:

— Джек?

— Нет, сэр, это я, Рейд. Хотелось бы переговорить наедине.

— Отложить нельзя?

— Ну…

Возникла пауза, которую прервало недовольное кряхтенье:

— Ладно. Только… пару минут сушите весла.

Прошло больше десяти минут, но дверь не открывалась; Захарий слышал шарканье ног и плеск воды в раковине. В кают-компании он сел за стол и прождал еще добрых десять минут, прежде чем дверь капитанской каюты приотворилась и в проем выглянул мистер Чиллингуорт. Лампа в каюте подсвечивала его неожиданно пышное одеяние — капитан был не в тельняшке, которую с недавних пор предписывал устав, но в просторном балахоне до пят, по давнишней моде английских набобов украшенном затейливой вышивкой.

— Входите, Рейд. — Капитан держался тени, но было видно, что минуту назад он умылся — на брыластых щеках и кустистых седых бровях сверкали капли воды. — И заприте дверь, будьте любезны.

Захарий впервые оказался в капитанской каюте, но заметил, что здесь спешно наводили

порядок: небрежно застеленная покрывалом койка, перевернутый кувшин в фарфоровой раковине. Оба иллюминатора были открыты, однако ветерок еще не выдул запах дыма.

Словно желая прочистить грудь, капитан глубоко вдохнул ночной воздух.

— Как я понимаю, вы хотите пожаловаться на Кроула? — спросил он.

— Вообще-то, сэр…

Капитан будто не слышал:

— Мне известна эта история с утлегарем, однако на вашем месте я бы не стал поднимать волну. Спору нет, Кроул чертовски занозист, только не стоит обращать внимания на его выходки. Поверьте, он боится вас больше, чем вы его. И на то есть причины: он прекрасно понимает, что здесь вы сидите за одним столом, а на берегу такие, как вы, его даже в конюхи не возьмут. Вот что его грызет. Он только и может что пугать да бояться. Каково ему видеть, что вы так легко со всеми сходитесь, даже с ласкарами? На его месте вы бы тоже злились и старались на ком-нибудь отыграться.

Под ветром шхуна накренилась, и капитан ухватился за переборку. Воспользовавшись паузой, Захарий вставил:

— Вообще-то я пришел не из-за него, сэр. Я по другому делу.

— Ох ты! — Поперхнувшись, мистер Чиллингуорт поскреб плешь. — И что, оно не терпит?

— Раз уж я здесь, сэр, может, поговорим?

— Хорошо. Только давайте присядем, а то шибко качает.

Каюту освещала одна лампа с закопченным стеклом, но, видимо, даже ее тусклый свет был капитану слишком ярок, ибо, сев за стол, он прикрыл рукой глаза.

— Ну же, Рейд. — Мистер Чиллингуорт кивнул на кресло по другую сторону стола. — Устраивайтесь.

— Спасибо, сэр.

Захарий хотел сесть, но заметил на сиденье какую-то длинную блестящую штуковину. Изящный резной чубук еще теплой трубки, похожий на бамбуковый ствол, был толщиной с палец и длиной с руку, а венчала его чашка размером с ноготь большого пальца.

Капитан привстал и хлопнул себя по ляжке, словно укоряя за собственную рассеянность. Захарий протянул ему трубку, и он принял ее обеими руками, поклонившись в этакой восточной манере. Затем он подпер рукой щеку и уставился

перед собой, точно пытаясь найти объяснение, откуда в его каюте взялась эта трубка.

Наконец, откашлявшись, капитан поерзал в кресле и сказал:

— Вы же не дурак набитый, Рейд, и прекрасно понимаете, для чего эта трубка. Только не ждите, что я буду каяться. Черта с два!

— Вовсе нет, сэр.

— Рано или поздно вы бы все равно узнали. Такое не утаишь.

— Это не мое дело, сэр.

— Наоборот, здесь это касается всех, — криво усмехнулся капитан. — Коснется и вас, если собираетесь продолжить морскую карьеру. Вы будете это загружать, возить и продавать… Я не знаю ни одного старого моряка, который время от времени не прибегал бы к такому средству, особенно если оно помогает забыть о воющих ветрах, что правят беспорядком его жизни.

Мистер Чиллингуорт уткнул подбородок в грудь, однако голос его окреп.

— Тот не моряк, Рейд, кто не изведал мертвого штиля, и вот тогда-то опий творит чудеса. Время летит, ты легко минуешь дни и недели, будто с юта переходишь на бак. Вы не поверите, да я и сам не верил, пока злосчастная судьба не при-

ткнула меня на долгие месяцы в одном захудалом порту. Было это в море Сулу… Столь затрапезного городишки я в жизни не видел: все шлюхи — переодетые мужики, и ты не сходишь на берег, опасаясь за свои яйца. Мне было так погано, что, когда стюард-филиппинец предложил трубку, я охотно согласился. Думаете, я стану корить себя за слабость? Нет, сэр, я ни о чем не жалею. Я получил неизведанный дар. И как все дары природы — огонь, вода и подобное, — он требует величайшей осторожности.

Капитан вперил в Захария горящий взгляд.

— Долгое время я курил трубку не чаще раза в месяц; если вы думаете, что подобная умеренность невозможна, то знайте: она не только возможна, но непременна. Глупцы полагают, что стоит взять в руки трубку, и тебе уготована гибель в дымном притоне. Бьюсь об заклад, большинство курильщиков балуются трубкой всего раз-другой в месяц, но не из-за скаредности, а потому, что именно воздержание дает высочайшее, несравненное удовольствие. Разумеется, есть и такие, кто с первой затяжки понимает, что уже никогда не расстанется с дымным раем, но это настоящие пристрастники, они такими рождаются, а не становятся. Но обычные люди,

к которым я причисляю и себя, хотят забыться, когда их к этому что-то подталкивает — поворот в судьбе или несчастный случай… Хотя, может быть, это мой личный опыт, совпавший с изнуряющей болезнью. Определенно, в то время не было лучшего средства от моих хворей… — Капитан помолчал. — Вы знаете, в чем самая удивительность этого вещества?

— Нет, сэр.

— Ну так я вам скажу: оно убивает желания. И оттого становится для моряка манной небесной, бальзамом для самых тяжелых недугов. Оно унимает нескончаемые муки плоти, что преследуют нас в море и толкают к противоестественному греху… — Мистер Чиллингуорт взглянул на свои подрагивающие руки. — Ладно, хватит сотрясать воздух. Раз уж мы легли на этот галс, позвольте спросить: не желаете ли курнуть? Уверяю, вам не удастся вечно избегать сего опыта, к нему вас толкнет простое любопытство. — Капитан усмехнулся. — Уж я-то повидал желающих поставить дымсель, среди которых были и набожные церковники, и строгие законники, и неприступные матроны, затянутые в корсет своей чопорности. Если будете возить опий, настанет день, когда вы и сами втихаря к нему приложитесь. Так почему

не сейчас? Чего тянуть?

Словно завороженный, Захарий смотрел налакированный изящный чубук трубки.

— Да, сэр, я бы хотел попробовать.

— Вот и славно.

Из ящика стола капитан достал сияющую лаком шкатулку, изнутри выстланную красным шелком, на котором ладно умостились разные вещицы. Точно аптекарь за прилавком, одну за другой он выложил их на стол: бамбуковую иглу с железным кончиком, ложечку с длинным бамбуковым черенком, серебряный ножичек и украшенную затейливой резьбой круглую костяную коробочку, вполне годную служить футляром для рубина или алмаза. Но в ней лежал неприглядный в своей тусклости ломтик опия. Вооружившись ножиком, капитан отскоблил от него крохотную чешуйку и положил ее в ложку. Затем он снял с лампы стекло и держал ложку над пламенем, пока чешуйка не превратилась в лужицу. С торжественностью священника, совершающего обряд причастия, капитан передал Захарию трубку:

— Как только я капну, хорошенько затянитесь, успейте сделать пару вдохов.

Чрезвычайно осторожно макнув иглу в раста-

явший опий, мистер Чиллингуорт поднес ее к пламени. Едва капля зашипела, он сбросил ее в чашку трубки.

— Давайте! Чтоб ни грана не пропало!

Захарий затянулся густым маслянистым дымом.

— Глубже! В себя!

Через две затяжки трубка погасла.

— Откиньтесь в кресле. Ну что, земля от себя отпускает?

Захарий кивнул. Земное притяжение будто и впрямь ослабло: тело казалось невесомым, точно облако, руки и ноги стали ватными, словно лишились всех мышц. Тянуло прилечь. Собственные пальцы, ухватившиеся за край стола, казались квелыми червяками. Захарий встал, ожидая, что ноги подкосятся, но они не подвели и держали вполне сносно.

Будто из далекого далека возник голос капитана:

— Если кружится голова, прилягте на койку.

— Благодарю, сэр, моя каюта в двух шагах.

— Ну, как угодно, как угодно. Через час-другой все пройдет, и вы проснетесь полным сил.

— Спасибо, сэр.

Захарий уже почти доплыл к двери, когда ка-

питан сказал:

— Погодите, Рейд. А зачем вы приходили?

Захарий ухватился за косяк; странно: мышцы размякли и чувства притупились, но голова была ясной как никогда. Он не только помнил, что хотел поговорить о боцмане Али, но еще понял: опий сбил его с трусливого курса — во всем нужно разобраться самому, без посторонних. Неужто опийный дым прояснил его взгляд на мир? Или позволил заглянуть в те пределы своей души, где прежде он не бывал? Как бы то ни было, Захарий осознал, что взаимная симпатия двух людей из разных миров — редкостное, трудное и невероятное чувство, над которым не властны чужие правила и установления. В отношениях между двумя людьми свои правды и обманы, свои обязанности и привилегии, и только им решать, что есть честь, а что позор. Он должен сам достойно разобраться в отношениях с боцманом Али, что подтвердит его зрелость и готовность стоять у руля.

— Ну, так что, Рейд? О чем вы хотели поговорить?

— О нашем местоположении, сэр. Нынче я взглянул на карту, и мне показалось, что мы сильно отклонились к востоку.

— Нет, мы именно там, где нужно, — покачал головой капитан. — Я решил воспользоваться сильным южным течением возле Андаманских островов, так что пока останемся на этом курсе.

— Понятно, сэр. Прошу прощенья.

— Ничего, ступайте.

Захарий отметил, что его ничуть не мотает, как пьяного, — движения были замедленны, но вполне координированы. В своей каюте, сняв рубаху и штаны, он вытянулся на койке. Захарий сомкнул веки, погрузившись в нечто, более глубокое, чем сон, и более четкое, чем явь; сознание его полнилось цветными объемными видениями, которые, несмотря на свою чрезвычайную яркость, были очень спокойны и не пробуждали плотских желаний. Сколько так длилось, он не знал, но потом это состояние стало угасать, а красочные формы превратились в лица и силуэты. Казалось, он видит сон, в котором женщина, прятавшая лицо, то оказывалась соблазнительно близко, то ускользала вдаль. Потом где-то зазвонили, накидка спорхнула с лица женщины, и он узнал Полетт, которая, упав в его объятья, подставила ему губы. Захарий очнулся весь в поту, смутно сознавая, что только что слышал восьмой удар склянок, призывавший его на вахту.

*

Чтобы без помех обсудить столь деликатное дело, как приглашение замуж, надо было тщательно продумать время и место разговора. Возможность представилась лишь на следующее утро, когда Дити и Хиру вышли на палубу. Пользуясь случаем, Дити увлекла подругу к баркасу.

— Кахорахелба, бхауджи? Что случилось, братаниха? — всполошилась Хиру, не привыкшая к вниманию. Решив, что в чем-то допустила промашку, она приготовилась к выволочке. — Я чего-то напортачила?

— Не волнуйся, все хорошо, — под накидкой улыбнулась Дити. — Знаешь, я очень рада… Адж бара хусбани. Для тебя есть новость.

— Новость? Ка хабарба? Какая еще новость? — Всхлипнув, Хиру прижала ладони к щекам. — Хорошая или плохая?

— Это уж тебе решать…

Почти сразу Дити поняла, что ошиблась с выбором места — накидка на лице Хиру не позволяла прочесть ее отклик. Но теперь уж ничего не попишешь, и Дити выложила все до конца.

— Ка ре? Что скажешь? — спросила она.

— Ка кахатба? Что мне сказать? — Голос Хиру

был ломким от слез.

Дити обняла подругу:

— Не бойся, говори, как есть.

Хиру долго собиралась с силами, но все же расплакалась и сбивчиво заговорила:

— Братаниха… я думать не думала… верно ли?.. Говорят, на Маврикии одинокой женщине погибель… на куски порвут… сожрут… мужиков полно, а женщин мало… Представь, каково мне там одной… ой, братаниха… вот уж не думала…

Не понимая, к чему она клонит, Дити перебила ее причитания:

— Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь. Сейчас-то что скажешь?

— Да что ж сказать? Согласная я…

— Ай да смелая баба! — рассмеялась Дити.

— Чего ты так? — обеспокоилась Хиру. — Ошибку делаю?

— Нет, — твердо ответила Дити. — Раз ты решила, могу сказать: никакой ошибки. По-моему, он хороший человек. У него полно родственников, за тобой приглядят. Все еще завидовать тебе станут! Хиру — прям царица!

*

Довольно часто среди вещей, отданных в стирку, Полетт распознавала блузу, рубашку или штаны Захария. Его одежду она машинально перекладывала в низ кучи, оставляя ее напоследок. Потом, смотря по настроению, либо яростно колотила его рубашкой о палубу, точно прачка на мостках, либо подолгу отстирывала воротничок и манжеты. Однажды, когда она, пребывая в мягком расположении духа, хлопотала над Захарьевой сорочкой, рядом возник Ноб Киссин-бабу. Вытаращившись на ее руки, он прошептал:

— Не хочу вторгаться в ваши пределы, мисс, однако позвольте узнать: не мистеру ли Рейду принадлежит сия рубаха?

После кивка Полетт он еще тише спросил:

— Можно взять на минутку?

— Зачем? — удивилась Полетт, но приказчик молча выхватил у нее мокрую рубашку, помял, потискал и вернул обратно.

— Похоже, сей наряд служит ему с незапамятных времен, — нахмурился Ноб Киссин. — Ткань шибко износилась. Странно, не правда ли?

Полетт уже привыкла к чудачествам приказчика, но эта невразумительная реплика ее

озадачила:

— Почему вас удивляет, что мистер Рейд носит старую одежду?

Раздосадованный невежеством собеседницы, Ноб Киссин прищелкнул языком.

— Новое воплощение требует новой одежды. Меняются рост, вес, половые органы, и оттого прежнее одеяние уже не годится. Вот мне, например, пришлось покупать кучу новых вещей. Расходы просто ужасные.

— Я не понимаю, Ноб Киссин-бабу. Зачем это вам?

— Ну как же! — выпучил глаза приказчик. — Ослепли вы, что ли? У меня набухают груди, волосы отрастают. Налицо рождение иного образа. Какая ж тут старая одежда?

Полетт наклонила голову, пряча улыбку:

— Но мистер Рейд не претерпел таких изменений, и старая одежда ему еще послужит.

Отклик приказчика был весьма неожиданным: от негодования он весь надулся и заговорил со страстностью человека, отстаивающего давно взлелеянную веру:

— Как делать можно столь безответственные заявления? Сейчас я вам разъясню. — Сунув руку за горловину просторного балахона, он выпро-

стал амулет, из которого достал пожелтевшую бумагу. — Извольте взглянуть.

Полетт втянула листок в пронизанную солнцем полутьму под накидкой.

— Это список команды «Ибиса» двухлетней давности, — пояснил Ноб Киссин. — Взгляните на имя досточтимого мистера Рейда и все поймете. Стопроцентная перемена.

Полетт зачарованно смотрела на слово «черный» возле имени Захария. Вдруг все, что прежде казалось странным и необъяснимым, обрело четкий смысл — и его сочувствие к ее обстоятельствам, и безоговорочное принятие ее сестринской любви к Джоду…

— Ну разве не чудо? — пыхтел приказчик. — Кто это сможет отрицать?

— Да, вы правы, Ноб Киссин-бабу, — сказала Полетт.

Она поняла, что невероятно заблуждалась в своей оценке Захария: если кто и мог соответствовать многообразию ее личности, так только он. Казалось, небесные силы направили к ней посланника с известием, что их души повенчаны.

Теперь ничто не мешало ей открыться, но одна лишь мысль о том заставила ее испуганно съежиться. Вдруг он подумает, что его преследуют? А

что еще ему думать? И что делать ей, если он посмеется над ее униженностью? Это невыносимо.

Полетт взглянула на море, и в памяти промелькнуло давнишнее воспоминание о том, как Джоду застал ее в слезах над романом. Озадаченный, он пролистал и даже потряс книгу — не выпадет ли колючка или игла, которая объяснила бы ее огорчение. Узнав, что причина в самой книге, он попросил ее пересказать. Полетт поведала ему историю Поля и Виргинии,[72] в изгнании живших на острове Маврикий; их детская привязанность друг к другу переросла во всепоглощающую страсть, но влюбленных разлучили — Виргинию отправили во Францию. Полетт долго пересказывала свою любимую часть романа — трагический финал, в котором Виргиния вот-вот должна воссоединиться с возлюбленным, но гибнет в кораблекрушении. Отклик Джоду на печальную историю ее возмутил: молочный братец расхохотался и сказал, что только дурак заплачет над столь путаной сопливой чепухой. Полетт заорала, что он сам дурак, а еще слабак, потому что никогда не отважится последовать зову сердца.

---

[72] Примечания: 72

«Поль и Виргиния» (1788) — роман Жак-Анри Бернарден де Сен-Пьера.

Почему же никто ей не объяснил, что наибольшей отваги требует не сама любовь, но ее коварные привратники: боязнь сознаться себе, робость признаться любимому и страх быть отвергнутой? Почему никто не сказал, что близнец любви не ненависть, а трусость? Иначе она бы поняла, отчего так старательно пряталась от Захария. Но и сейчас ей не хватало духу сделать то, что нужно… Пока не хватало.

*

Была глухая ночь, только что отбили пять склянок, когда на баке Захарий разглядел боцмана Али — глубоко задумавшись, тот смотрел на горизонт, залитый лунным светом. Весь день Захарию казалось, что боцман его избегает, и потому он не мешкая направился на бак. Увидев его, боцман вздрогнул:

— Зикри-малум!

— Уделишь мне минутку, серанг Али?

— Уделишь, уделишь. Что хотеть?

Захарий достал часы.

— Думаю, пора сказать правду о тикалках.

Боцман Али недоуменно подергал вислые усы:

— Что ты говорить? Не понимать.

— Хватит валять дурака, Али. — Захарий отки-

нул крышку часов. — Ты все наплел. Я знаю, кто такой Адам Дэнби.

Боцман дернул плечом, словно и сам устал от притворства.

— Кто сказать?

— Не важно, главное — я знаю. Вот только не ведаю, что ты задумал. Хотел обучить меня фокусам Дэнби?

Покачав головой, боцман харкнул жвачкой за борт.

— Неправда, Зикри-малум, — тихо проговорил он. — Не верь всякая болтовня. Аадам-малум моя как сын, он муж моя дочь. Он помереть. Дочка тоже и вся детка. Серанг Али совсем один. Моя на тебя смотреть и видеть Аадам-малум. Шибко схожи. Зикри-малум моя тоже как сын.

— Вон как? И чего ж ты удумал? Сделать из сынка бандита?

— Бандит? — вскинулся боцман. — Опий торговать не бандит? Раб на корабль возить лучше?

— Ага, сознался! Хотел, чтобы я стал твоим Дэнби?

— Нет! — Боцман Али шлепнул ладонью по поручням. — Моя хотеть одно добро Зикри-малум. Он стать офицер. Может, капитан. Все, что Аадам-малум не стать.

Боцман словно постарел, он сник и стал каким-то жалким. Невольно Захарий смягчился:

— Послушай, боцман, ты был очень добр ко мне, спору нет. Я вовсе не хочу тебя закладывать. Поэтому давай условимся: когда придем в Порт-Луи, ты исчезнешь. И мы обо всем забудем.

— Можно, — понурился Али. — Моя так делать.

Захарий протянул ему часы:

— Возьми. Это твое богатство, не мое. Держи у себя.

Боцман поклонился и спрятал часы за пояс. Захарий отошел, но тотчас вернулся.

— Знаешь, мне очень паршиво, что мы так закончили, — сказал он. — Порой я жалел, что ты ко мне прицепился. Держись ты подальше, наверное, все было бы иначе. Но ведь именно ты разъяснил мне, что я стою большего. Если я дорожу службой, надо жить по ее законам. Иначе на кой связываться? Ты меня понимаешь?

— Да, — кивнул Али. — Понимать.

Захарий пошел прочь, но боцман его остановил:

— Зикри-малум… погодить…

— Что?

— Туда смотреть. — Боцман Али махнул рукой по носу шхуны.

За бортом была кромешная тьма.

— Куда смотреть-то?

— Туда Малаккский пролив. Отсюда миль сорок — пятьдесят. Там Сингапур близко-близко. Шесть-семь дней плыть.

— К чему ты клонишь?

— Зикри-малум хотеть серанг Али исчезать, да? Можно. Скоро-скоро, туда.

— Как это? — опешил Захарий.

Боцман показал на баркас:

— В лодка. Мала-мала рис, мала-мала вода. Семь дней Сингапур. Потом Китай.

Теперь Захарий понял.

— Хочешь слинять с корабля?

— А что? Зикри-малум хочет моя уходить, да? Сейчас лучше, сильно лучше. Серанг Али «Ибис» приходить только ради Зикри-малум. Иначе не ходить. — Боцман сплюнул за борт. — Берра-малум шибко плохой. Что он творить с дьявольский язык? Он приносить большой беда.

— А шхуна? — Захарий стукнул кулаком по поручням. — Как с ней-то? А пассажиры? Им ты ничего не должен? Кто доставит их на место?

— Тут много ласкар. Приведут «Ибис» Пор-Луи. Легко.

Не дослушав, Захарий помотал головой:

— Нет. Я не позволю.

— Зикри-малум ничего не делать. Только дремать одна вахта. Двадцать минут.

— Я не позволю, боцман Али, — твердо повторил Захарий, абсолютно убежденный в своей правоте. — Я не дам тебе сбежать на баркасе. А если что-нибудь случится и придется покинуть корабль? Нельзя разбазаривать лодки, когда на борту полно пассажиров.

— Лодка много. Хватит.

— Сожалею, боцман. В мою вахту этого не будет. Я предложил разумный выход — дождись прихода в Порт-Луи и тогда линяй. Это все, что я могу для тебя сделать, не больше.

Али хотел что-то сказать, но Захарий его оборвал:

— Не уговаривай, иначе придется доложить капитану. Ты понял?

Боцман Али глубоко вздохнул.

— Да, — кивнул он.

— Вот и хорошо. — Захарий пошел к рубке, но, обернувшись, добавил: — Не вздумай что-нибудь учудить. Я с тебя глаз не спущу.

Поглаживая усы, боцман ухмыльнулся:

— Зикри-малум шибко хитрый, да? Серанг Али не тягаться.

*

Весть о свадьбе Хиру волной пронеслась по трюму, образуя возбужденные водовороты; наконец-то после многих злосчастий произошло нечто иное, что, по выражению Дити, заставило всех смеяться сквозь слезы — духва ме сабке хасавели.

Естественно, организационные дела легли на плечи всеми признанной братанихи. Нужен ли обряд тилака?[73] Тон Дити обрел ворчливость, свойственную тем, кто обременен утомительными хлопотами по устройству семейного праздника: а как насчет шафрана и куркумы?[74]

Всех женщин волновали вопросы: кохбар[75] будет? Что за свадьба без опочивальни? Наверное, ее можно выгородить тряпками и циновками? А

---

[73] Примечания: 73

Тилака — священный символ, который глиной, пеплом, сандаловой пастой или краской наносят на лоб и тело. Замужняя женщина носит точку посредине лба, девица — меж бровей.

[74] Примечания: 74

Важный свадебный ритуал — восхваление желтого цвета, который ассоциируется с цветом солнца и служит символом верности. Гости на свадьбе красят лбы и обсыпают друг друга желтым порошком.

[75] Примечания: 75

Кохбар — празднично украшенная комната жениха и невесты, в которой начинается и заканчивается брачная церемония, длящаяся четыре дня (у некоторых каст пять дней).

как быть с костром, вокруг которого надо сделать семь священных кругов? Может, сойдет лампа или свеча?

— Ишь разболтались! — брюзжала Дити. — Нельзя все решать самим! Мы ведь не знаем обычаев со стороны парня.

— Парня? — Все просто рухнули от смеха. — Какой он парень? Он мужик!

— На свадьбе всякий жених — парень. Почему он не может снова стать парнем?

— А как насчет приданого и подарков?

— Ладно, доберемся на место, подарим ему козу.

— Ну хватит! Чего ржете?

В одном все были единодушны: тянуть нечего, дело надо провернуть по-быстрому. Стороны договорились: следующий день будет целиком посвящен свадьбе.

Меньше всех радовалась Муния.

— Вообрази, что всю жизнь надо прожить с таким мужем! — сказала она Полетт. — Я бы ни за что не согласилась.

— А какого ты хочешь?

— Такого, чтобы показал мне кусочек мира.

— Ага. Скажем, ласкар? — поддразнила Полетт.

— Хотя бы, — хихикнула Муния.

Только повитуха Сарджу все никак не могла оправиться от морской болезни; еда и питье в ней не держались, она страшно исхудала, и казалось, будто последние искры жизни теплятся лишь в ее темных глазах. На палубу Сарджу подняться не могла, и женщины приносили ее порцию в трюм, надеясь, что хоть кусочек съестного удастся протолкнуть меж ее губ.

Однажды гирмиты еще ужинали, когда Дити сошла вниз — была ее очередь кормить повитуху. В сумрачном пустом трюме, освещенном лишь парой ламп, съежившаяся фигурка Сарджу выглядела невероятно жалко.

— Ну как ты, сестра? — с наигранной бодростью спросила Дити. — Сегодня получше?

Повитуха не ответила и только быстрым взглядом окинула трюм. Убедившись, что вокруг никого, она схватила Дити за руку и потянула к себе:

— Иди сюда, я хочу кое-что сказать.

— Слушаю тебя, сестра.

— Больше не могу, — прошептала Сарджу. — Сил нет…

— Ну зачем ты так? — укорила Дити. — Надо кушать, и тогда сразу поправишься.

Сарджу нетерпеливо сморщилась:

— Времени мало, дай сказать. Истинно говорю: я не доживу до конца путешествия.

— С чего ты взяла? Тебе полегчает.

— Поздно. — Глаза повитухи лихорадочно блестели. — Уж такого я навидалась. Я знаю, что помру, но прежде хочу кое-что тебе показать. — Из-под головы она вытащила сверток, служивший ей подушкой, и подтолкнула его Дити. — Вот. Разверни.

— Зачем?

Просьба удивила, поскольку Сарджу никогда не открывала сверток на людях. Она так о нем пеклась, что соседки частенько посмеивались над ней, гадая о таинственной поклаже. Дити не одобряла насмешки; скрытность пожилой женщины, которая трясется над дорогими ее сердцу вещицами, она считала обычным бзиком. Ясно, что повитухе было непросто решиться на просьбу.

— Ты вправду хочешь, чтобы я открыла?

— Давай скорее, пока кто-нибудь не пришел.

Дити предполагала, что в свертке хранятся старые муслиновые тряпки да что-нибудь из кухонной утвари, — так и оказалось: древняя одежонка и деревянные ложки.

— Дай-ка сюда. — Тонкой, как хворостина,

рукой Сарджу ухватила мешочек размером с ее усохший кулак, понюхала и передала Дити:
— Знаешь, что это?

На ощупь — семена. Дити тотчас узнала аромат:

— Конопля! Конопляное семя.

Сарджу кивнула и подала ей другой мешочек:

— А это что?

Нюхнув раз-другой, Дити определила:

— Дурман-трава.

— Тебе известно, для чего она? — шепнула Сарджу.

— Да.

— Я знала, что лишь ты их оценишь, — слабо улыбнулась Сарджу. — А вот самое-самое… — Она подала третий мешочек. — Береги его пуще глаза, здесь невообразимое богатство — семя лучшего бенаресского мака.

Дити сунула пальцы в мешочек и, ощутив знакомые крупинки, мысленно перенеслась в окрестности Гхазипура. Она будто вновь сидела в своем дворе и вместе с Кабутри из горсти маковых семечек готовила алупост. Как же так: полжизни угрохала на маки и не сообразила взять с собой семена — хотя бы на память?

Дити протянула мешочек Сарджу, но та отпих-

нула ее руку.

— Они твои, бери и храни. Сообразишь, как использовать коноплю и дурман. Никому не говори и не показывай. Лежать они могут долго. Спрячь, покуда не понадобятся, они дороже любого богатства. В свертке еще обычные специи. Как помру, раздай остальным. Но эти семена — только тебе.

— Почему мне?

Дрожащей рукой Сарджу показала на образы, нарисованные на балке:

— Потому что я хочу быть там. Чтобы меня поминали в твоем святилище.

— Ты будешь, сестра. — Дити сжала ее руку. — Непременно.

— Спрячь семена, пока никто не видит.

— Да, хорошо…

К еде повитуха не притронулась; Дити отнесла миску на палубу. Калуа на корточках сидел под баркасом, и она умостилась рядышком, слушая вздохи напружинившихся парусов. Под ногтем ее большого пальца застряло маковое семечко. Дити подняла взгляд к небесному своду, усыпанному звездами. В другую ночь она бы привычно обшарила небо в поисках планеты, которую считала вершителем своей судьбы, однако нынче взгляд ее вернулся к зажатой в пальцах крупинке. Дити

вдруг поняла, что не планета правит ее жизнью, а вот это крохотное зернышко — щедрое и обездоливающее, милосердное и убивающее, ласковое и мстящее. Вот кто ее Шани, ее Сатурн.

— Что ты увидела? — спросил Калуа.

Дити вложила семечко ему в рот.

— На-ка, отведай, — сказала она. — Это звезда, что увела нас из дома и забросила на корабль. Планета, что правит нашей судьбой.

*

Первый помощник самоутверждался, одаривая других прозвищами. Как все подобные шутники, он награждал кличками лишь тех, кто не мог отплатить ему той же монетой. Например, капитана Чиллингуорта за глаза он называл Шкипер Наббс, а Захария в лицо, но без свидетелей (делая уступку реноме саибов, в данном случае помощников) величал Хлюпиком. Что до остальных, то мало кто удостаивался чести получить собственное прозвище. Среди них был боцман Али, носивший кличку Гнида, переселенцы же равнодушно именовались «швалью» или «скотом», охранники — «выбленками» или «ебунками», а ласкары — «сявками», «черномазыми» или, для краткости, «чурками».

Из всех обитателей шхуны лишь один имел прозвище, в котором сквозила приязнь, — Бхиро Сингх звался Квашней. Помощник не ведал, что субедар тоже наделил его заглазной кличкой Малум на-малум (Господин Незнайка). Ответная любезность была не случайна, ибо этих людей отмечала природная близость, простиравшаяся до внешнего сходства: смуглый и седой субедар был гораздо старше и пузатее, но оба отличались высоким ростом и бочкообразной грудью. Схожесть характеров помогала преодолеть языковой барьер, хотя они могли общаться почти без слов, ибо между ними была если не дружба, то определенное совпадение интересов; друг с другом им было легко, что допускало легкую фамильярность, в иных условиях немыслимую для людей, занимающих почтенные должности, и даже совместное распитие грога.

Субедар и первый помощник были едины во многом, но полного согласия достигали в отношении к узникам, которых мистер Кроул прозвал хмырями (Нил — хмырь-плут, А-Фатт — хмырь-мартышка). Когда Бхиро Сингх выводил осужденных на ежедневный «променад мерзавцев», первый помощник участвовал в забаве и подбадривал субедара, палкой погонявшего

узников:

— Врежь от души, Квашня! Дай им хорошенько! Пущай растрясутся!

Иногда он даже подменял приятеля и веревкой стегал заключенных по ногам, заставляя их подпрыгивать в такт песенке:

Джек, пройдоха и сластена,
Шибко любит торт слоеный.
Мигом слопает пирог,
И домой прыг-скок, прыг-скок.

Сии развлечения устраивались только на дневных прогулках, и потому для узников стало полной неожиданностью, когда однажды ночью в камере появились два охранника, известившие, что Берра-малум требует их на палубу.

— Зачем? — спросил Нил.

— Поди знай, — буркнул конвоир. — Они там на пару грог хлещут.

Устав предписывал выводить узников в кандалах, и охранники были очень недовольны морокой, свалившейся на них посреди ночи.

— Чего им нужно? — опять спросил Нил.

— Они уж совсем окосели. Хотят развлечься.

— А мы при чем?

— Я-то откуда знаю? Не дергай лапами, хрен

акулий!

Путь на палубу лежал через ласкарский кубрик с чащей гамаков, напоминавших низко висящие осиные гнезда. От долгого заточения узники нетвердо держались на ногах, а качка и оковы усугубляли их неловкость. То и дело они врезались в чью-либо задницу или голову, в обмен получая пинки, тумаки и злобную брань:

— …висельники поносные…

— …яйца вам поотрывать…

— …гляди, куда прешь…

Лязгая кандалами, узники миновали фану и вышли на бак, где верхом на кабестане восседал мистер Кроул. Субедар расположился у бушприта.

— Где вас носит, жиганы? Вам еще рано спать.

Заплетающийся язык помощника свидетельствовал, что оба уже не раз приложились к оловянным кружкам, которые держали в руках. Встреча с этой парочкой не сулила ничего хорошего даже в ее трезвом состоянии, а сейчас и подавно. В животе Нила екнуло, однако он отметил необыкновенную красоту моря в лунном свете.

Шхуна шла правым галсом, переваливаясь с боку на бок в согласии с надувавшимися под

ветром парусами. Ударив в левый борт, волна заплескивала на палубу и при очередном крене устремлялась к правым шпигатам. Фосфоресцирующие ручейки подсвечивали мачты с распростертыми крыльями парусов.

— Куда вылупился, хмырь?

Веревка больно стегнула по икрам, вернув Нила к действительности.

— Прошу прощенья, мистер Кроул.

— Для тебя «сэр», хер пеликаний.

— Извините, сэр, — сдерживаясь, выговорил Нил.

Осушив кружку, помощник протянул ее субедару, и тот плеснул ему из бутылки. Кроул снова глотнул, разглядывая узников поверх края посудины.

— Ты у нас говорун, — адресовался он к Нилу. — Ну так скажи: просек, на кой вас позвали?

— Нет, сэр.

— Вот какая хрень: мы тут с моим дорогим приятелем Квашней клюкнули по стакашку, и вот он грит, мол, хмырь-плут и хмырь-мартышка — друзья не разлей вода. Я грю, нет таких, грю, жиганов, кто не перегрызется с корешем. А он мне — только не эти. Квашня, грю, что поставишь, грю, если один окатит другого? Он показал

фартинг, чтоб мне лопнуть! Такая вот закавыка, хмырь, и ты должен разрешить наш спор.

— В чем пари, сэр?

— Что один из вас обдудолит другого.

— Обдудолит, сэр?

— Дудолить — значит ссать, — раздраженно пояснил Кроул. — Я спорю, что один из вас поссыт на харю другого. Вот так вот. Бить вас никто не будет, токо уговоры. Дело добровольное.

— Понятно, сэр.

— И каковы мои шансы, хмырь?

Нил представил, как ради скотской забавы начальников мочится на друга, и его замутило. Он понимал: отвечать надо осторожно, дабы не разозлить помощника.

— Боюсь, невысоки, сэр, — промямлил Нил.

— Ну ты наглец! — ухмыльнулся Кроул. — Не будешь?

— Не желаю, сэр.

— Точно решил, колодник?

— Да, сэр.

— Может, лучше тебе первому? Ороси из женилки его морду, и сам останешься сухой. Ну что, сговоримся? Отлей на кореша, и всех делов. Ась, хмырь? Кидай кости!

Нил не согласился бы даже под угрозой ножа.

— Это не для меня, сэр.

— Не будешь?

— Добровольно — нет.

— А что твой дружок? Он-то как?

Палуба накренилась, и А-Фатт, всегда крепче державшийся на ногах, подхватил Нила под руку. В иной ситуации тотчас последовал бы удар палкой, однако нынче, словно из почтения к важному событию, субедар оставил проступок без последствий.

— Уверен, что корешок откажется? — спросил помощник.

А-Фатт упорно разглядывал свои ступни. Как странно, думал Нил, мы жалкие ссыльные и знакомы всего ничего, но, оказывается, у нас есть нечто, чему завидуют люди, имеющие над нами абсолютную власть. Неужели подобные человеческие узы такая редкость, что другим не терпится проверить их на прочность и узнать их пределы? Если так, мне тоже очень любопытно.

— Если ты вышел из игры, хмырь-плут, я попытаю счастья с твоим дружком.

— Да, сэр. Попробуйте.

Кроул рассмеялся, сверкнув зубами в фосфоресцирующих брызгах волны, что пенной копной накрыла палубу.

— Скажи-ка, хмырь-плут, тебе известно, за что твой приятель схлопотал срок?

— Насколько я знаю, за воровство, сэр.

— Больше он ничего не сказал?

— Нет, сэр.

— Стало быть, он не поведал, как подломил святых отцов?

— Не понимаю, сэр.

— Он ограбил гнездышко церковников. — Помощник взглянул на А-Фатта. — Верно, хмырь-мартышка? Ты обчистил миссию, что дала тебе кров и пищу?

— Да, сэр. Я приходить миссия в Кантоне, — пробормотал А-Фатт, избегая взгляда Нила. — Только не ради еды. Я хотеть уехать на Запад.

— Куда это?

— В Индию, сэр, — переминаясь, ответил узник. — Я знать, что миссия посылать китайцев в церковную школу в Бенгалии. Меня отправлять в Серампор. Там плохо. Никуда не ходи, сиди взаперти. Только учеба и молитва. Как тюрьма.

— Верно ли, что ты спер шрифт из печатных машин? — заржал помощник. — А еще до полусмерти отдубасил служек, когда они тискали Библии. И все это ради крохи дури.

Понурившись, А-Фатт молчал.

— Давай, давай, говори, — понукал Кроул. — Натворил дел, потому как не мог совладать со страстишкой?

— Ради опия человек готов на что угодно, — просипел узник.

— Да ну? — Из кармана рубашки помощник достал черный шарик, обернутый бумажкой. — А что ты сделаешь ради этого, хмырь-мартышка?

Нил почувствовал, как его друг напрягся. На скулах китайца взбухли желваки, глаза лихорадочно заблестели.

— Ну же, хмырь, — не отставал помощник, вертя в пальцах шарик. — Что за это отдашь?

Кандалы А-Фатта тихо звякнули, отвечая на дрожь его тела.

— Что вы хотеть, сэр? У меня ничего нет.

— Кое-что есть! — развеселился помощник. — Полное брюхо светлого эля! Вопрос в том, куда ты его сольешь.

Нил толкнул локтем друга:

— Не слушай… он нарочно…

— Заткнись, хмырь!

Помощник ногой подсек Нила, отчего тот грузно рухнул и откатился к борту. Скованный, он не мог встать и только сучил ногами, точно опрокинутый на спинку жук. С трудом он перевернулся

на бок и увидел, что китаец теребит завязку штанов.

— Не надо, А-Фатт!

— Не слушай его, хмырь-мартышка, — перебил помощник. — Делай свое дело, не спеши. Он же тебе кореш, да? Может и подождать твоего пивка.

Судорожно сглатывая, А-Фатт дергал завязку, но дрожащие пальцы не могли справиться с узлом. В нетерпении он втянул живот и стащил штаны к коленям. Трясущейся рукой китаец ухватил член и направил его на Нила, свернувшегося у его ног.

— Валяй! — крикнул помощник. — Вперед, хмырь-мартышка! Как говорят педрилы, пусть елдак и яйца никогда не подведут!

Прикрыв глаза, А-Фатт запрокинул голову и окатил Нила струйкой мочи.

— Ай да хмырь-мартышка! — возликовал Кроул, молотя себя по ляжке. — Выиграл мне пари!

Он вытянул руку, в которую субедар, пробормотав поздравление, вложил монету.

В спущенных штанах китаец рухнул на палубу и на коленях пополз к помощнику, протягивая ковшиком сложенные руки:

— Сэр! А мне?

— Спору нет, хмырь, награда заработана, и ты

ее получишь, — кивнул Кроул. — Вот превосходный акбари, только жуй целиком. Ну-ка, разинь хлебало!

Дрожа от нетерпения, А-Фатт подался вперед и раскрыл рот, в который помощник сбросил черный шарик. Китаец принялся жевать, но тотчас закашлялся, сплюнул и затряс головой, будто стараясь избавиться от неописуемой мерзости.

Помощник и субедар умирали со смеху.

— Славно потрудился, хмырь-мартышка! Вот что значит ловить на живца! Обоссал дружка и схавал козье дерьмо!

21

Свадьба началась после первой кормежки. Трюм разделили на половины жениха и невесты. Каждый сам выбрал, чью сторону он представляет, и Калуа, назначенный главой семейства новобрачной, провел свою группу на половину жениха, где брак торжественно скрепили красными точками на лбах.

Женщины полагали, что в музыкальных номерах легко превзойдут мужчин, однако их поджидал удар: в команде жениха объявились певуны-ахиры,[76] и после первой же песни стало ясно, что состязаться с ними будет весьма трудно:

…утхле ха чхати ке джобанва
пия ке кхелавна ре бои…

…набухшие груди готовы
стать игрушкой любимого…

Что еще хуже, один ахир оказался обученным танцором, который знал женские партии. Не-

---

[76] Примечания: 76
Ахиры — каста пастухов-скотоводов.

смотря на отсутствие надлежащих костюмов, грима и аккомпанемента, его уговорили на танец. В середине трюма для него расчистили круг, и он, едва не задевая головой потолок, выдал такое, что женщины поняли: во избежание позора они должны придумать что-то из рада вон выходящее.

Как братаниха и устроитель свадьбы, Дити не могла допустить мужского превосходства. Когда все отправились на дневную кормежку, она велела женщинам задержаться в трюме.

— Что будем делать? — спросила Дити. — Надо что-то придумать, иначе Хиру не сможет смотреть людям в глаза.

*

Увядший корешок куркумы из свертка Сарджу помог невестиной свите сохранить лицо: заурядный на суше, в море он приобрел ценность серой амбры. К счастью, корень был изрядный, и порошка хватило бы для помазания невесты и жениха, но возникла проблема: чем его истолочь, если под рукой нет ни камня, ни ступки? Затруднение разрешили с помощью двух кувшинов. Усердие и находчивость, истраченные на помол, придали обряду особую яркость, которая выдави-

ла усмешку даже из самых мрачных гирмитов.

За песнями и весельем время пролетело незаметно: когда вновь открылся люк, приглашая на вечернюю кормежку, никто не мог поверить, что уже стемнело. Выбравшись на палубу, переселенцы испуганно затихли, ибо над горизонтом увидели полную луну в красном ореоле. Невиданного размера и цвета ночное светило казалось совершенно отличным от того, что озаряло равнины Бихара. Даже сильный ветер, гулявший весь день, будто поднабрался от яркого света сил и, окрепнув на пару узлов, еще больше взъерепенил барашки, с востока набегавшие на шхуну. Согласованные усилия луны и ветра придали морю облик, напомнивший борозды ночных гхазипурских полей с поспевающим весенним урожаем: там темные межи разделяли бесконечные ряды цветов, ярких под лунным светом, а здесь черные впадины между волнами подчеркивали пенные гривы с красноватыми блестками.

Идя под всеми парусами, шхуна резко задирала нос, а потом ухала вниз, словно танцуя под музыку ветра, который то взлетал на верха, то съезжал на басы.

Дити уже попривыкла к качке, но сегодня с трудом держалась на ногах. Опасаясь свалиться

за борт, она села на корточки и, притянув к себе Калуа, угнездилась между ним и надежной защитой фальшборта. Бог его знает, что повлияло — возбуждение от свадьбы, луна или качка, но в тот вечер Дити впервые почувствовала в себе шевеление, которое ни с чем не спутаешь.

— Потрогай! — Сидя в тени фальшборта, она взяла руку Калуа и положила себе на живот. — Чувствуешь?

В темноте сверкнули зубы — муж улыбнулся.

— Ага! Малыш брыкается.

— Не брыкается! Качается, словно корабль.

Было странно чувствовать в себе живое существо, которое в согласии тобой взлетает и опускается, словно ты — океан, а оно — судно, плывущее навстречу своей судьбе.

— Мы будто снова поженились, — шепнула Дити.

— А чем был плох первый раз? Помнишь, ты сплела венки и связала их своими волосками?

— Но мы не сделали семь кругов, потому что было не из чего запалить костер.

— А тот, что пылал в нас?

Дити зарделась.

— Ну пошли. — Она встала и потянула Калуа за руку. — Пора вернуться на свадьбу Хиру.

*

В сумраке узники молча щипали паклю, когда дверь камеры отворилась, явив большую голову Ноб Киссин-бабу, подсвеченную лампой.

Организовать давно задуманный визит было непросто: субедар Бхиро Сингх весьма неохотно дал разрешение на «инспекционный осмотр», поставив непременным условием, что приказчика будут сопровождать два охранника. Получив согласие, Ноб Киссин тщательно подготовился к мероприятию. Одеянием он выбрал просторный шафрановый халат, в равной степени приличествующий мужчине и женщине. Пышные складки мантии скрывали небольшой запас гостинцев, собранных в последние дни и теперь покоившихся за лентой, которой приказчик обвязал грудь: два граната, четыре яйца вкрутую, пара лепешек с пряностями и кусок пальмового сахара.

Вначале уловка прекрасно сработала: Ноб Киссин степенно прошел по палубе, ничем не привлекая внимания, ну разве что излишней пышностью груди. Однако на входе в камеру дело приняло скверный оборот: человеку его габаритов было сложно протиснуться в узкий

дверной проем; пока приказчик его одолевал, гостинцы будто ожили, и ему пришлось обеими руками удерживать грудь на месте. Поскольку охранники стояли у двери, даже в камере он не мог опустить руки, а потому сел по-турецки в позе кормилицы, поддерживающей налитые груди.

Изумленные узники молча разглядывали дородное привидение. Они еще не пришли в себя после инцидента на баке, который был недолог, но паводком сокрушил хрупкие подмости их дружбы, оставив после себя осадок стыда и унижения и ввергнув обоих в глубокое уныние. Как некогда в Алипоре, они вновь пребывали в разобщенном молчании, которое прижилось так быстро, что теперь Нил не находил слов, рассматривая приказчика через кучу необработанной пакли.

— Я здесь, дабы проверить помещение. — Этой фразе, очень громко произнесенной по-английски, надлежало придать визиту официальность. — А посему все недостатки будут учтены.

Узники молчали, и приказчик использовал паузу для того, чтобы при свете мигающей лампы изучить их зловонную обитель. Параша тотчас привлекла его внимание, отчего духовные поиски на время уступили место земным интересам.

— Сию посуду вы используете для отправления нужд?

Впервые за последние дни заключенные обменялись взглядами.

— Да, — сказал Нил. — Верно.

Постигнув смысл ответа, приказчик еще больше выпучил глаза:

— То есть вы облегчаетесь в присутствии друг друга?

— Увы, но выбора у нас нет.

Ноб Киссин поежился, представив, как откликнулся бы на такую ситуацию его чувствительный кишечник.

— Вероятно, часты жестокие запоры?

— Стараемся претерпевать тяготы, выпавшие на нашу долю, — пожал плечами Нил.

Нахмурившись, приказчик огляделся:

— Однако пространство здесь весьма скудно. Недоумеваю, как вы избегаете столкновения конечностями.

Ответа не последовало, но приказчик его и не ждал. Понюхав воздух, он понял, что мать Тарамони вновь напоминает о себе, ибо лишь для матери испражнения ее дитя не смердят, но благоухают. И тут, словно в поддержку незримого существа, которое упорно о себе напоминало,

на кипу пакли плюхнулся гранат, покинувший свой тайник. Ноб Киссин испуганно оглянулся на дверь, но болтавшие друг с другом охранники не заметили фруктового прыжка.

— Вот, скорее возьмите. — Приказчик поспешно вывалил в руки Нила клад из второго граната, яиц, лепешек и сахара. — Это вам… все очень вкусно и благотворно для здоровья. Пищеварение также улучшится.

От изумления Нил перешел на бенгали:

— Вы так щедры…

— Пожалуйста, воздержитесь от родного наречия, — перебил Ноб Киссин и, заговорщически кивнув на охранников, добавил: — Такие баламоты, от них только и жди беды. Лучше им не слышать. Добропорядочный английский вполне подойдет.

— Как вам угодно.

— Желательно также, чтоб съестное было незамедлительно скрыто.

— Да, разумеется.

Нил спрятал еду за спину, что было весьма вовремя, ибо в дверь просунулся охранник — мол, хватит вожжаться. Понимая, что времени мало, Нил поспешно проговорил:

— Я весьма признателен за подношения. Но

позвольте узнать причину вашей щедрости?

— Как, вы не догадались? — воскликнул приказчик, явно огорченный.

— О чем?

— Что дары от матери Тарамони. Разве не понятно?

— Мать Тарамони? — Нил часто слышал это имя из уст Элокеши, но сейчас растерялся. — Так ведь она умерла…

Ноб Киссин яростно замотал головой, собираясь пуститься в объяснения, но понял, что не успеет найти слов, способных выразить всю грандиозность темы, и потому лишь вскинул трепещущие руки, а затем ткнул себя пальцем в грудь, обозначая местоположение созревавшей в нем сущности.

Видимо, жест был достаточно красноречив, а может, свою роль сыграла благодарность за еду, но только Нил не счел сей знак пустячным; казалось, он догадывается о его смысле и понимает, что с этим странным человеком происходит нечто необычное. Он бы не смог сказать, что конкретно он понял, а подумать времени не было, ибо охранники забарабанили по дверному косяку, призывая закругляться.

— Беседу придется отложить до после дождика

в четверг, — сказал Ноб Киссин. — Обещаю, что не перемну использовать первую возможность. Пока же примите благословение матери Тарамони. — Приказчик потрепал узников по макушкам и нырнул в дверь.

После его ухода закуток камеры показался еще темнее. Нил машинально разделил еду пополам и подвинул сокамернику его порцию:

— Возьми.

Рука А-Фатта выползла из темноты и схватила свою долю. Впервые за все время после происшествия на баке китаец заговорил:

— Нил…

— Что?

— Было плохо…

— Себе скажи, не мне.

Помолчав, А-Фатт произнес:

— Я убью эту сволочь.

— Кого?

— Кроула.

— Чем? — усмехнулся Нил. — Голыми руками?

— Погоди. Увидишь.

*

Дити голову сломала, пытаясь решить проблему священного костра. Учитывая ситуацию, о

настоящем костре, даже костерке, не могло быть и речи. Требовалась безопасная замена. Но какая? Понимая, что случай особый, переселенцы собрали все имевшиеся лампы и свечи, дабы осветить финальную часть брачной церемонии. Однако будничная лампа под закоптелым стеклом лишила бы обряд всякого смысла — кто серьезно воспримет свадьбу, на которой невеста с женихом совершают «семь кругов» вокруг одиноко чадящего фитиля? И тут Дити придумала: костром послужат свечи, если все, что есть, собрать и закрепить на подносе. Так и сделали, но огненная конструкция, установленная посреди трюма, проявила норов: согласуясь с качкой, она шныряла по всем углам, грозя подпалить корабль. Кто-то должен удерживать ее на месте. Но кто? Желающих было так много, что, во избежание обид, на выполнение задачи отрядили шесть человек. Новобрачные встали к «костру», однако Черная Вода лишний раз подтвердила, что она тоже среди свадебных гостей. На первом шаге жениха с невестой корабль накренился, и молодые, плюхнувшись ничком, головой вперед понеслись к правому борту. Казалось, вот-вот раздастся треск размозженных черепов, но шхуна завалилась на другой бок, и новобрачные, теперь

ногами вперед, устремились в обратном направлении. Хохот гостей смолк лишь после того, как парни, кто пошустрей, окружили молодоженов, подпирая их плечами. Вскоре юные опоры тоже стали падать, и на смену им ринулись другие. Разумеется, Дити с Калуа одни из первых прыгнули в свалку. Казалось, весь трюм совершает священные брачные круги; многие так увлеклись, что вместе с молодыми поперли в опочивальню.

Когда жених с невестой скрылись в кохбаре, грянул шквал песен и малопристойных напутствий. Шум стоял невообразимый, и никто понятия не имел о совсем иных событиях, происходивших в других пределах корабля. Первым их вестником стал грохот на палубе, от которого вздрогнул потолок трюма. На миг все испуганно стихли и тогда расслышали пронзительный женский крик, донесшийся сверху:

— Караул! Убивают! Его скинули!..

— Кто это? — опешила Дити.

Полетт первой вспомнила о Мунии:

— Куда она подевалась? Она здесь? Муния, где ты?

Ответа не было.

— Где она? — крикнула Дити.

— Наверное, ускользнула, чтобы повидаться…

— С ласкаром?

— Да. Мы пошли вниз, а она спряталась на палубе. Видимо, их застукали.

*

Высота рубки чуть превышала пять футов, и Джоду сотни раз прыгал с ее крыши на палубу без всякого ущерба для здоровья. Но одно дело — спрыгнуть по собственной воле, и совсем иное — быть сброшенным охранником. Джоду упал головой вниз и лишь по счастливой случайности приземлился не маковкой, а плечом, которое тотчас ожгло болью. Он попытался встать, но рука не слушалась. Джоду копошился на скользкой палубе, когда чья-то лапа ухватила его за рубаху и вздернула на ноги.

— Сала! Кутта! Тварь ласкарская…

Джоду изогнулся, пытаясь увидеть лицо субедара:

— Я ничего не сделал… Мы только разговаривали… пара слов и все…

— Ты смеешь смотреть мне в глаза, свинячий выродок?!

Одна рука субедара оторвала юнгу от палубы, отчего он беспомощно повис в воздухе, а другая, сжатая в кулак, впечаталась в его скулу. Хрустнул

выбитый зуб, рот Джоду наполнился кровью. Перед глазами все поплыло, и Муния, скорчившаяся под баркасом, показалась грудой парусиновых лохмотьев.

— Я ничего… — пытался выговорить Джоду, но голова его так гудела, что он едва слышал собственный голос.

От нового удара, который вырвал его из хватки субедара и швырнул на палубу, щека вздулась, точно лисель под ветром.

— Хрен обрезанный! С чем тебе к нашим бабам соваться?

Оба глаза Джоду заплыли, в ушах звенело, и он даже не чувствовал боли в плече. Пьяно шатаясь, юнга сумел встать на покатой палубе и увидел, что возле люка в фану сгрудились ласкары. Мамду, Сункер, Раджу и все другие выглядывали из-за спин охранников, ожидая, как он поступит. Вид сослуживцев остро напомнил, с каким трудом было завоевано место среди них; отчаянно храбрясь, Джоду сплюнул кровью и рявкнул:

— Кем ты себя возомнил, сволочь? Мы тебе рабы, что ли?

— Что?

Изумленный его наглостью, субедар замешкался, но в ту же секунду на палубе возник мистер

Кроул:

— Никак опять хуесос нашего Рейда?

Веревкой с узлом на конце он хлестнул юнгу по груди, заставляя его опуститься на палубу:

— Лежать, херок паршивый!

Второй сильный удар сбил Джоду с ног, и он рухнул на четвереньки.

— Вот так вот! А теперь ползи, пес шелудивый, ползи, тварь, пока я тебя не уделал!

От очередного удара руки Джоду подломились, и он распластался на палубе. Помощник ухватил его за рубаху и вздернул на четвереньки; от рывка старая ткань лопнула.

— Кому сказано — ползи! Нечего мудями палубу тереть! Ты собака — значит, ползи!

Пинок заставил Джоду проковылять на четвереньках, но ушибленное плечо не выдержало, и он снова рухнул ничком. Порванная рубаха свисала лохмотьями, и тогда помощник ухватил его за штаны, которые тотчас расползлись по швам. Веревка хлестнула по голому заду, вырвав у юнги крик боли:

— Алла! Бачао! Аллах! Спаси!

— Зря стараешься, — мрачно усмехнулся помощник. — Взывай к Джеку Кроулу. Больше никто не спасет твою задницу.

Очередной удар пронзил жгучей болью, лишившей последних сил. Джоду свесил голову и сквозь треугольную рамку голых бедер увидел ласкаров, на лицах которых читались жалость и стыд.

— Ползи, сучий сын!

Джоду немного прополз, потом еще, а в голове его звучал голос: теперь ты тварь, собака, тебя превратили в животное… ползи, ползи…

Мистер Кроул был удовлетворен. Отбросив веревку, он махнул охранникам:

— Киньте засранца в камеру.

С юнгой было покончено. Когда охранники волокли его, словно труп, он расслышал голос субедара:

— Ну, теперь твоя очередь, шлюха базарная. Пора преподать тебе урок.

*

В трюме встревоженные переселенцы суетились, точно муравьи в барабане, пытающиеся понять, что происходит по другую сторону овечьей кожи. Вот что-то прошуршало — ласкара поволокли на бак? А теперь дробный перестук пяток — девушку потащили на корму? Потом все услышали голос Мунии:

— Люди! Помогите! Меня…

Крик оборвался, словно ей зажали рот.

— Братаниха! — Полетт схватила Дити за руку. — Надо что-то делать. Ясно же, чего они удумали!

— Да что ж мы сделаем, Глупышка?

Дити хотела сказать, что это не ее забота, потому что никакая она не братаниха и нечего ждать от нее подвигов, но подумала, каково Мунии одной среди толпы охранников, и ноги сами понесли ее к трапу.

— Пошли!

С помощью Калуа пробившись к выходу, Дити заколотила в люк:

— Эй! Есть кто-нибудь? Где вы там, недреманные стражи?

Ответа не было, и тогда она обернулась к спутникам:

— Ну, чего притихли? Минуту назад вон как шумели! Давайте! Устроим представление, чтоб мачты ходуном ходили! Поглядим, надолго ли их хватит!

Сначала горцы затопали по днищу, потом кто-то стал бить в поднос, а другие вторить на кувшинах и горшках, а то просто кричать или петь, и через мгновенье трюм наполнился неудержимым грохотом, способным вытрясти

паклю из корабельных швов.

Внезапно крышка люка открылась, послышался голос охранника. За шумом было не разобрать его слов, а решетка мешала увидеть лицо. Калуа с Полетт подали гирмитам знак к тишине, и Дити сквозь накидку крикнула:

— Кто здесь?

— Чего у вас тут? — спросил голос. — Что за шум?

— Ты прекрасно знаешь, чего у нас тут. Вы забрали нашу девушку. Мы за нее тревожимся.

— Иди ты! — фыркнули в ответ. — Чего ж не тревожились, когда она блядовала с ласкаром? К тому же мусульманином.

— Начальник, отпусти ее, — сказала Дити. — Мы тут сами разберемся. Так будет лучше.

— Поздно спохватились. Субедар сказал, что отныне она будет в надежном месте.

— В надежном? Среди вашей братии? Будет врать, я такого повидала… Скажи субедару, мы не угомонимся, пока не увидим девушку. Ступай. Ну?

Охранник посовещался с приятелями и через минуту передал решение:

— Не шумите, поглядим, что скажет субедар.

— Ладно.

Крышка люка захлопнулась, люди возбужденно загомонили:

— …ты снова победила, братаниха…

— …они тебя боятся…

— …что ни скажешь, все исполнят…

Преждевременная радость напугала Дити.

— Ничего еще не ясно, — буркнула она. — Подождем…

Прошло не менее четверти часа, прежде чем люк снова открыли. Сквозь решетку просунулся палец и указал на Дити.

— Эй ты! — сказал тот же голос. — Субедар разрешил тебе выйти и повидаться с девчонкой. Тебе одной.

— Почему одной?

— Потому что новый бунт нам ни к чему. Помнишь, что было у Ганга-Сагара?

Почувствовав руку Калуа, Дити крикнула:

— Одна не пойду, только с мужем!

Вновь последовали совещание и решение:

— Ладно, пусть и он выходит.

Лязгнула решетка; Дити выбралась из трюма, следом за ней Калуа. На палубе стояли три охранника с палками, чалмы затеняли их лица. Грохнули решетка и люк, словно навсегда отрезая Дити и Калуа от спутников. «Может, охранники

только того и ждали, чтобы нас разъединить? — подумала Дити. — Может, это ловушка?»

Дурные предчувствия окрепли, когда охранник достал веревку и приказал Калуа вытянуть руки.

— Зачем связывать? — крикнула Дити.

— Чтоб не дергался, пока тебя нет.

— Без него не пойду.

— Желаешь, чтобы тебя отволокли? Как ту девку?

— Иди, — шепнул Калуа, локтем подтолкнув Дити. — Если что, кричи. Я услышу и пробьюсь к тебе.

Дити чуть приподняла накидку, вслед за охранником спускаясь по трапу, что вел к центральной каюте. По сравнению с трюмом, здесь было очень светло; согласуясь с нырками шхуны, лампы под потолком раскачивались, точно маятник, и множили скачущие по переборкам тени, отчего казалось, что пропахшая табаком и потом каюта битком набита людьми. Дити сошла с последней перекладины трапа и ухватилась за поручень, даже сквозь накидку чувствуя буравящие мужские взгляды.

— …вот она…

— … джобхан сабханке хамре кхилаф бхаткават рахле… та, что вечно подстрекает других…

От храбрости Дити не осталось и следа, ноги ее приросли к полу, но охранник буркнул:

— Чего застряла? Шагай.

— Куда ведешь? — спросила Дити.

— К девчонке. Сама ж хотела.

Прикрывая пламя свечи, охранник подтолкнул Дити к другому трапу, и они спустились к кладовым. Трюмная вонь была такой сильной, что Дити пальцами защемила нос.

Охранник остановился перед каким-то чуланом.

— Тебе сюда, — сказал он. — Она там.

— Сюда? — испуганно спросила Дити. — А что это?

— Кладовка, — пробурчал охранник, отпирая дверь.

Ядреный базарный запах чулана перешиб даже трюмную вонь. В кромешной темноте слышался чей-то плач.

— Муния… — позвала Дити.

— Братаниха? — взвился обрадованный голос. — Ты?

— Да. Где ты? Я ничего не вижу.

Муния бросилась к ней на грудь:

— Братаниха… я знала, что ты придешь…

— Дура ты дура! — отстранилась Дити. — Чего

ж ты наделала?

— Ничего! Поверь, ничего не было! Он просто помогал мне загнать кур. Те гады подкрались и стали его бить… А потом сбросили на палубу…

— Сама-то как? С тобой ничего не сделали?

— Ерунда, отвесили пару оплеух… Им нужна ты, братаниха…

Вдруг Дити почувствовала, что сзади кто-то стоит, и увидела отблеск свечи. Чей-то низкий грубый голос приказал охраннику:

— Девчонку забери, а эту оставь. Потолкуем с глазу на глаз.

*

Мигающее пламя высветило сгрудившиеся на полу мешки с зерном и рисом и увешанные связками чеснока и лука полки, где плотно стояли горшочки со специями и огромные кувшины с маринованным лаймом, перцем и манго. В воздухе плавала белесая пыль, похожая на мучную; когда дверь захлопнулась, всколыхнувшееся марево наградило Дити перчинкой в глазу.

— Ну? — Бхиро Сингх неспешно запер дверь и поставил свечу на мешок с рисом.

Одной рукой Дити придерживала накидку, а другой терла горевший глаз.

— Это еще зачем? — с нарочитым вызовом спросила она. — Что это за уединение?

Огромное брюхо субедара вылезло в проем между рубахой и дхоти, но он, даже не пытаясь прикрыть наготу, лишь снизу подхватил живот руками и ласково покачал, точно взвешивая. Затем поковырял в каньоне пупка и внимательно изучил результаты раскопок.

— Ну? — повторил Бхиро Сингх. — Сколько еще будешь прятаться, мать Кабутри?

Дити поперхнулась и сунула в рот край накидки, сдерживая вскрик.

— Что притихла? Нечего сказать? — Субедар протянул руку к ее сари. — Можешь открыться. Здесь никого. Только мы с тобой.

Сдернув накидку, он взял Дити за подбородок и удовлетворенно кивнул:

— Помню эти серые ведьмачьи глаза. Тебя считали колдуньей, но я всегда говорил: нет, это глаза шлюхи.

Дити безуспешно попыталась отбросить его руку.

— Чего ж ты раньше-то молчал, если понял, что я здесь? — все еще дерзко спросила она.

— А на кой мне позор? — насмешливо скривился Бхиро Сингх. — Чтобы все узнали о такой

моей родственнице? О потаскухе, что сбежала с говночистом? О распаленной суке, что опозорила семью, деревню и родичей мужа? За дурака меня держишь? Не забывай, у меня дочери, которых еще надо выдать замуж.

— Ты полегче, — прищурилась Дити. — На палубе ждет мой муж.

— Кто? Вот о нем можешь забыть. Года не пройдет, как этот кусок дерьма сдохнет.

— Ай ка кахат хо? Что ты сказал? — обомлела Дити.

Субедар провел пальцем по ее шее и ущипнул за мочку.

— Разве не знаешь, что я распределяю гирмитов по местам и решаю, кто будет вашим хозяином на Маврикии? Твоего муженька я уже внес в список на северную плантацию. Живым он оттуда не вернется. Можешь мне поверить: говночист, которого ты называешь мужем, все равно что покойник.

— А как со мной?

— С тобой? — Бхиро Сингх улыбнулся и опять погладил ее шею. — На тебя у меня другие виды.

— Какие?

Субедар облизал губы и хрипло спросил:

— А чего хотят от шлюхи?

Он сунул руку Дити за пазуху и зашарил по ее груди.

— Ты что! — Дити оттолкнула его руку. — Совсем стыд потерял!

— Там для меня ничего нового, — ухмыльнулся Бхиро Сингх. — Видал твои буфера.

— Плевать я хотела на тебя и твою похоть! — крикнула Дити.

Субедар подался вперед, упершись животом в ее грудь.

— Как ты думаешь, кто раздвинул тебе ноги в брачную ночь? Разве этот недотепа, твой шурин, справился бы в одиночку?

— Что ты городишь! Есть в тебе хоть кроха стыда? — задохнулась Дити. — А тебе известно, что я беременна?

— Вон как? — рассмеялся Бхиро Сингх. — Понесла от золотаря? Ничего, вот я тебя оприходую, и его отродье вытечет, словно желток из яйца.

Крепче ухватив Дити за горло, он пошарил на полке и поднес к ее лицу скалку в фут длиной.

— Ну что, мать Кабутри? Сойдет для такой шлюхи, как ты?

*

Связанный Калуа на корточках сидел меж двух охранников, когда на палубу долетел вопль Мунии, эхом вторивший крику Дити. До этой минуты гигант был недвижим, но тщательно обдумывал свои действия на случай скверного оборота событий. Конвоиры, вооруженные палками и ножами, не опасны, размышлял Калуа, избавиться от них легко. Но что потом? Если вломиться в каюту охраны, где полно до зубов вооруженных людей, его убьют, прежде чем он успеет выручить Дити. Разумнее поднять тревогу, которую услышат во всех закоулках корабля, и лучший для этого способ — ударить в рынду, что висит в двух шагах. Услышав колокол, гирмиты взбунтуются, а на палубу выскочат ласкары и командиры.

Еще дома Калуа привык точно отмерять время и расстояние, считая колесные скрипы своей повозки. Теперь же он отсчитывал набегавшие волны, что заставляли шхуну вскидывать и опускать нос. После десятого нырка стало ясно, что дело неладно, и в ту же секунду раздался крик Мунии:

— Братаниха! Что с тобой?..

Шхуна задрала нос, и палуба уподобилась крутому склону холма. Оттолкнувшись спиной от фальшборта, одним лягушачьим прыжком Калуа одолел половину расстояния до колокола. Конвоиры не успели опомниться, как он уже схватил веревку, притороченную к языку рынды. Однако гигант немного замешкался, отвязывая ее от рым-болта, что дало время стражам очухаться и атаковать: один бил его палкой по рукам, а другой повис у него на спине, стараясь повалить на палубу.

Сцепив связанные руки в один громадный кулак, Калуа сбил с ног лупцевавшего его охранника. Потом, ухватив за шкирку, сдернул со спины второго и грохнул его о палубу. Затем отвязал веревку и ударил в набат.

В эту секунду очередная волна резко накренила шхуну. Первый охранник уже почти встал, но теперь снова рухнул, а второй, подбиравшийся к Калуа, отлетел к борту и повис на скользком леере, судорожно ища опору. Будто желая его стряхнуть, «Ибис» накренился еще сильнее, и пенный гребень утащил свою добычу на глубину.

*

Звон колокола вновь превратил трюм в барабан. Обескураженные гирмиты сбились в кучу, прислушиваясь к суете на палубе, нараставшей крещендо. Сквозь барабанную дробь топота доносился хор встревоженных голосов:

— Адми гирах! Человек за бортом! Декхо пинил! За корму смотреть!

Несмотря на суматоху, движение шхуны не изменилось — она все так же мерно вспахивала океан.

Потом вдруг открылся люк, и в трюм втолкнули Дити с Мунией. Не мешкая, Полетт протолкалась к ним сквозь толпу взволнованных гирмитов:

— Что случилось? Как вы?

— С нами все в порядке, — еле выговорила Дити, еще не оправившись от потрясения. — Колокол нас выручил.

— Кто звонил?

— Мой муж… Произошла драка, и один охранник упал за борт… случайно… Но мужа обвиняют в убийстве… его привязали к мачте…

— Что с ним сделают?

— Не знаю… — всхлипнула Дити, заламывая руки. — Не знаю, Глупышка… Субедар пошел к

офицерам… Решать капитану… Только и надежды, что он смилуется…

В сумраке проскользнув к Полетт, Муния взяла ее за руку.

— Глупышка, как там Азад?

Та ожгла ее взглядом:

— После всего, что натворила, ты еще спрашиваешь?

— Ничего не было, правда! — Муния расплакалась. — Мы просто разговаривали. Все очень плохо?

— В любом случае, расплачиваться ему. Его избили до потери сознания. Лучше держись от него подальше.

*

Захарий все никак не мог привыкнуть к одной особенности морской жизни, продиктованной неизменным ритмом вахт. Цикл из четырехчасовой службы и четырехчасового отдыха (не считая утренних и вечерних двухчасовых полувахт) требовал его пробуждения именно в то время, когда он дрых без задних ног. В результате он уподобился обжоре, что при любой возможности набивает брюхо, и сокрушался о каждой минуте, потраченной не на пиршество сна. Во сне слух

отключался от всяких посторонних шумов, и Захария не тревожили ни выкрики команд, ни шум моря, ни свист ветра. Однако сознание продолжало отсчитывать склянки и даже в самой глубокой грезе помнило, сколько еще осталось до следующей смены.

Нынче вахта Захария начиналась в полночь, а потому вскоре после ужина он завалился в койку и беспробудно спал до набатного звона рынды. Мгновенно проснувшись, Захарий натянул штаны и бросился на корму, где вахтенные пытались разглядеть утопающего. Выглядывали недолго, ибо шансов уцелеть в волнующемся море почти не было: пока спустят паруса и развернут корабль, охранник десять раз утонет. Однако Захарий не мог просто так уйти, а потому оставался на корме, даже когда бессмысленность этого стала абсолютно очевидной.

Виновника несчастья привязали к мачте, а капитан вместе с субедаром Бхиро Сингхом и переводчиком Ноб Киссин-бабу заперся в своей каюте. Час спустя Захарий готовился принять вахту, но стюард Пинто передал ему приказ явиться к капитану. В кают-компании он присоединился к мистеру Чиллингуорту и мистеру Кроулу, которые уже сидели за столом. Пинто

обнес их стаканами с бренди.

— Пшел вон, — бросил ему капитан. — И не вздумай ошиваться под дверью.

— Слушаюсь, саиб.

Дождавшись ухода стюарда, мистер Чиллингуорт мрачно произнес, вертя стакан:

— Скверная история, джентльмены. Такого я не ожидал.

— Когда этот бугай прохрипит пеньковую песню, я буду спать спокойнее, — сказал мистер Кроул. — Черная сволочь.

— Его вздернут, это бесспорно, — кивнул капитан. — Но как бы то ни было, сам я не вправе вынести приговор. Это сделает судья в Порт-Луи. Пока же обойдемся поркой.

— Казнь и порка? — удивился Захарий. — За один проступок?

— Субедар считает, убийство охранника — меньшее из преступлений. На родине этого человека порубили бы на куски и скормили собакам.

— Что он еще сделал, сэр?

— Этот… — Капитан посмотрел на листок, сверяясь с именем —… Маддоу Колвер — изгой, сбежавший с женщиной из высшей касты, родственницей субедара. Потому-то он и записался в

гирмиты, чтобы скрыться там, где их не найдут.

— Однако, сэр, какое нам дело, кого он взял в жены? Наверное, порка недопустима, пока он в нашем ведении?

— Вот как? — Капитан приподнял бровь. — Я удивлен, Рейд, что именно вы, американец, задаете подобные вопросы. Как поступили бы в Мэриленде, если б негр надругался над белой женщиной? Что сделали бы вы, я, да кто угодно, если б черный овладел нашей женой или сестрой? Почему же вы считаете, что субедар и его люди оскорблены меньше? Как отказать им в возмездии, которое для себя мы сочли бы непременным? Нет, сэр… — капитан поднялся и стал расхаживать по каюте, — эти люди служили нам верой и правдой, теперь они хотят справедливости, и я не буду им препятствовать. Вам следует знать, джентльмены, что между белым человеком и туземцами, поддерживающими его власть в Индостане, существует негласная договоренность: браки и продолжение рода возможны лишь среди себе подобных. В тот день, когда туземцы утратят в нас веру как гарантов кастового порядка, закончится и наше правление. Наша власть зиждется на этом нерушимом принципе, в этом наше отличие от вырождающихся захуда-

лых наций вроде испанцев и португальцев. Если вам, сэр, угодно взглянуть, что получается из смешения рас и рождения полукровок, стоит лишь посетить их владения… — Мистер Чиллингуорт резко остановился, ухватившись за спинку стула. — Раз уж об этом зашла речь, я скажу прямо: меня не касается, что вы делаете в порту, господа. Мне нет дела, коль на берегу вы пропадаете в шалманах и бардаках. Не моя забота, ежели вам по нраву торчать в самых грязных береговых дырах. Но при малейшем намеке на любого рода сношения с туземкой, когда вы в море и под моим началом… Знайте, господа: пощады не будет.

Оба помощника промолчали и отвели глаза.

— Что касаемо этого Маддоу Колвера, — продолжил капитан, — завтра он будет бит. Субедар нанесет шестьдесят ударов.

— Шестьдесят, сэр? — вскинулся Захарий.

— Я назначил, сколько просил субедар.

— Но ведь кули истечет кровью, сэр.

— Поглядим, Рейд. Если так, субедар не шибко расстроится.

*

На рассвете Полетт услышала шепот:

— Путли… Путли…

Она вскочила и приникла к отдушине:

— Джоду?.. Чуточку отойди, чтобы я тебя рассмотрела.

Юнга отклонился, и Полетт невольно ахнула. В скудном свете, пробивавшемся сквозь щели в досках, она увидела, что его левая рука висит на самодельной перевязи, глаза в темных обводьях заплыли и превратились в щелочки, а рубаха с чужого плеча испятнана все еще сочившейся кровью.

— Ох, что они с тобой сделали! — прошелестела Полетт.

— Плечо маленько болит, — попытался улыбнуться Джоду. — В остальном терпимо, хотя видок, наверное, жуткий.

— Это все Муния! — озлилась Полетт. — Надо ж, какая…

— Нет! — перебил юнга. — Она ни при чем. Я сам виноват.

В этом он был прав.

— Ох, какой же ты дурак, Джоду! Разве можно быть таким остолопом?

— Ничего не было, Путли. Мы просто болтали, только и всего.

— Ведь я остерегала!

— Верно, другие тоже. Но вот смотри: я говорил,

чтобы ты не пыталась пробраться на корабль. Ты послушалась? Конечно нет. Мы оба такие, и раньше нам всегда везло. Но однажды везенью приходит конец, и ты начинаешь жизнь заново.

Полетт встревожилась — подобное самокопание было абсолютно не в духе Джоду, прежде он никогда так не говорил.

— И что теперь будет? — спросила она.

— Не знаю. Одни говорят, через пару дней вся эта кутерьма забудется. Другие считают, что до конца путешествия я буду мишенью охранников.

— А сам-то что думаешь?

Джоду помолчал и с усилием выговорил:

— Для себя я решил: с «Ибисом» покончено. Все видели, как меня избили, точно собаку, и теперь мне лучше утонуть, чем оставаться на этом проклятом корабле.

В словах его звучала такая непривычная суровость, что Полетт снова заглянула в отдушину — Джоду ли это говорит? Представшее взору зрелище не утешало: опухшее избитое лицо и окровавленная одежда придавали юнге вид куколки, в которой созревает новое неведомое существо. Полетт вспомнила, как однажды в свернутую слоями влажную тряпицу уложила

семечко тамаринда и потом две недели усердно смачивала; когда проклюнулся росток, от семечка ничего не осталось, только крохотные ошметки.

— Что ты собираешься делать?

Джоду прижался губами к отдушине:

— Наверное, я не должен этого говорить, но, может быть, кое-кто отсюда сорвется.

— Кто? И как?

— Я, узники и кое-кто еще. В шлюпке. Точно не знаю, но если это произойдет, то сегодня ночью. Вот тогда может понадобиться твоя помощь. Скажу, когда буду знать наверняка. Смотри, никому ни слова.

*

— Хабес пал!

Команда лечь в дрейф прозвучала поздним утром. В трюме все знали, что на время экзекуции корабль остановится, и теперь шорох спускаемых парусов, замедление хода и свист ветра в снастях оголившихся мачт говорили о ее неминуемости. Шхуна покачивалась на тяжелых вспененных гребнях, а в пасмурном небе сталкивались сизые волны облаков.

Захлопотали мрачные охранники, с почти сладострастным удовольствием выгоняя гирмитов

на палубу; в трюме остались только женщины и совсем хворые. Калуа у мачты не было; закованный в кандалы, он сидел в фане — его выход предполагался как эффектная часть процедуры.

Качало гораздо сильнее, чем на последнем построении у Ганга-Сагара, и оттого переселенцам приказали сесть — лицом к шканцам, спиной к корме. Для большей поучительности мероприятия охранники озаботились, чтобы каждый гирмит хорошо видел притороченную к кофельпланке решетчатую раму с веревками по углам, на которой растянут преступника.

Облаченный в старую военную форму — белые дхоти и малиновый китель с шевронами субедара, Бхиро Сингх восседал на канатной бухте и расправлял кожаные хвосты плети, время от времени щелкая ею в воздухе. На переселенцев он не обращал внимания, а те не отрывали глаз от свистящего бича.

В последний раз проверив свое орудие, субедар встал и подал знак стюарду Пинто пригласить офицеров. Через пару минут на шканцах появились капитан и оба помощника. Все трое были вооружены — из-под нарочно расстегнутых кителей виднелись рукояти пистолетов, заткнутых за пояс. По традиции капитан встал в центре шкан-

цев, но чуть ближе к подветренному правому борту, а помощники заняли позиции по бокам решетки.

Все это происходило в медленном обрядовом ритме, позволявшем запечатлеть каждую мелочь, словно гирмитам предлагалось не только увидеть наказание, но самим прочувствовать боль. Долгая подготовка и постепенное накопление деталей загнали их в некое оцепенение, продиктованное не столько испугом, сколько ожиданием процедуры. Когда Калуа провели через ряды переселенцев, всем уже казалось, что их самих сейчас привяжут к решетке.

Лишь одно мешало гирмитам окончательно представить себя в роли Калуа — его исполинские размеры. На великане оставили только набедренную повязку, чтобы дать возможность бичу разгуляться по всей шири его спины. Белая повязка подчеркивала стать гиганта, но и без того было видно, что предназначенная для наказания решетка ему мала — голова Калуа высилась вровень с коленями помощников, стоявших на шканцах. В результате пришлось изменить систему вязок: ноги великана приторочили к углам решетки, а руки — к кофель-планке, прямо перед его лицом.

Разобравшись с веревками, субедар отсалютовал капитану и объявил, что все готово. Капитан дал отмашку:

— Начинайте!

На палубе воцарилась такая тишина, что в трюме отчетливо слышали и команду капитана, и шаги субедара, отмерявшего дистанцию для разгона.

— Хе Рам, хамре бачао! — выдохнула Дити.

Женщины сгрудились вокруг нее и зажали уши, чтобы ничего не слышать, но, увы, им не удалось укрыться ни от свиста ременных хвостов, разрезавших воздух, ни от тошнотворного чмоканья, с каким они впились в человеческую плоть.

Захарий стоял близко к Калуа и ощутил удар через сотрясение досок под ногами. Мгновенье спустя что-то капнуло ему на лицо; он провел рукой по щеке и увидел кровь. Едва не срыгнув, Захарий сделал шаг назад.

Мистер Кроул глянул на него и усмехнулся:

— Что за гусь без подливки, а, Хлюпик?

*

Потянувшись вслед за ударом, Бхиро Сингх увидел рубец, вспухший на спине Калуа, и злорадно шепнул гиганту в ухо:

— Получил, засранец? Ты у меня сдохнешь, прежде чем я закончу!

Великан его услышал и, преодолевая звон в ушах, прошептал:

— Малик… что я тебе сделал?

Сам вопрос и прозвучавшее в нем недоумение еще больше разъярили субедара:

— Довольно и того, что ты есть!

Бхиро Сингх отошел для очередного разгона, а слова его эхом звучали в голове Калуа: «Довольно того, что я есть… хватит для этой жизни и следующей… вот что я буду переживать снова и снова…» В то же время какая-то часть сознания считала шаги субедара, отмеряя секунды до следующего удара. Потом спину вновь ожгло нестерпимой болью, и Калуа ткнулся лицом в привязанную руку. Чтобы не откусить язык, он впился зубами в шершавую веревку. На очередном ударе боль заставила стиснуть челюсти, и он перекусил один из четырех витков, обхвативших его запястье.

А над ухом вновь раздался издевательский шепот:

— Подлеца убить не грех…

И опять в голове Калуа звучало словесное эхо, но теперь каждый слог отмечал шаги субедара, который готовился к новому разгону: «Под… ле…

ца… у… бить… не… грех…» Плеть вновь опалила спину, и великан перекусил второй виток веревки. Так и продолжалось — отсчет слогов, свист плети, стиснутые зубы — пока от вязки на запястье не осталась всего пара волокон.

Калуа уже настолько приспособился к ритму палача, что абсолютно точно знал, когда плеть взовьется в воздух и когда следует выдернуть руку. На броске субедара он развернулся, на лету перехватил бич и движением кисти захлестнул его вокруг бычьей шеи своего истязателя, а затем резко дернул. Прежде чем кто-либо опомнился, субедар с переломанной шеей замертво рухнул на палубу.

22

В трюме женщины затаили дыхание: до сих пор перестук шагов субедара завершался ударом, рассекавшим плоть. Но вдруг ритм изменился, будто незримая рука придушила раскат грома, следующий за вспышкой молнии. Возникла тишина, которую затем нарушил не свист плети, но многоголосый рев, захлестнувший палубу, точно волна: вопли, крики и топот вначале грянули единым аккордом и лишь позже распались на различимые части. Трюм вновь превратился в барабан, на коже которого паника отбивала чечетку, а в днище колотили озлобленные волны. Женщины решили, что судно тонет, и народ сражается за места в лодках, а вот их бросили на произвол судьбы. Они кинулись к трапу, и в ту же секунду запертый люк распахнулся, но вместо ожидаемой водной лавины в трюм посыпались гирмиты, спасавшиеся от палок охранников. Женщины метались от одного к другому и, тряся ошалевших спутников за грудки, пытались выяснить, что происходит.

— …Калуа убил Бхиро Сингха…

— …его же плетью…

— …свернул ему шею…

— …охрана взбеленилась…

Сумбурные сведения очевидцев противоречили друг другу: одни говорили, что Калуа убит, другие — что жив, но избит до полусмерти. Трюм набивался людьми, каждый вновь прибывший что-то добавлял к рассказу, и Дити будто собственными глазами видела, как разъяренные охранники отвязывают Калуа от решетки и волокут по палубе. Капитан с помощниками пытаются их урезонить — мол, они вправе требовать возмездия и получат его, но все должно быть сделано по закону, без линчевания. В ответ обезумевшая свора вопит:

— Нет! Сейчас! Вздернуть его!

Дити почувствовала, как в ней испуганно затрепыхалось еще не родившееся дитя — ребенок будто хотел укрыться от голосов, требовавших смерти его отца. Зажав уши, Дити упала на руки подруг, которые отнесли ее в свой уголок и уложили на полу.

*

— Назад, сволочи!

Вслед за окриком мистера Кроула воздух прошил выстрел его пистолета. По приказу капитана

помощник целил чуть левее боканцев по правому борту, к которым охранники, намереваясь превратить их в виселицу, поволокли бесчувственного Калуа. Выстрел заставил стражников остановиться, и они, обернувшись, увидели направленные на них три пары пистолетов. Взведя курки, капитан и его помощники стояли плечо к плечу.

— Назад! Осади, кому сказано!

Нынче охранникам не выдали мушкеты, они были вооружены только пиками и саблями. Минуты две тишину на палубе нарушало лишь бряцанье ножен и эфесов — переминаясь, конвоиры прикидывали, что делать.

Позже Захарий вспоминал, о чем ему думалось в ту секунду: если охранники разом бросятся на шканцы, их не удержать, и они, три офицера, после первого залпа станут беззащитны. Мистер Чиллингуорт и мистер Кроул тоже хорошо это понимали, но все трое знали: отступать нельзя — если допустить линчевание, охранники станут непредсказуемы.

За убийство субедара кули, безусловно, повесят, но нельзя, чтобы это сделал озверевший сброд. Не сговариваясь, моряки решили: если охрана задумала поднять бунт, подавить его надо имен-

но сейчас.

Битву выиграл мистер Кроул. Облокотившись на поручни, он гостеприимно помахал пистолетами:

— Ну, чего оскалились, черножопые? Валяйте сюда, поглядим, есть ли среди вас кони с яйцами!

Даже Захарий не мог отрицать, что мистер Кроул являл собой впечатляющее зрелище, когда, широко расставив ноги, поигрывал пистолетами и сыпал бранью:

— …Ну, педрилы! Бляди паршивые! Кому не терпится первым заполучить пулю в манду?

Его налитые кровью глаза не оставляли сомнений в том, что он выстрелит не колеблясь. Видимо, охранники это поняли, ибо понурились и явно утратили боевой дух.

Не теряя времени, Кроул наращивал преимущество:

— Было сказано — осади! Пшли прочь от кули!

Охранники побурчали, но отошли, оставив на палубе распростертого Калуа. Они поняли, что проиграли, и потому беспрекословно подчинились приказу сдать оружие — будто на параде, сложили сабли и пики возле кофель-планки.

Теперь уже командовал капитан:

— Рейд, соберите оружие и спрячьте на корме. В помощь возьмите пару ласкаров.

— Слушаюсь, сэр.

Три матроса помогли собрать пики и сабли, которые отнесли вниз и заперли в оружейке. Минут через двадцать Захарий вернулся на палубу, где уже царило напряженное спокойствие — понурые охранники слушали капитана, обратившегося к ним с пространной речью:

— Я понимаю, смерть субедара стала для вас страшным ударом… — Мистер Чиллингуорт отер взмокшее лицо, дожидаясь, пока приказчик переведет. — Поверьте, я всей душой разделяю ваше горе. Субедар был прекрасным человеком, и я не меньше вашего желаю, чтобы справедливость восторжествовала. — Угроза бунта миновала, и капитан не скупился на цветистые выражения. — Даю вам слово: убийцу повесят, но я прошу потерпеть до завтра — негоже смешивать казнь и похороны. Отдайте субедару последнее прости и отправляйтесь в свою каюту.

Офицеры молча наблюдали за похоронным обрядом. Затем они препроводили охранников в центральную каюту, и капитан облегченно вздохнул:

— До завтра не выпускать. Пусть поостынут.

Силы явно его покинули, он с трудом поднес руку к покрытому испариной лбу.

— Что-то мне неможется. Командуйте, мистер Кроул.

— Отдыхайте, сколько понадобится. Все под контролем, сэр.

*

Об отсрочке казни Дити узнала в числе последних и теперь на все лады себя костерила за то, что тратила драгоценное время, купаясь в собственных переживаниях. Было совершенно ясно: если она хочет помочь мужу, надо следовать его примеру — в критических ситуациях Калуа полагался на холодный расчет, а не свою силу. Интуиция подсказала, к кому обратиться.

— Глупышка, присядь ко мне, — позвала Дити.

— Что, братаниха?

Приобняв Полетт, Дити зашептала ей на ухо:

— Посоветуй, что делать? Если не произойдет чуда, завтра я стану вдовой.

Полетт стиснула ее руку:

— Не теряй надежды. До завтра далеко, всякое может случиться.

Дити заметила, что все утро девушка крутилась у вентиляционной отдушины; она явно чего-то

недоговаривала.

— Что-то затевается, Глупышка?

Полетт замялась, но потом кивнула:

— Да. Только не спрашивай — что, я не могу сказать.

Дити скользнула по ней цепким оценивающим взглядом:

— Ладно, не буду ни о чем расспрашивать. Только скажи: есть ли надежда, что до утра мой муж выберется отсюда живым?

— Кто знает, братаниха? Но шанс есть.

— Хе Рам! — Дити обхватила щеки девушки. — Я знала, что тебе можно довериться!

— Молчи! Вдруг сорвется? Ничего не говори, а то сглазим!

Дити видела, что подруга нервничает и очень напряжена.

— Скажи, а ты сама участвуешь в этой затее? — прошептала она.

Помешкав, Полетт выпалила:

— Чуть-чуть. Но во многом ее успех зависит от меня. И я ужасно боюсь, что все пойдет не так.

Дити потерла ее щеки:

— Я буду молиться за тебя, Глупышка…

*

В пятом часу, вскоре после начала вечерней полувахты, на палубе вновь появился мистер Чиллингуорт; закутанный в старомодный дождевик, капитан выглядел неважно: бледный, в лихорадочных пятнах. Увидев обмякшее тело, привязанное к грот-мачте, он вопрошающе глянул на первого помощника, и тот мрачно усмехнулся:

— Живехонек. Сучьего нигера десять раз убьешь, а он все не сдохнет!

Капитан кивнул и, ссутулившись, прошаркал к наветренной стороне шканцев. В борт шхуны били волны в белых барашках, подгоняемые сильным восточным ветром. Отдавая дань непогоде, мистер Чиллингуорт не поднялся на мостик, но остался под укрытием снастей. Он смотрел на восток, где темные облачка сбивались в плотную свинцовую тучу.

— Ох, наколдуют они шторм, — пробурчал капитан. — Как считаете, мистер Кроул, достанется нам?

— Ничего страшного, сэр, — ответил помощник. — Маленько помотает да тряхнет. К рассвету угомонится.

Капитан посмотрел на голые мачты, где оставались лишь фок и стаксель.

— Тем не менее, джентльмены, паруса убрать и лечь в дрейф. Рисковать не будем, переждем под шторм-стакселем.

Никто из помощников не желал первым поддержать чрезмерную осторожность.

— Полагаю, в этом нет нужды, сэр, — неохотно сказал мистер Кроул.

— Исполняйте приказ. Или мне самому этим заняться?

— Не беспокойтесь, сэр, — тотчас ответил помощник. — Я пригляжу.

— Добро. Признаюсь, меня-то мотает неслабо. Буду признателен, если ночью не потревожите.

*

Погода испортилась, а потому вечером гирмитов из трюма не выпустили. В бадейках им спустили каменно-черствые лепешки и сушеный горох. Меню протеста не вызвало, ибо мало кто хотел есть. Утренние события уже потеряли свою яркость, внимание переселенцев было поглощено приметами надвигавшегося шторма. Зажигать лампы запретили, и люди сидели в кромешной тьме, прислушиваясь к бьющимся о

корпус волнам и ветру, завывавшему меж голых мачт. Грозные звуки лишь подтверждали дурной нрав Черной Воды — казалось, все демоны ада желают пробиться в трюм.

— Мисс Ламбер… мисс Ламбер…

Шепот, едва различимый за шумом ветра и волн, достиг ушей Полетт лишь потому, что нес ее имя. Упершись в балку, она заглянула в отдушину и, увидев блестящий глаз, тотчас догадалась, чей он.

— Мистер Халдер?

— Да, мисс Ламбер.

Полетт приникла к отдушине:

— Вы хотите что-то сказать?

— Лишь пожелать вам успеха в том, что вы делаете ради вашего брата и всех нас.

— Сделаю все, что в моих силах, мистер Халдер.

— Я ни секунды в том не сомневаюсь, мисс Ламбер. Никто, кроме вас, не преуспеет в сей деликатной миссии. Ваш братец поведал мне вашу историю, и, признаюсь, я поражен. Вы талантливы на грани гениальности, мисс Ламбер. Ваше перевоплощение настолько великолепно и достоверно, что его не назовешь игрой. Вот уж не думал, что француженка сумеет так обмануть

мои зрение и слух.

— Вы заблуждаетесь, мистер Халдер, — возразила Полетт. — Притворства вовсе нет. Ведь человек может проявляться в разных ипостасях, не так ли?

— Разумеется. Я очень надеюсь вновь встретиться с вами в более благоприятных обстоятельствах.

— Я тоже надеюсь, мистер Халдер. Хочу верить, что тогда вы назовете меня Полетт… или Путли, как зовет Джоду. Но, если вам угодно, зовите меня Глупышкой — от этого имени я тоже не отрекусь.

— А я попрошу вас называть меня Нил… Вот только боюсь, мисс Полетт, к нашей следующей встрече мне придется сменить имя. Пока же прощайте. Удачи! Бон кураж!

— Вам тоже! Бхало тахен!

Не успела Полетт сесть, как ее окликнул Джоду:

— Пора! Переоденься и будь готова. Сейчас тиндал Мамду тебя выпустит.

*

В полночь сдав вахту, Захарий облачился в сухое и завалился в койку одетым — в любую

минуту непогода могла вновь призвать его на палубу. Мачты же разделись до нитки, оставив лишь шторм-стаксель, который, трепеща на сильном ветру, один отдувался за весь хор парусов. Даже на койке изрядно мотало, ибо волны, высотой в добрых двадцать футов, уже не перехлестывали через фальшборт, но обрушивались сверху и, уползая с палубы, шипели, точно прибой на песчаном берегу.

Дважды что-то зловеще хрустнуло, будто ломалась балка или мачта, и Захарий, мечтавший хорошенько выспаться, оставался начеку, ловя новые признаки крушения. Вот почему легкий стук в дверь подбросил его на койке. Перед сном Захарий погасил лампу, в каюте было темно; резкий крен на левый борт швырнул его к двери, и он непременно расквасил бы физиономию, не успей выставить плечо.

Когда пол под ногами выровнялся, Захарий окликнул:

— Кто там?

Не получив ответа, он распахнул дверь.

В кают-компании стюард Пинто оставил одну чадящую лампу; в ее тусклом свете маячил тщедушный ласкар в бандане, с клеенчатой накидки которого стекала вода. Лицо юнги пряталось в

тени, и Захарий его не узнал.

— Ты кто? — спросил он. — Чего тебе?

Не дав ему договорить, шхуна легла на правый борт, отчего оба моряка влетели в каюту и грохнулись на пол. Едва они поднялись, как шхуна сделала левый крен, толкнув обоих на койку. Когда Захарий понял, что лежит рядом с ласкаром, из темноты донесся леденящий кровь шепот:

— Мистер Рейд… прошу вас…

Голос был пугающе знаком, однако так неуместен, что мог принадлежать лишь привидению. Утратив дар речи, Захарий весь покрылся мурашками, а голос не унимался:

— Мистер Рейд… это я… Полетт Ламбер…

— Что такое?..

Захарий ничуть не удивился бы, если б видение, соткавшееся из его мечтаний, растаяло в воздухе, однако оно упорствовало:

— Прошу вас… поверьте… это я, Полетт Ламбер…

— Быть не может!

— Это правда, мистер Рейд, — в темноте нашептывал голос. — Умоляю, не сердитесь, но я на борту с самого начала путешествия… в трюме… с женщинами…

— Нет! — Отодвинувшись, Захарий вжался в

переборку. — Я следил за посадкой… Я бы заметил…

— Все так, мистер Рейд. Я взошла на борт вместе с переселенцами. Вы меня не распознали, потому что я была в сари.

Теперь Захарий поверил; мелькнула мысль, что надо бы радоваться, но, как всякий моряк, он не любил сюрпризов и вдобавок жутко смутился, поняв всю нелепость своих недавних страхов.

— Что ж, раз вы здесь, мисс Ламбер, значит, вам удалось выставить меня олухом, — сухо сказал Захарий.

— Уверяю, я этого не хотела.

Захарий пытался вернуть самообладание.

— Позвольте узнать, какая из женщин… в смысле, кто из них были вы?

— Конечно, мистер Рейд, — с готовностью ответила Полетт. — Вы часто меня видели, только не обращали внимания, когда я стирала на палубе. — Она понимала, что говорит лишнее, но от волнения не могла остановиться: — Рубашку, что на вас, стирала я, а также все ваше…

— Грязное белье? Это вы хотели сказать? — Щеки Захария пылали от унижения. — Будьте любезны объяснить, зачем вам понадобились эти уловки, весь этот обман. Только лишь для того,

чтобы сделать из меня дурака?

Резкость его тона задела Полетт.

— Вы сильно заблуждаетесь, мистер Рейд, если считаете себя причиной моего присутствия здесь. Поверьте, я это сделала только ради себя. Вы прекрасно знаете, почему мне непременно надо было покинуть Калькутту. Другого способа не имелось, и я последовала примеру моей двоюродной бабушки, мадам Коммерсон.

— Вот как, мисс Ламбер? — язвительно осведомился Захарий. — По-моему, вы значительно ее превзошли, явив себя подлинным хамелеоном! Вы так овладели искусством перевоплощения, что я не удивлюсь, если оно стало вашей сутью.

«Почему встреча, которую она так ждала и на которую возлагала столько надежд, превратилась в злую пикировку?» — недоумевала Полетт. Но она не из тех, кто уклоняется от вызова. Ответный удар последовал, прежде чем она успела прикусить язык:

— О, вы чересчур мне льстите, мистер Рейд. Если кто и может состязаться со мной в перевоплощении, так это, несомненно, вы.

Несмотря на вой ветра и стук волн за бортом, в каюте возникла странная тишина. Захарий сглотнул и хрипло спросил:

— Стало быть, вы знаете?

Даже если б о его обмане возвестили с клотика грот-мачты, он бы не чувствовал себя разоблаченным жуликом больше, чем сейчас.

— Простите, я не хотела… — глухо выговорила Полетт.

— Я тоже не хотел вводить вас в заблуждение относительно моей расы, мисс Ламбер. В наших разговорах я намекал… нет, я пытался сказать… поверьте…

— Разве это важно? — мягко перебила Полетт в запоздалой попытке сгладить свой выпад. — Ведь любая наружность обманчива. Все хорошее и плохое, что в нас есть, не зависит от покроя одежды или цвета кожи. Что, если мошенник мир, а мы в нем белые вороны?

В ответ на это слабое оправдание Захарий пренебрежительно тряхнул головой:

— Для меня сие слишком мудрёно, мисс Ламбер. Прошу вас изъясняться прямо. Скажите, почему вы решили открыться именно сейчас? Ведь не за тем, чтобы уличить нас в обоюдном лукавстве?

— Нет, причина совсем иная. Знайте же, я пришла от имени наших общих друзей…

— Это кто ж такие?

— Например, боцман Али.

Захарий прикрыл рукой глаза; вряд ли что могло уязвить его сильнее, нежели имя человека, которого некогда он считал своим наставником.

— Теперь все ясно, — сказал он. — Вот, значит, как вы узнали о моем происхождении. Вы сами надумали этим меня шантажировать или боцман подсказал?

— Шантажировать? Как вам не стыдно, мистер Рейд!

*

Ветер был так силен, что Ноб Киссин-бабу не осмелился стоять на исхлестанной дождем палубе. Хорошо, что он покинул центральную каюту и квартировал в рубке, иначе путь к фане был бы невероятно долог. Но даже эти немногие ярды, отделявшие его от трюма, он не решился преодолеть на ногах и под прикрытием фальшборта медленно продвигался на четвереньках.

Задраенный трюмный люк открылся, едва приказчик легонько в него постучал. Маятник лампы высветил лица боцмана Али и ласкаров; из качавшихся гамаков команда наблюдала, как Ноб Киссин пробирается к камере.

Приказчик ни на кого не смотрел, кроме человека, ради которого сюда пришел, и думал лишь

об исполнении своей миссии. Перед решеткой присев на корточки, он подал Нилу ключи:

— Вот, возьмите. Пусть они помогут вам обрести мукти…[77] — Ноб Киссин задержал руку Нила в своей ладони. — Теперь вы видите мать Тарамони? Посмотрите в мои глаза. Она здесь? Во мне?

Нил кивнул, и приказчика обуяла неудержимая радость:

— Точно? Она во мне? Значит, время пришло?

— Да. — Глядя ему в глаза, Нил снова кивнул. — Она там. Я вижу ее материнское воплощение. Время настало…

Приказчик обхватил себя за плечи; теперь, когда шелуха прежней оболочки вот-вот будет сброшена, он вдруг почувствовал странную нежность к телу, что так долго ему служило. Повода оставаться в трюме больше не было, и Ноб Киссин выбрался на палубу. Заметив Калуа, приказчик вновь опустился на четвереньки и пополз вдоль фальшборта. Переждав волну, чуть не смывшую его с палубы, он обнял обвисшего великана и прошептал ему на ухо:

---

[77] Примечания: 77

Мукти или мокша (санскр. «освобождение») — в индуизме и других дхармических религиях — освобождение из круговорота рождения и смерти (самсары) и всех страданий и ограничений материального существования.

— Потерпи. Еще немного, и ты обретешь свободу, твоя мокша совсем рядом…

После того как Тарамони полностью в нем проявилась, он стал ключом, способным отворить любое узилище, где томились страдальцы, заточенные мнимыми различиями этого мира. Промокший и измученный качкой, но вдохновленный осознанием своей новой сути, Ноб Киссин направился к кормовым каютам. Как всегда, он остановился у двери Захария, надеясь услышать свирель, и уловил тихий шепот.

Приказчик вспомнил, что именно здесь по знаку свирели началось его преображение, и вот теперь, как и было предсказано, все вернулось на круги своя. Рука его нырнула к амулету и достала свернутую бумажку. Прижав листок к груди, Ноб Киссин закружился по коридору, и шхуна будто поддержала его танец, вздымаясь на волнах в ритме вальса. Охваченный чистейшей радостью полного блаженства, приказчик закрыл глаза.

Воздев руки, он все еще вальсировал, когда в проходе появился мистер Кроул.

— Пандер, пиздюк хренов! — рявкнул помощник, обрывая танец крепкой оплеухой. Взгляд его упал на листок, который съежившийся приказчик сжимал в руке. — Это что? Дай-ка сюда.

*

Полетт отерла хлынувшие ручьем слезы. Она и представить не могла, что разговор войдет в столь враждебное русло, но это произошло, и лучше не усугублять ситуацию.

— Толку не будет, мистер Рейд. — Полетт встала. — Теперь ясно, что весь наш разговор — большая меприс… ошибка… Я пришла сказать, что ваши друзья крайне нуждаются в помощи, и поговорить о себе… но бесполезно. Все мои слова лишь углубляют наше непонимание друг друга. Лучше мне уйти.

— Погодите! Мисс Ламбер!

Мысль потерять ее повергла Захария в панику. Он вскочил и слепо ринулся на ее голос, забыв о тесноте каюты. Пальцы его тотчас наткнулись на ее руку, и он хотел их отдернуть, но те не подчинились, а большой даже уцепился за ее рубашку. Полетт была так близко, что Захарий чувствовал тепло ее дыхания. Рука его забралась ей на плечо, а затем переползла к затылку, где остановилась, исследуя незащищенный пятачок шеи между воротником и забранными под бандану волосами. Странно, что когда-то он испугался, представив ее ласкаром; странно, что хотел навеки укутать ее в

вельвет. Незримая в темноте, в своем новом облике она казалась еще желаннее, а ее изменчивость и неуловимость делали ее совершенно неотразимой. Сами собой губы Захария сомкнулись на губах Полетт, открывшихся ему навстречу.

В каюте стояла кромешная тьма, но оба медленно прикрыли глаза. Происходящее их так увлекло, что они не слышали стука в дверь и отпрыгнули друг от друга лишь после окрика мистера Кроула:

— Вы там, Хлюпик?

Полетт прижалась к переборке.

— Да, мистер Кроул. Что вам? — откашлявшись, спросил Захарий.

— Выйдите на минутку.

Чуть приоткрыв дверь, Захарий увидел первого помощника, который за шкирку держал съежившегося Ноб Киссина.

— В чем дело, мистер Кроул?

— Хочу вам кое-что показать, Хлюпик, — ухмыльнулся помощник. — Одну штуковину от нашего друга Бабуина.

Захарий вышел в коридор, поспешно притворив дверь.

— Какую штуковину?

— Покажу, только не здесь. Да и руки мои

заняты Бабуином. Пусть у вас остынет. — Не дожидаясь ответа, Кроул толкнул дверь и коленом под зад впихнул приказчика в каюту. Потом выдернул из стенного кронштейна весло и просунул его в дверную ручку. — Чтоб не вылез, пока мы утрясаем наше дельце.

— Где вы собираетесь его утрясать?

— Моя каюта вполне сгодится.

*

В своей каюте, куда он ввалился, точно медведь в берлогу, и без того грузный помощник словно еще больше разбух, заполнив собой все пространство. Из-за сильной качки оба уперлись руками в переборки и стояли враскоряку, то и дело сшибаясь друг с другом. Здоровяк Кроул пихал Захария животом, понуждая сесть на койку, но тот, видя нехорошую взбудораженность хозяина каюты, не уступал ни пяди, оставаясь на ногах.

— Ну, мистер Кроул? Какое дельце?

— А такое, что спасибочки скажете. — Из кармана куртки помощник достал пожелтевший листок. — Вот, отобрал у этой гниды… Пандер, кажется? Нес, падла, шкиперу. На ваше счастье, я перехватил. Этакая хреновина может шибко испоганить жизнь. Поди, и морская служба улыб-

нется.

— Что это?

— Список команды «Ибиса» при выходе из Балтимора.

— И что? — нахмурился Захарий.

— А вот сами гляньте. — Кроул поднял лампу, протягивая истертый листок. — Гляньте, гляньте…

Поступая на службу, Захарий понятия не имел, что на каждом судне свои правила заполнения корабельных ведомостей. Взойдя на борт «Ибиса», он сообщил второму помощнику имя, возраст и место рождения, на том дело и кончилось. Сощурившись, Захарий вгляделся в листок и замер: напротив некоторых имен, его в том числе, стояла маленькая пометка.

— Ну, смекнули? — спросил Кроул.

Не отрывая глаз от бумаги, Захарий машинально кивнул, и помощник сипло продолжил:

— Мне это никак, Рейд. Клал я, что вы мулат.

— Я не мулат, я метис, — глухо сказал Захарий. — Моя мать квартеронка,[78] отец белый.

— Мулат, метис — один хрен. — Кроул легонько ткнул кулаком в небритую щеку Захария. —

---

[78] Примечания: 78

Квартерон — человек, родившийся от мулатки и белого, имеющий

Окрас-то не меняется…

Завороженный листком, Захарий не шевельнулся, а рука помощника взъерошила его курчавые волосы.

— …и шерсть тоже. Но какой есть, такой есть, мне без разницы. Если на то пошло, нас это сближает.

— Не понял? — удивленно прищурился Захарий.

— Спору нет, Рейд, начали мы паршиво, — пророкотал помощник. — Ваш треп и подколки выставляли меня дураком, вы думали, я вас не достану. Но эта бумажка все меняет. Вот уж не думал, что так резко сменю курс.

— О чем вы?

— Неужто не ясно? — Кроул положил руку на плечо Захария. — Будем в связке, вы и я. — Он забрал листок. — О бумаженции никому знать не надо. Ни капитану, ни прочим. Она туточки будет. — Кроул спрятал листок в карман. — Считайте меня шкипером, а себя помощником. Никто никому не врет, держимся друг друга. Куда уж лучше? Ты — мне, я — тебе, баш на баш, без дураков. Со мной легко, я ведь знаю, что к чему и как оно чего. На берегу делайте, чего вздумается, мне плевать.

— А в море?

— Иногда заглянете ко мне в каюту. Идти-то недалече, а? Коль вам это не по вкусу, зажмурьтесь и представьте себя у черта на рогах, мне дела нет. Когда-нибудь настанет время, и всякий черномазый будет править на встречном ветре и в шторм. Мулату жизнь задолжала не меньше, верно?

Захарий вдруг понял, что, несмотря на развязный тон, Кроул пребывает на грани срыва, и в нем шевельнулась жалость. Неужто вшивая бумажонка наделена такой силой, что вселяет уверенность, будто он боится за свою мнимую неуязвимость «джентльмена» и станет лебезить перед человеком, который только о ней и мечтает? И все дело в одном коротеньком слове? Если так, сам мир безумнее тех, кто живет по его законам.

Видя нетерпение, с каким Кроул ждет ответа, Захарий не зло, но твердо сказал:

— Сожалею, однако сделки не будет. Наверное, вы думаете, что этот клочок бумаги вывернул меня наизнанку? Отнюдь. Я рожден свободным и не отдам ни крохи своей свободы.

Он шагнул к двери, но Кроул загородил ему дорогу.

— Сушите весла, Хлюпик, — угрожающе сказал он. — Смываться негоже.

— Забудем о нашем разговоре, — спокойно ответил Захарий. — Будто его и не было.

— Слишком поздно. Что сказано, то сказано, и забыть нельзя.

Захарий смерил помощника взглядом и расправил плечи:

— Дождетесь, чтобы я вышиб дверь?

— Похоже, вы чего-то запамятовали. — Кроул похлопал по карману, где лежала бумага. — И двух минут не пройдет, как она окажется у капитана.

В пафосной угрозе слышалось отчаяние.

— Валяйте, Кроул, — усмехнулся Захарий. — Бумажка меня ни к чему не обязывает. Ей-же-ей, буду рад, если покажете ее капитану. Держу пари, он взбеленится, узнав о сделке, какую вы задумали, но это уж не моя вина.

— Заткнись! — Помощник наотмашь ударил Захария по лицу и прижал к его рту сверкнувший под лампой нож. — Я свое получил, теперь твоя очередь. Такого молодчика пора призвать к порядку.

— Ножом?

Скользнув по подбородку, клинок уперся в ямку

на горле.

— Не родился еще тот нигер, что заякорит Джека Кроула. Только дернись, пришью.

— Чего ждешь? Вперед.

— Угрохаю, не сомневайся, — сквозь зубы процедил Кроул. — Не впервой. Это мне раз плюнуть.

Лезвие холодило горло.

— Давай. — Захарий старался говорить спокойно. — Я готов.

Он не сводил с помощника взгляда, и тот не выдержал — отвернулся и опустил нож.

— Пропади ты пропадом, Рейд! — запрокинув голову, утробно взвыл Кроул. — Не смотри на меня!

Он таращился на нож, отказываясь поверить в свою слабость. В эту секунду скрипнула дверь, и на пороге тенью возник А-Фатт. Заточенный ганшпуг он держал острием вперед, точно фехтовальщик саблю. Почувствовав, что за спиной кто-то стоит, Кроул резко обернулся и вскинул нож.

— Хмырь-мартышка? — недоуменно рявкнул он.

Помощник мгновенно стал прежним, словно возможность излить ярость его оживила. Он сде-

лал резкий выпад, но А-Фатт, чуть качнувшись на цыпочках, легко уклонился от ножа. Китаец прижал ганшпуг к груди, подбородком касаясь его острия, и закрыл глаза, будто в молитве.

— Щас отрежу твой язык, мартышка, и заставлю сожрать, — прошипел Кроул.

Следующий удар был нацелен в живот, но китаец отклонился, и помощник по инерции пролетел к двери. А-Фатт, точно матадор, развернулся на носках и по рукоятку всадил ганшпуг Кроулу меж ребер. Помощник осел на пол, а китаец, выдернув окровавленный штырь, направил его на Захария:

— Стой, где стоишь. Иначе и тебя…

А-Фатт бесшумно выскочил в коридор и, закрыв дверь, мушкелем заклинил ручку.

Захарий присел к помощнику, возле которого натекла лужа крови, и услышал прерывистый шепот:

— Рейд… Рейд…

Захарий пригнулся ниже.

— Я тебя… искал… тебя…

Изо рта и носа Кроула хлынула кровь, он подавился и, откинув голову, замер. Захарий поднес руку к его губам, но дыхания не уловил. Пол накренился, перевернув безжизненное тело

помощника. Из-под куртки выглянул край пожелтевшего листка; Захарий его выдернул и сунул в свой карман. Потом встал и навалился плечом на дверь. Та подалась, и он легонько ее подергал, заставив мушкель с глухим стуком упасть на пол.

*

Увидев, что дверь его каюты открыта, Захарий бросился на палубу. На миг показалось, что под ветром полощут развязавшиеся паруса, но это плотной стеной хлестал дождь. Захарий мгновенно промок и рукой загородился от жалящих, жгутами скрученных струй. Справа налево молния перечеркнула небо, рваными вспышками озарив бушующую воду. Неземной свет выхватил из тьмы баркас, взлетевший на гребне волны. До него было ярдов двадцать, однако Захарий четко разглядел пятерых пассажиров: боцман Али сидел у руля, в середине лодки сгрудились Джоду, Нил, А-Фатт и Калуа. Увидев Захария, боцман вскинул руку, но в следующее мгновенье баркас перемахнул через гребень и скрылся из виду.

Новая вспышка молнии известила о том, что Захарий не единственный провожающий: сцепившись руками, на палубе стояли еще три

человека. Двоих — Полетт и Ноб Киссин-бабу — Захарий тотчас узнал, а женщину в насквозь промокшем сари он никогда не видел без накидки. Сейчас она повернулась к нему, и в отсвете молнии он разглядел ее лицо. Вдруг показалось, что именно такой он уже где-то ее видел: мокрое сари, облепившее тело, волосы, роняющие капли, испуганный взгляд пронзительно серых глаз.

Конец первой книги трилогии